

Э. Карр

1

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

**Большевистская
революция
1917-1923**

Том 1

Э. КАРР

ИСТОРИЯ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ

1

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1917—1923

Том 1

E. CARR
A HISTORY OF SOVIET RUSSIA

1

THE BOLSHEVIK REVOLUTION
1917—1923

Volume one

London
Macmillan
1950

*На правах рукописи
Для служебного пользования*

№ 3

Э. КАРР

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

1

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 — 1923

ТОМ 1

Перевод с английского

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
1989

«ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ» Э. КАРРА

включает в себя 14 книг

(4 работы):

Книга первая: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 1

Книга вторая: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 2

Книга третья: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 3

Книга четвертая: «Междуцарствие. 1923—1924»

Книга пятая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 1

Книга шестая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 2

Книга седьмая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 3, часть 1

Книга восьмая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 3, часть 2

Книга девятая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 1, часть 1

Книга десятая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 1, часть 2

Книга одиннадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 2

Книга двенадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 1

Книга тринадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 2

Книга четырнадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 3

Редактор М. Ф. НОСОВА

1-ой книги

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие	7

Часть I

ЧЕЛОВЕК И ОРУДИЕ

Глава 1. Основы большевизма	13
Глава 2. Большевики и меньшевики	31
Глава 3. 1905 год и последующие годы	46
Глава 4. От Февраля к Октябрю	64
Глава 5. Две революции	87

Часть II

КОНСТИТУЦИОННАЯ СТРУКТУРА

Глава 6. Конституция РСФСР	103
Глава 7. Укрепление диктатуры	123
Глава 8. Власть партии	144
Глава 9. Партия и государство	165
Приложение А. Ленинская теория государства	178

Часть III

РАСПАД И ВОССОЕДИНЕНИЕ

Глава 10. Политика. Теория. Аппарат	195
а) Основы политики	195
б) Теория в развитии	200
в) Аппарат	211

	<i>Стр.</i>
<i>Глава 11. Самоопределение на практике</i>	219
а) Западные окраины	219
б) Восточные окраины	237
в) Средняя Азия	248
г) Республики Закавказья	254
д) Сибирь	263
<i>Глава 12. Итоги самоопределения</i>	273
<i>Глава 13. Через союз к федерации</i>	286
<i>Глава 14. Конституция СССР</i>	301
<i>Приложение Б. Большевистская теория самоопределения наций</i>	
а) Предпосылки: XIX век	310
б) Большевистская теория самоопределения на- ций: до 1917 г.	316
<i>ПРИМЕЧАНИЯ</i>	327

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всем понятно, как безрассудна попытка написать историю России, начиная с Октябрьской революции 1917 г., и тот, кто снисходительно относится к самой этой попытке, быть может, простит и недостатки, допущенные при ее осуществлении. История Советской России, написанная англичанином, у которого нет ни марксистской подготовки, ни русского происхождения, может показаться особенно рискованным предприятием. Но оно оправдано необходимостью заполнить широкий и явный пробел. Книги о Западной или Центральной Европе, написанные в Великобритании и Соединенных Штатах, часто портит невольная уверенность их авторов в том, что политику и институты, скажем, Франции, или Италии, или Германии можно понять по аналогии с Великобританией или Америкой. Мерить Россию Ленина, Троцкого и Сталина мерками, взятыми у Англии Макдональда, Болдуина и Черчилля или у Америки Вильсона, Гувера и Франклина Рузвельта, не решится ни один здравомыслящий человек. Перед историком, пишущим о Советской России, на каждом этапе его работы с особой настоятельностью будет вставать двойная задача, возникающая перед каждым серьезным историком: сочетать образное представление о взглядах и целях *dramatis personae** с трезвой оценкой всеобщего значения того, что произошло.

Я стремился написать не хронику революционных событий (это многие уже сделали), а историю политического, социального и экономического устройства, которое возникло в результате этих событий. Имея в виду эту цель, я представлял себе длинную вступительную главу, где было бы проанализировано устройство советского общества, сложившегося к моменту окончательного ухода Ленина от политической деятельности весной 1923 г., — ухода, почти совпадающего с образованием Союза Советских Социалистических Республик. Но по зрелом размышлении оказалось, что эта схема до смешного не соответствует значительности ленинских свершений и их влияния на будущее. Глава вскоре была преобразована в книгу и в ходе написания выросла в большую работу из трех томов, озаглавленную «Большевистская революция, 1917—1923». Первый том содержит три части. Работа над вторым томом, в который входит часть IV («Экономический порядок»), и

* Персонажей драмы (лат.). — Прим. ред.

третьим томом, включающим в себя часть V («Советская Россия и внешний мир»), значительно продвинулась, и они будут готовы к публикации в будущем году. Вторая часть всего исследования будет озаглавлена «Борьба за власть, 1923—1928».

Работа «Большевистская революция, 1917—1923» будет сама по себе носить законченный характер, но в ней тем не менее заключена возможность стать начальным этапом более крупного труда. Содержанием работы должна стать не подробная летопись событий данного периода, а анализ тех событий, которые определили основные направления дальнейшего развития. Например, читатель не найдет здесь последовательного описания гражданской войны, хотя у меня было много поводов рассмотреть ее ход и последствия, особенно в части III настоящего тома, и немало еще будет в части V. С другой стороны, я не колеблясь посвятил первые главы тем событиям и спорам, происходившим до 1917 г., которые, даже если их ближайшие последствия были, по-видимому, невелики, сыграли важную роль в дальнейшей истории революции. «Десять дней, которые потрясли мир» Джона Рида (1919) и «Мои воспоминания о русской революции» М. Филиппс Прайса (*M. Philips Price. My Reminiscences of the Russian Revolution. 1921*) дают живую картину самой революции, а те, кого интересует подробное описание на английском языке периода гражданской войны, смогут его найти в двухтомнике Чемберлина «История русской революции, 1917—1921 гг.» (*W. H. Chamberlin. History of the Russian Revolution, 1917—1921. 1935*).

В работе над произведениями по современной истории есть свои опасности. Но я никогда не был уверен, что историка, пишущего о более отдаленном прошлом, не подстерегают большие опасности: свидетельства со временем исчезают, ветшают, время сокращает их до такого количества, которое историк в состоянии охватить, но это отнюдь не значит, что сохраняются самые ценные. Обычно полагают, что перед историком, пишущим о Советской России, стоят особые трудности из-за малочисленности или ненадежности источников. Если в период после 1928 г. можно этому найти подтверждения, то рассматриваемый нами сейчас период не дает оснований так утверждать: материалов о нем множество и в целом в них с исключительной откровенностью сообщаются факты и выражаются мнения.

Нанешние советские власти поступают неправильно, не давая возможности некоммунистам, которые изучают их историю и институты, приезжать в СССР и работать в библиотеках: мне пришлось в основном пользоваться библиотеками других стран. Наиболее ценные для моей темы материалы имеются в библиотеках Соединенных Штатов. Поэтому я выражаю глубокую благодарность Институту фундаментальных научных исследований при Принстонском университете, Колумбийскому университету и Стэнфордскому университету за предоставленную мне возможность посетить Соединенные Штаты в 1948 г. и свободно ездить по стра-

не. В библиотеках Колумбийского, Гарвардского и Стэнфордского университетов, а также Нью-Йоркской публичной библиотеке и Библиотеке конгресса богато представлены советские материалы. Я благодарен библиотекарям и другим сотрудникам всех этих учреждений, которые с готовностью мне помогали и давали советы при подборе материалов.

Основная часть моей работы проделана в Англии, и, хотя многое надо сделать, прежде чем в наших крупных университетах будут созданы достаточно благоприятные условия для изучения советской истории, мне, к счастью, очень помогли друзья, а несходство наших мнений лишь способствовало прояснению моего собственного. Исаак Дойчер полностью прочитал мою рукопись. Задаваясь бесчисленными вопросами по поводу фактов и их интерпретации, я имел возможность воспользоваться его глубокими знаниями и советами. Э. Ротштейн, преподаватель Школы по изучению славянских стран и стран Восточной Европы при Лондонском университете, прочитал несколько глав и сделал ценные замечания, в том числе критические. Д-р Р. Шлезинджер с факультета по изучению социальных и экономических институтов СССР Университета в Глазго таким же образом работал над главой и примечаниями о взглядах большевиков на проблему самоопределения наций, а Ракмилевич — над первыми двумя главами, посвященными начальному этапу истории партии. Джейн Деграс прочла весь том в гранках и внесла много поправок, относящихся и к форме, и к содержанию. Д-р Илья Нойштадт, в прошлом сотрудник библиотеки Лондонской школы экономических прогнозов, а сейчас преподаватель Университетского колледжа в Лестере, был моим неоценимым гидом среди обширных богатств библиотеки, умелым помощником в моих поисках. Дж. Ч. У. Горн из Британского музея, д-р Левенсон, библиотекарь Института славянских исследований, и сотрудники библиотеки Королевского института международных отношений также оказывали помощь, учтиво и безотказно, при моих бесконечных поисках нужных книг.

В своем «Предисловии» я не могу выразить в полной мере, как я им всем благодарен. В данном случае, быть может, менее чем обычно требуется предупредить, что те, кто мне помогал или давал советы, не несут ответственности за мои взгляды или ошибки: вряд ли кто-нибудь из них согласится со всем, что я написал. Но моя благодарность от этого не менее искренна и глубока. Я хотел бы также воспользоваться случаем и выразить благодарность моим издателям за то, что они дали мне возможность предпринять это долгосрочное исследование.

Остается упомянуть ряд технических деталей. Даты событий, совершавшихся в России до 25 октября (7 ноября) 1917 г., даются по принятому в то время юлианскому календарю, а тех, что происходили вне России, — по западному календарю. В тех случаях, когда возможна путаница, я уточняю, каким календарем пользуюсь. Даты событий, совершавшихся в России между 25 ок-

тября (7 ноября) 1917 г. и 1 (14) февраля 1918 г. (когда в России был принят западный календарь), даются и по новому и по старому стилям. События, происходившие после 1 (14) февраля 1918 г., даются по западному календарю.

А пока, я надеюсь, достаточно сведений можно найти в примечаниях. Нет ни одного полного издания трудов Маркса и Энгельса на тех языках, на которых они были написаны. Из запланированного полного собрания историко-критических сочинений (Historisch — Kritische Gesamtausgabe) под эгидой Института Маркса — Энгельса — Ленина опубликовано всего семь томов части I (ранние произведения) и четыре тома части III (письма Маркса и Энгельса). Я использовал их по мере надобности. В других случаях я пользовался фактически завершенным русским переводом, также опубликованным Институтом Маркса — Энгельса — Ленина. Из трудов Ленина я пользовался 2-м изданием (с которого было перепечатано третье издание), предпочтя его все еще неполному 4-му изданию, в котором опущены почти все подробные и содержательные примечания. Из трудов Сталина имелись первые 12 томов (из 16 запланированных), когда эта моя книга пошла в печать. Собрание сочинений Троцкого в ходе его издания в Москве в период 1925—1927 гг. не было завершено, но я использовал включенные в него документы. Речи Ленина и Сталина на съездах партии, съездах Советов и т. д., как правило, цитируются по собраниям сочинений, а не по официальным протоколам съездов, к которым у рядового исследователя меньше доступа; копии в тех местах, где я проверил, оказались вполне надежными. Цитаты из выступлений других деятелей приведены по официальным протоколам. Из-за неполноты подшивок советских газет в стране (а порой и неразборчивости самого текста), мне иногда приходилось цитировать по вторичным источникам без проверки. Если цитируемый источник не входил в собрания сочинений Маркса — Энгельса, Ленина, Троцкого или Сталина, то я указывал дату его публикации. Место публикации указывалось лишь тогда, когда могла возникнуть неясность: предполагается, что сочинения на английском языке изданы в Лондоне, если не указано другое место издания и если особенности работы (например, официальное издание «Foreign Relations of the United States») не делали указание места публикации излишним. Обычай использования сокращенных названий советских учреждений удобен, и мне не хотелось от него отказываться, но я всегда указывал полное название учреждений при первом упоминании.

Э. Х. Карр

20 апреля 1950 г.

Часть I

ЧЕЛОВЕК И ОРУДИЕ

ГЛАВА 1

ОСНОВЫ БОЛЬШЕВИЗМА

Начало будущей Российской коммунистической партии (большевиков), позднее — Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), положил маленький съезд, состоявшийся в Минске в марте 1898 г., в котором участвовало всего девять человек. На съезде была основана Российская¹ социал-демократическая рабочая партия.

Девять делегатов представляли местные организации Петербурга, Москвы, Киева и Екатеринослава, а также «Общевейровский рабочий союз в России и Польше», известный под названием Бунд. Съезд продолжался три дня — с 1 по 3 марта 1898 г. На нем был избран Центральный Комитет и принято решение издавать партийную газету. Больше ничего сделать не удалось, поскольку полиция арестовала всех основных участников съезда. Так что, в сущности, от этой первой попытки осталось лишь общее название ряда местных комитетов и организаций, у которых не было ни общего центра, где бы они могли собираться, ни других способов поддерживать связь друг с другом. Никто из девяти делегатов первого съезда не сыграл ведущей роли в дальнейшей истории партии. «Манифест Российской социал-демократической рабочей партии», выпущенный после роспуска съезда, был разработан марксистом Петром Струве. Этот документ явился наиболее существенным наследием из всего, что оставил I съезд последующим поколениям.

В «Манифесте» после упоминания о «живительной буре революции 1848 года», которая пронеслась над Европой 50 годами ранее, отмечалось, что российский рабочий класс «совершенно лишен того, чем свободно и спокойно пользуются его заграничные товарищи: участия в управлении государством, свободы устного и печатного слова, свободы союзов и собраний». Эти блага являлись необходимым условием в борьбе рабочего класса «за свое конечное освобождение, против частной собственности и капитализма — за социализм». В России условия были иными:

«Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, тем больше культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы. Это

необходимый, но лишь первый шаг к осуществлению великой исторической миссии пролетариата — к созданию такого общественного строя, в котором не будет места эксплуатации человека человеком»².

Таким образом, в этом документе ясно выражена мысль о необходимости двух этапов революции — буржуазно-демократического и пролетарско-социалистического, — заложенная в «Коммунистическом манифесте» 50 годами ранее. Большим достоинством «Манифеста» Струве было то, что в нем впервые в истории указывалось на основную дилемму русской революции — неспособность русской буржуазии осуществить свою собственную революцию и вытекающее отсюда расширение роли русского пролетариата до принятия им на себя руководства буржуазно-демократической революцией. Впоследствии этот документ был подвергнут критике, так как в нем совсем не упоминалось о диктатуре пролетариата и не указывались средства, с помощью которых пролетариат мог бы выполнить свою миссию. Таким образом, «Манифест» был скорее теоретической разработкой, чем программой действий.

Съезд в Минске был первой согласованной попыткой создать российскую марксистскую партию на российской почве. В течение предыдущих 30 лет ведущими революционерами в России были народники — общее название ряда сменявших друг друга революционных групп, которые верили в теорию крестьянской революции и в практику индивидуального террора против представителей самодержавия.

В конце 70-х годов XIX века молодой революционер по фамилии Плеханов порвал с народниками из-за расхождений по вопросу об индивидуальном терроре, который он отвергал, считая бесполезным. Он уехал за границу, стал марксистом и в 1883 г. основал русскую марксистскую группу в Швейцарии, названную «Освобождение труда». В течение последующих 15 лет Плеханов и его соратники, среди которых наиболее активными были Аксельрод и Вера Засулич, вели непрерывную борьбу против народников на страницах печати, отстаивая применимость к России марксистского тезиса о том, что революция может произойти лишь при условии развития капитализма и в результате борьбы промышленного пролетариата. Быстрое распространение в России заводов и фабрик в те годы, а также начало промышленных забастовок придали новое значение программе, которая прежде могла бы показаться утопической. В 90-е годы возникли первые марксистские группы в самой России, а в 1895 г. в Петербурге был организован «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Среди членов этого «Союза борьбы» был молодой и полный энтузиазма ученик Плеханова — Владимир Ильич Ульянов.

Владимир Ульянов родился в 1870 г. в Симбирске (который много лет спустя был переименован в Ульяновск) в семье мелкого служащего. Молодое поколение семьи с ранних лет восприняло

революционные традиции. Когда Владимиру было 17 лет, его старший брат Александр был казнен за участие в заговоре с целью убийства Александра III. Владимир Ульянов учился в Казанском университете, где он увлекался идеями марксизма. В конце концов он был исключен из университета за революционную деятельность. В начале 90-х годов он приехал в Петербург заниматься юриспруденцией и совершенствоваться в марксизме. Ранние работы Ульянова были продолжением полемики Плеханова с народниками. Зимой 1894/95 г. он разъяснял новую работу Плеханова — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»³ — в кружке восторженных молодых марксистов. Летом 1895 г. молодой Ульянов встретился со своим учителем в Швейцарии и, вернувшись в Петербург, вступил в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Но «Союз борьбы» интересовала не только теория. Ульянов, как и другие его члены, занимался распространением революционных брошюр среди фабричных рабочих. Это привело к тому, что в конце 1895 г. он был арестован и заключен на несколько месяцев в тюрьму, а затем сослан в Сибирь. Однако благодаря неопределенности полицейских предписаний его литературная деятельность продолжалась. В период ссылки в Сибири он обдумывал планы организации партии, причем основное значение он придавал созданию партийной газеты, которая должна была издаваться за границей и тайно доставляться в Россию. Эти планы он обсуждал с Надеждой Крупской, которая приехала к нему в ссылку в Сибирь и стала его женой, с Кржижановским, тоже социал-демократом, с которым он вместе отбывал ссылку, а также с Потресовым и Мартовым, также находившимися где-то в Сибири⁴.

После освобождения из сибирской ссылки в начале 1900 г. Ульянов, Потресов и Мартов, собрав необходимые средства, отправились в Женеву, с тем чтобы начать сотрудничать с Плехановым. Вскоре было достигнуто соглашение. Общедоступный еженедельник под названием «Искра» и солидный теоретический журнал «Заря» должны были издаваться редакционной коллегией из шести человек. В нее вошли Плеханов, Аксельрод и Засулич, представлявшие группу «Освобождение труда», а также Ульянов, Потресов и Мартов.

Первый номер «Искры» вышел из печати в Штутгарте⁵ 1 декабря 1900 г. Первый номер «Зари» появился 1 апреля 1901 г. Prestиж и авторитет Плеханова, который считался старейшиной русских марксистов, создали ему — в его собственных глазах и в глазах других — славу гениального руководителя всего начинания. В предварительном объявлении об издании «Искры» были упомянуты только фамилии трех членов группы «Освобождение труда». Они были представлены как будущие сотрудники газеты, которая, очевидно, создавалась по проекту, разработанному Ульяновым в России⁶. И только эти же три фамилии — Плеханов, Аксельрод и Засулич — были обозначены и на титульном листе

«Зари». Фамилии трех более молодых издателей, которым еще надо было добиться признания, все еще оставались совершенно неизвестными. Ульянов, писавший больше всех из них, публиковал свои ранние работы под псевдонимами Ильин и Тулин. После отъезда из России он скрывался под псевдонимами Петров и Фрей. Впервые подпись *Ленин* появилась в декабре 1901 г. в журнале «Заря», где была опубликована статья Ульянова. Это событие приобрело символическое значение.

Именно в этот период впервые стало очевидно, что Ленин на голову выше своих коллег-издателей по энергии и ясности мысли. Он один точно знал, что надо делать — создать всеми признанный орган для пропаганды революционной теории и организованную революционную партию. Для выполнения первой задачи надо было, помимо других публикаций на страницах «Искры», обнародовать программу партии. Для осуществления второй задачи требовался созыв съезда партии, чтобы продолжить работу, начатую и прерванную в 1898 г. «Искра» была призвана, как сказано в предварительном объявлении о ее создании, придать разобщенному российскому социал-демократическому движению «определенную физиономию и организацию».

«Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться. Иначе наше объединение было бы лишь фикцией, прикрывающей существующий разброд и мешающей его радикальному устранению. Понятно поэтому, что мы не намерены сделать наш орган простым складом разнообразных воззрений. Мы будем вести его, наоборот, в духе строго определенного направления»⁷.

К середине 1902 г. «Искра» смогла представить своим читателям проект программы, в котором были старательно соединены взгляды более умеренного и осторожного Плеханова и более смелого и бескомпромиссного Ленина. Примерно в это же время Ленин опубликовал свою первую крупную работу, «Что делать?», посвященную революционной теории и революционной организации. В начале 1903 г. был в значительной мере подготовлен созыв съезда партии в Брюсселе в июле того же года.

«Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года»⁸, — написал Ленин 20 лет спустя. Характер большевизма был обусловлен той полемикой, которая зародилась в самом начале его формирования. Благодаря гениальной ясности мысли, уверенной настойчивости и полемическому темпераменту Ленин сыграл в ней выдающуюся роль. Прежде чем открылся съезд, были одержаны победы в трех идеологических битвах. В отличие от народников Российская социал-демократическая рабочая партия считала движущей силой грядущей революции пролетариат, а не крестьянство. В отличие от «легальных марксистов» она призывала к революционным действиям и борьбе за социализм. В отличие от так называемых

«экономистов» она выдвигала от имени пролетариата не только экономические, но и политические требования. Борьба с народниками была главным достижением Плеханова.

Первые русские революционеры 60-х годов XIX века, восприняв и осмыслив идеи, выраженные пионерами мысли 40-х годов, были материалистами в том смысле, в каком этот термин понимали просветители XVIII века, и радикалами в традициях Французской революции. Они не были связаны ни с русским крестьянством, ни с фабричными рабочими, тогда еще численно незначительными. Русские революционеры 70-х годов по-новому оценили русского крестьянина, видя в нем будущую главную силу русской революции, которая, таким образом, впервые обрела не только интеллектуальную, но и социальную значимость. Некоторые из них стали последователями Бакунина и обратились к анархизму и терроризму. Другие находились под влиянием идей Маркса (чьи работы начали проникать в Россию в 70-е годы), но толковали их по-своему, применительно к русской действительности. Они считали, что Россия, будучи преимущественно аграрной страной, минует западную стадию буржуазного капитализма и что специфическая русская крестьянская община позволит осуществить прямой переход от феодализма прошлого к коммунизму будущего.

Расхождения между революционными радикалами 60-х годов и народниками 70-х годов аналогичны знаменитому спору между западниками и славянофилами в других областях русской мысли. Западники утверждали, что России как отсталой стране предстоит учиться у Запада и проходить в своем развитии все этапы и стадии, пройденные Западом на пути к прогрессу. Славянофилы верили, что, несмотря на явную отсталость, Россия полна молодой энергии, возвышающей ее над декадентствующим Западом, что ей уготована особая, неповторимая судьба, которая позволит ей подняться над типичными пороками западной цивилизации.

Ранние работы Ленина, направленные против народников, в основном лишь разъясняли взгляды Плеханова. В самых первых работах он провозгласил с юношеским энтузиазмом свою революционную веру в пролетариат:

«На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский **РАБОЧИЙ**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ** (рядом с пролетариатом **ВСЕХ СТРАН**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к* **ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»**⁹.

В последнее десятилетие XIX века Витте и иностранные капиталисты стимулировали развитие русской промышленности и русского пролетариата и, таким образом, создавали условия, подтвердившие правоту идей Плеханова и Ленина. На революционном небосводе всходила звезда промышленного рабочего и угасала звезда крестьянина. И только в 1905 г. перед партией вновь остро встала проблема включения крестьянина в революционный процесс.

«Легальные марксисты» представляли собой небольшую группу интеллигентов, которые в середине 90-х годов прошлого столетия начали излагать марксистское учение в книгах и статьях в такой форме, которая позволяла обойти русскую цензуру. Быстрое распространение марксизма среди русских интеллигентов того времени было обусловлено интенсивным развитием русской промышленности и отсутствием буржуазной традиции или буржуазной политической философии, которые в России могли бы играть роль западного либерализма. Маркс считал развитие капитализма в феодальных условиях прогрессивным фактором. Зарождающееся в России среднее сословие принимало марксизм как идеологическую опору в борьбе против феодализма и самодержавия; точно так же, как в будущем марксизму предстояло привлечь на свою сторону растущий класс капиталистов в «отсталых» азиатских странах в качестве опоры в борьбе против иностранного империализма. Однако, приняв марксизм, русские интеллигенты из среднего сословия выхолостили из него непосредственное революционное содержание. Поэтому власти, которые все еще испытывали страх перед народниками как перед главной революционной партией, были не прочь проявлять терпимость к этим заклятым врагам народников, тем более что их программа, по-видимому, не содержала никакой непосредственной угрозы.

Выдающимся деятелем среди «легальных марксистов» был Петр Струве, автор «Манифеста», принятого на I съезде РСДРП. В его «Критических заметках к вопросу об экономическом развитии России», опубликованных в 1894 г., излагалась первоначальная политическая платформа его группы и в заключение приводился известный призыв к социалистам не связываться с утопическими проектами сокрушения вселенной, а «пойти на выучку к капитализму»¹⁰. Другими известными «легальными марксистами» были Булгаков и Бердяев, впоследствии принявшие ортодоксальное христианство, и Туган-Барановский, автор образцовой работы о российских фабриках.

Взгляды «легальных марксистов» были диаметрально противоположны взглядам народников, и они безоговорочно приняли марксистскую точку зрения, согласно которой развитие буржуазного капитализма является обязательной первой стадией на пути к социализму. Они считали, что в этом отношении Россия должна изучать уроки Запада и следовать по пути западных стран. До этого момента Ленин полностью разделял их точку зрения. Од-

нако их твердая убежденность в необходимости буржуазного капиталистического этапа вскоре привела их к выводу, что это и есть конечная цель всего процесса, и к замене революции реформой, с помощью которой, по их мнению, можно было постепенно прийти к социализму. На основе этой теории впоследствии сформировались взгляды Бернштейна и немецких ревизионистов марксизма. Как много времени спустя писал Ленин:

«Это были буржуазные демократы, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму»¹¹.

Еще более серьезной была полемика с так называемыми «экономистами» — группой русских социал-демократов, которые оказали огромное влияние на все революционное движение на стыке веков. Основной теоретический принцип «экономистов» сводился к строгому разделению экономики и политики: экономические требования — это дело рабочих, а политика — дело мыслящих руководителей партии. С их точки зрения, рабочих интересовали не политические, а лишь экономические результаты; классовая борьба, в их понимании, сводилась к одной из форм профсоюзного движения — борьбе рабочих против хозяев за улучшение условий труда и социальные реформы в рамках существующего строя. Политика была заботой интеллигентов. Но поскольку единственной общепринятой политической программой России того времени была программа буржуазной реформы, задачи мыслителей партии, по существу, сводились к задачам буржуазных либералов, и в конце концов стало трудно отличать их друг от друга. Манифестом этой группы стали следующие слова, которые вошли в так называемое «Credo»:

«Разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву. ...целый ряд исторических условий мешает нам быть марксистами Запада и требует от нас иного марксизма, уместного и нужного в русских условиях. Отсутствие у каждого русского гражданина политического чувства и чутья не может, очевидно, быть искуплено разговорами о политике или воззваниями к несуществующей силе. Это политическое чутье может быть дано лишь воспитанием, т. е. участием в той жизни (как бы она ни была немарксистична), которую предлагает русская действительность... Для русского марксиста исход один: участие, т. е. помощь экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности»¹².

Летом 1899 г. Ленин и группа его соратников по сибирской ссылке в своем контрманифесте осудили эту ересь, назвав ее отступлением от партийного манифеста, принятого годом ранее, где указывалось, что «дело завоевания политической свободы» возложено непосредственно на «крепкие плечи» русского рабочего¹³. В следующем году Плеханов с целью окончательного разоблаче-

ния «экономизма» выпустил сборник материалов, к которому он написал предисловие и комментарии ¹⁴, а Мартов, отличавшийся талантом политического сатирика, написал «Гимн новейшего русского социализма»:

Вашей политикой нас не прельстите,
Вы, демагоги трудящихся масс,
О коммунизмах своих не твердите,
Веруем... в мощь вспомогательных касс ¹⁵.

Эта полемика продолжалась и в период, когда стала выпускаться «Искра», и она занимала много места на страницах новой газеты. А в работе Ленина «Что делать?» после начальной реплики, направленной против «легальных марксистов», следовало широкое наступление на «экономизм» во всех его проявлениях:

«...Идеалом социал-демократа должен быть не секретарь тред-юниона, а *народный трибун*...» «Тред-юнионистская политика рабочего класса есть именно *буржуазная политика рабочего класса*» ¹⁶.

Чтобы пробудить классовую сознательность масс, наряду с экономической агитацией была необходима агитация политическая. В самом деле, эти два фактора были неотделимы друг от друга, так как любая классовая борьба является в первую очередь борьбой политической. В отличие от «легальных марксистов», в сущности представлявших собой буржуазную группу, которая проводила буржуазную политику с помощью марксистской терминологии, «экономисты» выступали за политику экономической агитации и социальных реформ для рабочих и в этом отношении были подлинно рабочей партией. Однако в конечном итоге они пришли к тому же практическому выводу, что и «легальные марксисты», а именно что необходимо отложить революционную борьбу пролетариата за социалистические преобразования на неопределенный срок, а пока сосредоточить свои усилия на том, чтобы в союзе с буржуазией выработать реформистскую демократическую программу. Позднее Ленин отметил, что в этих взглядах заложены основные принципы меньшевизма ¹⁷.

Решающий вопрос, вокруг которого шла полемика с «легальными марксистами» и «экономистами», неотступно привлекал к себе внимание на протяжении всей истории русской революции. В «Коммунистическом манифесте» тщательно разработанная программа предусматривала следующие друг за другом этапы революции. Сначала буржуазная революция уничтожит остатки феодального строя и политического абсолютизма и установит буржуазную демократию и буржуазный капитализм с присущим ему феноменом в лице промышленного пролетариата. Затем пролетариат, организуясь в условиях буржуазной демократии, перейдет к конечному этапу революции, состоящему в ниспровержении буржуазного капитализма и установлении социализма.

Вместе с тем у Маркса, видимо, были некоторые сомнения, касавшиеся практического проведения в жизнь этой программы. Она

была выработана на основе блестящего обобщения английской и французской истории, а также обстановки в Германии 40-х годов, которая все еще ожидала свою буржуазную революцию, но в которой уже нарождалась промышленность и наблюдался быстрый рост пролетариата. В 1844 г. Маркс выразил сомнение по поводу возможности удержать грядущую революцию в Германии в рамках буржуазной революции, «оставляющей нетронутыми самые устои здания», и заявил, что освободить Германию может только революционный пролетариат¹⁸. В самом «Коммунистическом манифесте» он предсказывал, что благодаря «более прогрессивным условиям» и «более развитому пролетариату» современной Германии германская буржуазная революция явится «непосредственным прологом» пролетарской революции. А после того, как поражение революции 1848 г. вскрыло беспомощность немецкой буржуазии, Маркс еще теснее связал буржуазную и пролетарскую революции в Германии.

В своем обращении к Союзу коммунистов в марте 1850 г. Маркс утверждал, что в результате неудачи революции 1848 г. перед рабочим классом Германии встала двойная задача: во-первых, оказать поддержку буржуазии в ее демократической борьбе против феодализма и придать этой борьбе как можно более острую форму и, во-вторых, поддержать независимую партию, способную после завершения буржуазно-демократической революции возглавить борьбу за социализм против буржуазного капитализма. Более того, в то время как эти задачи были теоретически самостоятельными, в интересах рабочего класса было сделать процесс их осуществления непрерывным:

«В то время как демократические мелкие буржуа хотят возможно быстрее закончить революцию... наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоеует государственной власти, пока ассоциация пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что конкуренция между пролетариями в этих странах прекратится и что, по крайней мере, решающие производительные силы будут сконцентрированы в руках пролетариев».

И Маркс закончил свой длинный призыв словами: «Их боевой лозунг должен гласить: „Непрерывная революция”»¹⁹.

Таким образом, перед русскими марксистами 90-х годов было два пути. Все соглашались с тем, что Россия еще не созрела для буржуазной революции; поэтому можно было утверждать, как это делали «легальные марксисты» и «экономисты», что на данном этапе пролетариат может занять в отношении социалистической революции только выжидательную позицию и одновременно в качестве союзника буржуазии бороться за осуществление ее программы уничтожения феодализма и самодержавия. Другой альтернативой было применение в условиях России программы, подобной

той, которую Маркс выдвигал для Германии, и, по всей вероятности, Ленин был первым, кто раскрыл возможность ее применения, сделав это в статье «Задачи русских социал-демократов», написанной в Сибири в 1897 г.

В этой статье Ленин указывал, что перед русскими социал-демократами стоит задача проведения классовой борьбы пролетариата «в ее обоих проявлениях»: демократической борьбы против абсолютизма, в которой союзником пролетариата будет буржуазия, и борьбы за социализм против капитализма, которую пролетариат будет вести самостоятельно. В то время как «социал-демократы все признают, что политическая революция в России должна предшествовать социалистической», не менее верно и то, что демократическая работа «*неразрывно* связывается с социалистической» и, следовательно, «все социалисты в России должны стать социал-демократами... все истинные и последовательные демократы в России должны стать социал-демократами»²⁰. В теоретическом плане Ленин полностью разделял эти две революции. Помня об отсутствии в России такой сравнительно развитой промышленности, какая была в Германии в 1848 г., он не спешил вслед за Марксом предсказывать «непрерывное» следование пролетарской революции за буржуазной. Он предпочел ничего не говорить о том, сколько времени пройдет между ними. Но вопрос о «неразрывной связи» между двумя задачами русской социал-демократии приблизил его к выработанной для Германии марксистской теории непрерывности революционного процесса. Статья Ленина была с энтузиазмом встречена группой «Освобождение труда» в Женеве и опубликована там с предисловием Аксельрода, в котором она высоко оценивалась как «непосредственный комментарий» к партийному манифесту²¹.

Признание двойственной задачи, стоящей перед пролетариатом — осуществления демократической и социалистической революции, — оказало влияние на вопросы организации партии. Одним из основных вопросов, вызывавших споры с «экономистами», был так называемый вопрос «стихийности» в рабочем движении. «Коммунистический манифест», критикуя утопических социалистов, противопоставляет «организацию общества по придуманному ими рецепту» «постепенно продвигающейся вперед организации пролетариата в класс». С другой стороны, преувеличение роли «постепенного» и «стихийного» развития могло бы повлечь за собой отрицание необходимости политической борьбы. Таким образом, термин «стихийность» стал лозунгом «экономистов», которые считали, что рост выступлений за экономические реформы среди народных масс (профсоюзное движение, забастовки и т. д.) «стихийно» подготавливает их к революции.

Ортодоксальные социал-демократы в лице Плеханова, группы «Освобождение труда», а также Ленина утверждали, что следует не только поощрять рабочих к выдвижению политических требований наряду с экономическими, но ставить перед ними осознан-

ную революционную цель и вести целенаправленную революционную борьбу. «Сознательность» противопоставлялась «стихийности»²². С точки зрения Ленина, слабость русского рабочего движения в конце века была обусловлена тем, что «стихийность» преобладала над «сознательностью». Интенсивное промышленное развитие России вызвало волну забастовок, направленных против невыносимых условий труда на предприятиях. Однако протест рабочих не был связан с революционной сознательностью или революционной теорией.

За теоретической дискуссией, посвященной «стихийности» и «сознательности», скрывался жизненно важный практический вопрос о характере и предназначении революционной партии, который в конце концов привел к раздвоению Российской социал-демократической рабочей партии. Идея, впоследствии ставшая большевистской доктриной, формировалась постепенно и не вызывала серьезных столкновений внутри партии до рокового съезда, состоявшегося в 1903 г. Большевистская теория была создана не одним только Лениным. Плеханов все еще пользовался исключительным авторитетом как теоретик партии, и Ленин не спешил оспаривать его авторитет. Однако со времени основания «Искры» Ленин постепенно становился в партии главным выразителем передовых идей, и именно в его произведениях наиболее четко прослеживается эволюция учения о партии.

Последовательно изложенная в «Искре» точка зрения на характер партии основана на двух концепциях, к которым Ленин обращался снова и снова. Первая состояла в том, что «без революционной теории не может быть и революционного движения»²³. Согласно второй, «социал-демократическое сознание», или «классовое политическое сознание», не могло «вырасти из» стихийности, а могло быть принесено рабочему «только извне»²⁴. Эти две концепции определяли особенности отношения партии к пролетариату как к единому целому и имели далеко идущие последствия, которые трудно было оценить немедленно.

Первая концепция, которая утверждала первостепенное значение теории, говорила о необходимости партии, созданной интеллигентами и, хотя бы на первых порах, в основном состоящей из них. По мнению Ленина, это было обусловлено исторической необходимостью:

«История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п. Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положе-

нию, к буржуазной интеллигенции. Точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции»²⁵.

Ленин придавал большое значение «глубоко справедливым и важным словам» Каутского, все еще уважаемого руководителя германской социал-демократии:

«Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основании глубокого научного знания... Носителем же науки является не пролетариат, а *буржуазная интеллигенция*: в головах отдельных членов этого слоя возник ведь и современный социализм»²⁶.

В этом высказывании ощущается некоторый оттенок высокомерия, характерный для Плеханова и не полностью отсутствовавший в работах Ленина того времени. В «Манифесте», где было объявлено о создании «Искры» и начата яростная кампания против «экономистов», выражалось пренебрежение к «чисто рабочей» литературе²⁷, и, оглядываясь назад на этот период, Ленин отметил, что в России, так же как и в других странах, рост массового рабочего движения был сигналом появления «оппортунистических» направлений в лагере марксистов²⁸. Ленин и его соратники начальной поры были интеллигентами чистой воды, и в их произведениях проявились высокий уровень образования и проницательность. Зиновьев писал, что рабочие в партийной организации на начальном этапе революции были «единичными фигурами»²⁹. Лишь после революции 1905 г. в ряды партии впервые влилось значительное число рабочих.

Согласно второй концепции, рассматривавшей партию как революционную элиту, «извне» формирующую революционную сознательность рабочих масс, между пролетариатом и партией проводилась четкая грань. Класс был экономической общностью, а партия — политической или идеологической общностью³⁰, и партия, естественно, могла быть лишь частью класса — его авангардом и выразителем его интересов³¹. Первым, кто использовал на страницах «Искры» термин «передовой» для выражения отношений между партией и пролетариатом, был Плеханов. Он протестовал против «смещения понятия „класс” с понятием „партия”» и добавлял, что «иное дело весь рабочий класс, а иное дело соц.-демократическая партия, представляющая собой лишь передовой — и в начале очень малочисленный — отряд рабочего класса»³².

Ни один серьезный марксист никогда не утверждал, что небольшая элита революционеров способна самостоятельно совершить революцию, настаивать на этом — значило бы впасть в ересь бланкизма³³. Никто не утверждал настойчивее, чем сам Ленин, что без участия масс невозможна ни одна серьезная политическая акция. Но он никогда не рассматривал партию как мас-

совую организацию. Основа ее силы состояла в том, что деятельность ее в первую очередь связана с исключением, а не включением: ее целью было качество, а не количество. Функция партии состояла в руководстве рабочим классом. «...Стихийная борьба пролетариата и не делается настоящей «классовой борьбой» его до тех пор, пока эта борьба не будет руководима крепкой организацией революционеров»³⁴.

Теория «стихийности», которая отрицала роль руководства, получила прозвище «хвостизма», потому что она обрекала партию на то, чтобы плестись в хвосте рабочего движения.

В обстановке дискуссий того времени Ленин и его товарищи по «Искре» утверждали, что партия является носителем революционной теории и революционного сознания, руководящей и направляющей силой рабочего движения. Эта идея была связана с надежными традициями марксизма. Подобная же доктрина вдохновляла создание Союза коммунистов 40-х годов — организации, численность которой никогда не превышала нескольких сотен человек, и это отражено в «Коммунистическом манифесте», по крайней мере в таком его утверждении:

«Коммунисты, следовательно, на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения».

С другой стороны, в «Коммунистическом манифесте» говорится, что пролетарское движение — это «самостоятельное движение огромного большинства». А позднее, в результате провала революции 1848 г. и отчасти под впечатлением обстановки в Англии, Маркс и Энгельс пришли к выводу о необходимости периода политического воспитания масс, предшествующего пролетарской революции. Единственная организация, созданная Марксом и Энгельсом после их приезда из Англии — Международное товарищество рабочих (так называемый Первый Интернационал), — представляла собой массовое объединение, а не революционную партию, и была невообразимо далека от Союза коммунистов их юности.

Такая разница во взглядах Маркса периода Союза коммунистов и Маркса времен Первого Интернационала была обусловлена не эволюцией теоретической мысли, а сменой обстановки, различием между прусским полицейским режимом 40-х годов и буржуазной демократией средневикторианской Англии. Таким образом, логически вполне закономерно, что Ленин в этом вопросе должен был стать последователем Маркса раннего, а не позднего периода.

С самого начала Ленин был практиком русской революции, чья революционная теория сформировалась на основе анализа русских потребностей и русских потенциальных возможностей. Сделать интеллигенцию передовым отрядом пролетарской револю-

ции было в российских условиях даже более целесообразно, чем в условиях Германии. Не только потому, что слабый и отсталый российский пролетариат больше нуждался в таком руководстве, чем германский и тем более западноевропейский, но и потому, что российская интеллигенция, в отличие от западной, не имела социальных корней в среде торговой буржуазии и не отличалась преданностью буржуазным интересам. Русская интеллигенция, не имевшая экономических корней, уже показала, как ее способность к абстрактному революционному мышлению может быть применена в политической действительности социальной революции. «Хожение в народ» — движение 70-х годов, целиком посвятившее себя крестьянству, самой отсталой части населения, — потерпело неудачу. Но оно осталось в истории как первая благородная и отчаянная попытка преодолеть разрыв между массами и революционной интеллигенцией. Теперь можно было то же предпринять в отношении пролетарских масс. Однако условия российской действительности наиболее явно повлияли на эволюцию ленинской мысли тогда, когда Ленин перешел к разработке деталей организации партии.

Сама природа Российского государства препятствовала формированию любого типа социалистической или даже демократической партии по западному образцу и заставляла любое демократическое или социалистическое движение действовать тайно, конспиративно. Отдельные революционные группы рабочих и студентов, сформированные самостоятельными революционерами с самыми лучшими намерениями, легко становились жертвами царской полиции. Такие подвиги нельзя не сравнить «с походом вооруженных дубинами шаек крестьян против современного войска»³⁵. В то время Ленин писал:

«...Против маленьких групп социалистов, ютящихся по широкому русскому «подполью», стоит гигантский механизм могущественнейшего современного государства, напрягающего все силы, чтобы задавить социализм и демократию. Мы убеждены, что мы сломим в конце концов это полицейское государство... но чтобы вести систематическую борьбу против правительства, мы должны довести революционную организацию... до высшей степени совершенства»³⁶.

Осуществление революции в России было задачей профессиональных революционеров, и не случайно военные термины стали часто появляться при обсуждении вопросов организации партии не только у Ленина, но и у Плеханова и других авторов, публиковавшихся в «Искре».

Окончательные выводы об организации партии Ленин сделал летом 1902 г. в брошюре «Что делать?» на основе результатов борьбы с «экономистами». В трактовке этого конкретного вопроса Ленин более чем когда-либо вырвался вперед по сравнению со своими товарищами по «Искре». Он сравнил взгляды «экономистов» со взглядами ревизионистов в Германии, **поссибилистов во**

Франции, фабианцев в Англии и обнаружил симптом глубоких разногласий в социал-демократическом движении между демократической партией социальных реформаторов и социалистической партией подлинных революционеров³⁷. Одна партия считала себя «организацией рабочих», другая — «организацией революционеров». Между ними существовали расхождения по коренным вопросам:

«Организация рабочих должна быть, во-первых, профессиональной; во-вторых, она должна быть возможно более широкой; в-третьих, она должна быть возможно менее конспиративной... Наоборот, организация революционеров должна обнимать прежде всего и главным образом людей, которых профессия состоит из революционной деятельности... Эта организация необходимо должна быть не очень широкой и возможно более конспиративной»³⁸.

Ленина упрекали в том, что подобная организация противоречит «демократическому принципу». Такое обвинение могло исходить лишь от тех, кто жил за рубежом и не знал русской действительности. Общепризнанный демократический принцип предусматривал «полную гласность» и «выборность». Ни одно из этих требований не могло быть выполнено революционной партией «в рамках нашего самодержавия». Ленин заключал:

«Единственным серьезным организационным принципом для деятелей нашего движения должна быть: строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров. Раз есть налицо эти качества, — обеспечено и нечто большее, чем «демократизм», именно: полное товарищеское доверие между революционерами... И было бы большой ошибкой думать, что невозможность действительно «демократического» контроля делает членов революционной организации бесконтрольными... свою *ответственность* чувствуют они очень живо, зная притом по опыту, что для избавления от негодного члена организация настоящих революционеров не остановится ни пред какими средствами»³⁹.

Этот принцип следовало применять в равной мере на всех уровнях:

«С традицией чисто рабочего или профессионального типа социал-демократических организаций мы должны порвать совершенно до «заводских» кружков *включительно*. Заводская группа или заводской (фабричный) комитет (чтобы отделить его от других групп, которых должно быть очень много) должен состоять из очень небольшого числа *революционеров*, получающих *непосредственно от комитета* поручения и полномочия вести всю социал-демократическую работу на заводе. Все члены заводского комитета должны смотреть на себя, как на агентов комитета, обязанных подчиняться всем распоряжениям его, обязанных соблюдать все «законы и обычаи» той «действующей армии», в которую они вступили и из которой они в военное время не имеют права уйти без разрешения начальства»⁴⁰.

Таким образом, основное значение придавалось необходимости создания небольшой, объединенной на основе общих взглядов партии, имевшей твердое центральное руководство. Она должна была действовать во имя пролетариата, как передовой отряд революции. Методы революционной борьбы были разнообразны, и время от времени они должны были проверяться на основе опыта. Твердо установленной и неизменной была только центральная программа, основанная на прочном теоретическом фундаменте и осуществляемая при поддержке народных масс высокоорганизованной, дисциплинированной партией профессиональных революционеров, имеющей центральное руководство.

Ленин, которому едва минуло 30 лет, был в расцвете сил. Три года, прошедшие после его освобождения из Сибири, были годами неудержимой и непрерывной интеллектуальной деятельности. Именно в эти годы были заложены основы большевизма «как течения политической мысли и как политической партии». В большевизме, этом инструменте, запечатлена неповторимая самобытность Ленина: в нем нашли отражение ленинская простота, негибкое мужество и прежде всего его устремленность к единой цели. В известном отрывке из мемуаров Крупской говорится об исключительной сосредоточенности на одной главной задаче, что было отличительной чертой характера Ленина. В школьные годы ему нравилось кататься на коньках, но он слишком уставал, после этого хотелось спать, «мешало заниматься, бросил». После возвращения из Сибири он перестал играть в шахматы, потому что «...шахматы чересчур захватывают, что мешает работе». Однажды он увлекся изучением латинского языка, но «мешать стало другим занятиям, бросил»⁴¹. После революции он говорил Горькому:

«Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые группости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят»⁴².

Ленин мог руководить людьми и влиять на них потому, что им самим в исключительной мере всецело руководила и владела единая мысль, единственная цель. Именно всеобъемлющая преданность идее обусловила простоту и скромность поведения, отмеченные всеми. Он был образцом аскетизма и скромности, и это долго служило примером для подражания среди членов партии. Без сомнения, Сталин был прав, характеризуя эту черту Ленина как «одну из самых сильных сторон Ленина, как нового вождя новых масс»⁴³. В поведении Ленина не было никакого корыстного расчета, бескорыстие глубоко укоренилось в его характере.

Искренность, простота и прямолинейность Ленина-человека наложили отпечаток и на деятельность Ленина-мыслителя. Его исключительная образованность, искусство анализа, его выдаю-

шьяся способность выстраивать в определенном порядке факты и доводы проявлялись независимо от тонких нюансов в чередовании света и тени: все у него было выражено ясно, четко, блестяще, решительно. В последний год жизни Ленина Бухарин говорил:

«...Ленин — гениальный стратег. Он знает, что нужно бить главного врага, а не эклектически нанизывать оттенки на оттенки»⁴⁴.

В спорах Ленин был склонен особо подчеркивать какую-то одну сторону вопроса, объясняя это необходимостью противостоять подобной односторонности взглядов противника.

«...«Экономисты» согнули палку в одну сторону, — заявил он на II съезде партии, отстаивая идеи, высказанные в работе «Что делать?». — Для выпрямления палки необходимо было согнуть палку в другую сторону, и я это сделал»⁴⁵.

И все же его идеи могли быть утопическими до наивности, как, например, его размышления об отмирании государства или о замене бюрократии самоуправлением граждан. Сочетанием глубочайшей простоты мысли и характера с фанатизмом в отстаивании своего мнения и безжалостностью в действиях он очень напоминал Робеспьера. Твердой убежденности Ленина придавало особую силу полное отсутствие личных притязаний. Обличение противников, объяснение их интеллектуальной близорукости недостойными моральными качествами стало традицией в России со времен Белинского, а среди революционеров — со времен Маркса, если не раньше. Однако фанатизм не становился менее реальным оттого, что он был традиционным, и даже соратники Ленина по революционной деятельности были потрясены безжалостностью, с которой Ленин отлучал иначе мыслящих от партии. «Сектант с серьезной марксистской подготовкой, марксистский сектант» — таков был окончательный приговор враждебно настроенного Потресова, который полагал, что Ленин «по складу своего характера неспособен воспринимать мнения, отличающиеся от его собственного»⁴⁶. Но Ленин был не просто теоретиком революции. Теория у него никогда не отрывалась от действия. Он был революционером-практиком; а, что бы ни говорилось о теории, практика революции не допускала жалости и исключений из правила.

Именно это единство теории и практики сделало Ленина личностью сложной и исключительно великой. Троцкий в своем хорошо известном отзыве сравнивает Маркса-теоретика и Ленина — человека действия:

«Маркс — весь в «Коммунистическом манифесте», в предисловии к своей «Критике», в «Капитале». Если б он даже не был основателем Первого Интернационала, он навсегда остался бы тем, чем является сейчас. Наоборот, Ленин весь в революционном действии. Его научные работы — только подготовка к действию. Если бы он не опубликовал в прошлом ни одной книги, он навсегда вошел бы в историю таким, каким входит теперь: воз-

дем пролетарской революции, основателем Третьего Интернационала»⁴⁷.

Такая оценка, вероятно, нуждается в коррективах, особенно когда речь идет о раннем периоде. Однако именно Ленин писал в апреле 1917 г.: «Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни»⁴⁸. И в ноябре 1917 г. именно Ленин со вздохом облегчения заметил, что «приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать»⁴⁹. А в последующие месяцы он постоянно находился в состоянии конфликта с доктринерами в рядах партии.

«Недостаточно, — писал он в то время, — быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще. Надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену»⁵⁰.

После трех лет революционного опыта он смог воскликнуть — несомненно, между прочим, в пылу спора, — что «практика в сто раз важнее всякой теории»⁵¹. Среди гениальных черт Ленина особое место занимает величайшее искусство политического стратега и политического тактика. Его дальновидности, проявлявшейся в умении заранее предвидеть ход событий в самых непредсказуемых ситуациях, соответствовала исключительная интуиция, которая подсказывала ему, где, когда и каким образом нанести удар или отступить.

И все же, хотя Ленин был великим — быть может, величайшим во все времена — революционером, в основе его гения лежало созидательное, а не разрушительное начало. Участие Ленина и большевиков в деле свержения царизма было незначительным. Они не сыграли существенной роли в свержении Временного правительства. С июля 1917 г. падение Временного правительства стало неизбежным; ждали лишь появления его преемника. Большевики вступили на освободившийся престол. Наиболее важными событиями переходного периода между Февральской и Октябрьской революциями были: заявление Ленина, сделанное в июне, на I Всероссийском съезде Советов, о готовности большевиков взять власть и принятое в сентябре Лениным решение о том, что время захвата власти наступило. То главное, чего Ленин достиг, осуществилось после бескровной победы революции в октябре 1917 г. и свидетельствует о великой созидательной роли этого государственного деятеля. Однако все им созданное — при всех достоинствах и недостатках — строилось на тех основах, которые были заложены задолго до этого, и не может быть полностью понято без понимания этих основ. Первая из них была заложена в так называемый искровский период, до того как сторонникам Ленина дано было новое название на II съезде партии.

ГЛАВА 2

БОЛЬШЕВИКИ И МЕНЬШЕВИКИ

II съезд Российской социал-демократической рабочей партии собрался в июле и августе 1903 г. главным образом в результате подготовительной работы, выполненной группой искровцев, и проходил под председательством Плеханова сначала в Брюсселе (откуда пришлось уехать из-за преследований полиции), а затем в Лондоне. Это был настоящий учредительный съезд партии; но в период его работы произошел также знаменитый раскол между большевиками и меньшевиками, который расширился и углублялся и в конце концов после 1912 г. привел к окончательному формальному размежеванию.

На съезде присутствовали представители 25 признанных социал-демократических организаций. Каждая из них имела 2 голоса, за исключением Бунда, организации еврейских рабочих, имевшей 3 голоса вследствие особого статуса в качестве автономной организации партии, установленного на I съезде. Так как некоторые организации прислали только одного делегата, на съезде фактически присутствовали 43 делегата с правом голоса, в целом имевшие 51 голос. Кроме того, на съезде было 14 делегатов из различных организаций с совещательным голосом. Среди полномочных делегатов съезда свыше 30 были открытыми сторонниками «Искры», таким образом, искровцы составляли большинство. В то время как искровцы составляли единое целое, им согласованно противостояли лишь делегаты Бунда (которых интересовали почти исключительно права национальных меньшинств и сохранение ими автономного статуса в структуре партии), а также два делегата «экономического» толка, Акимов и Мартынов, представлявшие «Союз русских социал-демократов за границей». Резолюция о признании «Искры» в качестве Центрального Органа партии была принята на раннем этапе съезда при всего лишь двух голосах против¹.

Главной задачей съезда было принятие Программы и Устава партии. Плеханов в 80-е годы и Ленин в 90-е уже пытались составить проект Программы, и по мере объединения искровцев стала возрастать необходимость разработки Программы партии, наряду с необходимостью созыва нового партийного съезда. Дискуссии, которые велись в начале 1902 г., закончились тем, что

Ленин со свойственным ему энтузиазмом молодости и бескомпромиссностью выступил против Плеханова, предпочитавшего традиционные методы и осторожность даже на пути к революции. Первый проект Плеханова Ленин подверг суровой критике, считая, что «это не программа практически борющейся партии, а *Prinzipienerklärung*, это скорее программа *для учащихся*»², и разработал собственный проект. Была создана комиссия, в которую вошли другие сторонники «Искры», и ей было поручено соединить оба проекта. К всеобщему удивлению, ей это удалось. Авторитет Плеханова был все еще огромен, и Ленин, которому было едва за 30, готов был — пожалуй, в последний раз в жизни — пойти на компромисс по теоретическому вопросу. Он принял менее резкую, по сравнению с его собственной, формулировку о том, что развитие капитализма в России неизбежно должно было закончиться социальной революцией. Но он добился включения умеренной программы аграрной реформы, которой не было в проекте Плеханова. Что касается проекта Программы, опубликованного в «Искре» 1 июня 1902 г. и представленного на рассмотрение съезда партии в следующем году, то первая, или теоретическая, его часть в основном была изложена на основе проекта Плеханова и лишь кое-где подкреплена высказываниями Ленина, а вторая, или практическая, часть Программы была разработана Лениным и лишь в отдельных местах смягчена формулировками Плеханова³.

Теоретическая часть Программы начиналась с ортодоксального марксистского тезиса о том, что производственные отношения в настоящее время достигли такого уровня развития, когда буржуазный капитализм стал тормозом на пути дальнейшего прогресса. С ростом противоречий капитализма «...растет число и сплоченность пролетариев⁴ и обостряется их борьба с их эксплуататорами». Таким образом, техническое развитие «все быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений социалистическими», то есть возможность социальной революции, которая «уничтожит деление общества на классы» и «положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другою». Диктатура пролетариата, которая определялась как «завоевание пролетариатом... политической власти», была «необходимым условием этой социальной революции». Впервые в истории вопрос о диктатуре пролетариата был формально включен в Программу партии.

В практической и специфически российской части Программы рассматривались ближайшие цели революции, которые, как говорилось в «Коммунистическом манифесте», будут, естественно, определяться конкретными условиями каждой отдельно взятой страны. Эти цели были разделены на три группы: политические требования (включающие равное и всеобщее избирательное право, свободу совести, слова, печати, собраний и объединений, выборность судей, отделение церкви от государства, бесплатное и всеобщее образование), экономические требования рабочих

(включающие 8-часовой рабочий день, запрещение использовать детский труд, ограничение труда женщин, государственные пенсии по старости и инвалидности, запрещение штрафов и платежей натурой) и экономические требования крестьян (особенно возвращение крестьянам участков земли, несправедливо отнятых у них в период освобождения). Очевидно, составители Программы считали, что это максимальные требования, какие могла бы поддержать радикально настроенная буржуазия на первом этапе революции.

В Программе не рассматривался вопрос о связи ближайших целей и конечной цели — создания бесклассового общества. В конце Программы предлагалась поддержка партией «всякого оппозиционного и революционного движения, направленного против существующего в России общественного и политического порядка». И первым шагом на пути осуществления этих задач провозглашалось «низвержение самодержавия и созыв Учредительного собрания, свободно избранного всем народом». Программа подробно обсуждалась на съезде, и в нее были внесены небольшие поправки. В конце только Акимов выступил против ее формального принятия⁵. Она сохранилась без изменений до 1919 г.

При обсуждении первого пункта Устава партии, связанного с определением членства в партии, сразу же возникли трудности. В комиссии, подготовившей проект Программы, возникли разногласия по принципиальному вопросу и были предложены две альтернативные формулировки, одна — Ленина, другая — Мартова. Ленин представил следующее определение членства в партии:

«Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций».

Мартов предложил следующую альтернативу:

«Членом Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из организаций».

Формальное расхождение между двумя проектами было незначительным, но в более точной формулировке, на которой настаивал Ленин, была выражена, как все признали, продуманно и смело его мысль, уже изложенная в работе «Что делать?», о небольшой партии, состоящей из организованных и дисциплинированных профессиональных революционеров. Страсти накалились, и разногласия, которые в процессе обсуждения возникли между «твердыми» и «мягкими» искровцами⁶, положили начало непримиримой вражде между большевиками и меньшевиками. Мартов и Аксельрод подчеркивали разницу между «организацией» и «партией». Признавая необходимость конспиративной организации, они считали, что ее создание могло иметь смысл лишь в том случае, если бы она стала ядром большой партии сочувствующих. Ленин ответил, что надо установить различие между «болтающими» и

«работающими»: проект Мартова равно открывал дверь в партию и для тех, и для других. Плеханов встал на сторону Ленина. Другие члены редколлегии «Искры», Потресов и Засулич, не высказывались, но разделяли взгляды Аксельрода и Мартова. Троцкий неожиданно выступил в поддержку Мартова⁷. После долгого и напряженного спора проект Ленина был отклонен 28 голосами против 23, а проект Мартова принят 28 голосами против 22⁸.

Остальные пункты Устава были приняты без разногласий. Довольно громоздкая центральная организация партии включала редколлегию Центрального Органа («Искры») в качестве хранителя чистоты партийного учения, Центральный Комитет для руководства партийной работой через местные организации и Совет партии из пяти человек, в который входили по два кандидата из вышеназванных органов и председатель, назначаемый съездом партии. Совет был высшим руководящим органом, который подчинялся только съезду, проводившемуся раз в два года⁹.

Результаты решающего голосования по первому пункту Устава были весьма парадоксальны. Большинство составили «мягкие» искровцы и делегаты Бунда, а также представители других, посторонних организаций, которые никогда не были связаны с «Искрой». Внутри группы «Искры» Ленин все еще пользовался поддержкой большинства. Обсуждение Устава партии включало и вопрос об отношении Бунда к партии. Решение подавляющего большинства участников съезда отклонить претензии Бунда на то, что «представителем еврейского пролетариата в партии является исключительно Бунд», побудило делегатов Бунда возмущенно покинуть съезд после 27-го заседания (всего было 37 заседаний)¹⁰. На следующем заседании решение признать в Уставе только одну «заграничную» организацию партии — «Заграничную лигу русской революционной социал-демократии», тесно связанную с «Искрой» (Ленин был ее делегатом на съезде), — и лишить избирательных прав «Союз русских социал-демократов за границей» привело к уходу со съезда Мартынова и Акимова¹¹.

В процессе принятия этих решений искровцы держались сплоченно. Однако с уходом 7 делегатов, поддерживавших так называемых «мягких» искровцев по вопросу об определении членства в партии, соотношение голосов изменилось в пользу «твердых». Стало ясно, что Ленин завоевывает большинство на съезде по самому важному вопросу повестки дня — выборам в партийные органы — и что он использует свое влияние для упрочения победы своего курса. Это обстоятельство скорее, чем любое другое внешнее событие на съезде, вызвало неожиданную перемену во всей его атмосфере.

Начиная с 30-го заседания, вся дальнейшая работа съезда проходила в обстановке острой борьбы. Очевидно, что вопрос обсуждался жизненно важный. Следует, однако, добавить, что пункты Устава партии, сформулированные и выдвинутые на рассмотрение съезда всей группой «Искры», предусматривали почти

неограниченный контроль центрального руководства над местными партийными органами, и возмущение, которое вызвала концепция Ленина о централизованной и дисциплинированной партии, было скорее следствием, чем истоком вражды. Как выяснилось в споре между Мартовым и Лениным на съезде, проект, предложенный Лениным, согласно которому следовало сократить число членов редколлегии «Искры» при новом распределении обязанностей с шести до трех человек и ограничить число членов Центрального Комитета партии тремя, обсуждался среди членов редколлегии до созыва съезда и не вызвал принципиальных возражений. Лишь когда этот проект был представлен на рассмотрение съезда в виде конкретного предложения: назначить членами редколлегии «Искры» Плеханова, Ленина и Мартова (двух «твердых» и одного «мягкого» искровца) и выбрать двух второстепенных членов в Центральный Комитет, так что установился бы полный контроль редколлегии над партией, — оппозиция стала непримиримой. И именно на съезде Мартов впервые выступил с осуждением «„осадного положения” внутри партии» и «исключительных законов против отдельных групп», что сыграло такую важную роль в последующем споре¹².

Остальные заседания съезда свелись к голосованию и выражению протестов. Решение о выборе трех членов редколлегии «Искры» было принято большинством в 25 голосов при 2 против и 17 воздержавшихся. Затем это большинство приступило к выборам Плеханова, Мартова и Ленина. Мартов не принял предложенный ему пост в редколлегии, и меньшинство участников отказалось от дальнейшего участия в выборах¹³. Центральный Комитет состоял исключительно из «твердых» искровцев, а Плеханов был назначен председателем Совета партии. На основании этих результатов победители, составившие большинство, были названы «большевиками», их противники — «меньшевиками». Этим названиям было суждено навсегда войти в историю.

Однако события еще не закончились. На протяжении всей сумятицы съезда Плеханов твердо поддерживал Ленина. Когда один из делегатов пытался указывать на разницу между взглядами Ленина и его собственными, Плеханов несколько высокомерно ответил, что, в то время как Наполеон заставлял своих маршалов разводиться с женами, никому не удастся заставить его развестись с Лениным¹⁴. Однако спор относительно Программы партии уже показал, что вполне возможен конфликт между умеренной позицией более пожилого Плеханова и безжалостным подходом более молодого Ленина. Вскоре Плеханов был потрясен бескомпромиссной последовательностью, с которой Ленин намеревался использовать победу. Среди меньшевиков, которых Ленин был намерен исключить из партии, было много старых друзей и соратников Плеханова. В принципе Плеханов одобрил в свое время необходимость строгой партийной дисциплины, к какой призывал Ленин, но, когда дело дошло до принудительных мер, он остался верен

более умеренным принципам политической организации, невольно воспринятым им в период длительного пребывания на Западе. Плеханов начал отстаивать политику примирения с идейными противниками. Для Ленина это было немыслимо. В конце 1903 г. Ленин вышел из редакционной коллегии «Искры»¹⁵. Плеханов ввел в нее бывших ее членов, исключенных съездом. Все они были меньшевиками. «Искра» стала органом меньшевиков, и Ленину, отстраненному от партийного аппарата, который волей съезда находился в его ведении, пришлось организовать независимую фракцию большевиков.

В последующие 12 месяцев из-под пера Плеханова и других бывших сподвижников Ленина по «Искре» вышел ряд резких, направленных против Ленина статей. Плеханов быстро преодолел некоторое замешательство, вызванное тем, что на протяжении всего II съезда он поддерживал Ленина, ссылаясь в свое оправдание на то, что он был несогласен с некоторыми аспектами работы «Что делать?», когда прочитал ее впервые, но думал, что Ленин изменил свои взгляды¹⁶. Ленин теперь обвинялся в пропаганде «*сектантского духа исключительности*»¹⁷. В статье, озаглавленной «Централизм или бонапартизм?», Ленину предъявлялось обвинение в том, что он «*смешивает диктатуру пролетариата с диктатурой над пролетариатом*», и в пропаганде «*бонапартизма*, если не абсолютной монархии старой, дореволюционной „манеры”»¹⁸. Его мысли об отношении профессиональных революционеров к массам якобы соответствовали взглядам Бакунина, а не Маркса¹⁹.

Мартов, возвращаясь к мысли, которую он высказал на съезде, написал брошюру «Борьба с «осадным положением» в Российской социал-демократической рабочей партии». Вера Засулич писала, что у Ленина такое же представление о партии, как у Людовика XIV о государстве²⁰. В партийной печати, руководимой теперь меньшевиками, был опубликован блестяще написанный обличительный памфлет Троцкого, озаглавленный «Наши политические задачи»²¹. Меньшевистские настроения автора ярко проявились в посвящении: «*Дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду*». Ленинские методы были подвергнуты критике как «плоская карикатура трагической нетерпимости якобинизма», и автор памфлета предсказывал такую ситуацию, при которой «партийная организация «замещает» собой Партию, Ц. К. замещает партийную организацию, и, наконец, «диктатор» замещает собою Ц. К.» Последняя глава была озаглавлена «Диктатура над пролетариатом»²². Через некоторое время Плеханов писал в «Дневнике социал-демократа», что, если бы большевистская концепция восторжествовала, она бы свелась к следующему: «В конце концов, в ней все вертится вокруг одного человека, который ex providentia majorum соединяет в себе все власти»²³.

Отголоски этого раскола стали вскоре раздаваться в германской социал-демократической партии, у которой были свои про-

блемы, связанные с расколом, внесенным ревизионистами. Очевидное единство почти всех выдающихся деятелей российской партии — ведь сторонники Ленина были рядовыми членами партии, среди них едва ли встречалось известное имя — привело к всеобщей поддержке меньшевиков. Каутский не только отказался опубликовать в немецком социал-демократическом журнале «Нойе цайт» статью Ленина, в которой отстаивались взгляды большевиков, но и представил для публикации в «Искре» копию письма, в котором осуждалась позиция Ленина²⁴.

Самые сильные нападки на Ленина содержались в опубликованной в «Нойе цайт» в июле 1904 г. статье Розы Люксембург, которая осуждала его политику «ультрацентрализма» как бюрократическую и недемократическую. Усматривая специфически русский характер в ленинском проекте, она с горечью говорила о «человеческой личности, которую давит и топчет российский абсолютизм» и которая вновь является теперь в «облике русского революционера», «с легкостью провозглашающего себя новым могущественным вершителем истории». В своих нападках на неограниченные полномочия ленинского руководства партией она выдвинула новый довод, заявив, что это может «опаснейшим образом усилить консерватизм, свойственный каждому такому органу»²⁵. Наконец Бебель, ветеран германской партии, предложил передать вопрос на рассмотрение третейского суда, что было поспешно принято меньшевиками и решительно отклонено Лениным²⁶.

Ленин явно оставался непоколебимым, несмотря на все эти выпады²⁷. Его вдохновлял пример и авторитет Маркса, который в ответ на критику его выступлений против других немецких революционеров писал в своем журнале:

«Нашей задачей является беспощадная критика, и притом критика, скорее направленная против мнимых друзей, чем против открытых врагов; придерживаясь этой нашей позиции, мы охотно отказываемся от дешевой популярности среди демократов»²⁸.

В ответе Мартову на съезде Ленин горячо отстаивал свою бескомпромиссную позицию:

«И меня ни капельки не пугают страшные слова об «осадном положении в партии», об «исключительных законах против отдельных лиц и групп» и т. п. По отношению к неустойчивым и шатким элементам мы не только можем, мы обязаны создавать «осадное положение», и весь наш устав партии, весь наш утвержденный отныне съездом централизм есть не что иное, как «осадное положение» для столь многочисленных источников *политической расплывчатости*. Против расплывчатости именно и нужны особые, хотя бы и исключительные, законы, и сделанный съездом шаг правильно наметил политическое направление, создав прочный базис для *таких* законов и *таких* мер»²⁹.

В пространной брошюре «Шаг вперед, два шага назад», опубликованной в следующем году в Женеве с подзаголовком «Кризис

в нашей партии», Ленин показал, что его не запугать обвинениями в «якобинстве».

«Якобинец, неразрывно связанный с *организацией* пролетариата, *сознавшего* свои классовые интересы, это и есть *революционный социал-демократ*»³⁰.

Анализируя протоколы съезда, Ленин отметил, что «мягкие» искровцы постоянно оказывались в странном союзе с делегатами (например, Бунда), которые были противниками как «Искры», так и любой сильной централизованной партийной организации, и выявил их духовное родство с «барским анархизмом», который предшествовал народничеству во всех его формах, включая нигилизм:

«Русскому нигилисту этот барский анархизм особенно свойственен. Партийная организация кажется ему чудовишной «фабрикой», подчинение части целому и меньшинства большинству представляется ему „закрепощением“... разделение труда под руководством центра вызывает с его стороны трагикомические вопли против превращения людей в „колесики и винтики“»³¹.

Ленин не был обеспокоен, когда меньшевики обвинили его в поддержке бюрократического принципа против демократического. Если бюрократия подразумевала централизм, а демократия — «автономизм», то в таком случае революционные социал-демократы выступали за первый принцип, противопоставляя его второму³². Если же взгляды меньшевиков основывались на каком-либо принципе, то это был «принцип *анархизма*»³³.

Идея централизованной и дисциплинированной партии как орудия революции занимала решающее место в ленинской теории. Она вдохновила создание «Искры» как Центрального Органа такой партии. Она также вдохновила его на написание работы «Что делать?», где впервые было изложено учение о партийном руководстве массами. Впоследствии Ленин назвал систему партийной дисциплины, за которую он ратовал, «демократическим централизмом». Это определение легко можно было извратить, саркастически заявляя, что в нем важнее «централизм» в форме контроля со стороны руководства, чем «демократия» в смысле контроля со стороны рядовой массы. Однако неверно считать тенденции централизма особенностью лишь российской партии, а внутри партии — особенностью, свойственной Ленину. Повсюду в тот период наблюдался рост крупномасштабной организации, повсюду в интересах эффективности и мощи, казалось, требовалась концентрация власти. В любой крупной стране политические партии не могли не воспринять эти тенденции. Пролетарским партиям они были особенно свойственны: именно здесь можно было довольно часто услышать, что члены партии обязаны подчиняться самими ими избранным руководителям и что увлечение критикой несовместимо с верностью партии³⁴. Плеханов, ставший теперь заклятым врагом Ленина, в свое время высказывался в том же духе.

«Когда говорят, что социал-демократия должна обеспечить

своим членам полную свободу мнений, то забывают, что политическая партия совсем не академия наук... Свобода мнений в партии может и должна быть ограничена именно потому, что партия есть союз, свободно составляющийся из единомышленников: как только единомыслие исчезает, расхождение становится неизбежным»³⁵.

Ленин утверждал, что не пролетариат, а буржуазия уклонялась от этого необходимого и полезного ограничения. Меньшевики проявляли *«буржуазно-интеллигентский индивидуализм»*, а большевики продемонстрировали *«пролетарскую организацию и дисциплину»*³⁶.

Реакция Ленина на критику меньшевиков не ограничилась словами. Мужественно и стойко перенося изоляцию, в которой он оказался после разрыва с «Искрой», оставаясь непоколебимым перед лицом оппозиции и отступничества, Ленин созвал совещание 22 наиболее преданных большевиков в Женеве в августе 1904 г., где было создано Бюро Комитетов Большинства, ставшее новой центральной организацией большевиков. В конце года вместо изменившей «Искры» он основал новую газету — «Вперед». Ленин больше всего беспокоился о том, чтобы не допустить поспешного примирения, которое поставило бы под угрозу чистоту и независимость большевистской теории, внеся в нее ересь меньшевизма. В партийной переписке того времени он требовал «повсюду и самым решительным образом раскола, раскола и раскола»³⁷. Лучше расколоть партию и исключить из ее рядов идейных противников, чем поставить под удар единство, даже в небольших частностях, — таков был принцип, которого Ленин придерживался и который завещал своим последователям. Это было следствием глубокой идейной убежденности и вполне соответствовало власти его натуры и его уверенности в своих силах. Он возвращался к этому снова и снова, даже в те моменты, когда казалось, что он готов уступить ради примирения. Ведь недаром его тактика в борьбе против меньшевиков после 1903 г. стала для партии образцом поведения в периоды внутренних кризисов, а значение слова «меньшевизм» расширилось: этим словом потом клеймили любых идейных противников в рядах партии.

В апреле 1905 г. наперекор старым центральным органам партии, теперь исключительно меньшевистским, был созван новый съезд партии в Лондоне. В нем принимали участие исключительно большевики, а меньшевики, которые проводили свою собственную конференцию в Женеве, бойкотировали его работу. Раскол приближался к развязке.

У многих создавалось впечатление, что первоначальный раскол на II съезде касался вопроса об организации партии, а не о сущности ее Программы, поскольку оба партийных крыла голосовали за Программу и разошлись лишь при обсуждении Устава. Если

так и было в самом начале, то впоследствии раскол стал быстро расширяться и углубляться.

В учении Маркса, изложенном в его работах, начиная с «Коммунистического манифеста», наряду с эволюционными, научными, объективными элементами содержались элементы революционные, пропагандистские, субъективные. Марксизм представлял собой одновременно изложение законов общественного и экономического развития и руководство по применению как насильственных, так и ненасильственных методов борьбы за проведение этих законов в жизнь. Оба аспекта марксизма объединяла та точка зрения, что человеческая деятельность подчиняется процессу непрерывной эволюции, которая, однако, не обходится без отдельных прерывающих ее революций, составляющих существенную часть всего процесса. Тем не менее это очевидное противоречие вело к смещению акцентов между двумя противоположными взглядами на историческое развитие, что случалось и в работах самого Маркса.

В споре, который привел к расколу среди русских последователей Маркса, меньшевики обвиняли большевиков в том, что те перешагивают через ступени, предусмотренные марксистской теорией эволюции, пытаясь конспиративными методами организовать пролетарскую революцию, для которой не созрели объективные условия на современном, буржуазном этапе развития России.

Большевики же обвиняли меньшевиков в том, что они рассматривали революцию как «процесс исторического развития», а не как сознательно организованный по заранее разработанному плану акт³⁸.

Меньшевики, анализируя ход революции и будучи уверены в том, что сознательные действия не могут изменить или ускорить этот ход, выступали прежде всего как теоретики. Согласно большевистской терминологии, они были резонерами, «архивными заседателями», «партийной интеллигенцией»³⁹.

Большевики же были людьми действия: они были заняты организацией революции с помощью легальных и нелегальных методов. Ленин — представитель и основатель большевизма, — в отличие от меньшевиков, с самого начала интересовался не столько теорией эволюции, сколько революционной практикой. Недаром Ленин всегда настаивал на том, что теория Маркса должна толковаться диалектически, а не догматически. Если теория и практика — это единое целое, то теория имела смысл только тогда, когда она находила выражение в практике в условиях конкретного времени и места. Ленин, цитируя знаменитые «Тезисы о Фейербахе» Маркса, сравнивал меньшевиков с теми философами, которые лишь «истолковывали мир различным образом», большевики же как настоящие марксисты стремились изменить его⁴⁰.

Спор между большевиками и меньшевиками, обремененный, казалось бы, на неясные моменты марксистского учения, поднял основные для истории русской революции проблемы. Меньшевики,

цепляясь за исходный тезис Маркса о последовательности свершения буржуазно-демократической и пролетарско-социалистической революций, так никогда и не согласились с предположением Ленина, высказанным еще в 1898 г., о неразрывной связи между этими революциями. Сначала должна была произойти буржуазная революция, так как капитализм мог достигнуть своего полного развития в России только в результате буржуазной революции. Без этого развития русский пролетариат не мог достаточно окрепнуть, чтобы начать и осуществить социалистическую революцию.

Такое формальное отделение одной революции от другой — как бы оно ни удовлетворяло теоретика — приводило к выводам, которые поставили бы в затруднительное положение революционеров более практического склада, чем меньшевики. Меньшевикам, ограничившим свои задачи буржуазной революцией, было трудно придать своей политической программе социалистическую или пролетарскую ориентацию. Буржуазная революция была необходимым и предопределенным предшественником пролетарской революции, и, таким образом, в конечном счете она соответствовала жизненным интересам пролетариата. Но сразу же после ее проведения власть перешла бы в руки тех, кто был угнетателем пролетариата и, опять-таки в конечном счете, его злейшим врагом. Меньшевики могли закрывать глаза на эту проблему, лишь сосредоточив свои усилия на проведении политики временной поддержки буржуазии в деле уничтожения самодержавия и завершения буржуазной революции, а также оказания давления на новое, революционное буржуазное правительство с целью улучшения материального положения пролетариата и предоставления ему возможностей, какими пользуются трудящиеся в развитых капиталистических странах (признание профсоюзов, 8-часовой рабочий день, социальное страхование и т. д.).

Следовательно, в сущности, как часто указывал Ленин, в споре большевиков с меньшевиками повторились разногласия с «легальными марксистами» и «экономистами», против которых сообщала выступала в прошлом вся партия. В этом споре также отразились разногласия с ревизионистами в Социал-демократической партии Германии. Повторяя трафаретный тезис о том, что Россия стоит накануне буржуазной, а не социалистической революции, меньшевики шли за «легальными марксистами», которые также придавали первостепенное значение революционной теории и призывали отложить революционные действия на отдаленное будущее. Меньшевики вслед за «экономистами» предпочитали экономическую концепцию класса политической концепции партии⁴¹. Они верили, что единственной конкретной целью трудящихся на данном этапе может быть улучшение их экономического положения. Они вслед за немецкими ревизионистами считали, что лучше парламентским путем оказать давление на буржуазное правительство, чтобы добиться выгодных рабочим реформ, чем свергать его с помощью революции.

Меньшевизм не был изолированным или случайным явлением. Меньшевики выступали в поддержку ряда принципов, которые нашли воплощение в практике западноевропейских социалистов, а именно: легальная оппозиция, достижение прогресса путем реформ, а не революции, компромисс и сотрудничество с другими парламентскими партиями, экономическая агитация через профсоюзы. Меньшевизм имел прочные корни в западной философии и традициях (в конце концов, и Маркс был западным мыслителем). Русские народники, так же как и славянофилы, говорили о самобытности развития России; России, в отличие от Запада, суждено было избежать капиталистического этапа развития. Плеханов, выступая против народников, основывал всю свою теорию на том, что Россия должна пойти по тому же пути развития, что и Запад. В этом смысле он также был убежденным западником, а меньшевики были последователями Плеханова. Им всегда удавалось легче, чем большевикам, вызывать сочувствие и понимание со стороны социал-демократических лидеров Запада. Много лет спустя Радек иронически заметил, что «Западная Европа начинается с меньшевиков»⁴².

Симптоматично, что, когда большевиков и меньшевиков как две фракции внутри партии стали четко различать в самой России (что случилось позднее и без той острой борьбы, какая наблюдалась среди эмигрантов), меньшевики находили сторонников среди наиболее высококвалифицированных и организованных рабочих-печатников, железнодорожников и рабочих сталелитейной промышленности — в передовых промышленных центрах юга страны, а большевиков поддерживали в основном рабочие сравнительно низкой квалификации, занятые на крупных предприятиях в отсталой тяжелой промышленности района Петербурга и на текстильных фабриках Петербурга и Москвы. В большинстве профсоюзов преобладали меньшевики. «Экономисты» утверждали, что, в то время как достаточно обученные рабочие Запада способны воспринять политическое учение, массы русского «фабричного пролетариата»⁴³ могут воспринять лишь агитацию экономического характера, и сам Ленин, по-видимому, считал, что призыв «экономистов» обращен к «низшим, наименее развитым слоям пролетариата»⁴⁴.

Однако этот диагноз не соответствовал ни тогдашней русской действительности, ни опыту Запада (где со времен Первого Интернационала английские тред-юнионы, самая прогрессивная часть рабочего класса, придавали главное значение экономической, а не политической борьбе). Самые высококвалифицированные, образованные, организованные и привилегированные русские рабочие — те, которые приближались к организованным рабочим Запада, — с трудом воспринимали революционные идеи; их легче всего было убедить в возможности улучшения их экономического положения в условиях буржуазного политического строя. А масса русских неквалифицированных фабричных рабочих, которые во всех отношениях стояли на более низком уровне, чем низшие слои

трудящихся в западной промышленности, и которым было «нечего в ней терять кроме своих цепей», с готовностью приняла призывы большевиков к политической революции как к единственному способу улучшения их экономического положения.

Поражение меньшевизма, поражение трагическое и бесполезное, было результатом их отрыва от российской действительности. Общественный и политический строй России не создавал почвы, на которой мог расцвести буржуазно-демократический режим.

История редко повторяется — поэтому толкование марксизма, согласно которому последовательные этапы революции везде в мире будут точно следовать образцу, утвердившемуся в Западной Европе, было детерминистическим и, следовательно, неверным. Во второй половине XIX века в Германии оказалось невозможным осуществить буржуазно-демократическую революцию в классической форме; общественно-политическое развитие Германии пошло вкривь и вкось и было сведено на нет в результате неудачи революции 1848 г. В России в случае победы меньшевиков революция 1905 г. была бы так же несостоятельна, как и революция 1848 г. в Германии. Дело не только в том, что немецкая буржуазия в 1848 г. и русская буржуазия в 1905 г. были слишком слабыми и отсталыми, чтобы осуществить свои собственные революционные цели. Их слабость не подлежит сомнению. Но главная причина их колебаний заключалась в том, что они уже сознавали растущую опасность для них со стороны окончательной, пролетарской революции ⁴⁵.

Одна из причин, почему история так редко повторяется, — та, что драматическим персонажам при повторном представлении заранее известна развязка. Согласно марксистской теории революции, буржуазия должна уничтожить феодальный строй, что предшествует ее свержению пролетариатом. Недостаток этой программы состоял в том, что стоило ей проникнуть в буржуазное сознание, как ее уже оттуда невозможно было извлечь ⁴⁶. Раз буржуазная демократия рассматривалась как этап перехода к социализму, она могла быть осуществлена только теми, кто верил в социализм. Это была глубокая истина, которую высказал Ленин, утверждая, что только пролетариат способен возглавить буржуазную революцию.

Проблема состояла не в том, что в России не созрели условия для революционного представления по западному образцу; дело было в том, что представление уже было разыграно на Западе и повторять его где-либо еще было невозможно. Меньшевики, ожидавшие, что в России созреют подходящие условия, были обречены на бесплодные усилия и гибель.

Большевистская концепция, хотя она и в значительно большей степени учитывала специфику русской действительности и таким образом избежала позора поражения, также не была свободна от внутренних противоречий. Согласно этой концепции, буржуазно-демократическая революция, несмотря на то что она осуществля-

лась пролетариатом при поддержке крестьянства, была в первую очередь буржуазной по своему характеру: это был этап, через который нельзя было перескочить, но который нельзя было путать с последующей пролетарско-социалистической революцией. Разумеется, нельзя было отрицать, что в этих условиях революция могла и должна была принять многое из того, что в сущности не было социалистическим, а было вполне совместимо с буржуазным капитализмом — например, распределение земли между крестьянами, 8-часовой рабочий день или отделение церкви от государства. Эти и многие подобные им требования были включены в программу-минимум, принятую партией. Однако похоже, что Ленин никогда не сталкивался с трудностями, связанными с вопросом о том, могла ли такая революция, бойкотируемая буржуазией или вызывающая ее активное сопротивление, привести к той буржуазной свободе и тому буржуазному прогрессу, которые сам Ленин назвал единственным путем, ведущим к подлинной свободе пролетариата и крестьянства. В речах и произведениях более позднего периода он часто разоблачал «буржуазную свободу» как бесовский обман. Его нельзя упрекнуть в непоследовательности, так как он рассматривал два различных периода. Пока буржуазия была революционной силой, выступившей против остатков средневековья и феодализма, буржуазная свобода была реальной и прогрессивной; как только буржуазия, собрав всю свою мощь, выступила против растущих сил социализма и пролетариата, «буржуазная свобода» стала реакционной и фальшивой. Однако противоречие словесное помогло выявить реальную проблему. Большевики требовали установить в России буржуазную свободу и буржуазную демократию, которые не имели и не могли иметь в России (поскольку их пришлось бы устанавливать без поддержки буржуазии) социальных корней, и заявляли, что без этого невозможно идти к высшей свободе социализма. План меньшевиков, по которому буржуазную свободу должна была обеспечить русская буржуазия, был едва ли более утопическим, чем план большевиков, предусматривавший ее установление с помощью революционной диктатуры пролетариата и крестьянства.

Трагическая дилемма русской революции, которую не могли полностью разрешить ни меньшевики, ни большевики, была результатом ошибочного прогноза самой исходной марксистской концепции. Маркс верил, что буржуазный капитализм, раз установившись, повсюду достигнет в конце концов полного развития, а когда в силу присущих ему внутренних противоречий начнется его разложение, тогда, и только тогда, он будет свергнут социалистической революцией. В действительности же в тех странах, где капитализм достиг наиболее полного и мощного развития, на его основе была создана обширная система закрепленных законом имущественных прав, охватывшая широкий слой рабочего класса, занятого в промышленности. Таким образом, даже когда процесс загнивания стал очевиден, капитализм продолжал в течение дли-

тельного времени без труда оказывать сопротивление революционным силам, в то время как именно едва зародившийся и незрелый капитализм легко поддавался первому натиску революции. Экономические последствия этого отклонения от заранее намеченного плана были очевидны: молодое революционное правительство, не имея возможности опереться на высокопроизводительную промышленную организацию и квалифицированные рабочие кадры развитого капитализма, было вынуждено осуществлять строительство нового строя, рассчитывая на недостаточные ресурсы отсталой страны, и новорожденному социализму пришлось переносить трудности и упреки в том, что он является режимом всеобщей скудости, а не изобилия, как всегда предполагали марксисты. Политические последствия были не менее сложными: при новом строе политическая власть была передана в руки пролетариата, лишенного той политической подготовки и опыта, которые приобретаются в условиях буржуазной конституции на основе всеобщего избирательного права и участия в деятельности профсоюзов и рабочих организаций, а также в руки крестьянства, большей частью неграмотного и почти полностью лишенного политической сознательности.

Трудности создавшегося положения и вытекающие отсюда разочарования, по мнению меньшевиков, были вызваны тем, что большевики самовольно отошли от марксистской схемы революции. Но эта схема была обречена на неудачу, когда пролетарская революция произошла в самой отсталой капиталистической стране. Затруднения еще были впереди. Но они были неотделимы от коренного вопроса, вокруг которого шли споры большевиков и меньшевиков. Его сущность особенно ясно раскрылась, когда началась первая русская революция 1905 г.

ГЛАВА 3

1905 ГОД И ПОСЛЕДУЮЩИЕ ГОДЫ

Раскол между большевиками и меньшевиками означал, что Российская социал-демократическая рабочая партия встретила первую русскую революцию 1905 г. ослабленной и растерянной. Ни одной из фракций не удалось одержать победу в этой непримиримой борьбе. Ленин писал в начале 1905 г.:

«И когда раскол стал фактом, стало видно, что мы *материально слабее во много раз...* У меньшевиков больше денег, больше литературы, больше транспортов, больше агентов, больше «имен», больше сотрудников. Было бы непростительным ребячеством не видеть этого»¹.

Однако через несколько месяцев агент меньшевиков в конфиденциальном письме с еще большим презрением отзывался о неэффективности меньшевистской литературы и организации в Петербурге².

В то время как революционное движение летом 1905 г. нарастало по всей России, большевики организовали в Лондоне исключительно большевистский съезд, который они называли III съездом партии, и именно так он и вошел в историю. Главным сторонником Ленина на съезде Богданову и Луначарскому суждено было порвать с ним три года спустя. Луначарский вернулся в партию в 1917 г., а на III съезде впервые появились на сцене три других делегата, которым предстояло сыграть важную роль после Октябрьской революции, — Каменев (один из пяти делегатов с Кавказа), Литвинов и Красин. Однако тот факт, что все прежние выдающиеся деятели партии, кроме Ленина, перешли (либо твердо, как Аксельрод, Мартов и Потресов, либо с колебаниями, как Плеханов и Троцкий) в лагерь меньшевиков, исключительно упрочил авторитет Ленина. Единственным деятелем на III съезде, способным занять независимую от Ленина позицию, был Красин, в то время главный организатор большевистского движения в самой России. Луначарский считал основным достижением съезда «полное слияние большевиков левого ленинского фланга с большевистским флангом Красина»³. Тем не менее в воспоминаниях Луначарского о докладе по вопросу о вооруженном восстании, с которым его попросили выступить на съезде, отмечается чисто второстепенная роль, отведенная помощникам Ленина.

«Владимир Ильич дал мне все основные тезисы доклада. Мало того, несмотря на мою манеру никогда не записывать никаких своих речей, а говорить импровизированно, он потребовал на этот раз, чтобы я всю свою речь написал и дал ему предварительно прочесть. Ночью, накануне заседания, где должен был иметь место мой доклад, Владимир Ильич внимательнейшим образом прочитал мою рукопись и вернул ее с двумя-тремя незначительными поправками, что неудивительно потому, что, насколько я помню, я в моей речи исходил из самых точных и подробных указаний Владимира Ильича»⁴.

Различие в отношении большевиков и меньшевиков к зарождающейся революции было выражено в соответствующих резолюциях, принятых на Лондонском съезде и на Женевской конференции. Съезд признал насущную необходимость «организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания» и счел последующее участие в работе временного революционного правительства допустимым «в целях беспощадной борьбы со всеми контрреволюционными попытками и отставания самостоятельных интересов рабочего класса». Этому решению суждено было создать трудности через 12 лет⁵. С другой стороны, на конференции меньшевиков было выражено мнение, что «партия не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во Временном Правительстве, а должна оставаться партией крайней революционной оппозиции»⁶.

Спор внутри партии не оказал влияния на развитие событий в России. Революция, приведенная в действие кровопролитием перед Зимним дворцом 9 января 1905 г., медленно набирала силу в росте выступлений весной и летом и достигла высшей точки в октябре, когда нахлынула волна забастовок; царь пообещал либеральную конституцию, и появились первые Советы рабочих депутатов. Первые организации этого нового типа, вероятно, возникли в результате стихийных действий групп рабочих, участвовавших в забастовках. Говорили, что первый Совет был организован в фабричном городе Иваново-Вознесенске⁷. В течение следующих нескольких недель более или менее организованные Советы возникли почти во всех главных промышленных центрах. Петербургский Совет, который был одним из первых, имел, несомненно, наибольшее значение. История Советов начинается именно с Петербургского Совета.

Петербургский Совет рабочих депутатов был основан 14 октября 1905 г. и существовал 50 дней. Его первым председателем был Хрусталеv-Носарь, радикально настроенный юрист, вступивший в меньшевистскую фракцию социал-демократической партии в период образования Совета⁸. Совет вскоре обрел организационную структуру, издавал свою еженедельную газету («Известия Совета Рабочих Депутатов», предшественницу более знаменитой ежедневной газеты «Известия» 1917 г.) и в момент наивысшего подъема насчитывал 550 делегатов, представлявших 250 тыс. ра-

бочих. Самым выдающимся социал-демократом в его рядах был Троцкий, быстро проявивший себя как энергичный и изобретательный руководитель, и когда Хрусталеv-Носарь был арестован в конце ноября 1905 г.⁹, Троцкий стал председателем Совета на последние несколько дней его существования. Как впоследствии указывал Троцкий, слабость этого Совета была слабостью чисто городской революции. К началу декабря правительство укрепилось и выступило против Совета. Троцкий и другие руководители были арестованы, и блестящее и вызывающее выступление Троцкого на суде подняло авторитет Совета, а также его собственный авторитет.

В Петербургский Совет входили главным образом (но отнюдь не исключительно) социал-демократы. Что касается вражды в партии, то Совет занимал либо нейтральную, либо меньшевистскую позицию. Повсюду в России в Советах 1905 г. роль большевиков была едва заметной и незначительной. Ленин сам сдержанно называл их «не рабочим парламентом и не органом пролетарского самоуправления», а «боевой организацией для достижения определенных целей»¹⁰. Как таковые они представляли собой не более чем непартийные дополнительные организации, помогавшие партии в борьбе за свершение революции, и их даже, возможно, рассматривали с легким оттенком подозрительности как соперников партии¹¹. Ленин прибыл в Петербург в начале ноября 1905 г. Но неясно, бывал ли он в Петербургском Совете; во всяком случае, он не играл руководящей роли в его деятельности¹².

Практические действия и героизм революционеров и трагедия их поражения бросали мрачный свет на отсутствие единства в партии, которая стремилась руководить революцией. Раскол, наблюдавшийся в Лондоне и Женеве, еще не был так глубок среди рядовых членов партии в самой России¹³. В 1905 г. в России социал-демократы повсюду отбросили свои разногласия и работали вместе, не придавая значения расхождениям, которые привели к расколу среди руководителей партии. В течение лета с обеих сторон делались попытки примирения. По мере того как эта тенденция усиливалась в условиях относительной свободы, обещанной октябрьской конституцией 1905 г., у Ленина создавалось впечатление роста недовольства среди рядовых членов партии тем, что партия оказалась в тупике¹⁴. «Былые споры эпохи дореволюционной, — писал он вскоре после этого, — сменились солидарностью по практическим вопросам»¹⁵. Как раз перед тем, как был разогнан Петербургский Совет, большевики и меньшевики пришли к примирению настолько, что выпустили три совместных номера газеты «Северный голос».

В декабре 1905 г. на конференции большевиков, состоявшейся в Таммерфорсе, в Финляндии (это был первый случай, когда на Всероссийской партийной конференции или съезде присутствовал Сталин, и здесь он впервые встретился с Лениным), была одобрена идея объединения Централных Комитетов двух фракций с

целью организации совместного съезда партии¹⁶. В январе и феврале 1906 г. новый Объединенный ЦК РСДРП смог объявить об активной подготовке к съезду, который собрался в Стокгольме в апреле¹⁷. Официально названный «Объединительным» съездом, он не был в то время обозначен порядковым номером в партийных документах (поскольку меньшевики оспаривали право большевиков на проведение III всебольшевистского съезда в 1905 г.), хотя позднее он стал известен в литературе как IV съезд, а следующий единый съезд (впоследствии известный как V) проводился в Лондоне в апреле — мае 1907 г. Стокгольмский Объединительный съезд в апреле 1906 г. проходил в обстановке кульминации оптимизма, вызванного октябрьским Манифестом и созывом I Думы, и большинство на съезде составляли меньшевики. На Лондонском съезде большинство составляли большевики, хотя такое соотношение поддерживалось благодаря участию малых групп. Троцкий, который впервые с 1903 г. появился на съезде, заявил, что он стоит «вне фракций».

Еще до Лондонского съезда 1907 г. вновь стали раздаваться взаимные обвинения большевиков и меньшевиков. Ленин обвинил Дача и других лидеров меньшевиков в сделке с кадетами при выборах в Думу, заклеймив эту сделку как «продажу кадетам голосов рабочих», и ему пришлось предстать перед партийным судом, выдвинувшим против него обвинение в клевете на коллег по партии¹⁸. Через две недели после окончания Лондонского съезда роспуском в Петербурге II Думы был положен конец игре в конституционное правительство и начат период «столыпинской реакции» и твердой власти. На партийной конференции, состоявшейся в Париже в конце декабря 1908 г., сохранялось формальное единство¹⁹, и в течение следующего года было опубликовано несколько номеров новой партийной газеты «Социал-демократ», в редакционной коллегии которой Мартов сотрудничал с Лениным, Камневым и Зиновьевым.

Готовность Ленина идти на временное примирение с меньшевиками, очевидно, была тогда связана с трудностями внутри большевистского крыла партии. Богданов и Луначарский были вдохновителями так называемого «идеалистического» уклона, стремившегося примирить социализм с религией, и Ленин резко разоблачал их в своем крупном философском труде «Материализм и эмпириокритицизм». У этого направления был свой политический «конек», связанный с требованием бойкота социал-демократами III Думы. Это было первое в истории партии возникновение «левой оппозиции», явления, которое впоследствии приобрело известность²⁰. Ленин вел непримиримую борьбу со всеми своими оппонентами, и если большевикам в течение всех этих лет удалось сохранить единство и остаться последовательной и организованной группой, то этим они полностью обязаны целеустремленности и настойчивой убежденности одного человека. Между тем Пленум Центрального Комитета партии, состоявшийся в Париже в январе

1910 г., снова продемонстрировал единство партии на основе компромисса между большевиками и меньшевиками — на этот раз не считаясь с тем, что Ленин голосовал против²¹.

За внешним единством партии, поддерживать которое становилось все труднее в период с 1906 по 1911 г., скрывались разногласия, не уменьшавшиеся, а углублявшиеся с течением времени и от сознания неудачи. Крушение великих надежд 1905 г. было тяжелым ударом для партии. Однако трезвый анализ случившегося в тот год показал, насколько непримиримыми стали позиции двух фракций. Даже внутри этих фракций начались разногласия, так что уже нельзя было говорить о двух четко определенных и противоположных лагерях, и, возможно, именно это общее замешательство, а не подспудное единство взглядов препятствовало открытому разрыву.

Меньшевики оставались крупной, но слабо спаянной группой, объединенной скорее общей философией, чем общей программой действий. Большевики отличались большей последовательностью, и их политика была определена более четко, однако всеми этими преимуществами они были обязаны исключительно непоколебимой решимости своего вождя. Среди тех, кто не принадлежал к двум основным фракциям, наиболее выдающейся личностью был Троцкий; интеллектуальная мощь позволила ему занять независимую как от большевиков, так и от меньшевиков позицию в области теории, хотя ему недоставало поддержки преданных сторонников. Тогдашние споры в Российской социал-демократической рабочей партии об уроках 1905 г. и о будущей судьбе русской революции были связаны с тремя различными толкованиями или методами применения марксистской доктрины, сформулированными соответственно меньшевиками, большевиками и Троцким.

Опыт 1905 г., не затронув основной проблемы применения марксистского анализа к русской революции, выдвинул новые проблемы и представил старые в новом свете. Каутский назвал эту революцию «...буржуазной революцией — в эпоху, когда буржуазные идеалы пришли к полному банкротству, когда буржуазная демократия утратила всякую веру в самое себя, когда лишь на почве социализма могут расцвести идеалы, развиваться энергия и энтузиазм»²². Движущей силой революции были рабочие и иногда крестьяне. Ее временные достижения — конституция, созыв Думы и образование политических партий — были буржуазными. Она потерпела неудачу — и к 1908 г. от ее достижений почти ничего не осталось, — потому что буржуазия оказалась неспособной не только совершить революцию, но и пожать плоды революции, совершенной другими.

Неспособность русской буржуазии была признана всеми группами. Однако по вопросу о том, какие выводы следует сделать из этого признания, мнения резко расходились. Следует ли пересмотреть теоретический вопрос о связи социалистической и буржуазной

революций, а значит, в политическом плане — об отношении пролетариата и его партии к буржуазии? Необходимо ли в ходе развития русской революции строго придерживаться марксистской концепции или следует внести в нее некоторые изменения, принимая во внимание либо превалирующую роль крестьянства в экономике России и особенности аграрной проблемы, либо готовность более развитых европейских стран к социалистической революции? Наконец, постоянно возникал, нисколько не утратив своей актуальности, старый вопрос о характере, функциях и организации партии.

Из всех трех групп меньшевики в наименьшей степени восприняли опыт 1905 г. Все, что случилось в России, не поколебало их верности тому, что они считали основным принципом марксизма: социалистическую революцию может осуществить только развитый пролетариат; русский пролетариат может окрепнуть только на основе развития капитализма в России; русский капитализм может достигнуть определенного развития лишь в результате победы буржуазной революции. Этот силлогизм предполагал не только теоретическое разграничение двух революций (что были готовы признать все группы), но и определенный промежуток времени между ними. Меньшевики отвергали политику немедленной подготовки к социалистической революции и обрекали пролетариат на данной стадии на вспомогательную роль союзника буржуазии. Они не верили, что российский пролетариат может ускорить свою, предсказанную Марксом победу, взяв в союзники крестьянские массы. Крестьянство для них оставалось антиреволюционной силой; любая революционная политика, рассчитанная на поддержку с его стороны, была возвратом к ереси народников о крестьянской революции. Этот довод подкреплялся опытом 1848 г., многочисленными отрывками из работ Маркса и Энгельса, а также опытом 1905 г., когда, как сказал сам Троцкий, пролетарская революция разбилась «о штыки крестьянской армии»²³. Что же касается перспектив европейской революции, то меньшевики так охарактеризовали их на конференции, состоявшейся в мае 1905 г.:

«Только в одном случае социал-демократия по своей инициативе должна была бы направить свои усилия к тому, чтобы овладеть властью и по возможности дольше удержат ее в своих руках, — именно в том случае, если бы революция перекинулась в передовые страны Западной Европы, в которой достигли уже известной зрелости условия для осуществления социализма. В этом случае ограниченные исторические пределы русской революции могут значительно раздвинуться, и явится возможность выступить на путь социалистических преобразований»²⁴.

Однако слова «известная зрелость», которые Ленин критиковал как недопустимо пессимистические²⁵, свидетельствовали об осторожности меньшевиков. Эта резолюция, принятая в момент, когда перспективы 1905 г. еще не вызвали опасений, осталась единственным заявлением меньшевиков на данную тему, и европейская

революция никогда не занимала важного места в теоретическом анализе меньшевиков — хотя бы потому, что меньшевики никогда не считали ее неизбежной

Отсюда следовала пессимистическая покорность судьбе, присущая меньшевизму того времени. Как сказал на Стокгольмском съезде Аксельрод:

«Общественные отношения России созрели еще только для буржуазной революции, и историческая стихия толкает самих рабочих и революционеров с гораздо большей силой в сторону буржуазного революционизма, превращающего тех и других в невольных политических слуг буржуазии, чем в сторону революционизма, принципиально социалистического, тактически и организационно подготавливающего пролетариат к политическому господству»²⁶.

Мартынов, который выступил на том же съезде, так определил функции партии в текущий период: она «пробудит к политической жизни буржуазную демократию, будет толкать ее вперед, будет радикализировать буржуазное общество»²⁷. В терминах партийной организации эта точка зрения означала отказ от конспирации или подготовки к вооруженному восстанию и, следовательно, противоречила всей ленинской концепции о партии профессиональных революционеров. Ленин презрительно назвал меньшевиков людьми, которые «пятятся назад, топчутся на одном месте... не умея определить условий решительной победы»²⁸.

Большевистский анализ событий 1905 г. и уроков, которые следовало извлечь из этого опыта, был совершенно иным. Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. вывело на авансцену российской политики «третью силу», которой суждено было когда-нибудь уничтожить и самодержавие, и буржуазию, — пролетариат:

«Пролетариат показал, что есть третья (в сущности, конечно, не третья, а вторая по счету и первая по боевой готовности) сила, не только заинтересованная в ломке, но и *готовая приступить к настоящей ломке* самодержавия. Начиная с 9-го января, рабочее движение у нас на глазах *вырастает* в народное восстание»²⁹.

Ленин признавал так же безоговорочно, как и меньшевики, буржуазный характер зарождавшейся революции и необходимость пройти этап буржуазной демократии на пути к социализму:

«Кто хочет идти к социализму по другой дороге, помимо демократизма политического, тот неминуемо приходит к нелепым и реакционным, как в экономическом, так и в политическом смысле, выводам. ...мы, марксисты, должны знать, что нет и быть не может другого пути к настоящей свободе пролетариата и крестьянства, как путь буржуазной свободы и буржуазного прогресса»³⁰.

Однако Ленин утверждал, что русская буржуазия неспособна и одновременно не желает завершить буржуазно-демократическую революцию не только из-за ее слабости, но и потому, что ее поддержка революции была «непоследовательной, своекорыстной и трусливой». Из страха перед пролетариатом буржуазия была уже на полпути к тому, чтобы стать контрреволюционной. Меньшевист-

ская политика отсрочек не только не улучшала перспектив революции, но привела бы к усилению сопротивления буржуазии. Таким образом, пролетариат был единственным последовательно революционным классом: «пролетариат один способен идти надежно до конца, ибо он идет гораздо дальше демократического переворота». Поэтому он должен взять на себя прежде всего задачу завершения буржуазной революции³¹.

Возложенная на пролетариат задача завершения буржуазно-демократической революции как прелюдии к осуществлению своей собственной, социалистической революции могла быть выполнена при двух условиях. Их анализ стал главной темой большой работы Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», написанной летом 1905 г. Первое условие предусматривало союз между пролетариатом и крестьянством. Крестьянство, не будучи революционным в том смысле, как это понимали народники, то есть враждебным капитализму как таковому, было «в данный момент заинтересовано не столько в безусловной охране частной собственности, сколько в отнятии помещичьей земли, одного из главных видов этой собственности»³². Таким образом, крестьянство могло стать союзником пролетариата на данном этапе, что позволило бы пролетариату свергнуть самодержавие и завершить буржуазно-демократическую революцию, несмотря на нерешительность буржуазии или ее сопротивление. Результатом этой победы было бы установление не социалистической диктатуры пролетариата, а «революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства»³³.

Однако Ленин был готов заглянуть в еще более далекое будущее. После осуществления таким союзом буржуазной революции крестьянство в целом перестало бы быть революционным и не поддерживало бы пролетариат в его продвижении к социалистической революции. На этом этапе пролетариату необходимо было бы, снова возглавив борьбу за революцию, вызвать раскол внутри самого крестьянства и завоевать поддержку полупролетарских элементов, то есть бедных и безземельных крестьян, которые бы выступили против богатых крестьян, получивших самые большие прибыли в результате раздела земли помещиков. Краткое содержание всей программы представлено в выделенном курсивом отрывке из работы «Две тактики социал-демократии...»:

«Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии»³⁴.

Второе условие рассматривалось далеко не так подробно. Вероятно, это объясняется тем, что Ленин обычно излагал свою теорию в форме полемики, а второе условие, в отличие от первого,

не вызвало возражения со стороны меньшевиков. И все же в апреле 1905 г. уже предпринималась попытка изложить это условие в статье, а теперь о нем снова говорилось в двух местах работы «Две тактики социал-демократии...». Один из результатов демократической революции означал бы возможность «перенести революционный пожар в Европу», и ничто «не сократит так сильно пути, ведущего к его полной победе» в России. Осуществление *«революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства»* «даст нам возможность поднять Европу, а европейский социалистический пролетариат, сбросив с себя иго буржуазии, в свою очередь поможет нам совершить социалистический переворот»³⁵.

В работе «Две тактики социал-демократии...» Ленин тщательно проводил грань между двумя этапами революции и в теоретическом и в практическом планах. Он даже писал, что «этот демократический переворот... не ослабит, а усилит господство буржуазии»³⁶. Это предсказание, казалось, сближало его с меньшевиками в вопросе о продолжительном интервале между двумя этапами революции, во время которого происходит дальнейшее развитие капитализма. Однако он специально выделил два момента в переходе от демократического к социалистическому этапу — поддержку со стороны полупролетарских слоев крестьянства и социалистическую революцию в Европе — и показал, как эти два момента могли бы вытекать из революционно-демократической диктатуры, венчающей первый этап.

Следовательно, он рассматривал эти два этапа как своего рода непрерывный процесс. Три месяца спустя, в сентябре 1905 г., в короткой статье, озаглавленной «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению», он обратился к знаменитым словам Маркса, сказанным в 1850 г.:

«...от революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути»³⁷.

Похоже, что он никогда больше не повторял этих слов. Но идея оставалась. В конце 1905 г. в заметках, впервые опубликованных 20 лет спустя, он снова охарактеризовал два этапа революции в их логической последовательности. Пролетариат в союзе с крестьянством осуществит буржуазную революцию. Это приведет к новому этапу, в процессе которого богатые крестьяне и «изрядная доля среднего крестьянства» примкнут к буржуазии, а пролетариат при поддержке беднейших слоев крестьянства осуществит борьбу «за сохранение демократических завоеваний ради социалистического переворота». Эта борьба оказалась бы безнадежной, *«если бы на помощь российскому пролетариату не пришел европейский социалистический пролетариат»*. Таков был ключ к окончательной победе. «Европейские рабочие покажут нам, «как это

делается», и тогда мы вместе с ними делаем социалистический переворот»³⁸.

Среди ведущих российских социал-демократов Троцкий был единственным, кто сыграл видную роль в революции 1905 г. Поэтому вполне естественно, что уроки революции должны были оказать на него глубокое влияние. В этом отношении он резко расходился с меньшевиками. Его сотрудничество с меньшевиками после расхождения с Лениным в 1903 г. по вопросу об организации партии было кратковременным. Ему были чужды элементы пассивности в доктрине меньшевиков. Сразу после 9 января он писал:

*«Наша борьба за революцию, наша подготовка к революции будет вместе с тем нашей беспощадной борьбой с либерализмом за влияние на массы, за руководящую роль пролетариата в революции. В этой борьбе за нас будет великая сила: логика самой революции!»*³⁹

В феврале 1905 г. Троцкий вернулся в Россию и активно занялся революционной деятельностью. Именно осенью того же года, в разгар работы в Петербургском Совете, Троцкий разработал свою концепцию, уточнив изложенную Лениным в сентябре формулу «непрерывной революции»:

«Авангардное положение рабочего класса в революционной борьбе; связь, которая устанавливается непосредственно между ним и революционной деревней; обаяние, которым он подчиняет себе армию, — все это неизбежно толкает его к власти. Полная победа революции означает победу пролетариата. Эта последняя, в свою очередь, означает дальнейшую непрерывность революции». «Пролетариат осуществляет основные задачи демократии, и логика его непосредственной борьбы за упорочение политического господства ставит перед ним в известный момент чисто-социалистические проблемы. Между минимальной и максимальной программой устанавливается революционная непрерывность. Это не один «удар», это не день и не месяц, это целая историческая эпоха»⁴⁰.

В начале 1906 г., находясь в тюрьме, Троцкий написал аналитическую работу, озаглавленную «Итоги и перспективы», о которой он впоследствии писал, что это «единственная работа, где я в более или менее систематическом виде изложил свои взгляды на развитие революции»⁴¹.

По мнению Троцкого, специфика социальной структуры России состояла в том, что здесь развитие капиталистической промышленности происходило под давлением иностранного капитала и под покровительством государства. Таким образом, пролетариат сформировался без независимого класса буржуазных предпринимателей. По этой причине в стране, «экономически более отсталой, пролетариат может оказаться у власти раньше, чем в стране капиталистически передовой», и «русский «работник» может оказаться у власти раньше, чем его „хозяин”»⁴². Троцкий не только считал это теоретически возможным. Опыт 1905 г. убедил его, что это действительно должно произойти. Он видел, как владельцы фабрик

в России отвечали на требование о 8-часовом рабочем дне: они объявляли локаут. Рабочие могли заставить выполнить свое требование, которое было законным и необходимым требованием буржуазной революции, только захватив фабрики. «...Став у власти, пролетариат неизбежно, всей логикой своего положения, будет толкаться к ведению хозяйства за государственный счет»⁴³. Предполагать, что социал-демократы будут руководить проведением буржуазной революции, а затем отойдут в сторону, «уступая место буржуазным партиям», — это «утопизм худшего сорта, это какой-то революционно-филистерский утопизм». «Раз партия пролетариата возьмет власть, она будет бороться за нее до конца»⁴⁴. Завершение буржуазной революции автоматически включало бы переход к социалистической революции.

Позднее в статье, написанной в 1909 г., Троцкий определил основной момент своего расхождения соответственно с меньшевиками и большевиками:

«Если меньшевики, исходя из абстракции «наша революция буржуазная», приходят к идее приспособления всей тактики пролетариата к поведению либеральной буржуазии вплоть до завоевания ею государственной власти, то большевики, исходя из такой же голой абстракции «демократическая, а не социалистическая диктатура», приходят к идее буржуазно-демократического самоограничения пролетариата, в руках которого находится государственная власть. Правда, разница между ними в этом вопросе весьма значительна: в то время как анти-революционные стороны меньшевизма сказываются во всей силе уже теперь, анти-революционные черты большевизма грозят огромной опасностью только в случае революционной победы»⁴⁵.

Несомненно, благодаря исключительной проницательности Троцкому удалось здесь точно предсказать, какую позицию займет большинство руководителей большевиков в Петрограде перед возвращением Ленина в апреле 1917 г. Труднее подтвердить, что вплоть до Февральской революции Ленин придерживался той же позиции «самоограничения». Ленин действительно не занимал столь ясной и твердой позиции по этому вопросу, как Троцкий, что было главной причиной замешательства в рядах большевиков после февраля 1917 г. После 1906 г. Ленин выступил два или три раза с критикой теории «перманентной революции» Троцкого. Но, вероятно, Троцкий был прав, утверждая, что Ленин никогда не читал статьи «Итоги и перспективы», которую цитировал на основе статьи Мартова⁴⁶, а высказывания, приводимые в этой статье, едва ли способствовали уяснению точки зрения Ленина. Так же как и Троцкий, Ленин не отрицал перспективы прямого перехода от буржуазной к социалистической революции. Но, в то время как Троцкий верил, что этот переход произойдет автоматически и неизбежно по «логике» самой революции, Ленин крепче стоял на твердой почве буржуазной революции и считал, что переход к социализму будет зависеть от выполнения двух внешних условий,

которые он сформулировал в 1905 г.: поддержка со стороны крестьянства и европейской социалистической революции. Основное различие во взглядах Ленина и Троцкого в тот период заключалось в следующем: Ленин считал, что начало перехода к социализму зависит от наличия условий, которые Троцкий считал необходимыми лишь для окончательной победы.

Что касается крестьянства, то марксистская концепция о неспособности крестьянства основать революционную партию была исходным моментом в полемике Плеханова с народниками, и она прочно утвердилась в теории партии. Накануне 1905 г. Троцкий назвал крестьянство *«громадным резервуаром потенциальной революционной энергии»*⁴⁷ — дальше этого вряд ли мог бы пойти социал-демократ в то время. Опыт 1905 г., вдохновивший Троцкого на блестящий анализ роли пролетариата в революции, создал у него несколько искаженное представление о роли крестьянства. Крестьянские выступления сопровождали и поддерживали революционное движение на ранних этапах. Но в критический момент именно крестьянин, одетый в солдатскую форму, сохранил верность царю и его офицерам и разгромил революцию городского пролетариата. Троцкий делал выводы на основе именно такого диагноза. Он признавал несомненное значение крестьянина, выступающего в качестве вспомогательной силы при решении главной задачи пролетариата. Но это не означало, что крестьянство было независимой политической силой наравне с пролетариатом. Правильная точка зрения состояла в том, что пролетариат осуществит буржуазную революцию, *«опираясь на крестьянскую стихию и руководя ею»*⁴⁸, — формула, принятая впоследствии Лениным как по существу идентичная его собственной⁴⁹.

Троцкий был несогласен и с ленинской идеей о правительстве, создаваемом в результате этой революции, — «революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства». В статье «Итоги и перспективы» он отказался от такой формулы, считая, что это «невозможно»⁵⁰. В результате революции, возглавляемой пролетариатом, могло быть создано только «рабочее правительство», то есть правительство, в котором представители рабочих занимали бы «господствующее и руководящее положение»⁵¹. Еще меньше можно было рассчитывать на союз пролетариата и крестьянства как орудие осуществления социалистической революции. Фундаментальное столкновение интересов разрушило бы этот союз в самом начале совместных выступлений: ведь аграрная политика революционного правительства приведет к «организации кооперативного производства под коммунальным контролем или прямо за государственный счет»⁵², и придется навязать крестьянству эти социалистические принципы. Таким образом, Троцкий выразил сомнение — хотя расхождения между ним и Лениным впоследствии были значительно преувеличены — в правильности обоих аспектов ленинской концепции союза со всем крестьянством в целях осуществления буржуазной революции и союза с «полупро-

летарскими» элементами крестьянства для свершения социалистической революции. На обоих этапах революции основная задача была возложена на плечи пролетариата.

По вопросу о необходимости социалистической революции в Европе как второго условия осуществления социалистической революции в России меньшевики, большевики и Троцкий придерживались единой точки зрения. Троцкий ясно сформулировал это условие в конце статьи «Итоги и перспективы»:

«Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни одной минуты. Но, с другой стороны, нельзя сомневаться и в том, что социалистическая революция на Западе позволит нам непосредственно и прямо превратить временное господство рабочего класса в социалистическую диктатуру»⁵³.

В то время Ленин шел еще дальше. Он не был уверен, что русский пролетариат способен даже начать — не говоря уже о том, чтобы завершить, — социалистическую революцию в России без поддержки европейского пролетариата. Но и Ленин и Троцкий безоговорочно верили в необходимость европейской революции для окончательной победы социализма в России. Тогда еще ни один из них не признал бы возможности победы социалистической революции в России без социалистической революции в Европе.

Однако, в то время как по вопросам теории расхождения между Лениным и Троцким были едва заметны, по вопросу об организации партии Троцкий со времени раскола в 1903 г. сохранял верность меньшевистским взглядам. Не признавая ленинской концепции небольшой, высокоорганизованной и высокодисциплинированной партии, он продолжал считать раскол неоправданным и боролся за восстановление единства партии, взяв на себя роль миротворца, стоящего «вне фракций». Эта позиция постоянно сближала Троцкого с меньшевиками (несмотря на все теоретические расхождения), чья идея массовой партии не отличалась нетерпимостью к различным оттенкам мнений, и приводила его к ссорам с Лениным, взгляды которого на единство партии не поколебались с 1903 г.

В течение всего периода с 1909 по 1914 г. Ленин во имя чистоты теории и действенности организации неоднократно выступал против попыток Троцкого объединить обе фракции. Углубление спора вызвало обострение конфликта и привело к взаимным оскорблениям. В 1903—1904 гг. зачинщиком в этом словесном поединке был Троцкий⁵⁴. Теперь, в период острых разногласий 1911—1914 гг., Ленин в свою очередь подверг критике «звонкие, но пустые фразы»⁵⁵ Троцкого и его «невероятную хлестаковщину»⁵⁶. Отказ подчиниться партийной дисциплине вел к неустойчивости во взглядах: «С Троцким нельзя спорить по существу, ибо у него нет никаких взглядов»; он всегда действует, «„пролезая в щель”

тех или иных разногласий и перебегая от одной стороны к другой»⁵⁷. Троцкий в тот период проявил меньше враждебности, чем Ленин, в своих публичных выступлениях, но восполнил это в личном письме, посланном в 1913 г. грузинскому меньшевику Чхеидзе, где он писал, что «все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения»⁵⁸. Несмотря на примирение в 1917 г., память противников Троцкого в партии неизгладимо запечатлела эти язвительные взаимные обвинения.

В январе 1912 г. в обстановке обострения разногласий и трудностей внутри партии Ленин собрал в Праге небольшую конференцию своих последователей и сочувствующих им в России и Западной Европе. Хотя на конференции присутствовало только 14 делегатов с правом голоса (все, кроме двоих, большевики), она провозгласила себя «общепартийной конференцией» и «верховным органом партии». На ней был отмечен печальный факт «распада и развала большинства организаций партии», вызванных контрреволюционными преследованиями и усилившихся в результате длительного отсутствия «партийного практического центра». На конференции осуждались как ликвидаторы те, кто не признавал большевистскую политику действий и организации; настаивалось на «необходимости усиленной работы по восстановлению нелегальной организации РСДРП». Не отрицалась и целесообразность легальной деятельности, при этом были выдвинуты три основных требования партии — все вполне в пределах возможностей буржуазной революции — в связи с предстоящими выборами в IV Думу: *«1) демократическая республика, 2) 8-часовой рабочий день, 3) конфискация всей помещичьей земли»*. Наиболее важным вопросом Пражской конференции был вопрос о партийной организации. Центральный Комитет партии, избранный на Лондонском съезде в 1907 г. и представлявший различные группы делегатов съезда, не заседал в течение двух лет и фактически прекратил свою деятельность. На конференции, присвоившей себе функции партийного съезда, был избран новый Центральный Комитет из шести человек, включая Ленина, Зиновьева и Орджоникидзе, и пяти их заместителей, или кандидатов, включая Бубнова и Калинина. Это был шаг неконституционный. Однако он наглядно свидетельствовал о стремлении большевиков сформировать собственную Российскую социал-демократическую рабочую партию, исключив из нее всех ликвидаторов, меньшевиков и прочих. То, что пытались сделать на III съезде в 1905 г., было сделано теперь. И на этот раз не было пути назад. С тех пор большевики перестали быть фракцией внутри партии, они стали партией⁵⁹.

Одно изменение, внесенное в Устав партии во время конференции, позволило Центральному Комитету кооптировать дополнительных членов ЦК. В соответствии с этим положением вскоре

после конференции был кооптирован Сталин⁶⁰, и он также стал членом только что назначенного Русского бюро, ответственного за работу внутри России.

Момент был критический. 4 апреля 1912 г. войска расстреляли бастующих рабочих на золотых приисках реки Лены. Пострадало свыше 500 человек. Это была самая страшная расправа такого рода со времени 9 января 1905 г., и она привела к новой вспышке беспорядков и волнений на промышленных предприятиях. В это время в Петербурге начала выпускаться новая большевистская газета «Правда», что свидетельствовало о возросшей активности партии. Первый номер газеты вышел 22 апреля 1912 г. О росте активности партии также свидетельствовало решение Ленина переехать из Парижа в Краков, расположенный в принадлежащей Австрии части Польши, чтобы находиться поближе к месту событий.

Растущая напряженность в России в течение последующих двух лет не только способствовала появлению новых возможностей и перспектив революционной деятельности в самой России, но и привела к углублению раскола между большевиками и меньшевиками. Решительные действия Ленина в Праге вызвали негодование среди других партийных групп. Но ничто не могло поколебать его решимости идти независимым путем. В августе 1912 г. Троцкий созвал в Вене совещание российских социал-демократов всех оттенков в надежде снова добиться объединения. Но это вызвало осуждение и насмешки со стороны большевиков, и в результате «августовский блок» стал временной коалицией меньшевиков, троцкистов и других мелких групп против большевиков. Единственным следствием было дальнейшее обострение отношений между Лениным и Троцким. Никогда они не писали друг о друге более резко и ядовито, чем в течение 18 месяцев после августовской конференции.

Войне 1914 г. было суждено стать почвой, на которой взошли семена революции. После ее вспышки сразу резко осложнились задачи революционеров и распалась их едва зародившаяся организация. В Петербурге депутаты большевиков и меньшевиков в Думе немедленно объединились и выработали общую декларацию от имени всей Российской социал-демократической рабочей партии, призывающую к отказу голосовать за предоставление военных кредитов. Первой акцией со стороны правительства было подавление антиправительственной прессы, включая большевистскую «Правду». Даже в Западной Европе свобода печати сохранялась лишь в некоторых небольших нейтральных странах. Так как Ленин был арестован и ему угрожало интернирование в Австрии, он нашел убежище в Швейцарии, куда приехал и Зиновьев, и они создали в Берне организацию, которая вскоре была признана как авторитетный центр большевизма.

Ленин не сомневался в отношении партии к вопросу о войне. После конгресса в Штутгарте в 1907 г. Второй Интернационал по инициативе Ленина обратился к социал-демократам с призывом

в случае войны «использовать экономический и политический кризис, вызванный войной, для того чтобы... ускорить уничтожение классового господства класса капиталистов»⁶¹. Отступничество социалистов и социал-демократов Западной Европы, которые почти все до единого поддерживали правительства своих стран в августе 1914 г., было самой черной изменой. Это нисколько не поколебало убежденности Ленина. Он прибыл в Берн 5 сентября 1914 г. и на следующий день перед небольшой группой большевиков, которых удалось собрать, зачитал ряд тезисов о войне. Он ясно провозгласил в них: «С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск». Он выдвинул лозунги, которые должны провозгласить социал-демократы:

«...Всесторонняя, распространяющаяся и на войско и на театр военных действий, пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран. Безусловная необходимость организации для такой пропаганды на всех языках нелегальных ячеек и групп в войске всех наций. Беспощадная борьба с шовинизмом и «патриотизмом» мещан и буржуа всех без исключения стран»⁶².

На более крупной конференции большевиков, состоявшейся в Берне в феврале 1915 г., в которой участвовали Ленин и Зиновьев, а также Бухарин, Крыленко и Пятаков, был принят и затем опубликован ряд резолюций по тем же вопросам⁶³.

Однако большевики оставались изолированной группой. Плеханов утверждал, что национальная оборона обязательно предшествует реформе. Таким образом, его позиция не отличалась от взглядов представителей социал-демократических или рабочих партий Второго Интернационала, которых Ленин подверг резкой критике и назвал «социал-шовинистами».

Взгляды меньшевиков были самыми разными: от «правых», которые выражал Плеханов, до «левых», с которыми выступил Мартов, провозгласивший себя интернационалистом и присоединившийся к Ленину в обличении «империалистической войны». Но между большевизмом и «левым» меньшевизмом существовало значительное различие. Ленин хотел покончить с войной путем социалистической революции во всей Европе, которая позволила бы России прямо перейти от буржуазной революции к социалистической. Мартов хотел покончить с войной через буржуазно-демократический мир на основе национального самоопределения, без аннексий и контрибуций. И ни один меньшевик, безоговорочно принимавший догму о буржуазном характере грядущей революции в России, не мог пойти дальше этого. В сентябре 1915 г. Мартов и Ленин присутствовали на знаменитой Циммервальдской конференции социалистов из разных стран, выступавших против войны. Различие между ними было различием между Циммервальдским большинством и Циммервальдской левой.

В России после первоначальных шагов по установлению сотрудничества между большевиками и меньшевиками ход событий и различия в мнениях привели к размежеванию двух групп. В пользу большевиков говорил тот факт, что у них была сильная подпольная организация, которая, несмотря на жестокие преследования полиции, никогда полностью не прекращала своей деятельности.

В конце сентября 1914 г. пять большевистских депутатов Думы и другие делегаты от большевиков из различных частей России провели тайную конференцию в Финляндии. Вдохновленные тезисами, которые Ленин огласил 24 августа (6 сентября) 1914 г., они приняли резолюцию, обличающую — правда, в нескольких общих фразах — правительство и войну. Месяц спустя депутаты-большевики вместе с другими видными большевиками, включая Каменева, созвавшие новую конференцию, были арестованы и в начале 1915 г. сосланы в Сибирь⁶⁴. На суде Каменев и два других делегата заявили, что они не согласны с тезисами Ленина в той их части, где партии предписывалось способствовать поражению России в войне⁶⁵. Но если среди большевиков наблюдались некоторые колебания, то среди меньшевиков в России наступил почти полный разброд, и их стало невозможно отличить от других «прогрессивных» деятелей, сочетавших патриотическое отношение к войне с требованием «демократических» реформ.

Ссылка всех выдающихся большевиков из Петрограда в Сибирь, где Свердлов, Сталин и Орджоникидзе еще до начала войны отбывали сроки, фактически подорвала центральную большевистскую организацию России. В течение 18 месяцев так называемое Русское бюро Центрального Комитета перестало существовать. Весной или летом 1916 г. оно было восстановлено партийным работником по фамилии Шляпников, который, проживая в начале войны в Париже, присутствовал на конференции в Берне в 1915 г. и затем был направлен Лениным в Скандинавию для организации ввоза партийной литературы в Россию. Теперь Шляпников вернулся в Петроград и ввел в Бюро двух молодых членов партии, которые не были достаточно известны и не могли вызвать подозрений. Это были Залуцкий и Молотов, молодой интеллигент из Казани (его подлинная фамилия — Скрябин, и он начал свою партийную деятельность в редакции газеты «Правда» в 1912 г.). Таким образом, было создано новое Русское бюро⁶⁶. Однако его деятельность была ограничена. Местные комитеты в нескольких крупных центрах все еще проводили тайную пропаганду. Но их связь с Центральным Комитетом, находившимся в Швейцарии, была ненадежна и постоянно прерывалась, хотя номера партийной газеты «Социал-демократ», выпускавшейся Лениным с неопределенными перерывами в течение всей войны, все-таки иногда проникали в Россию. В России же партия не имела печатного органа с тех пор, как в начале войны была запрещена «Правда».

Тем временем Ленин, находясь в Швейцарии, писал, наблюдал и ждал. В начале 1916 г. он переехал из Берна в Цюрих, где легче было собрать материал для работы «Империализм, как высшая стадия капитализма» — его основного произведения, написанного в годы войны. Он также много писал об отношении социалистов к войне и о национальном самоопределении, к которому привлекала пропаганда союзников и по вопросу о котором члены партии резко расходились. В апреле 1916 г. Ленин участвовал во второй международной социалистической конференции в Кинтале. На заседаниях, казалось, наметился едва заметный поворот влево среди социалистов, выступавших против войны, но не было никакого подлинного единства мнений и целей. Вера Ленина в правильность его учения никогда не ослабевала. Однако однообразие жизни и невозможность действовать несколько приглушили его оптимизм. Осенью 1911 г., в самый, казалось бы, темный период реакции, он сумел разглядеть растущие признаки того, что «близится к концу эпоха господства так называемого мирного буржуазного парламентаризма, чтобы уступить место эпохе революционных битв организованного и воспитанного в духе идей марксизма пролетариата, который свергнет господство буржуазии и установит коммунистический строй»⁶⁷. Выступая перед швейцарской аудиторией в январе 1917 г., он с сомнением сказал: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции»⁶⁸. Ему было в то время 46 лет. Недель через шесть в России началась революция. Затем после месяца тревожного ожидания и трудных переговоров немецкие власти разрешили Ленину вместе с группой из 20 большевиков (в нее входили Зиновьев, Радек, Сокольников и Сафаров) проехать через Германию в Швецию в plombированном железнодорожном вагоне⁶⁹. 3 апреля 1917 г. они прибыли в Петроград.

ГЛАВА 4

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ¹

Февральская революция 1917 г., свергнувшая династию Романовых, была стихийным взрывом недовольства масс, доведенных до отчаяния лишениями войны и явной несправедливостью в распределении жизненных тягот. Она была восторженно встречена и использована широкими слоями буржуазии и чиновничества, потерявших веру в систему самодержавного управления и особенно в самого царя и его советников. Первое Временное правительство состояло именно из представителей этой части населения. Революционные партии не участвовали непосредственно в осуществлении революции. Они не ожидали ее и вначале были поражены.

Петроградский Совет рабочих депутатов был создан в момент революции стихийно, группой рабочих, без руководства из центра. Это было возрождение Петербургского Совета, сыгравшего в революции 1905 г. короткую, но славную роль. Как и его предшественник, Совет был организацией беспартийной, избранной фабричными рабочими; в нем были представлены и социал-революционеры, и меньшевики, и большевики. Вначале он не стремился к власти, что отчасти объяснялось убеждением его лидеров в том, что Россия созрела только для буржуазной, а не для социалистической революции, а отчасти тем, что они не сознавали своей компетентности и готовности к управлению. Совет усматривал свою роль в том, что он, как впоследствии писал Ленин, *«добровольно передает государственную власть буржуазии и ее Временному правительству»*². Однако тот факт, что предписания Совета признавались все большим числом рабочих и солдат, наделял его независимо от него самой властью, которую нельзя было игнорировать.

Так создавалась почти случайно возникшая практическая основа так называемого двоевластия, установившегося в результате Февральской революции. Общественная власть была некоторым образом сосредоточена в руках двух органов — чье отношение друг к другу было противоречивым, колеблясь от соперничества к сотрудничеству, — Временного правительства, ставшего законным преемником царского правительства и признанного таковым за границей, и Совета рабочих депутатов, стихийно сформированного и, следовательно, революционного. По примеру Петрограда Советы созда-

вались в Москве и других крупных городах, а несколько позже и в сельских районах. Это в свою очередь привело к созыву первого Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов в конце марта 1917 г.

Из двух фракций Российской социал-демократической рабочей партии вначале от Февральской революции больше выиграли меньшевики. Как и в 1905 г., обещание конституционного правительства, казалось, оправдывало их программу и дало им преимущество по сравнению с большевиками. Картина первого этапа революционного процесса рисовалась меньшевиками именно как буржуазно-революционный строй, который правоверные марксисты критикуют, но поддерживают, пока буржуазный капитализм не исчерпал своих возможностей и не настало время социалистической революции. В самом деле, двоевластие, рассматриваемое как законное сотрудничество между буржуазным правительством и пролетарской «законной оппозицией», полностью соответствовало меньшевистской концепции. Главную трудность для меньшевиков представляло их отношение к войне, по которому между ними наблюдались разногласия. Казалось, однако, что если оказывать давление на буржуазное правительство, требуя, чтобы оно покончило с войной на основе демократической программы, и не вдаваться в конкретные детали относительно путей и средств прекращения войны, то такая политика в данный момент всех удовлетворит. Меньшевики скоро стали играть ведущую роль в Петроградском Совете: его первым председателем был грузинский меньшевик Чхеидзе.

Основными противниками меньшевиков были социалисты-революционеры. Вскоре Советы рабочих депутатов превратились в Советы рабочих и солдатских депутатов. По мере того как армии разлагались, превращаясь в отбивающиеся от немцев массы крестьян, жаждущих мира и земли и рассчитывавших на социалистов-революционеров, традиционную партию крестьянской революции, все выше восходила звезда социалистов-революционеров (или эсеров, как их обычно называли).

Казалось, меньше всего выиграли большевики. Из-за внезапности революции политику большевиков должны были определять три человека (двое из них были молоды и неопытны), отрезанные не только от партийного центра, который находился в Швейцарии, но и от других опытных партийных руководителей, сосланных в Сибирь. Положение было сложным. С одной стороны, тезисы Ленина и все, что он затем написал, обязывали их проводить вызывающую политику — которой, как известно, были недовольны даже многие большевики — призывов к гражданской войне и поражению своего отечества. С другой стороны, в партийной резолюции 1905 г. предусматривалось создание временного революционного правительства в результате демократической революции и признавалось, что участие большевиков в таком правительстве могло бы быть желательным «в целях беспощадной борьбы со всеми контрреволюционными попытками и отстаивания самостоятельных ин-

тересов рабочего класса»³. Располагая лишь этими руководящими указаниями и не более, Шляпников, Залуцкий и Молотов, представлявшие Русское бюро Центрального Комитета, составили проект партийного манифеста, который был выпущен в виде листовки 26 февраля 1917 г. и через два дня появился в качестве Прибавления к № 1 «Известий Петроградского Совета»⁴.

Учитывая все вместе взятое, эта попытка была похвальной. Так как о создании временного правительства еще не было объявлено, вопрос об определении отношения к нему не возникал. Манифест призывал рабочий класс и революционную армию создать *«Временное Революционное Правительство»*, которое установило бы республику, провело бы демократические реформы, как, например, 8-часовой рабочий день, конфискацию помещичьих земель, образование выборных органов на основе всеобщего избирательного права и тайного голосования, конфискацию и распределение запасов продовольствия. Манифест также призвал «войти в сношения с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей и поработителей... и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана поработленным народам». Фабричных рабочих и восставших солдат призывали избирать своих представителей во временное революционное правительство. В конце обращения приветствовались «красное знамя революции», «Демократическая Республика», «революционный рабочий класс», «революционный народ и восставшая армия». Ленин, прочитавший отрывки из Манифеста в немецких газетах, когда был еще в Швейцарии и добивался выезда в Россию, отметил, как «особенно важна и особенно злободневна та совершенно правильная мысль нашего ЦК, что для мира необходимы сношения с *пролетариями всех воюющих стран*»⁵.

Февральская революция устранила все препятствия — кроме нехватки работников — для воссоздания партийной газеты. Выпуск «Правды» возобновился 5 марта 1917 г. В редакционную коллегию входили: Молотов, который нес главную ответственность как член Бюро Центрального Комитета, Калинин, которого и тогда и впоследствии ценили, пожалуй, не столько за интеллект, сколько за его авторитет полезного члена партии крестьянского происхождения, и Еремеев, о котором известно довольно мало, за исключением его вклада в издание «Правды» в 1912 г.⁶ Первый номер газеты распространялся бесплатно, второго было продано 100 тыс. экземпляров⁷. В первых семи номерах новой «Правды» выражались взгляды, о которых уже говорилось в партийном манифесте. Осуждалось существовавшее Временное правительство как «правительство капиталистов и помещиков», и высказывалась мысль о том, что Советы должны созвать Учредительное собрание для установления «Демократической Республики». По вопросу о войне 10 марта 1917 г. в газете была опубликована резолюция Бюро, призывавшая к превращению империалистической войны в

войну гражданскую в целях освобождения народов от угнетения правящих классов, хотя газета пока воздержалась от прямого призыва к национальному поражению. Но были в ней и серьезные отступления. В том же номере, где была опубликована резолюция, появилась статья Ольминского, в которой в заключение говорилось:

«[Буржуазная] революция не закончена. Мы живем под лозунгом «вместе бить». Для своего партийного дела — каждая партия сама по себе. Для общего дела — все заодно».

Обстановка осложнилась с воссозданием местного Петербургского комитета партии, который, впервые став легальным, привлёк много новых членов и отражал возникавшие между ними серьезные разногласия. В целом Петербургский комитет стоял ближе к правым, чем Бюро. Когда 5 марта 1917 г. молодой Молотов появился на одном из его заседаний в качестве делегата Бюро и представил на рассмотрение комитета резолюцию, направленную против Временного правительства как контрреволюционного и предлагающую заменить его правительством, способным осуществить программу демократической революции, большинство членов комитета не поддержало его. Они приняли программу, предусматривавшую поддержку Временного правительства постольку, «поскольку действия его соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа»⁸.

Эта запутанная ситуация еще больше осложнилась после возвращения в Петроград из Сибири 13 марта 1917 г., в день выпуска 7-го номера «Правды», Каменева, Сталина и Муранова. Каменев был опытным литератором, и на Пражской конференции в 1912 г. он был назначен редактором Центрального Органа партии — в то время это была «Рабочая газета». Сталин, который был членом Центрального Комитета партии с 1912 г., сменил Шляпникова и стал в Петрограде главным партийным руководителем. Муранов был одним из большевистских депутатов IV Думы. Все они были сотрудниками старой «Правды»⁹. Они сразу же приняли бразды правления от Шляпникова и его молодых коллег, и 15 марта 1917 г. в «Правде» было объявлено, что Муранов взял на себя руководство газетой, а Сталин и Каменев вошли в редакционную коллегию. По всей вероятности, бывшие члены редколлегии продолжали работать, однако их влияние и прерогативы уменьшились.

Эти мероприятия, как бы ни были они неприятны бывшим временным руководителям, которые хорошо справлялись в трудной ситуации, были вполне естественны¹⁰ и не вызывали бы большого интереса, если бы вновь прибывшие не внесли в политику газеты перемен, порождавших споры. Короткая статья Сталина в «Правде» от 14 марта 1917 г. была примечательна не столько тем, что в ней было сказано, сколько тем, что в ней было опущено. Она призывала рабочих, крестьян и солдат поддерживать Советы как «органы союза и власти революционных сил России». Однако

в ней не упоминалось ни о Временном правительстве, ни о войне, а осторожный призыв «удержать завоеванные права для того, чтобы добить старые силы и... двинуть дальше русскую революцию», был ближе к меньшевистской формуле подталкивания буржуазии, чем к большевистской идее руководства революцией¹¹. В номере, выпущенном на следующий день, наряду с объявлением об изменениях в редакционной коллегии на первой странице было опубликовано обращение Петроградского Совета «К народам всего мира», в котором говорилось: «Мы будем стойко защищать нашу собственную свободу» и «Русская революция не отступит перед штыками завоевателей»¹². Далее следовала статья Каменева:

«Когда армия стоит против армии, самой нелепой политикой была бы та, которая предложила бы одной из них сложить оружие и разойтись по домам. Эта политика была бы не политикой мира, а политикой рабства, политикой, которую с негодованием отверг бы свободный народ».

Свободный народ мог только «на пулю отвечать пулей и на снаряд — снарядом». Выраженный от всего сердца призыв к национальной обороне ясно подтверждал заявление Каменева в суде более двух лет назад, в котором он высказал свое несогласие с ленинской позицией¹³.

По словам Шляпникова, единственного для нас в данном случае авторитетного источника, изменение политической линии «Правды» вызвало тревогу среди фабричных рабочих — большевиков, и состоялось заседание, на котором присутствовали члены Бюро, Петроградского комитета и те, кто вернулся из сибирской ссылки. В ходе дискуссии Сталин и Муранов выразили несогласие с взглядами Каменева, который, «подчинившись общему решению, занял в организации „умеренную позицию”»¹⁴. Дискуссия, по-видимому, привела не к компромиссу, а к тупику, ибо, хотя «Правда» прекратила публиковать статьи, открыто призывавшие к национальной обороне (наподобие статьи Каменева), она в равной мере воздерживалась от какого бы то ни было решительного наступления на Временное правительство или его политику войны¹⁵. Более опытная и осторожная редакционная коллегия умерила боевой задор, проявленный в прежних номерах «Правды», заняла более удобную выжидательную позицию. Когда проводилась партийная конференция для решения вопроса о том, какой линии придерживаться на первом Всероссийском совещании Советов в конце марта 1917 г., предложение Сталина поддержать Временное правительство в его деятельности лишь в той мере, в какой оно идет по пути удовлетворения требований рабочего класса и революционного крестьянства, вряд ли отличалось по существу от формулировки, одобренной большинством меньшевиков на совещании Советов. Большевики в основном разделяли мнение Сталина о возможности объединения «на почве решений, принятых в Циммервальде и Кинтале», с теми меньшевиками, которые выступали против национального «оборончества»¹⁶.

Свыше семи лет спустя в разгар спора с Троцким Сталин признал, что совершил в то время ошибку. Заявив, что партия не могла ни стремиться к свержению Временного правительства, так как оно было связано с Советами, ни поддерживать его, так как оно было империалистическим правительством, он продолжал:

«Партия (ее большинство)... приняла политику давления Советов на Временное правительство в вопросе о мире и не решилась сразу сделать шаг вперед от старого лозунга о диктатуре пролетариата и крестьянства к новому лозунгу о власти Советов. Эта половинчатая политика была рассчитана на то, чтобы дать Советам разглядеть на конкретных вопросах о мире подлинную империалистическую природу Временного правительства и тем оторвать их от последнего. Но это была глубоко ошибочная позиция, ибо она плодила пацифистские иллюзии, лила воду на мельницу оборончества и затрудняла революционное воспитание масс. Эту ошибочную позицию я разделял тогда с другими товарищами по партии и отказался от нее полностью лишь в середине апреля, присоединившись к тезисам Ленина»¹⁷.

Этот довод не особенно убедителен; приписывается тонкости намерений то, что было лишь следствием путаницы. Однако те, кто стремился выработать последовательную большевистскую политику в Петрограде в мартовские дни 1917 г., вызывают сочувствие. Тогда еще никто не оспаривал, что русская революция не была, да и не могла быть, ничем иным, кроме как буржуазной революцией. Таковы были прочные и признанные рамки теории, которым должна была соответствовать политика. Но в этих рамках трудно было найти убедительную причину для того, чтобы сразу же отвергнуть Временное правительство, несомненно буржуазное, или требовать передачи власти Советам, по существу пролетарским, или — хотя бы — осудить стремление к «демократическому» миру и призывать к гражданской войне и национальному поражению. Невозможно найти квадратуру круга. Ленину предстояло на глазах у изумленных сторонников вдребезги разбить эти рамки.

Прибытие Ленина на Финляндский вокзал в Петрограде вечером 3 апреля 1917 г. описано по крайней мере четырьмя очевидцами¹⁸. В Белоострове, последней остановке перед Петроградом, Ленина встречала группа во главе со Шляпниковым, представлявшая Русское бюро Центрального Комитета. В поездке Ленин обратился к Шляпникову с вопросами «о положении дел в партии, о причинах переворота к оборончеству «Правды», о позиции отдельных товарищей». В Петрограде его приветствовали члены Центрального Комитета и Петербургского комитета, а также сотрудники «Правды». Среди них был Каменев, которого Ленин добродушно побранил: «Что у вас пишется в «Правде»? Мы видели несколько номеров и здорово вас ругали». Александра Коллонтай вручила букет цветов, которые Ленин нес неловко, и все по-

следовали в бывший императорский зал ожидания. Там Ленина официально приветствовал Чхеидзе, председатель Петроградского Совета. В нескольких тщательно подобранных словах он выразил надежду, что произойдет «сплочение рядов всей демократии» в защиту «нашей революции». Ленин, слегка отвернувшись от официальных представителей в сторону собравшейся на улице толпы, обратился к ней со словами: «Дорогие товарищи, солдаты, матросы и рабочие!» Он приветствовал в их лице «победившую русскую революцию», заявил, что «грабительская империалистская война» является началом гражданской войны во всей Европе, и в заключение сказал:

«Не нынче-завтра, каждый день — может разразиться крах всего европейского империализма. Русская революция, совершенная вами, положила ему начало и открыла новую эпоху. Да здравствует всемирная социалистическая революция»¹⁹.

Как отмечает Суханов, это выступление Ленина не было ответом Чхеидзе. Оно даже не вписывалось в «контекст» русской революции, как он воспринимался всеми — без различия — ее свидетелями и участниками». Ленин начал свою речь, и с первых слов он говорил не о буржуазной, а о социалистической революции.

На площади перед вокзалом состоялась массовая демонстрация большевиков, впереди которой шел броневик со знаменем партии. Затем Ленин, стоя на броневике, обратился к приветствовавшей его толпе с тем же призывом, а позже в тот же вечер он в течение двух часов выступал перед партийной аудиторией в штаб-квартире партии. Постепенно возраставшее удивление, с которыми другие партийные руководители встретили слова Ленина, было отмечено одним из очевидцев 10 лет спустя:

«...Ждали, что приедет Владимир Ильич и призовет к порядку русское бюро ЦК, а особенно тов. Молотова, занимавшего особенно непримиримую позицию по отношению к временному правительству. Оказалось, однако, что именно Молотов-то и был ближе всех к Ильичу»²⁰.

На следующий день шли дискуссии на квартире сестры Ленина и в редакции «Правды»²¹. Днем он выступал на собрании социал-демократов — большевиков, меньшевиков и независимых — в Таврическом дворце, где Совет проводил свои сессии. Именно на этом собрании Ленин впервые огласил свои Апрельские тезисы, в которых были кратко изложены его взгляды. Богданов прервал его, крикнув: «Ведь это бред, это бред сумасшедшего!» — а другой бывший большевик, Гольденберг, заявил, что «Ленин ныне выставил свою кандидатуру на один трон в Европе, пустующий вот уже 30 лет: это трон Бакунина!» Стеклов, редактор «Известий», вскоре вступивший в партию, заявил, что речь Ленина состоит из «абстрактных построений», от которых он откажется, когда узнает обстановку в России. Речь Ленина подверглась нападкам со всех сторон. Только Коллонтай выступила в его поддержку. Ленин по-

кинул зал и даже не использовал свое право на ответ²². В тот же вечер он снова прочитал свои тезисы на собрании руководителей большевиков* и снова оказался в полной изоляции²³.

Тезисы «О задачах пролетариата в данной революции» были опубликованы в «Правде» 7 апреля 1917 г.²⁴ Ключ к пониманию Ленинской позиции заключается во втором тезисе:

«Своеобразие текущего момента в России состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства».

Из этого тезиса следовал вывод об осуждении Временного правительства и его политики поддержки войны, а также об отказе от нелепого требования, «чтобы *это* правительство, правительство капиталистов, *перестало* быть империалистским». В то же время необходимо было объяснять массам, что «С. Р. Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства». Пока Совет «поддается влиянию буржуазии», то есть пока в нем большинство составляли меньшевики, работа по политическому воспитанию масс была главной задачей партии. Но цель была ясна:

«Не парламентская республика, — возвращение к ней от С.Р.Д. было бы шагом назад, — а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху».

Следовательно, Ленин подразумевал, что момент, когда большевики путем воспитания политической сознательности масс завоюют большинство в Советах, станет моментом перехода ко второму, или социалистическому, этапу революции. Эта суть была выражена в экономических тезисах, предусматривавших национализацию всей земли и превращение крупных поместий в образцовые хозяйства, контролируемые Советами, слияние существующих банков в единый национальный банк (более мягкая формулировка требования о национализации банков). К этому был добавлен третий пункт:

«Не «введение» социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов».

Тезисы заканчивались предложением пересмотра Программы партии и изменения ее названия с «социал-демократической» на «коммунистическую», а также требованием создания революционного Интернационала. Что касается точного момента перехода к социализму, то осторожные формулировки Ленина оставляли место для некоторой неопределенности, но не вызывало сомнений, что этот переход — главная цель, и именно по этому вопросу немедленно разгорелась борьба.

* Ленин сначала выступил на собрании большевиков, а затем — на собрании большевистских и меньшевистских делегатов (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 131). — *Прим. ред.*

На следующий день после публикации тезисов «Правда» поместила, как бы от редакции, статью, написанную Каменевым. В ней подчеркивалось, что Ленин выразил только свое «личное мнение», и в заключение говорилось:

«Что касается общей схемы т. Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной* и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую»²⁵.

В тот же день тезисы Ленина обсуждались на заседании Петроградского комитета партии и были отклонены большинством в 13 голосов при 2 против и 1 воздержавшемся²⁶. Предстояло еще обсуждение на Петроградской общегородской партийной конференции 14 апреля 1917 г. и спустя 10 дней на Всероссийской конференции РСДРП(б). Тем временем Ленин изложил свои взгляды в очередной статье в «Правде» и в двух брошюрах, вторая из которых была опубликована лишь через несколько месяцев.

Согласно Ленинскому анализу, в период двоевластия было два различных правительства. Временное правительство было правительством *буржуазии*. Советы представляли собой диктатуру «пролетариата и крестьянства (одетого в солдатские мундиры)»²⁷. Поскольку совершился переход власти к этим двум силам, «постольку» верно, что «буржуазная или буржуазно-демократическая революция в России закончена», пусть даже все необходимые буржуазно-демократические реформы еще не были выполнены: «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства уже осуществилась» («в известной форме и до известной степени», — осторожно добавил Ленин в примечании)²⁸. Специфическая особенность ситуации заключалась в «переплетении» (Ленин употребил это слово несколько раз) буржуазной власти Временного правительства и революционной (потенциальной, если не фактической) диктатуры Советов. В будущем предстояла борьба между буржуазией и пролетариатом за влияние на крестьянские массы²⁹.

В тот период «факт классового сотрудничества буржуазии и крестьянства» был решающим. Советы, согласно взглядам меньшевиков, все еще оставались «придатком буржуазного правительства». Но если бы крестьянство овладело землей и тогда, когда оно овладело бы землей (что с точки зрения классовой означает, что крестьянство отделилось бы от буржуазии и стало союзником революционного пролетариата, а с точки зрения политической — что большевики завоевали бы большинство в Советах), «тогда это будет новый этап буржуазно-демократической революции»³⁰. В своих убедительных доводах Ленин снова подводил к переходу к социализму, хотя прямо еще этого не провозглашал. Он еще считал преждевременным требовать свержения Временного правительст-

* Курсив Карра. — Прим. ред.

ва. Но он подчеркивал, что двоевластие могло быть лишь промежуточным этапом борьбы, который должен был закончиться победой одной из сторон: «Двух властей в государстве *быть не может*»³¹. Меньшевистская идея сотрудничества окажется несостоятельной. Рано или поздно Советы должны свергнуть Временное правительство или сами погибнуть.

Петроградская партийная конференция была в некотором роде репетицией Всероссийской партийной конференции, так что вопросы обсуждались дважды теми же участниками и с теми же результатами на менее и более представительных собраниях. При этом опять раскрылось огромное влияние Ленина на партию, влияние, основанное не на ораторском искусстве, а на ясности и точности доводов, покорявших исключительным пониманием ситуации. «Все товарищи до приезда Ленина, — заявил один из делегатов Петроградской конференции, — бродили в темноте»³². Теперь только Каменев последовательно отстаивал политическую линию, принятую всеми ведущими большевиками в Петрограде до Апрельских тезисов. Все свелось к вопросу о том, следует ли партии, как предлагал Ленин, бороться за передачу власти Советам или, как считал Каменев, ограничиться «самым бдительным контролем» над Временным правительством со стороны Советов. Каменев решительно отвергал любые предложения, которые могли быть истолкованы как призыв к свержению правительства. В ходе решающего голосования предложение Каменева было отвергнуто большинством в 20 голосов против 6 при 9 воздержавшихся³³.

Всероссийская партийная конференция (известная в истории партии как Апрельская конференция) состоялась спустя 10 дней в условиях назревания правительственного кризиса. Нота Милюкова от 18 апреля 1917 г. с обещанием соблюдать обязательства, данные союзникам царским правительством, вызвала бурю протестов, что привело к его вынужденной отставке. На конференции обстановка еще больше изменилась в пользу Ленина. Сталин коротко и Зиновьев более пространно поддерживали его против Каменева³⁴. Был момент, когда Ленин протянул Каменеву оливковую ветвь примирения, сказав, что хотя Временное правительство должно быть свергнуто, но «не сейчас и не обычным путем»³⁵.

Основные резолюции были приняты подавляющим большинством 150 делегатов. При только 7 воздержавшихся конференция объявила, что приход к власти Временного правительства «не изменил и не мог изменить» империалистического характера участия России в войне, и приняла решение способствовать «переходу всей государственной власти по крайней мере нескольких воюющих стран в руки класса пролетариев и полупролетариев». Затем при только трех голосах против и восьми воздержавшихся была принята резолюция, в которой осуждалось Временное правительство за его «явное содействие» «буржуазной и помпидеусской контрреволюции» и содержалось требование проводить активную подготовку среди «пролетариев города и деревни» в целях осуществления

«успешного перехода всей государственной власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов или других органов, непосредственно выражающих волю большинства народа (органы местного самоуправления, Учредительное собрание и т. п.)»³⁶.

Самое сильное противодействие вызвала резолюция, содержащая анализ «текущего момента», ибо, даже поддержав ленинскую политику, партия, давно настроенная на концепцию буржуазной революции как ближайшей цели, все еще не решалась провозгласить переход к социалистическому этапу революции. В резолюции говорилось: «Объективные предпосылки социалистической революции, несомненно бывшие уже налицо перед войной в наиболее развитых передовых странах, назревали дальше и продолжают назревать вследствие войны с громадной быстротой»; «...русская революция является только первым этапом первой из пролетарских революций, неизбежно порождаемых войной»; лишь в результате совместных усилий рабочих разных стран можно гарантировать «наиболее планомерное развитие и возможно более верный успех всемирной социалистической революции». Далее приводился старый довод о том, что, хотя немедленное осуществление «социалистического преобразования» в России невозможно, пролетариат должен отказаться поддерживать буржуазию и взять на себя руководство проведением в жизнь практических реформ, которые должны привести к завершению буржуазной революции. Эта резолюция была принята большинством в 71 голос, при 39 против и 8 воздержавшихся³⁷. И никто не ответил на вопрос, поднятый, видимо, только Рыковым:

«Откуда взойдет солнце социалистического переворота? Я думаю, что по всем условиям, обывательскому уровню инициатива социалистического переворота принадлежит не нам. У нас нет сил, объективных условий для этого»³⁸.

Принятие на Апрельской конференции лозунга «Вся власть Советам!» хотя и не предвещало немедленных революционных действий, но впервые придало конкретную форму и конституционную значимость большевистской концепции революции. Несколько недоверчивое отношение Ленина к Советам в 1905 г. изменилось благодаря высокому авторитету, которым они пользовались даже после своего поражения. Весной 1906 г. он говорил о них как о «новых органах революционной власти»:

«Эти органы создавались исключительно революционными слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа»³⁹.

Их можно было, таким образом, рассматривать как примерное осуществление ленинской идеи революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и считать «на деле зачатками Временного правительства»⁴⁰. Но в последующий период реакции и разочарований память о Советах угасла, и они редко упоминались в партийных дискуссиях. Когда в январе 1917 г. Ле-

нин выступал перед швейцарской аудиторией с длинной лекцией о революции 1905 г., о Советах он сказал три-четыре фразы, хотя он все еще признавал, что в некоторых местах Совет «действительно функционировал в качестве новой государственной власти»⁴¹.

Таким образом, вполне понятно, что возрождение Петроградского Совета в феврале 1917 г., учитывая, что большинство в нем составляли меньшевики, не должно было особенно возбудить интерес у большевиков в столице: в первой большевистской прокламации, выпущенной 26 февраля, о нем не упоминалось. В связи с этим можно провести любопытную параллель между Марксом и Лениным. Идея Маркса о «диктатуре пролетариата» первые 20 лет после того, как она была сформулирована, оставалась абстрактной и лишенной конкретного воплощения идеей, пока Маркс в конце концов не обнаружил, что она нашла свое воплощение в институте, созданном людьми, которые большей частью не были его последователями и к которым вначале сам Маркс относился с едва скрытым недоверием, — в Парижской Коммуне. Ленин разработал все основы своей теории революции тогда, когда о Советах еще не было слышно. Он относился к первому Петербургскому Совету — беспартийному и, хуже того, делу рук меньшевиков — с таким же сомнением, как Маркс к Коммуне. Однако Советы в 1905 г. достигли вершин, бросив вызов самодержавию, а весной 1917 г. им суждено было стать носителями революционной власти, о которой мечтал Ленин.

В первом из своих «Писем из далека», написанном в Швейцарии в марте 1917 г. (единственном из них, которое было опубликовано до его приезда в Петроград), Ленин охарактеризовал Петроградский Совет как новое «неофициальное, неразвитое еще, сравнительно слабое *рабочее правительство*, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения». Такая точка зрения подразумевала, по мнению Ленина, что уже наступает пора «*перехода* от первого к второму этапу революции»⁴². Таким образом, была подготовлена почва для Апрельских тезисов, где признание этого перехода ясно связывалось с лозунгом «Вся власть Советам!». Именно в это время Ленин назвал Советы «властью *того же типа*, какого была Парижская Коммуна 1871 года», — властью, источник которой — «не закон, предварительно обсужденный и проведенный парламентом, а прямой почин народных масс снизу и на местах, прямой «захват», употребляя ходячее выражение»⁴³. Таким образом, Ленин победоносно пошел по пути Маркса, а Советы — по пути Коммуны. Советы были не только осуществлением «революционно-демократической диктатуры». Как и Коммуна, они были предвестниками марксистской диктатуры пролетариата⁴⁴.

Однако по одному вопросу позиция партии все еще оставалась неясной. В заключительных словах партийной Программы, принятой в 1903 г. и оставленной без изменений в 1917 г., содержалось

требование о созыве *«учредительного собрания, свободно избранного всем народом»*, а III большевистский съезд партии в 1905 г. снова призвал к «созыву революционным путем учредительного собрания на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайною подачею голосов»⁴⁵. Правда, Ленин в то же самое время высмеивал тех, кто верил в *«самопроизвольное зарождение»* Учредительного собрания, и заявил, что «без вооруженного восстания учредительное собрание фантом, фраза, ложь, франкфуртская говорильня»⁴⁶. Однако этот, в сущности буржуазно-демократический, институт тем не менее занимал главное место в ленинской теории революции. В апреле 1917 г. можно было бы утверждать, что эта установка партийной платформы относилась к периоду, когда буржуазная революция еще предстояла, и устарела, когда уже совершилась Февральская революция. Но такой довод никогда не приводился, несомненно, потому, что ни сам Ленин, ни тем более его последователи не были готовы утверждать, что буржуазная революция уже завершена. В резолюции Апрельской конференции в качестве потенциальных преемников власти назывались и Советы и Учредительное собрание и явного выбора между ними не делалось. В течение всего периода от Февральской до Октябрьской революции 1917 г. большевики вместе с другими левыми группами продолжали требовать созыва Учредительного собрания и осуждать Временное правительство, оттягивавшее этот созыв, не придавая значения несовместимости такого требования с сопутствующим ему лозунгом «Вся власть Советам!». Если бы были проанализированы причины этой непоследовательности или невозможности выбора, это могло бы пролить свет на истоки расхождений внутри партии по поводу Апрельских тезисов. Но в тот период подобная непоследовательность свидетельствовала не о различии мнений, а о неуверенности и отсутствии определенности у руководителей партии, включая Ленина, по вопросу о характере текущего революционного процесса. Последующие события должны были внести окончательную ясность.

С момента Апрельской конференции каждый ход на политической шахматной доске, казалось, был в пользу большевиков и оправдывал самые смелые расчеты Ленина. Нота Милюкова от 18 апреля была воспринята как пощечина не столько большевикам, сколько тем умеренным элементам в Совете, которые, отвергая призыв большевиков добиваться мира путем гражданской войны и национального поражения, тем не менее осуждали «империалистические» замыслы и настаивали на немедленном обеспечении «демократического» мира. Отставка Милюкова привела к падению правительства. В первом Временном правительстве Керенский был единственным министром-социалистом. Двусмысленность его позиции проявлялась в том, что он часто пытался снять с себя ответственность за действия других министров. В начале мая было сформировано новое правительство. И хотя Львов по-прежнему занимал в нем пост премьер-министра, в него также

вошли шесть министров-социалистов в качестве представителей Совета: два портфеля получили эсеры, два — меньшевики и два — независимые социалисты.

Такое перераспределение мест в правительстве было произведено вроде бы для укрепления власти и престижа Совета путем усиления его контроля над деятельностью правительства. Результаты были совершенно иными. Новое правительство, еще зажатое в тисках административной машины, управляемой буржуазией и давно сформировавшимся классом чиновников, на которое давили союзники и перед которым стояла совершенно неразрешимая проблема установления демократического мира, было почти не в состоянии удовлетворить нужды солдат и рабочих, все настойчивее требовавших доказательств того, что конец войны близок. Совет в то время представлял собой коалицию социалистических партий, созданную в целях защиты интересов рабочих против буржуазии. Теперь он уже не мог завоевывать у них авторитет путем оказания давления на правительство, в котором он сам был в значительной мере представлен⁴⁷. В партиях эсеров и меньшевиков произошел раскол между теми, кто поддерживал министров-социалистов, и теми, кто выступал против них. А главное, большевики были теперь единственной партией, которая не скомпрометировала себя участием в немогущей буржуазно-социалистической коалиции и предлагала ясно сформулированную политику — мир любой ценой. Процесс, в результате которого они в конце концов завоевали доверие огромного большинства солдат и рабочих и стали доминирующей силой в Советах, начался.

В начале мая произошло еще одно важное событие. Вместе с большой группой изгнанников, возвратившихся на Родину в Петроград из Соединенных Штатов, прибыл Троцкий, задержанный на пять недель британскими властями. На следующий день после своего прибытия он выступил в Петроградском Совете, и его авторитет выдающегося деятеля первого Совета 1905 г. сразу же дал основание видеть в нем возможного лидера⁴⁸. Он присоединился к небольшой социал-демократической группе под названием «объединенные социал-демократы» (более известной как «межрайонцы»), которая существовала в Петрограде с 1913 г. и заявляла о своей независимости и от большевиков и от меньшевиков. Живой ум и неугомонный характер приводили его в прошлом к тому, что он вступал в конфликт с любым партийным руководством. Но теперь он жаждал активных действий и понимал, что Ленин — единственный человек действия на политической арене; он равно презирал и эсеров, и меньшевиков, и тех мягкотелых большевиков, которые не решались откликнуться на призыв Ленина. Почти сразу по прибытии Троцкого стало ясно, что они договоятся. Сама Апрельская конференция признала важность «сближения и объединения с группами и течениями, на деле стоящими на почве интернационализма»⁴⁹. 10 мая 1917 г. Ленин присутствовал на

конференции «межрайонцев» и предложил им участвовать в работе редколлегии «Правды» и организационного комитета предстоящего съезда партии. Он намеревался предложить это и группе «меньшевиков-интернационалистов» во главе с Мартовым. Судя по заметкам Ленина, сделанным в то время, Троцкий отвечал, что согласен **«постольку, поскольку русский большевизм интернационализировался»**, однако высокомерно добавил: «Большевики разбольшевичились — и я называться большевиком не могу... Но признания большевизма требовать от нас нельзя»⁵⁰. Встреча результатов не дала. Троцкий, верный своим старым принципам примирения всех вокруг, по сути дела, стремился к слиянию групп на равных условиях и под новым названием. Ленин же не намерен был ослаблять или растворять созданную им организацию: главенство и целостность партии должны сохраниться. Он мог позволить себе подождать.

Летом 1917 г. в Петрограде непрерывно проводились конференции. На Всероссийском съезде крестьянских депутатов в мае большинство составляли эсеры, и съезд твердо проголосовал за поддержку Временного правительства. Однако Петроградская конференция фабрично-заводских комитетов, состоявшаяся в конце того же месяца, была первым представительным органом, где в большинстве были большевики, — и это предвещало последующие события. В начале июня состоялся I Всероссийский съезд Советов. Среди 822 делегатов с правом решающего голоса насчитывалось 285 эсеров, 248 меньшевиков и 105 большевиков. Почти 150 делегатов принадлежали к различным мелким группировкам, 45 делегатов заявили, что они не принадлежат ни к одной партии — свидетельство того, что политическая платформа многих отдаленных Советов была неопределенной. Лидеры большевиков присутствовали в полном составе. Троцкий и Луначарский входили в число 10 делегатов «объединенных социал-демократов», оказавших твердую поддержку большевикам на протяжении всех трех недель работы съезда.

Самый впечатляющий эпизод произошел на второй день работы съезда во время выступления меньшевика Церетели, министра почтовой и телеграфной связи. Согласно официальным документам, он заявил:

«В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место. Такой партии в России нет» (Ленин с места: «Есть».)⁵¹.

Это требование, или угроза, не было воспринято вполне серьезно. Большевики составляли на съезде незначительное меньшинство, и главная речь Ленина часто прерывалась. Съезд постановил выразить вотум доверия Временному правительству и отверг резолюцию большевиков, которая требовала «перехода всей государственной власти в руки Всероссийского Совета Р. С. и Кр. Д.»⁵².

К числу немаловажных решений съезда относится решение о принятии закона, регулирующего работу съезда. Он должен был собираться каждые три месяца, а для текущей работы был учрежден «центральный орган» — «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет» (ВЦИК)⁵³, чьи решения были обязательны для всех Советов в периоды между съездами. Сразу избрали ВЦИК на основе пропорционального представительства: из 250 его членов 35 были большевиками⁵⁴.

Заявление Ленина о готовности большевиков взять власть в свои руки было объявлением войны Временному правительству и для этой цели предназначалось. Власть коалиции слабела: это был период, который Троцкий назвал «двоебезвластием»⁵⁵. В качестве следующего шага нужно было проверить настроение рабочих и солдат в Петрограде. Большевики призвали своих сторонников выйти на демонстрацию 9 июня 1917 г., но отменили ее из-за возражений съезда. 18 июня 1917 г. съезд сам организовал крупную демонстрацию в поддержку Советов. Однако лозунгов, выражавших доверие Временному правительству, было мало, и говорили, что 90% лозунгов были большевистскими⁵⁶.

Более серьезное массовое выступление состоялось 3 июля 1917 г., когда правительство под давлением союзников приказало начать широкое наступление в Галиции. Демонстрации продолжались в течение четырех дней и приняли угрожающий характер. Многие считали их началом серьезной попытки большевиков захватить власть, хотя лидеры партии настойчиво заявляли, что демонстрации стихийные и они сами их стараются сдерживать. Да и Ленин утверждал, что невозможно действовать, пока большинство народа все еще верит «мелкобуржуазной, зависимой от капиталистов политике меньшевиков и эсеров»⁵⁷. Однако на этот раз правительство приняло вызов. В столицу были введены преданные ему войска, «Правда» была запрещена, и были выданы ордера на арест трех главных лидеров большевиков. Каменев был арестован; Ленин и Зиновьев ушли в подполье, а затем уехали в Финляндию.

В течение нескольких последующих дней наступление в Галиции провалилось, принеся тяжелые потери. Новый правительственный кризис привел к отставке Львова и назначению Керенского на пост премьер-министра. Троцкий и «межрайонцы» (примерно 4 тыс. человек) наконец присоединились к большевикам⁵⁸. Затем последовала новая волна арестов. Троцкий, Луначарский и Коллонтай были арестованы.

В конце июля 1917 г., когда Ленин и другие лидеры все еще скрывались или находились в тюрьме, в Петрограде состоялся VI съезд партии (первый после Лондонского съезда 1907 г.). Председателем был Свердлов. С основными политическими докладами пришлось выступить Сталину и Бухарину⁵⁹. Руководящие указания Ленина были даны в небольшой брошюре под названием «К лозунгам»⁶⁰, написанной в подполье, в которой он призывал

к отказу от лозунга «Вся власть Советам!», выдвинутого в то время, когда мирный переход власти к Советам, представлявшим пролетариат и крестьянство, еще казался возможным. После июльских беспорядков стало ясно, что буржуазия встала на путь контрреволюции, что она будет бороться; Советы, существовавшие в то время, были орудием в руках буржуазии.

Съезд под умелым руководством Сталина провозгласил, несмотря на некоторое противодействие, что лозунг «Вся власть Советам!» был «лозунгом мирного развития революции, безболезненного перехода власти от буржуазии к рабочим и крестьянам» и что теперь ничто не помешает полному уничтожению контрреволюционной буржуазии. Когда Ногин, выражая сомнение, прежде высказанное Рыковым на Апрельской конференции, задал вопрос: «Неужели, товарищи, наша страна за два месяца сделала такой прыжок, что она уже подготовлена к социализму», Сталин смело ответил: «...Было бы недостойным педантизмом требовать, чтобы Россия «подождала» с социалистическими преобразованиями, пока Европа не „начнет“», и «Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму», — то есть был принят тезис Троцкого, сформулированный в 1906 г. В то же время было сделано предупреждение о том, что не следует дать себя вовлечь в «преждевременный бой»⁶¹. В условиях, когда партийные руководители были в изгнании, а сама партия в любой момент могла быть подвергнута официальным гонениям, съезд мог в основном лишь оценить обстановку.

Главным событием августа 1917 г. было всепартийное Государственное совещание, организованное Керенским в Москве для обсуждения положения страны. В нем приняли участие более 2 тыс. представителей разных общественных органов и организаций; оно было многословным и потерпело фиаско. Вслед за этим в конце августа была сделана попытка военного переворота справа — корниловский мятеж. Хотя заговор окончился позорным провалом и удар не был нанесен, левые партии и группы всполошились. Даже Ленин призвал к компромиссу с меньшевиками и эсерами: большевики были готовы снова поддерживать Советы, если те в свою очередь порвут наконец с буржуазными партиями. Однако это ни к чему не привело⁶². В ответ на проходившее в Москве Государственное совещание меньшевики и эсеры создали Демократическое совещание. На Демократическом совещании был создан Временный совет республики (так называемый «предпарламент»), который должен был функционировать до созыва Учредительного собрания.

К этому времени быстро всходила звезда большевиков. После корниловского мятежа большевики завоевали большинство в Петроградском и Московском Советах, хотя эсеры и меньшевики все еще преобладали во ВЦИКе. В стране, по мере того как солдаты самовольно демобилизовывались и возвращались в свои дома, проблема нехватки земли становилась все более острой, участи-

лись крестьянские беспорядки и захват помещичьих земель, а это вело к дискредитации эсеров, не сделавших ничего для улучшения положения крестьян, и к росту симпатий к большевикам, обещавшим сделать все. Быстро назревали условия, которые Ленин предвидел в Апрельских тезисах и которые подтверждали целесообразность перехода ко второму этапу революции.

Первой реакцией Ленина было возвращение к лозунгу «Вся власть Советам!». Это было сделано в статье, написанной в первой половине сентября и опубликованной 14 сентября 1917 г. в газете «Рабочий путь»⁶³. Затем, 12, 13 и 14 сентября, Ленина охватило растущее беспокойство по поводу его **вынужденного отсутствия**, и он тайно направил одно за другим два письма в Центральный Комитет партии, утверждая, что настало время, когда большевики могут силой взять власть⁶⁴. Троцкий, выпущенный из тюрьмы в середине сентября, был избран председателем Петроградского Совета, который стал главным боевым центром большевиков. В течение следующего месяца в новых условиях опять разгорелась борьба вокруг Апрельских тезисов. Первая схватка в Центральном Комитете произошла по поводу участия в Демократическом совещании. Каменев и Рыков его поддерживали, а Троцкий и Сталин требовали бойкота. В конце концов было решено принять в нем участие, что подверглось суровому осуждению Ленина, приветствовавшего позицию Троцкого⁶⁵.

Во второй половине сентября Ленин, все более взволнованный, исполненный решимости, переехал из Гельсингфорса в Выборг, чтобы быть поближе к месту событий. В короткой статье «Кризис назрел», напечатанной в газете «Рабочий путь», повторялись прежние доводы и добавился один новый: учитывая растущие беспорядки в воюющих странах и начинающиеся восстания в армии и флоте Германии, ясно было, что Россия стояла «в преддверии всемирной пролетарской революции»⁶⁶. Но самой важной частью статьи был постскрипtum, не предназначенный для публикации, а обращенный к членам Центрального Комитета. Ленин обвинял их в игнорировании его настояний и заявлял о своем выходе из Центрального Комитета, чтобы обрести свободу агитации среди рядовых членов партии, ибо его «крайнее убеждение, что, если мы будем «ждать» съезда Советов и упустим момент теперь, мы *губим* революцию»⁶⁷.

Угроза Ленина, похоже, опять вызвала смятение среди членов Центрального Комитета и повергла их в молчание: нет сведений о том, что был дан ответ. Для преодоления инерции и скептицизма требовался личный контакт. 9 октября* 1917 г. Ленин, изменив внешность, прибыл в Петроград и на следующий день появился на заседании, которому суждено было навсегда войти в историю. Его присутствие и упреки в «равнодушии к вопросу о

* Ленин прибыл в Петроград 7 октября (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 575). — Прим. ред.

восстании» оказались достаточными, чтобы перетянуть чашу весов. Большинство в 10 голосов (Ленин, Троцкий, Сталин, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Коллонтай, Бубнов, Сокольников, Ломов) против 2 (Каменев и Зиновьев, впервые объединившиеся в бесславном деле), ЦК принял решение начать подготовку к вооруженному выступлению и назначить Политическое бюро для осуществления этого решения. В Политбюро (которое впоследствии стало действовать постоянно) вошли семь человек: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников и Бубнов⁶⁸. Характерно, что при всем чувстве солидарности среди руководителей партии в то время, при всех требованиях партийной дисциплины двое проголосовавших против решения тем не менее, словно это само собой разумелось, были включены в его исполнительный орган. Через шесть дней Петроградский Совет создал Военно-революционный комитет во главе с Троцким, который был председателем Совета. Подвойский был назначен его полномочным заместителем. Именно этот орган скорее, чем Политбюро партии, осуществлял военную подготовку к революции⁶⁹.

Однако битва еще не была окончательно выиграна. 11 октября 1917 г. Каменев и Зиновьев распространили письмо, обращенное ко всем основным большевистским организациям, с призывом отказаться от «вооруженного восстания»⁷⁰. 16 октября Ленин снова говорил о немедленном захвате власти, выступая на расширенном заседании Центрального Комитета, на котором присутствовали большевики из Петербургского комитета партии, военной организации Петроградского Совета, а также из профсоюзов и фабрично-заводских комитетов. После корниловщины, утверждал Ленин, массы встали на сторону партии. Но вопрос стоял не о завоевании формального большинства:

«Положение ясное: либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства. Настроением масс руководиться невозможно, ибо оно изменчиво и не поддается учету: мы должны руководиться объективным анализом и оценкой революции. Массы дали доверие большевикам и требуют от них не слов, а дел».

Ленин говорил о международной обстановке, особенно в Германии, подтверждавшей его вывод о том, что, «выступая теперь, мы будем иметь на своей стороне всю пролетарскую Европу». Дискуссия показала, что, хотя Центральный Комитет мог полностью подпасть под влияние личности Ленина, сомнения Зиновьева и Каменева все же разделялись более широкими партийными кругами. Зиновьев и Каменев повторяли свои возражения. Сталин и другие члены Центрального Комитета поддерживали Ленина. Сталин сказал:

«Тут две линии: одна линия держит курс на победу революции и опирается на Европу, вторая не верит в революцию и рассчитывает быть только оппозицией. Петроградский совет уже встал на путь восстания, отказавшись санкционировать вывод войск»⁷¹.

Обсуждения не были конструктивными. Активная подготовка к революции проводилась Петроградским Советом и его Военно-революционным комитетом. Вопрос о военной подготовке не мог обсуждаться на таком заседании, и ни Троцкий, ни Подвойский не выступали, если вообще присутствовали. На заседании было принято решение (большинством в 19 голосов против 2) продолжать подготовку к немедленному вооруженному восстанию. За предложение Зиновьева дожидаться II Всероссийского съезда Советов, созываемого на 20 октября (но впоследствии отложенного на 25 октября), проголосовало 6 человек, против — 15⁷². В заключение состоялось закрытое заседание Центрального Комитета, на котором был избран Военно-революционный центр в составе Свердлова, Сталина, Бубнова, Урицкого и Дзержинского. Центр должен был стать частью Военно-революционного комитета Петроградского Совета⁷³. Это любопытный пример объединения партийного и советского учреждения на раннем этапе революции. В документах нет дальнейших упоминаний о Центре. По всей вероятности, он был создан скорее как группа по установлению контакта, чем как отдельный орган. И так же, как и Политбюро, созданное на неделю раньше, он, видимо, никогда и не проявлял себя.

В конце заседания, состоявшегося 16 октября 1917 г., Каменев заявил о своем выходе из Центрального Комитета⁷⁴. Через два дня в «Новой жизни» (непартийной газете левого направления) было опубликовано его письмо, в котором он от своего имени и от имени Зиновьева опять протестовал против принятого решения. Это письмо означало не только нарушение партийной дисциплины (Каменев еще оставался членом партии), но и предательское разглашение всему миру решения партии. Впрочем, в том состоянии дезорганизации и бессилия, в каком находилось тогда Временное правительство, весть о подготовке вооруженного выступления против него могла, пожалуй, как вызвать решительные контрмеры, так и усилить панику.

Партия накануне решительных действий, которые должны были стать для нее критическим испытанием, оказалась перед угрозой серьезного внутреннего кризиса. После заседания 16 октября Ленин снова ушел в подполье. Но 18 октября, в день публикации статьи Каменева в «Новой жизни», Ленин написал письмо к членам партии, назвав в нем поступок Каменева и Зиновьева «штрейк-брехерством» и преступлением, и заявил, что больше не считает их товарищами и потребует их исключения из партии. На следующий день он направил более подробное письмо на ту же тему в Центральный Комитет⁷⁵. Троцкий, пытаясь спасти положение, создавшееся в результате неосмотрительного поступка Каменева, публично отрицал в Петроградском Совете принятие какого-либо решения о вооруженном восстании⁷⁶. Каменев, уверенный или притворяющийся уверенным в том, что Троцкий разделял его взгляды, заявил о своем полном согласии с каждым словом Троц-

кого. Зиновьев написал письмо в том же духе в партийную газету «Рабочий путь»; оно было опубликовано утром 20 октября 1917 г. В том же номере была помещена последняя часть статьи Ленина с гневным осуждением взглядов Каменева и Зиновьева, хотя он не называл их фамилий⁷⁷. Сталин пытался умиротворить обе стороны, добавив следующее примечание от редакции:

«Мы в свою очередь выражаем надежду, что сделанным заявлением т. Зиновьева (а также заявлением т. Каменева в Совете) вопрос можно считать исчерпанным. Резкость тона статьи т. Ленина не меняет того, что в основном мы остаемся единомышленниками»⁷⁸.

Таким образом, страсти кипели, когда 20 октября 1917 г. в отсутствие Ленина состоялось заседание Центрального Комитета. Свердлов зачитал письмо Ленина, адресованное ЦК. После обсуждения была принята отставка Каменева (большинством в пять голосов против трех). Каменеву и Зиновьеву особо было предписано прекратить публичные выступления против решений Центрального Комитета или партии. Требование Ленина об их исключении из партии выполнено не было. В то же время Троцкий выразил протест не только против заявлений Каменева и Зиновьева, но и против редакционного примечания в «Рабочем пути», которое выглядело как оправдание их поступка. Сокольников заявил, что хотя он и член редколлегии, но не несет ответственности за это примечание и не одобряет его, а Сталин заявил о своем выходе из редакции. ЦК благоразумно решил не обсуждать этот вопрос и не принимать отставки Сталина и перешел к другим вопросам⁷⁹. Это было первое открытое столкновение между будущими соперниками⁸⁰.

Наступал критический момент: было решено нанести решающий удар перед началом II Всероссийского съезда Советов, который должен был открыться вечером 25 октября. Накануне назначенного дня Центральный Комитет провел заседание, где были окончательно решены некоторые организационные вопросы, и Каменев (по-видимому, решение, принятое четырьмя днями ранее, было пересмотрено или забыто) снова занял свое место. Троцкий предложил, чтобы члены Центрального Комитета были приданы Военно-революционному комитету Петроградского Совета для контроля над средствами почтовой, телеграфной и железнодорожной связи, а также за действиями Временного правительства. Дзержинскому было поручено контролировать железные дороги, Бубнову — почтовую и телеграфную связь, на Свердлова было возложено наблюдение за Временным правительством, в ведении Милютина были запасы продовольствия. Внутри партийного комитета обретал форму зародившийся административный аппарат. Рано утром 25 октября 1917 г. силы большевиков начали действовать. Они заняли ключевые позиции в городе; члены Временного правительства были арестованы или бежали. Днем на заседании Петроградского Совета Ленин объявил о победе «рабочей

и крестьянской революции»⁸¹, а вечером открылся II Всероссийский съезд Советов, провозгласивший переход власти по всей России в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов⁸². Вечером 26 октября 1917 г. на втором, и последнем, заседании съезда были приняты Декреты о мире и о земле и утвержден Совет Народных Комиссаров, известный под названием Совнарком — первое рабоче-крестьянское правительство.

Осуществление почти бескровной победы революции 25 октября (7 ноября) 1917 г. является заслугой Петроградского Совета и его Военно-революционного комитета. Именно Военно-революционный комитет взял власть, когда она выпала из безжизненных рук Временного правительства, и возвестил миру о победе революции⁸³. Как впоследствии сказал Сталин, съезд Советов «лишь принял власть из рук Петроградского Совета»⁸⁴. Все очевидцы тех событий отдают должное энергии и организаторским способностям, которые проявил в то время Троцкий, а также его преданности делу революции. Но высшая стратегия революции проводилась Лениным с помощью созданного им инструмента — большевистского крыла Российской социал-демократической рабочей партии. Хотя победа была завоевана под лозунгом «Вся власть Советам!», победили не только Советы, но и Ленин и большевики. Ленин и партия, человек и организация, были теперь неразрывным целым. Триумф партии почти полностью явился, по-видимому, результатом успешного и последовательного руководства Ленина. Он целеустремленно вел за собой сподвижников, которые часто проявляли нерешительность. Высокий авторитет Ленина прочно утвердился. Таким образом были заложены основы единовластия в партии.

Ведутся бесконечные споры о связи ленинской политики с проблемами более широкого плана, поставленными революцией. Написаны целые тома комментариев и полемики, посвященные решению, предсказанному в Апрельских тезисах Ленина и проведенному в жизнь под его руководством шесть месяцев спустя, — решению о захвате власти на основе социалистической программы и незавершенной буржуазной революции. Это решение рассматривалось как дальнейшее движение по пути марксизма, по которому партия постоянно следовала с 1903 г., хотя от этого пути петроградские большевики в сумятице Февральской революции и в отсутствие своего вождя моментально отклонились — такова официальная точка зрения. Это решение также рассматривалось как окончательный отход Ленина и большевиков от марксистской линии, как прыжок, вопреки учению марксизма, в бездну социалистической революции, без прочного фундамента, созданного предшествующей буржуазной революцией, — такова была точка зрения меньшевиков. И это решение рассматривалось как основанная на подлинных марксистских принципах поправка, внесенная Лениным в последний момент и выправившая застарелый уклон,

который образовался из-за чрезмерной приверженности партии формальной стороне марксистского учения о революции — так считал Троцкий.

Поскольку эти взгляды основывались на разных текстах марксистского учения, на разной интерпретации того, что Маркс подразумевал, и на разных мнениях о том, что требуется для применения к российским условиям того, что имел в виду Маркс, спор оказался неубедительным и бесконечным. И в последующие годы шли жаркие споры между большевиками и меньшевиками о том, мог ли курс Ленина привести и привел ли к социалистической цели, — вопрос, также зависящий от интерпретации того, что подразумевалось под социализмом.

Однако за этими спорами, опиравшимися на традиционную марксистскую терминологию, стояла реальная проблема, с которой пришлось столкнуться организаторам Октябрьской революции. Вполне возможно, что — как, по-видимому, показало быстрое поражение Февральской революции — буржуазная демократия и буржуазный капитализм по западному образцу, к которым стремились и на которые надеялись меньшевики, не могли укорениться на российской почве, так что ленинская политика была единственно приемлемой с точки зрения текущей политики в России. Отрицать ее как преждевременную — значило повторять, как сказал однажды Ленин, «довод крепостников, говоривших о неподготовленности крестьян к свободе»⁸⁵. Но задача, поставленная этой политикой перед теми, кто ее проводил, была не чем иным, как задачей непосредственного перехода от самых отсталых к самым передовым формам политической и экономической организации.

В политическом отношении такая программа означала попытку преодолеть пропасть между самодержавием и социалистической демократией без долгого опыта и воспитания гражданственности, которые буржуазная демократия, при всех ее недостатках, обещала Западу.

В экономическом отношении такая программа означала создание социалистической экономики в стране, где никогда еще не было того накопления основных орудий производства и подготовленных рабочих, какое имелось при капиталистическом строе. Победоносной Октябрьской революции еще предстояло преодолеть эти серьезные трудности. Ее история есть история достижений и неудач на этом пути.

ГЛАВА 5

ДВЕ РЕВОЛЮЦИИ

Октябрьская революция победила, а большевики все еще расходились во взглядах на ее характер: является ли она буржуазно-демократической или пролетарской, социалистической. Свергнув Временное правительство, революция объявила Советы высшим органом революционной власти. Но это не означало отказа от высшей власти Учредительного собрания — органа, характерного для буржуазной демократии, за скорейший созыв которого выступали наряду с Временным правительством и большевики. Декретом от 26 октября (8 ноября) 1917 г. был учрежден Совет Народных Комиссаров. При этом указывалось, что он является «временным рабочим и крестьянским правительством», осуществляющим власть «до созыва Учредительного Собрания», а Декрет о земле начинался с заявления* о том, что вопрос о земле «во всем его объеме может быть разрешен только всенародным Учредительным Собранием»¹. Правда, в коротком декрете, изданном в тот же день, провозглашалось без этих оговорок, что «вся власть отныне принадлежит Советам»². Несколько дней спустя в Декларации прав народов России были сформулированы принципы будущего «добровольного и честного союза народов России» и говорилось о разработке в ближайшее время «конкретных декретов», утверждающих эти принципы. Но о рассмотрении декретов Учредительным собранием при этом не упоминалось³. В пылу революции на такие формальные противоречия, вероятно, не обращали внимания. Временное правительство, гораздо более педантичное в отношении конституционных формальностей, само грубейшим образом присвоило себе функцию законодательного собрания, провозгласив Россию республикой в декрете от 1 сентября 1917 г.

Того, кто изучает документы раннего этапа Октябрьской революции, сразу поражает, как редко, не привлекая особого внимания, появляются в них слова «социализм» и «социалистический». Защитить «революцию» или «революцию рабочих и крестьян» — достаточное обозначение цели: само слово «революция» несет положительную нагрузку («революционный порядок», «революцион-

* Эти слова входят в Крестьянский наказ о земле. — *Прим. ред.*

ная справедливость»), а «контрреволюция» — это квинтэссенция зла⁴. Производные от нейтрального слова «демократия», равно приемлемые для сторонников буржуазной или социалистической революции, четырежды прозвучали в воззвании II Всероссийского съезда Советов 25 октября (7 ноября) 1917 г. («демократический мир», «демократизация армий»), а затем еще и еще раз в принятом на следующий день Декрете о мире. «...Как демократическое правительство, — сказал Ленин, представляя Декрет о земле на том же заседании съезда, — мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны»⁵. Важнейшие первые шаги новой власти были сделаны, таким образом, не под знаменем социализма, а под знаменем демократии. Немного позднее эпитет «демократический» использовался для характеристики системы выборов в Советы и в Учредительное собрание, и особенно «права отзыва»⁶, а также принципа выборности судей⁷.

Упор на демократию сочетался с провозглашением социализма как конечной цели. О взглядах Ленина в момент свершения революции лучше всего свидетельствует его речь на заседании Петроградского Совета днем 25 октября (7 ноября) 1917 г., где он объявил, что «рабочая и крестьянская революция» победила. Сказав, что «третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма», он обратился в заключение к двум условиям перехода к социализму, которые он определил уже давно:

«Мы приобретем доверие со стороны крестьян одним декретом, который уничтожит помещичью собственность. Крестьяне поймут, что только в союзе с рабочими спасение крестьянства... У нас имеется та сила массовой организации, которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции.

В России мы должны сейчас заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

Да здравствует всемирная социалистическая революция!»⁸

Мысль о международном характере революции давно жила в сознании Ленина и в момент победы революции в России обрела новую силу. Спустя 10 дней он в качестве Председателя Совнаркома заявил:

«...Мы пойдем твердо и неуклонно к победе социализма, которую закрепят передовые рабочие наиболее цивилизованных стран и которая даст народам прочный мир и избавление от всякого гнета и от всякой эксплуатации»⁹.

А Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, проект которой Ленин составил в начале января 1918 г., провозгласила «установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах» частью «основной задачи» советского строя¹⁰. Ленин в то время еще считал, что достижение социализма связано прежде всего с мировой революцией.

Эти колебания относительно масштаба и характера Октябрьской революции нашли свое отражение в терминах первых конституционных положений. От слова «Россия» отказались, а без него трудно было подобрать подходящее название для новой власти. Она себя называла «временным рабочим и крестьянским правительством» или просто «революционным правительством», опирающимся на «Советскую власть» и на победу лозунга «Вся власть Советам!». Лишь однажды в определенном контексте она называет себя «социалистическим правительством России»¹¹. Первый в советской истории основной конституционный принцип содержится в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, которая начинается словами:

«Россия объявляется Республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам».

А в следующем пункте страна впервые названа «Советская Российская Республика». Пожалуй, опасно делать выводы на основании терминологии, столь неустойчивой и неясной. Но что бы ни полагал сам Ленин, слово «социалистический» все еще было пугалом для многих его сторонников и союзников¹². Значительное меньшинство — если не большинство — партии в это время, кажется, определенно придерживалось той точки зрения — одинаково ревностно отстаиваемой меньшевиками и эсерами, — что революция еще не вполне прошла буржуазную стадию и, следовательно, еще не созрела для перехода к социализму. С этой точки зрения Октябрьская революция была лишь продолжением и углублением Февральской, не отличаясь от нее ни принципами, ни целью. С этой точки зрения правильно было ждать Учредительного собрания как завершающего достижения демократической революции.

Колебания внутри партии не кончились с победой революции. В момент победы было образовано правительство, полностью большевистское. Но в первые несколько дней его власть не распространялась далеко за пределы Петрограда, и под давлением Всероссийского исполнительного комитета союза железнодорожников (сокращенно — Викжель), который контролировал коммуникации и надеялся в течение нескольких недель действовать как независимая сила, диктуя условия правительству, Центральный Комитет партии согласился начать переговоры с эсерами и меньшевиками о создании коалиционного правительства из всех партий, представленных в Советах. Для Ленина это было лишь тактическим маневром¹³, для Каменева и Зиновьева — признанием того, что они были правы, утверждая накануне 25 октября, что еще не пришло время для пролетарской революции. Поэтому, когда 1 (14) ноября 1917 г. Ленин предложил отказаться от переговоров, считая их бесполезными, он встретил сильное противодействие со стороны Каменева, Зиновьева и Рыкова. Во время дебатов в Центральном Комитете его безоговорочно поддержал только

Троцкий, однако большинство твердо проголосовало за резолюцию, определяющую условия, которые неизбежно привели бы к прекращению переговоров¹⁴. Каменев и Рыков, действуя в качестве делегатов от большевиков во ВЦИКе, не подчинились этому решению. В заявлении от 3 (16) ноября 1917 г. Ленин в связи с этим поднял вопрос о партийной дисциплине, и три дня спустя Центральный Комитет предъявил своим непокорным членам ультиматум. Пять членов Комитета — Каменев, Зиновьев, Рыков, Милютин и Ногин — сразу же подали в отставку. Последние трое отказались также от постов народных комиссаров. Подали в отставку и несколько членов правительства меньшего ранга. Из непокорных только Зиновьев вскоре переменял свое решение и был восстановлен в Центральном Комитете¹⁵. Снова среди партийного руководства в критический момент произошел значительный раскол по вопросу о тактике, который был также вопросом теории.

Преодолев этот кризис и постепенно распространив свою власть на северные и центральные территории европейской части России, режим столкнулся теперь с проблемой выборов в Учредительное собрание, которые Временное правительство до своего падения назначило на 12 (25) ноября 1917 г. Каково было в тот момент мнение о них Ленина, точно неизвестно¹⁶. Но партия была связана обещаниями о проведении выборов, содержавшимися во многих выступлениях в период между Февральской и Октябрьской революциями; официальная машина была запущена, и было бы трудно в последний момент изменить решение. В одном из первых постановлений Совнаркома была подтверждена дата, установленная Временным правительством¹⁷. Урицкий, один из лидеров большевиков, был назначен комиссаром по контролю за работой избирательной комиссии, созданной Временным правительством. Комиссия со своей стороны отказалась работать с Урицким и пожаловалась, что на нее оказывают давление¹⁸. Однако выборы продолжались и, видимо, были проведены без какого-либо вмешательства, хотя в некоторых отдаленных районах они вообще не проводились.

Результаты оправдали все опасения, какие к этому времени имелись у большевиков. Было избрано 707 депутатов Учредительного собрания (первоначально предусматривалось 808). Эсерам досталось приличное большинство — 410 мест в общей сложности. Большевики получили меньше четверти — 175 мест. Большая часть из 86 депутатов «национальных групп», из которых самую крупную составляли украинцы, была настроена крайне антибольшевистски. Кадеты, единственная уцелевшая буржуазная партия, получили 17 мест, меньшевики — 16¹⁹. Если эти результаты рассматривать как отношение к правительству, созданному Октябрьской революцией, то это был сокрушительный вотум недоверия.

Поражение прежде всего должно было убедить Ленина в необходимости компромисса в вопросе о коалиции. В момент выборов в Петрограде заседал Всероссийский съезд Советов крестья-

янских депутатов. На I Всероссийском съезде Советов в июне 1917 г. группа левых эсеров уже выступала против своего партийного руководства и поддерживала меньшинство партии большевиков, хотя в целом это на партию мало повлияло. Теперь, на Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов, Ленин и другие большевики сумели внести раскол в ряды эсеров. Было достигнуто соглашение о коалиции между большевиками и левым крылом эсеров, составлявшим на съезде большинство; среди них наиболее заметной фигурой была Спиридонова. Это было соглашение, которое, как отмечал Ленин, возможно было только на социалистической платформе²⁰. 15 (28) ноября 1917 г. на совместном заседании ВЦИКа Советов рабочих и солдатских депутатов, Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и Всероссийского чрезвычайного крестьянского съезда торжественно отмечалось создание коалиции²¹. Во ВЦИК уже входило 108 человек, избранных на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. Число его членов было теперь удвоено за счет добавления такого же количества делегатов, избранных на съезде крестьян. В него вошло также 100 делегатов от армии и флота и 50 — от профсоюзов. Теперь он насчитывал свыше 350 человек и назывался Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Для полноты равноправия коалиции левые эсеры были назначены в три народных комиссариата — сельского хозяйства, юстиции, почты и телеграфа, — став членами Совнаркома, а также на несколько правительственных постов меньшего ранга. Примерно в то же время комиссариаты были переведены из партийного центра в Смольном в помещения прежних министерств; власть большевиков быстро приспосабливалась к традиционной структуре государственной власти.

Соглашение с левыми эсерами не только укрепило позицию большевиков, но и дало им сильнейший довод для объяснения результатов выборов в Учредительное собрание — потенциально обманчивый характер голосования эсеров. Эсеры шли на выборы как единая партия с единым списком кандидатов. В их предвыборной платформе полно было возвышенных принципов и целей, но, опубликованная на следующий день после Октябрьской революции, она была составлена до нее, и отношение партии эсеров к Октябрьской революции в ней определить не удалось²². Теперь, через три дня после выборов, большая часть партии вступила в коалицию с большевиками и формально порвала с другой частью эсеров, которые продолжали яростно бороться против большевиков. Соотношение между правыми и левыми эсерами в Учредительном собрании — 370 к 40 — было случайным. Оно было совершенно иным, судя по соответствующему соотношению между делегатами съезда крестьян, и не обязательно выражало взгляды избирателей на тот жизненно важный вопрос, который не был представлен на их рассмотрение. «И народ, — сказал Ленин, —

фактически голосовал за партию, которая уже не существовала»²³.

Спустя два года, анализируя все обстоятельства, Ленин нашел другой довод, более убедительный, чем казалось на первый взгляд. Он отметил, что в крупных индустриальных городах большевики почти повсюду были впереди других партий. В обеих столицах, вместе взятых, они получили абсолютное большинство, кадеты были на втором месте, а эсеры — на третьем, причем значительно отставали от кадетов. Но в деле революции действовал известный принцип: «Город неизбежно *ведет за собой* деревню. Деревня неизбежно *идет за городом*»²⁴. Выборы в Учредительное собрание, если и не ознакомили победы большевиков, то указали путь к ней тем, кто способен видеть.

Результаты выборов ясно показали, что Учредительное собрание послужит толчком к объединению сил оппозиции с обеих сторон — со стороны уцелевших буржуазных сподвижников Временного правительства и со стороны оппозиционных социалистов. Большевики, хорошо знакомые с историей революций, прекрасно помнили такой прецедент, как французское Учредительное собрание, целью которого в мае 1848 г., через три месяца после февральской революции, стало, если повторить известные слова Маркса из «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта», «низвести результаты революции до буржуазных масштабов»²⁵ и расчистить путь для избиения рабочих Кавеньяком. От имени бывших министров Временного правительства была предпринята попытка бросить вызов Советскому правительству и созвать Учредительное собрание 28 ноября (11 декабря) 1917 г. Попытка была пресечена. Антисоветские силы во главе с бывшими царскими генералами начинали сосредотачиваться на юге России, и Совнарком, теперь уже весьма встревоженный, издал декрет, в котором кадеты обвинялись в создании «„законного“ прикрытия для кадетско-калединского контрреволюционного восстания», кадетская партия объявлялась «партией врагов народа», и сообщалось, что «политические вожди контрреволюционной гражданской войны» будут арестованы²⁶. Хотя правые эсеры и многие меньшевики были на стороне кадетов, большевики еще не решились применить репрессивные меры к социалистическим партиям.

С этого времени судьба Учредительного собрания была предметом постоянной озабоченности партийных кругов²⁷. В выступлении Ленина на заседании ВЦИКа 1 (14) декабря 1917 г. прозвучало первое, по-видимому, предупреждение о намерениях большевиков:

«Нам предлагают созвать Учредительное собрание так, как оно было задумано. Нет-с, извините! Его задумывали против народа. Мы делали переворот для того, чтобы иметь гарантии, что Учредительное собрание не будет использовано против народа... Когда революционный класс ведет борьбу против имущих классов, ко-

которые оказывают сопротивление, то он это сопротивление должен подавлять; и мы будем подавлять сопротивление имущих всеми теми средствами, которыми они подавляли пролетариат, — другие средства не изобретены»²⁸.

За этим заявлением последовали «Тезисы об Учредительном собрании», напечатанные в «Правде» без подписи 13 (26) декабря 1917 г., — важнейшее из когда-либо вышедших из-под пера Ленина краткое описание характера Октябрьской революции.

В «Тезисах об Учредительном собрании» открыто был поставлен вопрос о том, что лишь подразумевалось в работах Ленина, написанных за последние восемь месяцев, со времени знаменитых Апрельских тезисов; было высказано убеждение, что буржуазная революция в России себя исчерпала, что надо решительно отмежеваться от нее и следовать по пути к социализму.

Ленин начал с признания того, что «в буржуазной республике Учредительное собрание является высшей формой демократизма», так что его появление в прежних программах партии, составленных до буржуазной революции, «вполне законно». Тем не менее со времени Февральской революции 1917 г. «революционная социал-демократия» всегда настаивала на том, что «республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с Учредительным собранием»; она действительно является «единственной формой, способной обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму». Этому процессу перехода способствовали, во-первых, перегруппировка «классовых сил» благодаря проникновению революционных идей в среду крестьянства и в армию, во-вторых, борьба между Советской властью и буржуазным режимом на Украине (а отчасти также в Финляндии, Белоруссии и на Кавказе) и, в-третьих, контрреволюционное восстание Каледина и кадетов, которое «отняло всякую возможность путем формально-демократическим решить самые острые вопросы». Эти события вызвали неминуемое столкновение между Учредительным собранием и «волей и интересами трудящихся и эксплуатируемых классов, начавших 25 октября социалистическую революцию против буржуазии». Таким образом, всякая «попытка, прямая или косвенная, рассматривать вопрос об Учредительном собрании с формально-юридической стороны, в рамках обычной буржуазной демократии» была бы изменой делу пролетариата, ошибкой, в которую «впадают немногие из верхов большевизма, не умеющих оценить октябрьского восстания и задач диктатуры пролетариата». Учредительному собранию оставалось только сделать «безоговорочное заявление... о признании Советской власти, советской революции». Иначе «кризис в связи с Учредительным собранием может быть разрешен только революционным путем»²⁹.

Протокола обсуждения «Тезисов» Ленина Центральным Комитетом партии нет, но независимо от того, имело ли место формальное обсуждение или нет, «Тезисы» стали с этого времени при-

знанной партийной доктриной. Для большевиков ленинские «Тезисы об Учредительном собрании» окончательно сорвали покров с буржуазного конституционализма. Для других социалистических партий потребовались тяжелые события, прежде чем они поняли, что означает пролетарская революция. Принятие «Тезисов» привело к двум практическим результатам. Во-первых, оно сделало непреодолимым разрыв между большевиками и социалистическими партиями, которые (кроме левых эсеров) считали, что революция все еще находится на буржуазном этапе: поскольку был признан пролетарский характер революции, те, кто придерживался демократических взглядов, логично и неизбежно становились контрреволюционерами, если и не на деле, то по названию. Во-вторых, это решило судьбу Учредительного собрания, которое представляло собой вершину демократической революции, но являлось анахронизмом в условиях, когда эта стадия была уже пройдена пролетарской социалистической революцией. Насущный вопрос «двоевластия» — борьба между Советами и представительными органами буржуазной демократии, свирепствовавшая со времени Февральской революции, — наконец разрешился. Теперь Учредительное собрание должно было уступить или быть сметено. Следует отвергнуть как ошибочное любое предположение о том, что меры, предпринятые против него, были результатом внезапного или непреднамеренного решения, подсказанного всем случившимся после созыва Собрания. Действия большевиков вытекали из продуманной политики и ясного взгляда на поступательное развитие революции от буржуазно-демократического к пролетарско-социалистическому этапу.

Публикация ленинских «Тезисов об Учредительном собрании» стала своего рода объявлением войны Собранию и политическим партиям, которые, по-видимому, должны были играть в нем главную роль. Действия, предпринятые в последующие три недели, представляли собой лишь тактические шаги в той кампании, стратегия которой была уже определена. 17 (30) декабря 1917 г. был арестован лидер правых эсеров Авксентьев вместе с несколькими сподвижниками. В передовой статье «Известий» указывалось, что он арестован не «как член Учредительного Собрания», а за «организацию контрреволюционного заговора»³⁰. Это был первый случай применения таких мер к представителям социалистической партии. 20 декабря 1917 г. (2 января 1918 г.) декретом Совнаркома созыв Учредительного собрания был назначен на 5 (18) января 1918 г. при достижении кворума в 400 человек³¹, а через два дня ВЦИК принял резолюцию о созыве III Всероссийского съезда Советов 8 (21) января 1918 г. и Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов через несколько дней. Зиновьев, теперь снова послушный сторонник Ленина, объяснял это решение, ясно сформулировав ленинскую доктрину:

«Мы видим в тяжбе Учредительного Собрания и Советов исторический спор между двумя революциями, — революцией буржу-

азной и революцией социалистической. Выборы в Учредительное Собрание дают отзвук первой буржуазной революции, происшедшей в феврале, но отнюдь не народной, социальной».

Термины резолюции выражали открытый вызов. В ней разоблачался лозунг «Вся власть Учредительному Собранию» как исходный момент к объединению «всех без исключения контрреволюционных элементов» и как прикрытие лозунга «Долой Советы». Целью резолюции было «всей организованной силой Советов поддержать левую половину Учредительного Собрания против его правой, буржуазной и соглашательской половины»³². Меншевик Суханов кратко изложил логическую дилемму: если текущие события — часть буржуазной революции, то надо полностью поддержать Учредительное собрание; если это фактически революция социалистическая, то Учредительное собрание вообще не следует созывать³³. Однако избранная тактика, хотя она, возможно, и явилась результатом компромисса, достигнутого в ходе партийных дискуссий, была исполнена большего драматизма. Это ясно ощущается в протесте уцелевших меньшевиков, которые еще оставались в первом ВЦИКе, назначенном I Всероссийским съездом Советов, и теперь влачили призрачное существование с еще более туманной надеждой на законность. В их протесте говорилось: III Всероссийский съезд Советов созывается «с целью сорвать Учредительное Собрание»³⁴.

Подготовка к кампании была завершена на заседании ВЦИКа 3 (16) января 1918 г.³⁵, когда был составлен проект Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа для принятия его Учредительным собранием. Декларацию открывало уже цитировавшееся заявление конституционного характера:

«1. Россия объявляется республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам.

2. Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик».

Затем в длинное изложение принципов, представлявшее собой вложенное в уста Учредительного собрания одобрение советской политики и законодательства, введены были два параграфа, которые являлись актом отречения со стороны Собрания:

«Будучи выбрано на основании партийных списков, составленных до Октябрьской революции, когда народ не мог еще всей массой восстать против эксплуататоров, не знал всей силы их сопротивления при отстаивании ими своих классовых привилегий, не взялся еще практически за созидание социалистического общества, Учредительное собрание считало бы в корне неправильным, даже с формальной точки зрения, противопоставлять себя Советской власти...

Поддерживая Советскую власть и декреты Совета Народных Комиссаров, Учредительное собрание считает, что его задачи ис-

черпываются установлением коренных оснований социалистического переустройства общества»³⁶.

И чтобы мораль этих параграфов не осталась незамеченной, «Известия» 4 (17) января 1918 г., накануне открытия Учредительного собрания, опубликовали текст резолюции, также исходявшей от ВЦИКа и составленной на языке кратком и не оставлявшем сомнений.

«На основании всех завоеваний октябрьской революции и согласно принятой на заседании Центрального Исполнительного Комитета 3-го января с. г. декларации трудового и эксплуатируемого народа, вся власть в Российской Республике принадлежит Советам и Советским учреждениям. Поэтому, всякая попытка со стороны кого бы то ни было, или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваема как контрреволюционное действие. Всякая такая попытка будет подавляться всеми имеющимися в распоряжении Советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы»³⁷.

Объявление кадетов вне закона и арест нескольких руководителей правых эсеров в основном ослабили потенциальную агрессивность Учредительного собрания. Но определенная осторожность тактики большевиков в этом вопросе была вызвана опасением, существовавшим у некоторых большевиков, хотя и не подтвердившимся впоследствии, что Учредительное собрание поддерживают массы. Когда 5 (18) января 1918 г. Учредительное собрание было созвано, вместо старейшего члена Собрания, который по традиции намеревался провозгласить его открытие, на трибуну вышел Свердлов и от имени ВЦИКа объявил Собрание открытым. Французская революция, сказал он, приняла Декларацию прав человека и гражданина, которая была «декларацией прав на свободную эксплуатацию людей, лишенных орудий и средств производства». Русская революция должна принять свою собственную декларацию прав. Затем он прочитал проект, подготовленный ВЦИКом двумя днями ранее, и кратко предложил Собранию принять его.

Остальная часть заседания служила лишь иллюстрацией нереальности Собрания и коренных теоретических противоречий между его участниками. Лидер правых эсеров Чернов был избран председателем, получив значительно большее число голосов, чем представительница левых эсеров Спиридонова, которую поддерживали большевики. Выступивший от имени большевиков Бухарин красноречиво говорил о ближайших задачах социалистической революции:

«Тот водораздел, который сейчас делит все это собрание на... два непримиримых лагеря, лагеря принципиальных, — этот водораздел проходит по линии: за социализм или против социализма».

Чернов в своей речи с председательского места провозгласил «волю к социализму».

«...Но о каком социализме говорил гражданин Чернов? О том, который будет лет через двести, который будет делаться нашими внуками, об этом социализме он говорил? Мы говорим о живом, активном, творческом социализме, о котором мы хотим не только говорить, но который хотим осуществлять. И вот, товарищи, это называется быть активным социалистом».

Штейнберг, левый эсер, который был в Совнаркоме народным комиссаром юстиции, уклонился от обсуждения принципиальных вопросов, предлагаемого правыми эсерами, и утверждал, что прошло время политических дискуссий и что Учредительное собрание как «ребенок народа» должно «подчиниться воле трудового народа, изложенной в программе Совета Р. и С.Д.». Речь меньшевика Церетели отличалась высокой теоретической убедительностью и последовательностью. В своем невероятно растянутом выступлении он приводил доводы, как это делали меньшевики на протяжении 14 лет, против «анархических попыток введения социалистического хозяйства в отсталой стране» и утверждал, что «только на почве народовластия, основанного на всеобщем и равном избирательном праве... может успешно развиваться их [рабочих] классовая борьба за конечное освобождение»³⁸.

Речи не прекращались почти 12 часов. Но не многое из сказанного имело хоть какое-то отношение к окружающему миру. Резкий вызов, содержащийся в советской декларации, игнорировали; как и вопрос о сосредоточении действенной власти в руках пролетариата и Советского правительства. Никакого альтернативного правительства, способного удержать власть, не предлагали, да и не могли предложить. В этих условиях дискуссии были беспредметными.

В полночь декларация большевиков была отвергнута большинством из 237 голосов против 138. Взамен было принято предложение правых эсеров обсудить текущие политические вопросы. И дискуссия продолжалась. Наконец, уже под утро, большевик Раскольников заявил об уходе большевиков из-за «контрреволюционного большинства». Час спустя ушли и меньшевики. Затем Центральный Комитет партии большевиков, заседавший в том же здании, решил действовать. Командовавший военным караулом матрос Железняков заявил председателю, что получил приказ Учредительное собрание закрыть, «потому что караул устал»³⁹. Последовало замешательство, и в этих условиях были зачитаны резолюция по аграрному вопросу и призыв к союзным державам о мире. Было объявлено, что оба документа приняты. Учредительное собрание смогло лишь повторить в основном то, что сделал II Всероссийский съезд Советов на следующий день после революции, десятью неделями ранее, что было характерным проявлением несостоятельности Учредительного собрания. Затем около пяти часов утра был объявлен перерыв в заседаниях на 12 часов. Но заседания так никогда и не возобновились. Позже в тот же день ВЦИК после двухчасовой речи Ленина⁴⁰ принял постанов-

ление о роспуске Учредительного собрания. Чтобы оно вновь не собралось, прибегли к простому методу: поставили караул у входа в Таврический дворец.

Маркс, анализируя переворот, совершенный Луи Бонапартом 2 декабря 1851 г., дал знаменитое описание действий его предшественников.

«Кромвель при роспуске Долгого парламента явился один в зал заседаний, вынул часы, дабы не дать парламенту просуществовать ни одной минуты долее назначенного им срока, и выпроваживал каждого члена парламента веселыми юмористическими насмешками. Наполеон, более мелкий, чем его прототип, все же отправился 18 брюмера в Законодательный корпус и прочел ему — правда, прерывающимся голосом — его смертный приговор»⁴¹.

У каждого периода истории есть свой драматический символ. Одним из таких символов стал вооруженный матрос, закрывающий Учредительное собрание, «потому что караул устал». Но за внешней небрежностью скрывалось определенное беспокойство большевиков о возможных последствиях их своеволия. Демонстрация в поддержку Учредительного собрания, состоявшаяся во время его заседания, была разогнана войсками, и несколько человек, которых попеременно называли то «мирными демонстрантами», то «вооруженными заговорщиками», были убиты⁴². Однако роспуск Учредительного собрания почти не вызвал протестов, и мнение члена Совета от правых сил, одинаково не сочувствовавшего ни эсерам, ни большевикам, видимо, точно отражает преобладавшие тогда настроения.

«Впечатление «неправа», совершенного большевиками над Учредительным Собранием, было в значительной степени смягчено недовольством самим Учредительным Собранием; его, как говорили, «недостойным поведением», трусливостью и податливостью председателя Чернова. Учредительное Собрание бранили больше, чем большевиков, разогнавших его»⁴³.

Это было еще одно подтверждение отсутствия в России прочной базы или какой-либо широкой народной поддержки для институтов и принципов буржуазной демократии. Поэтому, когда 10 (23) января 1918 г. в Таврическом дворце открылся III Всероссийский съезд Советов, он оказался естественным, хотя и своеобразным, наследником Учредительного собрания, формальный роспуск которого он немедленно утвердил. После пения «Интернационала» была также исполнена «Марсельеза» как «историческое воспоминание о пройденном пути». Преисполненный энтузиазма составитель официального отчета так объясняет эту символику: «Интернационал победил Марсельезу, как революция пролетарская оставляет позади революцию буржуазную»⁴⁴. Задачей съезда, как сообщил в своем вступительном слове председательствовавший на нем Свердлов, было «строительство новой, грядущей жизни и создание Всероссийской власти». Предстояло «решить, будет ли эта

власть иметь какую-либо связь с буржуазным строем или окончательно и бесповоротно установится диктатура рабочих и крестьян»⁴⁵. Ленин, как обычно, был осторожен в анализе, но тверд в выводах:

«Тот, кто понял, что такое классовая борьба, что значит саботаж, который организовали чиновники, тот знает, что перескочить сразу к социализму мы не можем... Я не делаю иллюзий насчет того, что мы начали лишь период *переходный* к социализму, что мы до социализма еще не дошли. Но вы поступите правильно, если скажете, что наше государство есть социалистическая республика Советов»⁴⁶.

Мартов снова повторил довод меньшевиков о том, что

«полное социалистическое преобразование возможно только после длительной работы, созданной необходимостью пересоздать всю политическую организацию общества, укрепить экономическое положение страны и только после приступить к введению в жизнь лозунгов социализма»⁴⁷.

Ленин в своем ответном слове напомнил о пути, пройденном за последние 12 лет:

«О буржуазно-демократической революции большевики говорили в 1905 году, но теперь, когда Советы стали у власти, когда рабочие, солдаты и крестьяне в неслыханной по своим лишениям и ужасам обстановке войны, в атмосфере развала, перед призраком голодной смерти, сказали — мы возьмем всю власть и сами примемся за строительство новой жизни, — в это время не может быть и речи о буржуазно-демократической революции. И об этом большевиками на съездах и на собраниях и конференциях резолюциями и постановлениями было сказано еще в апреле месяце прошлого года»⁴⁸.

В политическом отношении довод Ленина вряд ли можно было опровергнуть. Октябрьская революция решила вопрос добра и зла. Завершилась буржуазная революция или нет, назрело или не назрело время пролетарской революции — и какими бы ни были последствия негативного ответа на эти вопросы, — пролетарская революция фактически свершилась. После Октября 1917 г. никто не мог вернуть обратно того, что сделано, или загнать революцию назад в буржуазно-демократические рамки. Политическое развитие, казалось, обогнало экономическое развитие. Ленин это и предполагал в канун Октября:

«Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему *политическому* строю догнала передовые страны. Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и *экономически*»⁴⁹.

Однако гипотеза о внезапно обретенной политической зрелости была некоторым насилием над фактами, так же как и над марксистским учением. Ленин сам не мог не сознавать этой неувязки, поскольку в дальнейшем его оценка ситуации, сложившей-

ся осенью 1918 г., была уже существенно иной, чем та, с которой он выступил на III Всероссийском съезде Советов в январе того же года: «Да, революция наша буржуазная, *пока мы идем вместе* с крестьянством, как *целым...* *Сначала* вместе со «всеми» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). *Затем*, вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплуатируемыми, *против капитализма*, в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов, и постольку революция становится *социалистической*»⁵⁰.

И Ленин продолжал, обращаясь после долгого перерыва к идее Маркса (хотя и не к самой фразе) о «перманентной», или «непрерывной», революции:

«Пытаться поставить искусственную, китайскую, стену между той и другой, отделить их друг от друга чем-либо иным, *кроме* степени подготовки пролетариата и степени объединения его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опощение его, замена либерализмом»⁵¹.

Эти сложности анализа отнюдь не были чисто схоластическими. В них отразились трудности социалистической революции, которая, оглядываясь на марксистскую схему, старалась заполнить в ней пустующее место буржуазной демократии и буржуазного капитализма.

Когда закончились дискуссии, III Всероссийский съезд Советов принял Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа без последних двух абзацев, которые оказались излишними. По предложению народного комиссара по делам национальностей Сталина съезд также утвердил резолюцию «О федеральных учреждениях Российской Республики»; из 900 делегатов лишь 24 голосовали против этой резолюции и трое воздержались. Первый ее абзац добавил к основам советского строя новый краеугольный камень:

«Российская социалистическая советская республика учреждается на основе добровольного союза народов России, как федерация советских республик этих народов»⁵². Слово «временное», до этого официально прибавлявшееся к названию рабоче-крестьянского правительства, исчезло. Съезд поручил ВЦИКу подготовить и представить к следующему съезду проект «основных положений конституции Российской федеративной республики».

Часть II

КОНСТИТУЦИОННАЯ СТРУКТУРА

ГЛАВА 6

КОНСТИТУЦИЯ РСФСР

Решение до этого времени анонимного «Рабоче-Крестьянского Правительства» покончить со своим статусом временного, определиться географически и идеологически и разработать свою официальную Конституцию символизировало переломный момент в его истории. Новая Конституция не столько создавала новые формы правления, сколько фиксировала и регулировала те формы, которые стихийно складывались в ходе революционной социальной перестройки.

Споры в комиссии, занимавшейся составлением проекта, отражали трения, сопровождавшие естественный процесс роста; и та же гибкость позволила Конституции сохраниться, несмотря на все поправки и изменения, в течение 18 революционных лет. Тем не менее нетрудно и преувеличить то значение, какое ей придавали ее составители. Энтузиазм первых месяцев революции не оставлял места для большого уважения к конституционным формам. Период составления проекта Конституции был периодом серьезного и продолжительного кризиса в экономике и во внешней политике, который угрожал самому существованию режима и оставлял мало времени для других, менее важных дел. Наконец, республика, для которой составлялась Конституция, все еще рассматривалась ее руководителями как короткий переходный этап на пути к мировой социалистической революции или федерации республик. Вряд ли предполагалось, что Конституция сохранится как действующий документ. Ее характер и назначение, возможно, лучше всего выражает фраза, сказанная одним современным историком по поводу якобинской революции 1793 г. — «политическая перспектива»¹.

При таких обстоятельствах неудивительно, что главные руководители не участвовали лично в этой работе. Пересмотр партийной Программы, много обсуждавшейся в то время, хотя так и не предпринятый до следующего года, привлекал к себе гораздо больше внимания в партийных кругах. В многочисленных работах и выступлениях Ленина за эти месяцы мы напрасно стали бы искать упоминание о составлении Конституции. Это был период брест-литовского кризиса и поспешного перевода столицы из Пет-

рограда в Москву. В течение более чем двух месяцев, кроме нескольких черновых проектов, подготовленных в комиссариатах внутренних дел и юстиции и еще где-то², никакого прогресса в деле составления Конституции не достигли, и когда в марте собрался IV Всероссийский съезд Советов, ничего не было готово. Тогда, 1 апреля 1918 г., ВЦИК после короткого обсуждения решил создать комиссию по составлению проекта Конституции. Председателем ее стал Свердлов — доверенное лицо партии и председатель ВЦИКа. В состав комиссии вошли: Сталин, считавшийся в партии специалистом по национальному вопросу и единственный в комиссии представитель Совнаркома; Бухарин и Покровский, оба партийные идеологи; Стеклов, в прошлом колебавшийся между большевиками и меньшевиками, после Февральской революции секретарь Исполнительного комитета Петроградского Совета, а теперь — редактор газеты «Известия», и представители комиссариатов внутренних дел, юстиции, по делам национальностей, по военным и морским делам и народного хозяйства³. Комиссия работала три месяца и составила согласованный текст. Результат ее трудов был опубликован 3 июля 1918 г.; в тот же день он был представлен на утверждение Центральному Комитету партии, до обсуждения на V Всероссийском съезде Советов.

Конституция начиналась с изложения общих принципов. Первые четыре главы в точности повторяли Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятую на III Всероссийском съезде Советов. В главе пятой излагался ряд «общих положений», включая: федеративный характер республики; отделение церкви от государства и школы от церкви; свободу слова, мнений и собраний для рабочих, гарантируемую предоставлением в их распоряжение технических средств для издания газет, брошюр и книг, а также помещений для собраний; обязанность всех граждан работать в соответствии с принципом «Не трудящийся да не ест»; обязанность всех военнослужащих защищать республику; право гражданства для всех трудящихся, проживающих на территории России и право убежищ для иностранцев, преследуемых по политическим или религиозным мотивам; и уничтожение всякой дискриминации по расовым или национальным признакам. Далее Конституция переходила к вопросам практического характера.

Главы с шестой по восьмую касались организации центральной власти. Высшая власть принадлежала Всероссийскому съезду Советов, который состоял из представителей городских Советов (из расчета один депутат на 25 тыс. избирателей) и губернских Советов (один депутат на 125 тыс. жителей). Всероссийский съезд Советов избирал Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) в составе не более 200 членов, который осуществлял всю власть съезда в промежутках между съездами. ВЦИК назначал Совет Народных Комиссаров (Совнарком), в чьи функции входило «общее управление делами Российской Социалисти-

ческой Федеративной Советской Республики», а также издание «декретов, распоряжений, инструкций».

В главе девятой были определены функции Всероссийского съезда Советов и ВЦИКа, а главы с десятой по двенадцатую были посвящены организации областных, губернских, уездных, волостных съездов Советов и образованию городских и сельских Советов. Глава тринадцатая устанавливала, что правом избирать и быть избранными пользуются «все добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом», солдаты и нетрудоспособные; исключались лица, прибегающие к наемному труду, живущие на проценты с капитала, частные торговцы, монахи и священнослужители, служащие и агенты бывшей полиции. Остальные статьи касались обычных деталей.

Составление конституции — это обычно поле битвы соперничающих друг с другом целей, и окончательный продукт несет на себе более или менее заметные шрамы от этой борьбы. Споры, которыми сопровождалось составление первой Конституции РСФСР, шли в трех направлениях, подчас едва распознаваемых. Это было противоборство между теми, кто пытался ослабить власть государства, и теми, кто пытался ее усилить; между теми, кто желал рассредоточения власти и развития инициативы местных властей, и теми, кто желал концентрации власти и системы подчинения единому центру; между теми, кто добивался федерализма действенного, и теми, кто под любым прикрытием стремился установить «единую и неделимую» республику. Первая группа частично состояла из левых эсеров, которые по традиции придерживались этих тенденций, но не только из них; наиболее активным представителем этой группы в комиссии по составлению проекта Конституции был Рейснер, работавший в народном комиссариате юстиции. Во взглядах этой группы был, однако, оттенок непрактичности, утопизма, так что в условиях обострения борьбы и серьезной угрозы революционному государству более трезвые реалисты, возможно, одержали бы верх, даже не располагая неопровержимыми доводами. И все же многие противоречия в советской политике были заложены в спорах комиссии по составлению Конституции.

В большевистской теории государства имелось противоречие, наблюдавшееся еще в марксистской доктрине. Маркс и Энгельс полностью разделяли традиционную неприязнь социалистов к государству, орудию подавления, и верили, что в условиях социализма государство полностью отомрет. В то же время они признавали необходимость создания мощной государственной машины, чтобы прийти к победе революции через установление диктатуры пролетариата. Ленин, который накануне революции посвятил одну из лучших своих работ, названную «Государство и революция», анализу учения Маркса о государстве, столкнулся с дилеммой, рассматривая диктатуру пролетариата как временную меру,

необходимую, пока не уничтожены остатки буржуазной власти, но предназначенную, как любая другая форма государства, отмереть, когда будет достигнута конечная цель — коммунизм⁴. Таким образом, большевистские вожди могли, поддерживая глубоко укоренившуюся социалистическую традицию враждебного отношения к государству, отстаивать как временную меру необходимость укрепления государственной власти — необходимость важнейшую, ставшую особенно очевидной в период мрачной зимы 1917/18 г. и еще более мрачного лета 1918 г.

Недоверие к государству и противодействие буржуазному парламентаризму, лежавшие в основе марксистской теории, толкнули даже многих большевиков на позиции синдикализма. Склонность к синдикализму давно проявляли и левые эсеры. Пока живы были традиции буржуазной демократии, обличение ее как-то объединяло большевиков и синдикалистов. И те и другие считали, что «гражданин» при буржуазной демократии — это расщепленный абстрактный образ, и рассматривали человека главным образом как представителя класса производителей. Неудивительно поэтому, что сильнейшие нападки на концепцию мощного Советского государства имели синдикалистский оттенок. Советы действительно по своему рождению были организациями скорее профессиональными, чем территориальными, и они легко поддались этому влиянию⁵. Проект Конституции, поступивший в январе 1918 г. от комиссариата юстиции, был чистейшим образцом синдикализма. В нем предлагалась республика, состоящая из пяти профессиональных федераций — «земледельцев; промышленных рабочих; служащих торговых предприятий; служащих у государства (чиновники); служащих у частных лиц (прислуга)»⁶. И, судя по речи представителя левых эсеров Трутовского на заседании ВЦИКа, где была утверждена комиссия по выработке проекта Конституции, это не было просто чудачеством. Трутовский подробно доказывал, что Конституция — понятие буржуазное, что социалистическое государство только как определенный «центр регулирует отношения производственные и хозяйственные» и что задача комиссии разработать проект, «вернее, не конституции, а взаимоотношений, которые должны существовать между различными органами власти, поскольку мы можем говорить о власти над людьми»⁷. Вопрос об основном принципе не ставился ВЦИКом на голосование, и в течение всего апреля Рейснер продолжал излагать эти идеи в комиссии по выработке Конституции:

«Необходимо лишь иметь в виду, что территориальная организация и территориальный федерализм совершенно не могут служить основанием для решения государственных вопросов в социалистической республике. Ибо наш федерализм есть не союз территориальных государств или штатов, а федерация социально-хозяйственных организаций. Она строится не на территориальных фетишах государственной власти, а на реальных интересах трудящихся классов Российской Республики»⁸.

При заключительном обсуждении Конституции на V Всероссийском съезде Советов один из выступавших выразил пожелание отменить термины «федерация» и «республика», поскольку они напоминают о старом, негодном понятии государства, и назвать созданную новую реальность — «Всероссийская Трудовая Коммуна»⁹.

Эти синдикалистские отклонения заставили вмешаться Сталина. Он представил комиссии ряд тезисов и обеспечил принятие их за основу большинством голосов. В тезисах содержалось напоминание о том, что вырабатываемый «в настоящее время Комиссией план конституции должен быть временный, рассчитанный на период переходный от буржуазного строя к социалистическому», и что следует поэтому учесть «вопросы о диктатуре пролетариата и деревенской бедноты, об организации власти, как выражения такой диктатуры и пр., — вопросы, совершенно не идущие к установившемуся социалистическому строю, где не будет ни классов, ни аппарата власти»¹⁰. Отмирание государства оставалось конечным идеалом. Но в промежуточный период государственная форма социалистической Советской республики должна была быть подогнана под обычный для мира капитализма образец территориальной самостоятельности. Статья пятая окончательного варианта Конституции искусно сочетала признание переходного характера советской государственной власти с напоминанием, что пока она сохраняется, ей следует быть сильной:

«Основная задача рассчитанной на настоящий переходный момент Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти».

Тем не менее, поскольку «водворение социализма» могло произойти лишь как событие международного масштаба, Российская федерация была лишь первой частицей будущей всемирной федерации социалистических республик¹¹. В этом смысле также она выражала «переходный момент».

Между идеей государства, находящегося на пути к собственному отмиранию, и идеей государства диктатуры пролетариата, достаточно сильного, чтобы сломить сопротивление буржуазии, существовало подспудное противоречие, которое отразилось в борьбе между местным самоуправлением и централизацией. Особенность советской структуры состояла в том, что она строилась вокруг Советов, которые уже обрели форму и определенную степень организованности, прежде чем стали конституционными органами государственной власти. Вновь и вновь подчеркивалось, что Конституция лишь регистрирует те формы, которые стихийно рожда-

ют сами массы. И в отчете о работе комиссии, сделанном на V Всероссийском съезде Советов, было сказано, что Конституция «осуществилась на практике задолго до того, как была написана на бумаге»¹².

Советы первоначально были, и отчасти всегда оставались, свободными и неформальными собраниями без ясно очерченных функций. Представители сельских Советов, созданных без каких-либо зафиксированных или единых правил¹³, собирались на волостные съезды Советов, а их представители в свою очередь — на уездные съезды Советов¹⁴; уездные съезды вместе с городскими Советами, созданными на другой, главным образом профессиональной основе, посылали представителей на губернские съезды Советов, а те в свою очередь — на областные съезды¹⁵. Всероссийский съезд Советов составляли делегаты губернских или областных съездов, а также представители Советов наиболее крупных городов, которые не относились к низшим ступеням системы съездов. Местный Совет, городской или сельский, считался как бы истоком власти, а съезды Советов на разных уровнях и венчающий их Всероссийский съезд Советов — вытекали из него. По мнению Ленина, сама неформальность этой системы была ее достоинством:

«...Всякие бюрократические формальности и ограничения выборов отпадают, массы сами определяют порядок и сроки выборов, при полной свободе отзыва выбранных»¹⁶.

Советы, подобно Парижской Коммуне, создали «новый тип государства», свободного от отвратительных свойств старого бюрократического государства и предназначенного его заменить. «Вся власть на местах, — провозгласил II Всероссийский съезд Советов во время революции, — переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок»¹⁷.

Это идеализированное представление о власти не выдержало испытания действительностью. Сама стихийность движения, создавшая Советы на заводах и в деревнях по всей стране, означала, что их независимые действия не регулируются, не координируются и разрушительны с точки зрения нормального управления. После Октябрьской революции народный комиссариат внутренних дел издал декрет, пытаясь определить роль местных Советов при новом строе:

«На местах органами управления, органами местной власти являются советы, которые должны подчинить себе все учреждения, как административного, так и хозяйственного, финансового и культурно-просветительного значения... Каждая из этих организаций, вплоть до самой мелкой, вполне автономна в вопросах местного характера, но соотносит свою деятельность с общими декретами и постановлениями центральной власти и с постановлениями тех более крупных советских организаций, в состав которых она входит. Таким путем создается связный, во всех своих частях однородный организм — Республика Советов»¹⁸.

Однако в первые недели революции легче было издавать такие декреты, чем обеспечивать их соблюдение. В первой половине 1918 г., когда разрабатывалась Конституция РСФСР, признаки общего упадка и рассредоточения власти наблюдались по всей России. Ленин сам, возможно, рисовал в розовом свете то, что происходит, «когда любой местный Совет создает самостоятельную республику», и говорил, что это «болезнь роста» и «вполне естественное явление при переходе от царской России к России объединенных Советских организаций»¹⁹. Но если страна намеревалась преодолеть трудности, подступавшие со всех сторон, нельзя было всерьез игнорировать необходимость восстановления какой-либо действенной центральной власти.

Таким образом, условия в тот момент благоприятствовали тем, кто в комиссии по составлению проекта Конституции отстаивал централизацию. Первоначально спор возник по вопросу о том, начать ли с определения полномочий местных Советов или полномочий центральных органов. Говорят, что Сталин — не совсем ясно, каким образом, — своим предложением о федеральном принципе²⁰ изменил ход дискуссии. Существенное противоречие в формулировках статей 10 и 12 окончательного варианта Конституции, пожалуй, отражает остроту спора. Согласно одной из них: «Вся власть в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских Советах». Согласно другой: «Верховная власть в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике принадлежит Всероссийскому съезду Советов, а в период между съездами — Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету Советов». Но такое же формальное противоречие между источником власти снизу и осуществлением власти сверху существует в любой конституции, утверждающей, что ее основу составляет народовластие, а текст Конституции не оставлял места сомнениям. По указанию III Всероссийского съезда Советов «местные дела» должны были «решаться исключительно местными Советами», а за центральными властями был оставлен контроль за соблюдением «основ федерации», а также проведение «мероприятий, осуществимых лишь в общегосударственном масштабе». Решающее значение имело то, как это указание было воплощено в последнем тексте. Длинный, подробный перечень 17 «вопросов общегосударственного значения» и относящихся к компетенции Всероссийского съезда Советов и ВЦИКа был так составлен, что носил скорее иллюстративный, нежели исчерпывающий характер, а за ним следовала статья, предупреждавшая, что «сверх перечисленных вопросов, ведению Всероссийского съезда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов подлежат все вопросы, которые они признают подлежащими их разрешению»²¹. К вопросу о распределении остальных полномочий в этой статье подошли ближе, чем где бы то ни было еще в Конституции.

Далее в Конституции определялись в общих выражениях задачи местных Советов и областных, губернских, уездных, волостных съездов Советов с их исполнительными комитетами:

«а) проведение в жизнь всех постановлений соответствующих высших органов Советской власти;

б) принятие всех мер к поднятию данной территории в культурном и хозяйственном отношениях;

в) разрешение всех вопросов, имеющих чисто местное (для данной территории) значение;

г) объединение всей советской деятельности в пределах данной территории».

Последнее положение должно было способствовать тому, чтобы Советы вобрали в себя дореволюционные местные органы управления и трансформировались в обычные местные органы власти. Глава Конституции о бюджете, ставшая предметом спора между двумя народными комиссариатами — внутренних дел и финансов, была направлена на достижение того же результата. Декрет, принятый во время работы комиссии над проектом Конституции, запрещал местным Советам облагать налогами местные учреждения, которые входят в центральные комиссариаты, обслуживающие общие государственные нужды²². Конституция признавала право местных Советов устанавливать обложение «налогами и сборами исключительно на нужды местного хозяйства». Но все местные доходы и расходы были поставлены под непосредственный или косвенный контроль центра, причем бюджет низших Советов проверялся губернскими или областными Советами или их исполкомами, а бюджет городских, губернских и областных Советов — Всероссийским съездом Советов или ВЦИКом. Центральное правительство получило, в сущности, финансовую монополию, и предоставление кредитов и субсидий было мощным средством, поставившим местные Советы под контроль народного комиссариата внутренних дел²³.

Таким образом, место Советов в конституционной структуре было прочно закреплено. С одной стороны, они были формально первичными единицами власти и основой для избрания, в несколько промежуточных этапов, делегатов высшего органа — Всероссийского съезда Советов. С другой стороны, Советы были органами местного управления и пользовались значительной самостоятельностью, но в конечном счете подлежали контролю центральных правительственных органов через те же промежуточные уровни власти. Именно эта вторая и новая сторона их положения и причинила вначале некоторые беспокойство. В июне 1918 г., по словам авторитетного обозревателя, лозунг «Вся власть Советам!» в смысле: вся власть «местному самоуправлению» — был «ненужным, нелогичным и может быть применяем только по инерции»²⁴. Однако недисциплинированность местных Советов изживалась с трудом. Через шесть месяцев все еще было необходимо призывать

их «безоговорочно и очень точно выполнять все решения и приказы центральной власти»²⁵.

Третье направление, по которому наблюдались разногласия — федерация или унитарное государство, — открыто не обнаруживалось в дискуссиях о Конституции, но подразумевалось, когда речь шла о включении термина «федеративный» в название РСФСР. Слова «федеративный» и «федерация», имеющие точное значение в конституции, с точки зрения их политической окраски нейтральны. Во времена Войны за независимость федералисты стояли за союз и сильную центральную власть. Во времена Французской революции жирондисты выступали за рассредоточение власти и сопротивлялись якобинской политике централизации²⁶. Именно традиции Французской революции повлияли на взгляды социалистов XIX века на федерацию. В 1850 г. в своем «Обращении» к Союзу коммунистов Маркс писал, что, в то время как немецкие буржуазные демократы поддерживают федерацию и стремятся ослабить центральную власть путем усиления власти на местах, «рабочие не только должны отстаивать единую и нераздельную германскую республику, но и добиваться в этой республике самой решительной централизации силы в руках государственной власти»²⁷. Энгельс в самом конце жизни, критикуя систему существования «мелких государств» под эгидой федеральных конституций Германии и Швейцарии, утверждал, что «пролетариат может употребить лишь форму единой и неделимой республики»²⁸. С другой стороны, Прудон и анархисты, обращаясь к другому аспекту французской революционной традиции, свободно использовали слова «федеральный» и «федерация», не соблюдая при этом точности конституционных терминов, но приправив их сильной дозой эмоционального одобрения, чтобы подчеркнуть свободную добровольную ассоциацию территориальных единиц в противоположность сильному централизованному государству. Положение осложнялось тем, что коммунары 1871 г. — в большинстве своем скорее прудонисты, чем марксисты, — которые считали федерацию конечной формой союза свободных коммун и были широко известны как «федераты», получили благословение Маркса:

«Коммуна должна была стать политической формой даже самой маленькой деревни... Собрание делегатов, заседающих в главном городе округа, должно было заведовать общими делами всех сельских коммун каждого округа, а эти окружные собрания в свою очередь должны были посылать депутатов в национальную делегацию, заседающую в Париже... Немногие, но очень важные функции, которые остались бы тогда еще за центральным правительством... должны были быть переданы коммунальным, то есть строго ответственным, чиновникам».

Этот проект, послуживший прототипом российских Советов, вполне согласовывался с идеей местного самоуправления и открытой демократии в противоположность бюрократической и деспоти-

ческой исполнительной власти. Однако из контекста ясно, что Маркс здесь мыслил с точки зрения отмирания государства. Не было и речи о том, чтобы раздробить большую страну на «союз мелких государств, о чем мечтали Монтескье и жирондисты»; напротив, единство нации должно было «стать действительностью посредством уничтожения... государственной власти»²⁹.

Марксистское неодобрение федерализма было унаследовано Лениным и большевиками, а затем усилено долгой борьбой с еврейским Бундом, который вслед за австрийской социал-демократией стремился внести федеративный принцип в организацию партии. Даже позднее, когда предубеждение против федерального устройства государства было преодолено, большевики без колебаний отстаивали единую, централизованную Российскую Коммунистическую партию. Но вначале федерализм в государстве вызывал такие же категорические возражения, как и федерализм в партийной организации. В 1903 г. Ленин отчитал армянских социал-демократов за то, что они отстаивали идею создания Российской федеративной республики³⁰. В 1913 г. Ленин отмечал, что марксисты, «разумеется, относятся враждебно к федерации и децентрализации» (он, очевидно, не проводил четкого различия между ними) на том основании, что «капитализм требует для своего развития возможно более крупных и возможно более централизованных государств»³¹. В том же году в письме Ленин заявил, что он «в принципе против федерации», что федерация «ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства»³². Это был довод не конституционного, а практического характера. Федерация означала децентрализацию; унитарное государство одобрялось как инструмент централизации.

Как и другие политические принципы, противодействие федерации никогда не было для Ленина абсолютным правилом. Его следовало, к примеру, сравнить с принципом самоопределения нации. В декабре 1914 г. Ленин писал, что

«мы безусловно, *при прочих равных условиях*, за централизацию и против мещанского идеала федеративных отношений. Однако даже в таком случае... не наше дело, не дело демократов (не говоря уже о социалистах), помогать Романову-Бобринскому-Пуришкевичу душиť Украину и т. д.»³³

И все же традиции партии по-прежнему заставляли оказывать сильное противодействие федерации. В марте 1917 г. Сталин в статье «Против федерализма» писал, что всюду наблюдается стремление к централизации, и делал следующий вывод:

«Не ясно ли, что федерализм в России не решает и не может решить национального вопроса, что он только запутывает и усложняет его донкихотскими потугами повернуть назад колесо истории?»³⁴

Лишь победа революции смягчила партийную ортодоксальность. Во-первых, система Советов, сложившаяся по образцу Парижской Коммуны, непосредственно основанная на добровольном

участии местных органов власти в формировании центрального органа, была именно тем, что социалисты XIX века подразумевали под федерализмом. Во-вторых, федерация была тем политическим понятием, к которому можно было обратиться, чтобы удовлетворить чаяния зависимых в прошлом народов царской империи и в то же время удержать их в рамках советского строя. Стоило провозгласить право наций на самоопределение, как федерализм становился неизбежным следствием — или противоядием. Этот переломный момент совпал с выходом в свет работы Ленина «Государство и революция», написанной накануне Октябрьской революции. Энгельс в критике Эрфуртской программы, где он так решительно призывал к «единой и неделимой республике», тем не менее допускал, что «в Англии, где на двух островах живет четыре нации», федерация была бы «шагом вперед». Ленин, цитируя этот отрывок, характеризовал федерацию как «исключение и помеху развитию», которое есть «„шаг вперед“ при известных особых условиях. И среди этих особых условий выдвигается национальный вопрос»³⁵. Но из последовавшей за этим дискуссии стало ясно, что для Ленина вопрос о федеративном или унитарном государстве все еще был вопросом не конституционной формы, а децентрализации или централизации власти, и знаменательно, что это сдержанное признание целесообразности федерации содержалось в работе, где большое внимание было уделено отмиранию государства.

Такова была подоплека вопроса о федерации при создании Советской Конституции. В Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, проект которой был составлен ВЦИКом и представлен Учредительному собранию в качестве своего рода ультиматума, провозглашалась Российская Советская республика как «федерация Советских национальных республик», а после роспуска Учредительного собрания III Всероссийский съезд Советов поручил ВЦИКу составить проект «основных положений конституции Российской Федеративной Республики». Применение этого термина, несомненно, было вызвано отчасти его популярностью. Он даже окрылял синдикалистскую мечту о «федерации социально-хозяйственных организаций»³⁶.

Ясность внесло заявление Сталина, опубликованное в «Правде» 3 и 4 апреля 1918 г. во время работы комиссии над проектом Конституции. Советская федерация не представляла собой, как швейцарская или американская, союз территорий, разделенных лишь географическими условиями или исторической случайностью; это был «союз определенных исторически выделившихся территорий, отличающихся как особым бытом, так и национальным составом». Более того, в то время как буржуазная федерация — это «переходная ступень от независимости к империалистическому унитаризму», советская федерация представляла собой переход, который будет достигнут «с течением времени» от «принудительного царистского унитаризма» к «добровольному и братскому объединению трудовых масс всех наций и племен России». Конечная

цель состояла в переходе «к будущему **социалистическому** унитаризму»³⁷. По предложению Сталина комиссия приняла резолюцию, составленную в таких же выражениях, в качестве основы для предстоящей работы³⁸.

Теперь возникло ясное представление, что федерация хотя и не является сама по себе благом (это был бы слишком большой отход от установившейся партийной догмы), но в особых условиях национальной проблемы в России представляет собой удобную переходную ступень к чему-то лучшему. Этот взгляд подтвердила партийная Программа, принятая год спустя, которая характеризовала «федеративное объединение государств, организованных по советскому типу» как «одну из переходных форм на пути к полному единству»³⁹.

Эти колебания отразились в любопытном факте. В то время как РСФСР часто называли федерацией и в то время как слово «федеративный» появилось в ее названии и в начальных главах Конституции, где рассматривались общие принципы, оно в основной части Конституции не появлялось. Размеры и структура федерации и в значительной мере ее механизм не были определены. Это свободно можно было объяснить тревожной обстановкой, в условиях которой создавался проект Конституции. Весной и в начале лета 1918 г. германские войска оккупировали Прибалтику, большую часть Белоруссии и всю Украину, проникли даже на Северный Кавказ и в Закавказье, где Баку оставался одиноким островком большевистской власти. Большевистский Туркестан был отрезан от Европы. Сибирь, где власть большевиков в какой-то момент, казалось, понемногу укреплялась, была полностью отсечена в 1918 г. в результате чехословацкого мятежа, что привело также к установлению на Волге враждебного большевикам правительства. В этих условиях почти все в Конституции неизбежно представлялось временным. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа предоставила «рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном советском съезде, желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях».

В резолюции III Всероссийского съезда Советов о проекте Конституции предусматривалось, что «способ участия советских республик, отдельных областей в федеральном правительстве» должен определяться, когда республики и районы окончательно образованы. Но этого еще не произошло, и приходилось создавать Конституцию для федерации еще не определившихся или не существовавших единиц. Что было фактически создано в 1918 г., так это Российская республика с неопределенной территорией. В общих положениях Конституции было оставлено место для включения «автономных областей»; в Статье 11 указывалось, что высшие органы автономной области, ее съезд Советов и исполнительный комитет, будут иметь те же ранг и статус, что и областной съезд

Советов и исполком любой другой области РСФСР, русский или нерусский. Другими словами, в Конституции, как и в ранних произведениях Ленина и Сталина, федерация рассматривалась как эквивалент децентрализации. Это скорее был вопрос административной организации, чем вопрос о сущности Конституции. В партийной резолюции 1913 г. «По национальному вопросу» не удалось определить различие между «широкой областной автономией» и «демократическим местным самоуправлением»⁴⁰; понятия эти все еще представлялись большевикам идентичными. Вопрос об особом федеральном механизме, в отличие от вопроса о разделении функций между центральными и местными органами власти, совершенно не был отражен в Конституции 1918 г. Запланированное устройство, возможно, было вполне целесообразным для обеспечения национальным группам на местах достаточной степени самостоятельности, не подвергая опасности целостность РСФСР, но оно не было федеральным в конституционном смысле.

Вопрос о федерации показывает характер разрыва между двумя теориями: той, что положена в основу Конституции РСФСР, и той, что вдохновляла конституции буржуазных государств и федераций. Понятие конституционного закона для западного мира означало закон, которому подчиняется само государство. Это понятие несовместимо с доктриной, считающей закон творением государства. Большинство конституций Запада основывалось на представлении, что власть государства есть нечто такое, что надо ограничить, чему надо положить пределы, чтобы не допустить злоупотребления. Конституция была уступкой, вырванной у монарха. Федерации возникали из территориальных образований, решившихся допустить по возможности минимальное вмешательство в свои дела федерального правительства. В буржуазных конституциях такие ограничения еще могли иметь какое-то значение, поскольку давали рабочим определенную защиту от буржуазного государства. Но в Советской Конституции подобным компромиссам не было места. По словам Сталина, она «пришла в свет не в результате сделки с буржуазией, а в результате победоносной революции»⁴¹. Это означало не равновесие или соглашение между противоборствующими силами, а диктатуру пролетариата. Абсолютный характер большевистской теории выражали слова «самодержавие народа», как бы пародировавшие титул царя — «самодержец». Они часто упоминались в партийной Программе 1903 г. и в партийных кругах. Каждое государство и каждое правительство есть орудие господства правящего класса. Диктатура пролетариата, как любая другая форма государства, была по выражению Ленина, «особой *дубинкой*, *rien de plus*»*, цель которой — сломить

* Ничего более (фр.). — Прим. ред.

и подавить эксплуататорские классы. Отсюда следовало, что власть, которой конституция облакает такое государство, по сути своей неограниченна, безраздельна и абсолютна.

Именно исходя из таких взглядов, Советская Конституция не содержала признания «конституционных гарантий» или прав граждан на защиту от государства. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа не была декларацией прав в обычном смысле; это было провозглашение социальной и экономической политики. Что было вполне логично. Марксизм отвергал буржуазное представление о том, что свобода индивидуума может быть гарантирована невмешательством государства в его дела; такая свобода в условиях классового правления была формальной и неэффективной. Чтобы дать рабочим подлинную свободу, нужны позитивные действия. Так, Конституция РСФСР обеспечивала рабочим свободу совести путем отделения церкви от государства и школы от церкви; свободу мнений — предоставляя рабочим «все технические и материальные средства к изданию газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати» и для их распространения по всей стране; свободу собраний — предоставляя в распоряжение рабочих «все пригодные для устройства народных собраний помещения с обстановкой, освещением и отоплением»; доступ к знаниям — предоставив «полное всестороннее и бесплатное образование». Свободу рабочего следовало защищать не от государства, а с помощью государства. Конституция как раз и давала обещание и гарантию такой защиты. Представление о противоположности интересов личности и государства было естественным для классового государства. Интересы отдельного рабочего совпадали с интересами рабочего класса как целого; было бы нелогично и нелепо противопоставлять его рабочему государству.

Из этого также следовало, что Конституция не признает формального равенства прав. Такой традиции не было в российской конституционной практике. Подданные царя делились на пять установленных законом сословий, у которых был различный законный статус⁴². Декрет от 10 (23) ноября 1917 г. отменил эти различия и установил в законодательном порядке единую категорию граждан⁴³. Но пока на деле экономические классы существовали, равенство между отдельными членами неравных классов, о котором говорилось в буржуазно-демократических конституциях, непременно оставалось, как утверждали большевики, нереальным. Равенство индивидуумов могло стать реальным только в бесклассовом обществе. Целью диктатуры пролетариата было не установление формального равенства отдельных представителей буржуазии и рабочего класса, а уничтожение буржуазии как класса. Советы, явившиеся воплощением этой диктатуры, были классовыми органами рабочих и крестьян. Только рабочих и крестьян призывали в Красную Армию. Таким образом, логично, что права, предоставленные Конституцией, предоставлялись «трудящимся», или «рабочему классу и крестьянской бедноте» — и только им

одним. В изложении «общих положений» особо оправдывалась дискриминация:

«Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции».

Отсюда не являлись законными такие принципы буржуазной демократии, как «один человек — один голос», и избирательное право «перестает быть правом и превращается в социальную функцию избирателей»⁴⁴. По Конституции РСФСР, лишены были права избирать и быть избранными «лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли», «лица, живущие на нетрудовой доход», «частные торговцы», «монахи и духовные служители церквей и религиозных культов», а также преступники и умалишенные. Решение не лишать права голоса специалистов и интеллектуалов долго оспаривалось и, как отмечает исследователь, было вызвано «не соображениями о какой-то социальной справедливости и всего менее движениями прекраснотушия», а соображениями практической пользы⁴⁵. Дискриминационное избирательное право оставалось в силе до 1936 г.

В более сложной форме дискриминация проявилась в различии между правилами проведения выборов на Всероссийский съезд Советов в городе и на селе. В городах избирался один делегат съезда на каждые 25 тыс. *избирателей*, в деревне — один на каждые 125 тыс. *жителей*. Различие имело свое историческое объяснение. Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — суверенный орган РСФСР — возник от слияния Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов и Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов, которое произошло в ноябре 1917 г., когда было достигнуто соглашение между большевиками и левыми эсерами. Естественно, что городские и сельские Советы сохранили метод расчетов, который соответствовал их условиям и к которому они привыкли: первые — по числу работников, относящихся к данному Совету, последние — по числу жителей данного района. Единственной трудностью было установление соотношения между ними. Фактически было сохранено соотношение «один делегат на 25 тыс. избирателей», принятое организаторами I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов в июне 1917 г.⁴⁶, а соотношение «один делегат на 150 тыс. жителей», принятое Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов, было увеличено до соотношения «один делегат на 125 тыс. жителей». Установившееся в результате соотношение один к пяти отстаивал на заседании ВЦИКа Стеклов. ВЦИК выразил одобрение по поводу того, что Конституция не дает преимуществ городам и устанавливает для них лишь равное с деревней представительство⁴⁷. Довод был нелогичным⁴⁸, и его не поддерживали другие представители Советов. Ленин говорил, что «неравенство рабочих с крестьянами» записано в Конституции, и

объяснял природу этого неравенства с точки зрения истории Советов⁴⁹. В партийной Программе, принятой в 1919 г., специально отмечалось, что «наша Советская конституция» отражает ведущую роль городского пролетариата в революции, «сохраняя некоторое преимущество за промышленным пролетариатом сравнительно с более распыленными мелкобуржуазными массами в деревне»⁵⁰. Такие вопросы всегда следовало рассматривать на основании опыта, а не с точки зрения формального или абстрактного равенства. Более высоко развитое классовое сознание городских рабочих и, следовательно, их больший вклад в борьбу против буржуазии давали им право на преимущества в избирательной системе революционного государства.

Абсолютный характер государственной власти означал, что эта власть была не только неограниченной, но и безраздельной. Маркс в одной из ранних работ описывал известную конституционную доктрину «разделения властей» как порождение определенного времени — когда «между королевской властью, аристократией и буржуазией идет спор из-за господства», — превращенное в «вечный закон»⁵¹. Позднее он писал о перевороте Луи Бонапарта 2 декабря 1851 г. как о «победе исполнительной власти над законодательной» в том смысле, что это была победа правящей клики над представительным органом буржуазии в целом⁵². Но эти различия были бы сметены в условиях социалистической революции. Маркс хвалил Парижскую Коммуну за то, что она была «не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы»⁵³. Ленин рассматривал отделение исполнительной власти от законодательной как характерную особенность парламентаризма, а их слияние — как особое достоинство советской системы⁵⁴. При диктатуре пролетариата органы государственной власти были лишь различными инструментами, которые используются рабочими или от имени рабочих для достижения одной и той же цели. В период составления проекта Конституции на эту тему говорил Рейснер, представитель народного комиссариата юстиции:

«Разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную... соответствует структуре буржуазного государства, где главная задача состоит в балансировании основных политических сил, то есть имущих классов, с одной стороны, и трудящихся масс — с другой. Будучи неизбежно по своей природе компромиссом между эксплуататорами и эксплуатируемыми, буржуазное государство вынуждено балансировать и разделять власть...

Российская социалистическая республика не заинтересована в каком-либо делении или балансировании политических сил по той простой причине, что она основывается на превосходстве одной всеохватывающей политической силы, а именно российского пролетариата и крестьянских масс. Эта политическая сила занята осуществлением одной задачи — установления социалистического

стройка, и эта героическая борьба требует единства и сосредоточения власти, а не разделения»⁵⁵.

Поэтому логично, что Конституция РСФСР не признавала разделения законодательной и исполнительной функций. При излюбленном сравнении ВЦИКа с парламентом, а Совнаркома — с кабинетом министров не учитывают отсутствия каких бы то ни было различий (будь то в формулировках Конституции или в ее применении) между функциями этих двух органов, которые являлись в равной мере законодательными и исполнительными. Собственно говоря, выдвинутое при обсуждении Конституции предложение о слиянии обоих органов было логичным⁵⁶. Так же мало доводов можно было найти в конституционной теории в пользу установления отдельного, независимого судопроизводства, как и отдельной и независимой исполнительной власти. В Конституции РСФСР вообще не было специальных положений об исполнении судебной функции; и непосредственная организация, и контроль над судебной практикой со стороны народного комиссариата юстиции ясно показывали ее подчинение исполнительному органу⁵⁷. Каждая функция правительства составляла единое целое, и ее должна была осуществлять с единственной целью единая, неделимая власть.

Таким образом, определения в Конституции, касавшиеся полномочий соответственно Всероссийского съезда Советов, ВЦИКа и Совнаркома, показывали главным образом различия не функций, а места в иерархии. Функции Всероссийского съезда Советов и ВЦИКа определялись в Статье 49 совместно, без какой-либо попытки провести различие между ними. Всероссийский съезд Советов, согласно Статье 51, имел лишь две функции, которыми не обладал ВЦИК: «установление, дополнение и изменение основных начал Советской Конституции» и «ратификацию мирных договоров». Однако, поскольку Статья 49 уже возложила на ВЦИК «утверждение, изменение и дополнение Конституции», казалось бы, мог возникнуть деликатный вопрос в связи с первым из этих исключений: какие части Основного закона РСФСР являются «основными положениями», а какие не являются. Исключение, касавшееся ратификации договоров, вероятно, возникло в связи с прецедентом, имевшим место в марте 1918 г., когда IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов был созван, чтобы ратифицировать Брест-Литовский договор. Но вообще говоря, в итоге Конституция должна была возложить на ВЦИК исполнение всей власти, за исключением тех периодов, когда действительно заседал большой и громоздкий, наделенный высшей властью съезд⁵⁸.

Мелкие трения между Всероссийским съездом и ВЦИКом, отраженные в этих конституционных тонкостях, значили мало по сравнению с крупными противоречиями между ВЦИКом и Совнаркомом. Один из очевидцев писал, что первая половина 1918 г. была «временем очень заметной ломки центральных государственных учреждений, в частности и в особенности — Всероссийского

Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров», и что «взаимоотношение этих двух высших учреждений не без некоторой внутренней борьбы склонялось к фактическому преобладанию Совета Народных Комиссаров в делах внутренней и внешней политики»⁵⁹. Когда Совнарком впервые взял на себя законодательную власть декретом от 30 октября (12 ноября) 1917 г., он признал два ограничения. Его полномочия имели силу только «впредь до созыва Учредительного Собрания», и ВЦИК имел право «приостановить, изменить или отменить» любое постановление Совнаркома⁶⁰. На следующей неделе после принятия этого декрета во ВЦИКе обсуждался протест эсеров по поводу принятия Совнаркомом декретов без санкции ВЦИКа. После обсуждения, в котором участвовали Ленин и Троцкий, незначительным большинством голосов, 29 против 23, была принята резолюция, признававшая право Совнаркома издавать декреты, не терпящие отлагательства, «без предварительного обсуждения Ц. И. К.»⁶¹. Но та же претензия повторялась почти на каждом заседании ВЦИКа в ноябре и декабре 1917 г. В дальнейшем практика постепенно приобрела силу привычки, а с назреванием кризиса и, как следствие, стремлением к централизации власти росло количество постановлений и необходимость быстро решать и действовать; это значительно способствовало выдвижению на первый план небольшого органа. И все же в период составления проекта Конституции главным поводом недовольства левых эсеров и даже некоторых большевиков был захват власти Совнаркомом.

Текст Конституции отразил этот спор, но ничем или почти ничем не способствовал его разрешению. Нисколько не принимая в расчет Всероссийский съезд Советов, Статья 31 сделала ВЦИК «высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом Российской Социалистической Федеративной Советской Республики», а Статья 32 обязала его задавать «общее направление деятельности Рабоче-Крестьянского Правительства и всех органов Советской власти в стране». Согласно Статьям 37 и 38, Совнаркому «принадлежит общее управление делами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики», он «издает декреты, распоряжения, инструкции и вообще принимает все меры, необходимые для правильного и быстрого течения государственной жизни». По Статьям 40 и 41, все решения, «имеющие крупное общеполитическое значение», должны были представляться во ВЦИК «на рассмотрение и утверждение», а за ВЦИКом сохранялось право «отменить или приостановить» любое распоряжение Совнаркома. Но эти формальные условия ослаблялись «Примечанием», которое допускало, что «мероприятия, требующие неотложного выполнения, могут быть осуществлены Советом Народных Комиссаров непосредственно». На деле Конституция ничего не изменила и предоставила отношения между тремя главными органами центральной власти складываться на основе опыта. Опасность зайти в тупик, которую, казалось, вызывали сами

формулировки Конституции, устранялась тем, что за Конституцией стояла единая власть — власть правящей партии.

Изучая политическую реальность, Ленин при его острой наблюдательности не мог не заметить, что концентрация власти в центре представляла собой серьезную угрозу принципу власти, исходящей «снизу», и способствовала росту вредного бюрократизма. В Конституции была сделана попытка изгнать это зло, придав каждому народному комиссариату «коллегию» из пяти человек (очевидно, в качестве дополнительных консультантов), которые имели право обжаловать решения комиссариата в Совнарком или ВЦИКе. Но хотя эта мера избежала того всеобщего неодобрения, какое быстро вызвало применение такой системы в управлении производством, все же ее практическое значение было невелико. Ленин на деле не верил в такие гарантии. Во что он действительно верил, так это в то, что централизация несет с собой и собственное противоядие. Слияние законодательной и исполнительной власти означало бы исчезновение профессионального управленца, который действует в отрыве от избираемого представителя законодательной власти. Слияние имело бы то преимущество, что могло бы «соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию и исполнение законов» — такое сочетание явилось бы сущностью «непосредственной и прямой демократии»⁶². Переработанная партийная Программа 1919 г. включала в число «отрицательных сторон парламентаризма» не только «разделение законодательной и исполнительной власти», но и «оторванность представительных учреждений от масс». Советы казались Ленину воплощением идеи, согласно которой сами массы рабочих и крестьян устанавливают для себя законы, выполняют собственные решения и управляют собственными делами. И эта сильно идеализированная картина «непосредственной и прямой демократии» помогала скрывать упрямую реальность необъятно разрастающейся бюрократической власти в центре. Но и здесь последнее слово принадлежало партии: чтобы исправить дефекты Конституции, всегда можно было прибегнуть к ее власти.

Практическое применение конституции обычно зависит не только от принципов, которые вдохновляли ее создателей, или от установленных ими правил, но еще больше от политических условий, в которых она применяется. Изменения, происшедшие в Советской России за период подготовки Конституции, были продолжением процесса, который шел со времени возникновения режима. Однако они были значительными и решающими. Когда основные принципы будущей Конституции были провозглашены III Всероссийским съездом Советов после роспуска Учредительного собрания в январе 1918 г., правительство представляло собой коалицию большевиков и левых эсеров. Когда комиссия по составлению Конституции собралась в апреле, левые эсеры, хотя они и вышли из правительства, оставались еще в Советах и входили в комиссию. Когда V Всероссийский съезд Советов окончательно утвердил

Конституцию в июле 1918 г., левые эсеры были изгнаны и объявлены вне закона и уже началась гражданская война. Развитие однопартийного государства и влияние гражданской войны, из-за которой в течение двух лет само существование республики почти ежедневно находилось под угрозой, разрушило оптимистические основания, на которых была построена Конституция, и отодвинула на задний план большинство споров, происходивших в комиссии. Нужды сражающейся армии и внутренней безопасности создали атмосферу, неблагоприятную для конституционных тонкостей. Опыт очень раннего советского законодательства вскрыл широкий разрыв между идеалистическими принципами и суровой практической реальностью. Если так и произошло с Конституцией РСФСР, то в поисках причин разрыва надо углубиться в обстоятельства ее рождения.

Проект Конституции рассматривался 3 июля 1918 г. Центральным Комитетом партии, и было внесено несколько небольших поправок. По предложению Ленина Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа была включена в Конституцию в качестве преамбулы⁶³. После этого проект был представлен на рассмотрение V Всероссийского съезда Советов. Съезд прервал работу на три дня из-за серьезного кризиса, возникшего в связи с убийством германского посла Мирбаха. Затем, 10 июля 1918 г., съезд заслушал сообщение Стеклова о новой Конституции и утвердил ее единогласно⁶⁴. Она вступила в силу после того, как была официально опубликована в газете «Известия» 19 июля 1918 г. в качестве «Конституции (Основного закона) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики».

ГЛАВА 7

УКРЕПЛЕНИЕ ДИКТАТУРЫ

Термин «диктатура пролетариата»¹, использованный большевиками для названия режима, установленного ими в России после Октябрьской революции, не содержал каких-либо особых конституционных характеристик. Он определял господствующий класс, а не форму правления, с помощью которой этот класс осуществлял власть. В этом смысле не было противоречия между диктатурой и представительным правительством: «диктатура буржуазии» — противоположность диктатуре пролетариата — обычно осуществлялась через представительное правительство. Эмоциональная нагрузка слова «диктатура» как связанного с правлением немногих или одного человека не ощущалась марксистами, которые использовали этот термин. Напротив, диктатура пролетариата была бы первым в истории строем, при котором власть принадлежала бы классу, составляющему большинство населения — условие, которое в России следовало выполнить путем вовлечения массы крестьян в союз с промышленным пролетариатом. Более того, раз диктатура пролетариата была бы правлением огромного большинства, то после свержения буржуазии для ее поддержания не потребовалось бы столько мер принуждения, сколько при любом другом общественном строе. Отнюдь не являясь насильственной формой правления, эта общественная система расчистила бы путь к исчезновению социально оправданного насилия, то есть к отмиранию государства.

В первые дни революции ничто не нарушало таких идеалистических и оптимистических настроений. Почти без усилий совершенный переворот 25 октября 1917 г., казалось, подтвердил, что его действительно поддерживало огромное большинство населения². Большевики с законной гордостью заявляли, что сама по себе революция совершилась с минимальными потерями, большинство из которых было связано с попытками врагов революции вырвать уже завоеванную большевиками победу. Одним из актов великодушия, часто сопровождающих первые часы революции, явилось освобождение юнкеров, захваченных в плен в Зимнем дворце, после того как они обещали больше не «поднимать оружие против народа»³. Краснов, «белый» генерал, помогавший Керенскому организовывать безрезультатное контрнаступление из Гат-

чины и захваченный там в плен, был отпущен под честное слово, которое он нарушил уже через несколько недель, приняв участие в гражданской войне на юге. О том, что такая мягкость в отношении врагов не была чьей-то случайной прихотью, говорит заявление Ленина через 10 дней после победы большевиков:

«Нас упрекают, что мы применяем террор, но террор, какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем применять. . . Когда мы арестовывали, мы говорили, что мы вас отпустим, если вы дадите подписку в том, что вы не будете саботировать. И такая подписка дается»⁴.

Члены Временного правительства, арестованные и помещенные в Петропавловскую крепость в день революции, были вскоре освобождены, а чисто номинальный надзор, который был за ними установлен, не помешал их активной конспиративной деятельности, направленной против нового строя. Более или менее беспорядочная экспроприация у буржуазии денег и материальных ценностей или такие инциденты, как угроза отправить 15 богатых харьковских капиталистов на шахты Донецка, если они не выдадут миллион рублей для уплаты харьковским рабочим⁵, были вызваны не столько расчетливой жестокостью, сколько трудностями, с которыми столкнулись неопытные, исполненные решимости люди, пытавшиеся построить действенную административную машину из материала сопротивляющегося или вовсе отсутствующего. В отчаянном хаосе первых недель революции новым руководителям не хватало времени для согласованных действий или хотя бы для последовательного обдумывания и планирования: почти каждый шаг был либо реакцией на какую-то настоятельную необходимость, либо карой за действия или угрозы, направленные против них⁶. Они стремились обуздать бурю, но она сама влекла их за собой.

В городах и по всей стране было много случаев, когда толпа совершала акты насилия. Немало жестокостей и зверств совершалось и революционерами, и их врагами⁷. Но в первые три месяца существования нового строя, по-видимому, не было систематических казней ни по ускоренным приговорам, ни в ходе нормального судебного разбирательства. Первый законодательный акт, принятый на II Всероссийском съезде Советов на следующий день после революции, упразднил смертную казнь на фронте, восстановленную Керенским в сентябре 1917 г. в связи с военной опасностью после ее полной отмены Февральской революцией⁸. Революционная традиция борьбы против смертных приговоров ослабела и угасла лишь тогда, когда вспыхнула гражданская война и началось открытое противодействие Советской власти⁹. Однако было бы ошибкой другого порядка полагать, что репрессивные меры, которые в дальнейшем применялись для защиты бедоносной революции, были навязаны большевистским руководителям вопреки их сокровенным убеждениям. Принцип террора входил в револю-

ционные традиции. Робеспьер упразднил обычную законность как неспособную защитить революцию, и Ленин мог бы повторить его слова:

«Когда кризис вызван именно бессилием законов, можно ли определять с уголовным кодексом в руках, какие требуются меры для общественной безопасности?»

И далее:

«Если в мирное время народному правительству присуща добродетель, то в революцию народному правительству присущи одновременно *добродетель и террор*: добродетель, без которой террор губителен, и террор, без которого добродетель бессильна. Террор есть не что иное, как правосудие, быстрое, суровое, непреклонное; он, таким образом, есть порождение добродетели»¹⁰.

Осенью 1848 г. Маркс утверждал, что, учитывая «каннибализм контрреволюции», существует «только одно средство *сократить*, упростить и концентрировать кроважскую агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только *одно средство — революционный терроризм*»¹¹. Позднее он отдал должное Венгрии как первой стране, которая со времен 1793 г. осмелилась «противопоставить трусливой контрреволюционной ярости революционную страсть, противопоставить *terreur blanche — terreur rouge*»¹². Но «как ни мало героично» буржуазное общество, в свое время «для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование, террор, гражданская война и битвы народов»¹³. Во второй половине XIX века либеральные гуманные настроения широко распространились среди рабочего класса, особенно в Англии и Германии. Следы этих настроений можно заметить в более поздних произведениях Энгельса¹⁴. В Программе Коммунистической партии Германии, проект которой составила Роза Люксембург в декабре 1918 г., особо предусматривался отказ от террора:

«В буржуазных революциях кровопролитие, террор и политическое убийство были непрямым оружием восходящих классов. Пролетарской революции для достижения ее целей не нужен террор, она ненавидит убийство, питает к нему отвращение»¹⁵.

Но в России, во всяком случае, принцип революционного террора никогда не отвергался революционной партией. Спор, бушевавший между русскими социал-демократами и русскими социалистами-революционерами по этому вопросу, касался не вообще принципа террора, а метода индивидуальных убийств как политического оружия. Меньшевики, отчасти из-за их неверия в осуществимость пролетарской революции в ближайшее время и отчасти из-за их более тесных связей с западными социал-демократами, были, пожалуй, менее склонны к использованию террора, чем большевики. После 1918 г., когда впервые большевики стали применять это оружие против других социалистических партий, в числе самых энергичных и непримиримых его противников были

* Белому террору — красный террор — *Прим. ред.*

меньшевики наряду с социал-демократическими партиями Западной Европы.

Ленин под влиянием революционных взглядов якобинцев и марксизма в принципе признавал террор, хотя, как и все марксисты, осуждал бесполезность индивидуальных террористических актов. В 1901 г. он писал:

«Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора. Это — одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях. Но суть дела именно в том, что террор выдвигается в настоящее время отнюдь не как одна из операций действующей армии, тесно связанная и сообразованная со всей системой борьбы, а как самостоятельное и независимое от всякой армии средство единичного нападения»¹⁶.

За два месяца до Октябрьской революции он предупреждал своих сторонников: «Без смертной казни по отношению к *эксплуататорам* (т. е. помещикам и капиталистам) едва ли обойдется какое ни на есть революционное правительство» — и напоминал, что «великие буржуазные революционеры Франции, 125 лет тому назад, сделали свою революцию великой посредством *террора*»¹⁷. В соответствии со своими взглядами Ленин, говорят, был возмущен, когда II Всероссийский съезд Советов по предложению Каменева поспешил отменить смертную казнь на фронте¹⁸. Ленин порой бывал утопистом. Но он более реалистично, чем Каменев, представлял себе, что такое революция. Впрочем, некоторые приписываемые ему полусушительные замечания вряд ли стоит понимать буквально¹⁹.

Самые воинственные заявления первых недель революции принадлежат Троцкому, чья роль в Военно-революционном комитете и в военной организации Октябрьского переворота придает его высказываниям особое значение. Именно Троцкий вслед за подавлением восстания юнкеров на следующий день после революции беспощадно заявил:

«Пленные являются для нас заложниками. Если нашим врагам доведется брать наших пленных, то пусть они знают: каждого рабочего и солдата мы будем обменивать на 5 юнкеров. . . Они думали, что мы будем пассивны, но мы им показали, что, когда дело идет об удержании завоеваний революции, мы можем быть беспощадны»²⁰.

«Не в белых перчатках по лаковому полу пройдем мы в царство социализма», — сказал он на Всероссийском съезде крестьянских депутатов²¹. А когда партия кадетов была объявлена вне закона, он снова предупреждал:

«Во время французской революции якобинцы более честных людей за сопротивление народу вели на гильотину. Мы никого не казнили и не собираемся казнить, но бывают минуты народного гнева, и кадеты сами набиваются на него»²².

Именно Троцкий, отвечая во ВЦИКе на обвинения по поводу арестов и обысков, проводимых новой властью, заявил, что «требования устранения всех репрессий во время гражданской войны означают требования прекращения гражданской войны»²³. После разгрома партии кадетов он добавил еще более угрожающе:

«Вы протестуете против слабого террора, который мы применяем против наших классовых врагов. Но вам следует знать, что не позднее чем через месяц террор примет очень сильные формы по примеру великих французских революционеров. Врагов наших будет ждать гильотина, а не только тюрьма»²⁴.

Менее чем через неделю после этого заявления появилась Всероссийская ЧК. Ее создал Военно-революционный комитет Петроградского Совета, который был организатором Октябрьской революции. Когда победа была завоевана, Комитет был преобразован в Комитет ВЦИКа и руководил операциями по упрочению победы, по борьбе с контрреволюцией и такими злоупотреблениями, как «саботаж, скрывание запасов, злостная задержка грузов и пр.»²⁵. В его обязанности входил также допрос арестованных по подозрению в контрреволюционной деятельности; для этого был создан специальный отдел во главе с Дзержинским, который, будучи военным комендантом Смольного, ведал вопросами безопасности²⁶. Когда Военно-революционный комитет был упразднен, этот отдел остался и декретом Совнаркома от 7 (20) декабря 1917 г. был реорганизован во «Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию» для «борьбы с контрреволюцией и саботажем»²⁷. Комиссия состояла из восьми человек под председательством Дзержинского²⁸. Одним из первых ее актов стал выпуск циркуляра, адресованного местным Советам, где извещалось о ее создании и предлагалось присылать в ВЧК «все сведения и данные об организациях и отдельных лицах, деятельность которых направлена во вред революции и власти народа», и создавать аналогичные комиссии на местах²⁹. Через несколько дней был подписан декрет о создании революционного трибунала для суда над лицами, «которые организуют восстание против власти Рабоче-Крестьянского Правительства, активно противодействуют последнему или не подчиняются ему, или призывают других лиц к противодействию или неподчинению ему», а также над гражданскими служащими, виновными в саботаже, в порче или утаивании общественной собственности. Трибунал должен назначать наказания в соответствии с «обстоятельствами дела и велениями революционной совести»³⁰.

В критический момент тяжелой борьбы создание этих органов едва ли можно считать необычным. Уже в первые шесть недель после революции на юге России собирались казачьи части и другие «белые» силы; Украина, подстрекаемая обещаниями Франции и Англии, относилась к новой власти почти с откровенной враждебностью; немцы, несмотря на перемирие, представляли собой постоянную угрозу на западе. В условиях военной опасности и хаоса очень важно было навести в стране порядок. Первым примене

нием принудительного труда стала отправка буржуазии, мужчин и женщин, на рытье окопов для защиты столицы от немцев.

Первые шаги ВЧК, по словам одного из ее сотрудников, были направлены против трех злоупотреблений: саботажа буржуазных чиновников, буйства и разрушений, производимых пьяными толпами (так называемые «пьяные погромы») и бандитизма «под флагом анархизма»³¹. В это время Ленин подвергал жесточайшей анафеме спекулянтов и вредителей, действующих на фронте экономики. Он, правда, не опубликовал статью, написанную им в январе 1918 г. и найденную затем среди его бумаг, в которой отстаивал и такие меры, как «посадить в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы» и «расстрелять на месте одного из десяти, виновных в туеядстве»³². Но вскоре после этого во время борьбы против утаивания продовольствия он утверждал, что «...пока мы не применим террора — расстрел на месте — к спекулянтам, ничего не выйдет»³³, и три месяца спустя снова требовал «поймки и *расстрела* взяточников и жуликов и т. д.» и утверждал, что в России не будет голода, если запасы взять под контроль и «за нарушение установленного порядка будет следовать самая жестокая кара»³⁴.

Развитие ВЧК шло постепенно и в значительной мере непредсказуемо. ВЧК росла под влиянием чрезвычайных обстоятельств. Когда немцы в Брест-Литовске нарушили перемирие и снова перешли в наступление, за известным воззванием от 22 февраля 1918 г., объявившим «Социалистическое отечество в опасности!» последовал приказ ВЧК всем местным Советам «немедленно приступить к розыску и... аресту — беспощадно расстреливать... неприятельских агентов-шпионов... контрреволюционных агитаторов... спекулянтов»³⁵. В то время общее число сотрудников центрального аппарата ВЧК не превышало 120³⁶, а на местах ЧК складывались, как и все остальное на том начальном этапе, часто по воле случая. ВЧК впервые обрела черты большого и независимого государственного управления с переездом правительства из Петрограда в Москву. Дзержинский, как глава службы безопасности отвечавший за этот переезд, учредил в Москве свой штаб, не в Кремле, а в помещении крупной страховой компании на Лубянской площади, и создал там «внутреннюю тюрьму» для подозрительных элементов. У оснащенной таким образом ВЧК быстро нашлась работа.

До этого времени режим спасала неразбериха и разобщенность в рядах его противников — контрреволюционной организации еще не было. Но вскоре ситуации предстояло измениться. Левые эсеры голосовали на IV Всероссийском съезде Советов против ратификации Брест-Литовского договора. Когда этот договор был все же ратифицирован, они отозвали своих членов из Совнаркома³⁷. Таким образом было восстановлено однопартийное правительство, и хотя левые эсеры оставались в Советах и во ВЦИКе, доверие к их лояльности теперь поколебалось. В апреле 1918 г. с

высадки японцев во Владивостоке началась иностранная интервенция. Это обнадежило всех противников режима и послужило толчком к их объединению в самой России. Весной и летом 1918 г. Москва стала центром, вокруг которого агенты союзников и германские агенты, остатки правых и центристов и уцелевшие партии левых, каждая в отдельности, а иногда и совместно, стали плести заговоры и интриги против Советского правительства³⁸.

Первым согласованным действием ВЧК стала борьба против анархистов. Название это охватывало как искренних идеалистов, чьи воззрения не переходили в практические действия, так и организованные банды хулиганов, для которых политическое кредо служило лишь прикрытием. В ночь с 11 на 12 апреля 1918 г. известные центры анархизма в Москве были окружены сотрудниками ВЧК и советскими войсками. Анархистам было предложено сдать имевшееся в их распоряжении оружие. Возникшее в нескольких местах сопротивление было сломлено. Около 600 человек было арестовано, из них четверть немедленно освободили. Нарушителей квалифицировали не как анархистов, а как «уголовный элемент»³⁹. Ободренные перспективой вторжения войск союзников, правые эсеры на своей партийной конференции в Москве в мае 1918 г. открыто провозгласили политику, направленную на «ликвидацию большевистской партийной диктатуры и переход власти в руки правительства, опирающегося на всеобщее избирательное право, правительства, которое в войне с Германией сможет принять военную помощь союзников»⁴⁰.

Меньшевики, не имевшие, в отличие от эсеров, опыта конспиративных и насильственных действий, выжидали. С декабря 1917 г. партию раздирали внутренние разногласия. Старые «оборонцы» во главе с Потресовым отделились, предоставив двум группам «интернационалистов», возглавляемым соответственно Мартовым и Даном, пойти на нелегкий компромисс. В их протоколах отразились запутанные попытки в одно и то же время осудить так называемую «германскую ориентацию» большевиков (наследие меньшевистской оппозиции по поводу Брест-Литовска) и отвергнуть «англо-французскую ориентацию», которая была единственной эффективной основой антибольшевистской политики. Их резолюция была бескомпромиссна лишь в одном пункте — в их враждебности к режиму⁴¹. Непоследовательность их не спасла. Декретом от 14 июня 1918 г. ВЦИК исключил и правых эсеров, и меньшевиков из своих рядов на том основании, что они объединились с «явными контрреволюционерами» с целью «организации вооруженных выступлений против рабочих и крестьян». ВЦИК также рекомендовал всем Советам исключить их, тем самым фактически отстранив их от участия в работе правительственных учреждений⁴².

В результате активно действующими оставались две крупные партии: сами большевики и левые эсеры, в прошлом, но лишь до Брест-Литовска, члены правительственной коалиции. В июне

1918 г. тем не менее отношения между этими двумя партиями были также близки к разрыву. Во-первых, большевики в связи с острой необходимостью получить в деревне дополнительные запасы зерна, приступили к организации комитетов бедноты, направленных против более богатых крестьян — главной опоры эсеров⁴³; во-вторых, между обеими партиями возникло резкое разногласие по вопросу о смертной казни. С февраля, когда было объявлено, что «социалистическое отечество» в опасности, ВЧК осуществляла казни — в каком количестве, установить невозможно⁴⁴ — без какого-либо регулярного или общественного судопроизводства. Как правые эсеры, так и меньшевики время от времени протестовали против этого. Левые эсеры, сохраняя свое членство во ВЦИКе и в Советах (но не в Совнаркоме), все еще были представлены в ВЧК и несли долю ответственности за ее действия. Но когда революционный трибунал впервые объявил смертный приговор — контрреволюционному адмиралу по фамилии Шасный⁴⁵, — левые эсеры пытались добиться, чтобы ВЦИК отменил приговор, а потерпев неудачу, отозвали из трибунала своих представителей. Важно, однако, на чем они основывали протест. Он не был вызван соображениями гуманности. Обвинение в «толстовстве» с негодованием отвергалось, поскольку левые эсеры не только участвовали в работе ВЧК, но и были в прошлом инициаторами убийств как оружия политической борьбы. Их доводы отчасти основывались на формальности, которую большевики отвергали как не относящуюся к делу: смертная казнь была упразднена декретом, принятым на II Всероссийском съезде Советов⁴⁶. Но прежде всего эсеры протестовали против вынесения смертных приговоров в процессе судопроизводства. Левые эсеры признавали, что иногда законно и необходимо убивать противников, будь то в форме индивидуального террористического акта или с помощью такого учреждения, как ВЧК. Но они были категорически против возрождения «старой проклятой буржуазной государственности» в деле вынесения судебных приговоров и присуждения наказания⁴⁷. Довод, казалось, был убедительный, и Крыленко дал искусно сформулированный ответ: адмирала не «приговорили к смерти», а просто приказали расстрелять⁴⁸. Однако это было логическим и последовательным выражением анархистских основ мышления социалистов-революционеров, которое признавало терроризм, но отвергало государство⁴⁹.

Ситуация, таким образом, была чрезвычайно напряженной, когда 4 июля 1918 г. в Москве в критический момент истории собрался V Всероссийский съезд Советов. Из 1132 делегатов с избирательными полномочиями большевиков было 745, левых эсеров — 352, остальные представляли различные мелкие фракции⁵⁰. Работа съезда сразу же переросла в поединок между двумя основными партиями. Был поднят и крестьянский вопрос, но он был не так заметен, как возмущение подавлением партий-соперников и применением смертных приговоров. Самый резкий протест был выска-

зан по поводу Брест-Литовского договора и уступок Советского правительства Германии. И самые жаркие схватки на съезде произошли из-за настойчивых утверждений Троцкого, что на Украине было бы безумием допустить какое бы то ни было нападение на немецкие войска.

6 июля 1918 г., видимо, в надежде вызвать разрыв отношений, два левых эсера убили германского посла Мирбаха. План убийства был составлен двумя эсерами — сотрудниками ВЧК, и убийцы проникли к послу, предъявив бумаги, якобы подписанные Держинским⁵¹. За этим ударом последовала попытка захватить власть в Москве и восстания в различных провинциальных центрах, из которых наиболее серьезное произошло в Ярославле. Савинков, известный эсер-террорист, впоследствии заявлял, что он был организатором восстаний и что их финансирование шло за счет фондов, предоставленных через французского военного атташе в Москве⁵².

Перед лицом широкомасштабного предательства в тот момент, когда силы союзников высадились в Мурманске и Владивостоке, когда чехословацкий корпус открыто выступил против большевиков и когда угроза войны подступала со всех сторон, Советское правительство не было склонно к полумерам. Восстание в Москве быстро подавили. Большинство левых эсеров — делегатов V Всероссийского съезда Советов было арестовано, в том числе Спиридонова, признавшая, что убийцы Мирбаха действовали по ее указаниям; 13 из них, в прошлом сотрудники ВЧК, были расстреляны⁵³. Запретили издание нескольких газет. После трех дней замешательства съезд возобновил заседания и, одобрив действия правительства, принял тщательно сформулированную резолюцию о том, что, «поскольку те или иные части этой партии [левых эсеров] солидаризуются с попыткой вовлечения России в войну путем убийства Мирбаха и восстания против Советской власти, этим организациям не может быть места в Советах Рабочих и Крестьянских Депутатов»⁵⁴. В заключение съезд утвердил 10 июля 1918 г. Конституцию РСФСР, которая, таким образом, вступила в силу в наиболее мрачный и опасный момент истории республики, когда восстание последней относительно независимой партии заставило большевиков сделать новый крупный шаг на пути к созданию однопартийного государства.

Сообщения о карательных мерах ВЧК почти всегда отрывочны и ненадежны. Но существует кое-какая достоверная информация о репрессиях, которыми сопровождалось подавление множества восстаний летом 1918 г. В Ярославле восставшие продержались две недели, и когда город был наконец взят, 350 из них расстреляли⁵⁵. В соседнем городе, Муроме, где восстание было сразу подавлено, расстреляли 10 руководителей, а с буржуазии предписали взыскать миллион рублей⁵⁶. В Нижнем Новгороде арестовали 700 «офицеров и жандармов» и местная ЧК «ликвидировала... белогвардейскую организацию, из которой арестованы почти все члены

и часть расстреляна»⁵⁷. В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. бывший царь и его семья были расстреляны в Екатеринбурге по приказу Уральского областного Совета. Когда 10 дней спустя городом овладели чехи, Уральская областная ЧК переехала в Вятку, арестовала там свыше 400 человек и расстреляла 35 «пойманных с поличным в заговорах»⁵⁸. Когда в августе 1918 г. вспыхнуло «кулацкое восстание» в Пензе, сам Ленин по телеграфу передал указание «провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города» и советовал брать заложников, «отвечающих *жизнью*» за быструю и четкую доставку зерна⁵⁹. За этими скупыми сообщениями наверняка скрываются ужасы и жестокости, которые в пылу боя или хладнокровно совершают все партии, хотя в специальных отчетах это редко подвергается осуждению. Все эти факты, а также их преумножение, преувеличение и чистый вымысел, к которым прибегают враги, неизменно сопутствуют войне и революции такого яростного накала, каким отличалась борьба, развязанная в России событиями Октября 1917 г.

Те, кто применял эти санкции, честно обозначали их словом «террор» и оправдывали как меры военного времени. «Советская власть должна обеспечить свой тыл, — говорилось в резолюции ВЦИКа от 29 июля 1918 г., принятой после выступлений Ленина и Троцкого, — взяв под надзор буржуазию, проводя на практике массовый террор против нее»⁶⁰. А Дзержинский в газетном интервью того же периода заявлял:

«ЧК — не суд, ЧК — *защита революции*, как Красная армия, и как Красная армия в гражданской войне не может считаться с тем, принесет ли она ущерб частным лицам, а должна заботиться только об одном — о победе революции над буржуазией, так и ЧК должна защищать революцию и побеждать врага, даже если меч ее при этом попадает случайно на головы невинных»⁶¹.

Но кульминация террора была вызвана дальнейшим применением эсерами их метода политических убийств — теперь уже против большевиков. В июне 1918 г. в Петрограде был убит Володарский, большевистский руководитель, известный тогда трибун. 30 августа 1918 г. также в Петрограде был убит Урицкий, а в Москве серьезно ранен Ленин. Все эти преступления совершали эсеры, входившие в ту или иную фракцию. Возмущение и страх, которые они сеяли вокруг, заставили ВЧК активизировать свою деятельность⁶². На следующий день арестовали британского представителя в Москве по обвинению в участии в контрреволюционном заговоре⁶³. Во время нападения на посольство Великобритании в Петрограде был убит британский морской атташе. 2 сентября 1918 г. ВЦИК принял резолюцию в связи с убийством Урицкого и покушением на Ленина, в которой говорилось:

«...За каждое покушение на деятелей Советской власти и носителей идей социалистической революции будут отвечать все контрреволюционеры и все вдохновители их. На белый террор вра-

гов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов»⁶⁴.

Не только совпадение дат напоминает о терроре в Париже 2 сентября 1793 г., когда после манифеста герцога Брауншвейгского, грозящего иностранной интервенцией и безжалостным подавлением революции, в Париже начались массовые репрессии, в результате которых, как сообщали, погибло 3000 аристократов. Для обеих революций эта дата обозначала поворотный момент, после которого террор, до этого нерегулярный и неорганизованный, был сознательно превращен в инструмент политики.

О числе пострадавших от «красного террора» осенью 1918 г. надежных данных нет. Из отдельно взятых казней, которые были совершены после объявления террора, самой крупной явился расстрел в Петрограде 512 «контрреволюционеров и белогвардейцев» (описываемых еще как «заложники») ⁶⁵. Среди расстрелянных в Москве были «многие из царских министров и целый ряд других высоких сановников» ⁶⁶. Среди многочисленных сообщений с мест наиболее, пожалуй, откровенное пришло из Казани. Вслед за подтверждением того, что «по всем уездам прошли *карательные экспедиции*», в нем также говорилось:

«В самой Казани Трибуналом пока расстреляно всего 7—8 человек. Объясняется это тем, что вся буржуазия, отчасти даже мелкая, почти все попы и монахи разбежались. Половина квартир в городе покинута. Конфискуется имущество бежавших в пользу пострадавшей городской бедноты» ⁶⁷.

Сущность террора в том, что он носил классовый характер. Он отбирал своих жертв не на основе определенных преступлений, а на основе принадлежности к определенным классам.

В «Письме в американским рабочим» Ленин восклицал:

«Английские буржуа забыли свой 1649, французы свой 1793 год. Террор был справедлив и законен, когда он применялся буржуазией в ее пользу против феодалов. Террор стал чудовищем и преступен, когда его дерзнули применять рабочие и беднейшие крестьяне против буржуазии!» ⁶⁸

ВЧК «не судит, а разит», — объяснял один из ее сотрудников. Тот, кто сравнивал ВЧК с царской охранкой, «проспал февральскую и октябрьскую революции и сейчас дожидается, чтобы другие сделали всю черную работу по созданию нового, коммунистического строя, в который они войдут с незапачканными руками, в снежно-белом крахмальном воротничке». Более того, поскольку «во всех областях нашей жизни контрреволюция развелась везде и повсюду... нет такой области жизни, на которую бы не распространялась деятельность В. Ч. К.» ⁶⁹.

После событий лета 1918 г. большевики остались правящей партией в государстве без каких-либо соперников или партнеров, и они обрели в ВЧК орган абсолютной власти. И все же неогра-

ниченное применение этой власти было по-прежнему нежелательно. Еще не наступил момент окончательного угасания упраздненных партий. Террор в это время был непостоянным инструментом, и нетрудно обнаружить партии, которые были преданы жесточайшей анафеме, против которых предпринимались самые решительные меры и которые тем не менее продолжали существовать и пользовались определенным попустительством. Одним из первых декретов новой власти, утвержденных Совнаркомом, было решение закрыть все газеты, призывающие к «открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому Правительству»⁷⁰, и в принципе буржуазная пресса перестала существовать. Но вопреки этому декрету и запрещению кадетской партии в конце 1917 г., кадетская газета «Свобода России» летом 1918 г. все еще издавалась в Москве⁷¹. Меншевицкая газета «Новый луч» в Петрограде была закрыта в феврале 1918 г. за оппозиционную кампанию против Брест-Литовского договора. Но, позаимствовав метод, который в прошлом использовала большевицкая пресса, эта газета вновь появилась в Москве в апреле под новым названием — «Вперед» — и некоторое время продолжала свою деятельность без помех. Газеты анархистов еще долго издавались в Москве после того, как ВЧК предприняла меры против анархистов в апреле 1918 г. Украинский анархист Махно летом 1918 г. приезжал в Москву, имел беседы с Лениным и Свердловым и свободно посещал московских анархистов, среди которых обнаружил обстановку «бумажной революции»⁷². Повсюду практика была менее последовательной, чем теория.

К концу 1918 г. некоторые факторы вели к ослаблению террора. Жажда мести была удовлетворена; опасения внутренней контрреволюции уменьшились. События в Германии хотя бы ненадолго ослабили давление извне. Вместе с тем проникновение ВЧК почти во все сферы управления вызывало ревнивое недовольство со стороны местных Советов и некоторых центральных руководящих учреждений, особенно комиссариатов юстиции и иностранных дел⁷³. Недовольство проявляли и те, кто отвечал за экономическую политику. Им все нужней становились специалисты-небольшевики, «спецы», которые не могли сочувствовать террору, направленному против всех без разбора политических противников.

При таких настроениях открылся накануне первой годовщины революции VI Всероссийский съезд Советов, первый почти полностью большевицкий съезд. Он сразу же утвердил, как говорилось в резолюции, «амнистию» всех «задержанных органами борьбы с контрреволюцией», если определенное обвинение в контрреволюционных действиях не было предъявлено в течение двух недель со дня ареста, а также всех заложников, кроме взятых центральной ВЧК как условие безопасности «товарищей, попавших в руки врагов». Та же резолюция разрешила спорный вопрос о полномочиях, предоставив право контроля за ее исполнением ВЦИКу и местным исполнительным комитетам⁷⁴.

Подрезав таким образом — на бумаге по крайней мере — крылышки ВЧК, съезд перешел к следующей резолюции — «О революционной законности», которая обязала «всех граждан республики, все органы и всех должностных лиц Советской власти» строго соблюдать законы и предоставила гражданам право обжаловать любое пренебрежение их правами или нарушение их со стороны должностных лиц. Правда, предписание должностным лицам и общественным институтам соблюдать законы ослаблялось тем, что в порядке исключения предусмотрительно разрешались меры, вызываемые «экстренными условиями гражданской войны и борьбой с контрреволюцией»⁷⁵. И все же резолюции VI Всероссийского съезда Советов — первые в ряду искренних, хотя в конечном счете безуспешных, попыток ограничить произвол органов безопасности республики и заставить их действовать в пределах законности.

После съезда был сделан следующий значительный шаг в деле умиротворения. Было решено «протянуть оливковую ветвь» отстраненным от власти социалистам — или принять ее от них. Исключение меньшевиков из ВЦИКа и Советов не помешало Центральному комитету этой партии провести пятидневную конференцию в Москве в конце октября 1918 г. Начало гражданской войны и открытая угроза режиму поставили меньшевиков в затруднительное положение, поскольку, несмотря на всю их враждебность к большевикам, они еще меньше надежд возлагали на реставрацию. Они снова избрали путь компромисса. Конференция приняла «Тезисы и резолюцию», признав, что Октябрьская революция — «историческая необходимость» и «гигантское бродило, приводящее в движение весь мир», и отвергая «всякое политическое сотрудничество с враждебными демократии классами». В то же время, обещая «прямую поддержку военных действий Советского правительства, направленных к освобождению оккупированных территорий России», резолюция требовала «отмены органов полицейских репрессий и чрезвычайных трибуналов» и «прекращения политического и экономического террора»⁷⁶.

После воззвания меньшевиков, осудивших контрреволюцию и иностранную интервенцию⁷⁷, Ленин выступил с необычайно мягкой речью, сказав, что от меньшевиков и эсеров требуется только «быть нейтральными и быть с нами в добрососедских отношениях» и что важно «те элементы из колеблющихся, которых зверства империалистов толкают к нам, использовать»⁷⁸. 30 ноября 1918 г. ВЦИК принял резолюцию, аннулировавшую решение об исключении меньшевиков, принятое в июне, не применяя этот акт милосердия лишь к «тем группам меньшевиков, которые продолжают находиться в союзе с русской и иностранной буржуазией против Советской власти»⁷⁹.

Эсеры поспешили последовать примеру меньшевиков. Будучи партией откровенно революционной и террористической, они еще менее, чем меньшевики, могли уповать на бывших царских гене-

ралов и их иностранных покровителей: Колчак только что расправился с теми эсерами, которых захватил в Восточной Сибири. В феврале 1919 г. конференция эсеров в Петрограде «решительно отвергла попытку свержения Советской власти путем вооруженной борьбы» и осудила российские буржуазные партии и «империалистические страны Согласия». Примерно в то же время группа эсеров, бывших членов Учредительного собрания, сформировавших в 1918 г. так называемое «самарское правительство», капитулировала и получила амнистию⁸⁰. Эти проявления доброй воли вызвали резолюцию ВЦИКа от 25 февраля 1919 г., восстановившую эсеров в правах с той же оговоркой, направленной против «всех групп, которые прямо или косвенно поддерживают внешнюю и внутреннюю контрреволюцию»⁸¹.

Этот нелегкий компромисс, основанный на принципе терпимости к «лояльным» меньшевикам и эсерам, кое-как тянулся два года — пока гражданская война вынуждала к сдержанности. Но оговорка, согласно которой амнистия не распространялась на тех, кто «прямо или косвенно» поддерживал контрреволюцию, создавала неустойчивость, которую власти легко использовали. Когда в марте 1919 г. собрался VIII съезд партии, атмосфера на нем была уже менее дружественной по отношению к партиям меньшинства. Один делегат открыто протестовал против «легализации» меньшевиков и эсеров⁸², и сам Ленин говорил совсем по-иному, чем в ноябре:

«От нас потребуется частая перемена линии поведения, что для поверхностного наблюдателя может показаться странным и непонятным. „Как это, — скажет он, — вчера вы давали обещания мелкой буржуазии, а сегодня Дзержинский объявляет, что левые эсеры и меньшевики будут поставлены к стенке. Какое противоречие!..” Да, противоречие. Но противоречиво поведение самой мелкобуржуазной демократии, которая не знает, где ей сесть, пробует усестись между двух стульев, перескакивает с одного на другой и падает то направо, то налево... Мы ей говорим: „Вы — не серьезный враг. Наш враг — буржуазия. Но если вы выступаете вместе с ней, тогда мы принуждены применять и к вам меры пролетарской диктатуры”»⁸³.

Немедленно вслед за этим эсеры подлили масла в огонь, опять расколовшись на несколько фракций, одна из которых обещала сотрудничать с большевиками, другая была враждебна к ним, а третья, во главе со старым лидером эсеров Черновым, стремилась создать «третью силу, равно чуждую и большевизму и реставрации»⁸⁴. С этого времени ВЧК играла с оппозиционными партиями в кошки-мышки, по очереди преследуя их и опекая, попеременно арестовывая и освобождая их лидеров, делая их организованное существование почти, хотя и не совсем, невозможным. Дан, один из меньшевистских лидеров, оставил подробный список своих imprisonments в период 1919—1921 гг., в течение которого его то арестовывали, то освобождали, высылали из Москвы под предлогом

более или менее мифических профессиональных назначений на работу в провинцию (он был врачом), возвращали в Москву незаконно для политических встреч, а однажды вызвали туда официально — присутствовать на Всероссийском съезде Советов⁸⁵. Эта тактика гонений была небезрезультатной. Что касается рядовых меньшевиков, то Сталин вряд ли сильно преувеличивал, когда писал, что они «помаленьку перекочевывают в лагерь Республики Советов»⁸⁶.

Именно в таких условиях лидеры меньшевиков присутствовали по приглашению, но не как избранные делегаты, на VII Всероссийском съезде Советов в декабре 1919 г. Речь Дана была короткой и официальной: он одобрительно отзывался о победах Советской республики в гражданской войне, об отражении Юденича под Петроградом и приветствовал «единый революционный фронт... во всем, что касается обороны революции»⁸⁷. В более полемическом тоне предстояло выступить Мартову. Он осудил нарушения Советской конституции; заявил, что «возрождается и укрепляется, воспитанное столетиями царского и крепостного рабства, апатия масс, паралич гражданского сознания, готовность переложить всю ответственность за свои судьбы на плечи правительства», и зачитал декларацию, в которой были выдвинуты следующие требования: «Восстановление действия Советской конституции... Свобода печати, союзов и собраний... Неприкосновенность личности... Отмена бессудных расправ, административных арестов и правительственного террора»⁸⁸. Ленин в убедительной полемической речи показал, что декларация Мартова означает: «назад, к буржуазной демократии и ничего больше», и что, «когда мы слышим такие декларации от людей, заявлявших о сочувствии нам, мы говорим себе: нет, и террор и ЧК — вещь абсолютно необходимая»⁸⁹.

На протяжении 1920 г. у меньшевиков имелись партийные учреждения и клуб в Москве (хотя «ЧК время от времени совершала набег на помещения, опечатывала их, конфисковывала бумаги и арестовывала собравшихся»). Через друзей в типографиях меньшевики выпускали листовки и прокламации за подписью Центрального комитета партии. На выборах того года в местные Советы они получили 46 мест в Москве, 250 — в Харькове, 120 — в Ярославле, 78 — в Кременчуге и меньшее количество мест в большинстве других крупных городов⁹⁰. В мае 1920 г. членам британской лейбористской делегации, посетившей Москву, «было разрешено совершенно свободно встречаться с деятелями оппозиционных партий»⁹¹ и даже присутствовать на заседании меньшевистского Центрального комитета. Часть из них затем присутствовала на собрании, в котором участвовали 3000 рабочих, организованном профсоюзом печатников, где преобладали меньшевики; на нем выступали ораторы и от меньшевиков и от большевиков. В ходе собрания лидер эсеров Чернов, которого уже разыскивала ВЧК, переодетый и загримированный, появился на трибуне и произнес

речь, сравнив социализм с ранним христианством, а перерождение большевиков с перерождением средневековой церкви. По словам Дана, это был «последний такой митинг в большевистской Москве»⁹².

В августе 1920 г. в Москве открыто проводилась конференция меньшевиков, и о ней даже сообщалось в советской прессе⁹³. Позднее меньшевики все еще сохраняли контроль над важными профсоюзами и выступали как организованная группа на съездах Центрального Совета профсоюзов. Однако VIII Всероссийский съезд Советов, состоявшийся в декабре 1920 г., был последним, на который были допущены, без права решающего голоса, делегаты меньшевиков и эсеров, а также нескольких более мелких групп⁹⁴. Тон оппозиционных ораторов был теперь более непримиримым, а отношение к ним подавляющего числа большевиков на съезде более враждебным, чем годом ранее. Мартов уже уехал из России и осенью 1920 г. выступил с резкой воинственной речью, направленной против Зиновьева и большевиков на Галльском съезде Независимой социал-демократической партии Германии⁹⁵. Политика сдержанной терпимости, проводимая оппозиционными партиями в Советах, явно подходила к концу.

Первые месяцы 1921 г. принесли с собой серьезнейший за всю советскую историю начиная с лета 1918 г. внутренний кризис. С окончанием гражданской войны выявились в полной мере все принесенные ею потери и разрушения и отпала сдержанная лояльность, соблюдать которую обычно вынуждает война. Недовольство режимом впервые вышло за рамки политических кругов, широко распространилось, громко выражалось, и его уже стали проявлять крестьяне и заводские рабочие. Кронштадтский мятеж в начале марта 1921 г. был его выражением и символом. В том же месяце X съезд партии, утвердивший новую экономическую политику (НЭП), ужесточил партийную дисциплину, чтобы справиться с чрезвычайными обстоятельствами. Тем более ненормальной становилась теперь прежняя терпимость к раскольническим меньшинствам, не входившим в состав партии. Официального декрета, подобного тому, который был принят в июне 1918 г., теперь не принимали. Но, видимо, сам Ленин подал сигнал. В опубликованной в мае 1921 г. работе, обосновывавшей необходимость НЭПа, он писал:

«А „беспартийных“, которые на деле не что иное, как переодетые в модный, кронштадтски-беспартийный наряд меньшевики и эсеры, — держать бережливо в тюрьме или отправлять в Берлин к Мартову для свободного использования всех прелестей чистой демократии, для свободного обмена мыслями с Черновым, с Миллюковым, с грузинскими меньшевиками»⁹⁶.

Судя по меньшевистским источникам, результат не замедлил сказаться:

«По всей России начались репрессии против социал-демократов. Единственным способом избежать преследований было напи-

сать заявление в большевистскую газету об отказе от каких-либо связей с социал-демократической партией. Многие соглашались; но многие также были высланы на Соловки, в Суздаль, Сибирь, Туркестан и т. п.»⁹⁷

Мучеников, видимо, было немного. Не воздвигалось никаких препятствий для отъезда меньшевистских лидеров в Берлин, где весной 1921 г. был создан крупный меньшевистский центр с еженедельным журналом «Социалистический вестник». Рядовые же меньшевики в большинстве своем подчинились или отошли от политической деятельности. Однако, по иронии судьбы, уничтожение организованной политической оппозиции большевизму извне совпало с развитием наиболее значительной со времени Брест-Литовска организованной оппозиции внутри партии. Острые разногласия продолжали существовать. Но они теперь сосредоточились внутри партии. Партия вобрала в себя всю политическую жизнь страны. И с тех пор ее внутренние дела представляли собой историю страны.

Вместе с тем еще одним важным свидетельством гибкости советской политики и ее практицизма в выборе средств служит тот факт, что тогда же, весной и летом 1921 г., когда окончательно прекратили существование все независимые партии Советской России, наблюдались две наиболее серьезные попытки установить взаимопонимание между Советской властью и уцелевшей частью буржуазной интеллигенции, остававшейся на советской земле. Со стороны Советов НЭП был симптомом желания идти на компромисс, и можно было предположить, что это будет и компромисс политический. В то же время многие русские и в России и в эмиграции, до этого относившиеся к Советской власти враждебно, увидели в НЭПе отказ от незыблемых прежде принципов большевизма и путь к частичному примирению. В апреле 1921 г. было даже выдвинуто предложение о совместной открытой встрече с последующим банкетом представителей Советского правительства и буржуазной интеллигенции, где представители власти объяснили бы значение НЭПа, а представители интеллигенции приветствовали бы перемену политики. План не осуществился из-за непреклонности представителей интеллигенции, которые не хотели связывать себя каким-либо публичным одобрением действий Советов⁹⁸.

В конце июня 1921 г. в Москву стали поступать известия о страшном голоде, угрожавшем восточным губерниям европейской части России, и группа общественных деятелей и интеллектуалов обратилась к советским властям с предложением просить помощь за границей. Масштабы надвигавшегося бедствия и надежда, что жест умиротворения произведет на за границу благоприятное впечатление, заставили Советское правительство согласиться на это предложение. Декретом от 21 июля 1921 г. был создан Всероссийский комитет помощи голодающим в составе 60 человек. В него вошли: Каменев, президент Комитета, Рыков, Луначарский, Красин, Максим Горький и несколько других большевиков; два быв-

ших министра Временного правительства, Кишкин и Прокопович; несколько видных кадетов и много беспартийных интеллигентов. Комитет должен был создавать фонды из добровольных пожертвований и государственных субсидий, собирать запасы продовольствия в России и за границей и ведать их распределением⁹⁹.

Такой Комитет был уникальным в истории советского строя, и связанные с ним трудности вскоре обнаружились. Русская эмигрантская пресса радовалась этому шагу как признаку того, что Советское государство в отчаянном положении и не может больше существовать без помощи буржуазии. Прибывший в Москву британский представитель установил связь с Комитетом через голову Советского правительства. Иностранные правительства явно проявляли желание рассматривать Комитет как альтернативное правительство, которое в случае свержения советского строя могло бы прийти к власти. На деле Комитет лишь собирал информацию и разглашал ее внутри страны и за границей. 20 августа 1921 г. Советское правительство заключило соглашение с руководителем «Американской администрации помощи» («АРА») Гувером об оказании помощи голодающим. Такой шаг делал с советской точки зрения, дальнейшее существование Комитета не только излишним, но и опасным, так как «АРА» явно рассчитывала использовать программу помощи для ослабления позиции Советского правительства и старалась бы, насколько возможно, скорее иметь дело с Комитетом, в основном буржуазным, чем с большевистскими властями. На ранней стадии существования Комитета планировалось направлять его представителей в Англию и другие страны для сбора помощи. Теперь это было исключено. Советское правительство уведомило Комитет, что работа в Москве закончена и его члены должны заняться организацией помощи в пострадавших от голода районах. Когда большинство членов Комитета отказалось выполнять это решение и стало настаивать на отправке представителей за границу, Комитет был официально распущен декретом от 27 августа 1921 г., а его ведущие деятели из числа представителей буржуазии были арестованы¹⁰⁰. Так закончилась первая и последняя попытка сотрудничества между советским режимом и уцелевшими элементами старого строя. Она показала степень их взаимной вражды и то, как любая независимая сила в Советской России становилась — или с определенной вероятностью подозревалась в том, что становится, — центром иностранной интервенции, направленной против режима¹⁰¹.

Прежде чем вернуться к развитию отношений партии и государства, следует упомянуть о двух последующих событиях, которые стали примечательными вехами на пути укрепления диктатуры. Первым было упразднение и преобразование ВЧК весной 1922 г. Вторым — публичный суд над лидерами эсеров три месяца спустя.

Враждебное отношение к ВЧК исходило из двух источников, довольно широко представленных в партии; первый — это идеалисты, не одобрявшие террор и внесудебные дела как регулярный правительственный инструмент, хотя и признававшие их необходимость в крайних случаях; второй — законные права других сфер управления, возражавших против посягательства этого привилегированного и самовластного института на их нормальное функционирование. В центре рупором этих последних были комиссариаты внутренних дел и юстиции. В провинции местные ЧК в самой острой форме вызвали необходимость решить застарелую конституционную проблему об ответственности местных органов перед местными Советами.

В целом за окончанием гражданской войны последовало ослабление напряженности; в экономике его симптомом был НЭП. Чувствовалось, что демобилизация армии должна увенчаться демобилизацией органа, который провел кампанию, теперь успешно законченную, на внутреннем фронте. На IX Всероссийском съезде Советов Смирнов, старый большевик, связанный с оппозиционным движением в партии со времен «левых коммунистов» 1918 г.¹⁰², в своей кратчайшей речи выдвинул предложение, которое, судя по материалам съезда, не встретило возражений. Вот оно:

«Съезд Советов отмечает героическую работу, выполненную органами Всероссийской Чрезвычайной Комиссии в самые острые моменты гражданской войны, и громадные заслуги, оказанные ею делу укрепления и охраны завоеваний Октябрьской революции от внутренних и внешних покушений.

Съезд считает, что ныне укрепление Советской власти вовне и внутри позволяет сузить круг деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и ее органов, возложив борьбу с нарушением законов Советских Республик на судебные органы.

Исходя из этого, Съезд Советов поручает президиуму Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в кратчайший срок пересмотреть Положение о Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и ее органах в направлении их реорганизации, сужения их компетенции и усиления начал революционной законности»¹⁰³.

После первоначального пыла и энтузиазма революции основные вопросы механики власти редко обсуждаются публично теми, кто ее применял. Таким вопросом было будущее ВЧК. В какой мере принятие резолюции Смирнова руководством партии на съезде в декабре 1921 г. было тактическим маневром, насколько изменились затем взгляды под влиянием страшного голода, еще не достигшего до начала 1922 г. своей кульминации, под влиянием каких сил было принято окончательное решение — определить невозможно. Трудно, однако, поверить, что партийные руководители всерьез намеревались обойтись без такого мощного инструмента безопасности в то время, когда введение НЭПа с его терпимостью к капиталистическим и мелкобуржуазным элементам требовало повышения бдительности.

8 февраля 1922 г. ВЦИК издал декрет, упразднявший ВЧК и ее местные комиссии и передал ее функции народному комиссариату внутренних дел, создав в комиссариате для выполнения этих функций «Государственное Политическое Управление» (ГПУ), а также соответствующие «Политические Отделы» в провинции, в автономных республиках и районах РСФСР. Устанавливалась двойная ответственность этих отделов: перед ГПУ в Москве и перед местными исполкомами на местах, но она по обыкновению была так неясно сформулирована, что почти не вызывало сомнений подчинение этих отделов центральному органу. В распоряжение ГПУ были переданы «особые части войск», и среди их функций упоминалась задача борьбы с преступлениями в армии и на железнодорожном транспорте. В заключение указывалось, что любой человек, арестованный ГПУ, либо должен быть через два месяца освобожден, либо дело его должно быть передано в суд. Задерживать арестованных свыше двух месяцев без передачи дела в суд можно было только по особому разрешению президиума ВЦИКа¹⁰⁴. Последнее положение было зацепкой, дававшей возможность ГПУ, в случае надобности, обходить установленный порядок. Но даже эта формальность, по-видимому, недолго соблюдалась; а после создания Союза Советских Социалистических Республик в следующем году номинальная принадлежность ГПУ к комиссариату внутренних дел также исчезла.

Реорганизация, произведенная в феврале 1922 г. и подразумевавшая передачу квазисудебных функций ВЧК судам, фактически полностью вывела политические преступления за пределы судебной процедуры и для борьбы с ними дала ГПУ полномочия большие, чем те, которые имела и на которые когда-либо претендовала упраздненная ВЧК. ГПУ еще не исполнилось двух месяцев от роду, когда Ленин на XI съезде партии критиковал его за вмешательство в экономические дела, что превышало его полномочия¹⁰⁵.

Второй вехой 1922 г. был судебный процесс над лидерами эсеров. Репрессивные меры, применявшиеся годом ранее к меньшевикам, теперь в той же мере коснулись эсеров. Но эсеры — люди другого склада, с ними не так легко было справиться. Они были революционной партией с традициями подпольной конспирации. Возобновив политику оппозиционной борьбы, по крайней мере некоторые из них вернулись к этой традиции. Вмешалось недавно созданное ГПУ. В феврале 1922 г. было объявлено, что 47 ведущих эсеров арестованы по обвинению в конспиративной деятельности и предстанут перед судом. Объявление вызвало некоторое волнение за границей, особенно среди социалистов. В апреле 1922 г. вопрос обсуждался в Берлине на встрече представителей трех Интернационалов, явившейся единственной попыткой компромисса между ними¹⁰⁶. Бухарин и Радек, представлявшие российскую партию в делегации Коминтерна, поручились, что эсерам не угрожает смертный приговор, и Ленин публично упрекал их за покорность, с которой они допустили это вмешательство во внутрен-

ние дела Страны Советов, однако признал, что договоренность надо выполнять¹⁰⁷.

До начала суда Ленин слег: это было первое кровоизлияние. Судебный процесс начался 8 июня 1922 г., продолжался два месяца и освещался в международной прессе через присутствовавшего на нем бельгийского социалиста Вандервельде, главного адвоката обвиняемых. Это был первый при советском строе крупный политический процесс. В целом, список преступлений эсеров был огромным. Увязав их с Керенским, на них взвалили ответственность за все террористические акты, совершенные при Временном правительстве; они играли ведущую роль не в одном «белом» правительстве в период гражданской войны; убийство Мирбаха и покушение на жизнь Ленина было делом рук эсеров; а там, где не было доказательств совершения конкретных актов, имелось множество высказываний ведущих эсеров о пользе террора против Советской власти. Вандервельде и его иностранные коллеги через несколько дней отказались от защиты «по просьбе подсудимых» и сделали заявление о том, что трибунал и обвинение нарушают Берлинское соглашение¹⁰⁸. Из 34 подсудимых несколько были оправданы и многие приговорены к разным срокам и видам лишения свободы. 14 были приговорены к смерти. Двоим из них наказание было отсрочено декретом ВЦИКа, исполнение остальных приговоров отложено. Примечательно, что в ходе ведения дела сама по себе партия эсеров не рассматривалась как незаконная организация: подсудимым предъявлялись улики в совершении актов, которые считались бы преступными при любой системе правления. Декрет ВЦИКа от 8 августа 1922 г. об утверждении и отсрочке приговоров по-прежнему подразумевал признание легальности партии эсеров: **«Если партия социалистов-революционеров фактически и на деле прекратит подпольно-заговорщическую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против власти рабочих и крестьян, она тем самым освободит от высшей меры наказания тех своих руководящих членов, которые в прошлом этой работой руководили и на самом процессе оставили за собой право ее продолжать»**¹⁰⁹.

Однако выдумка о «легальной оппозиции» давно уже перестала существовать. Приписывать отказ от нее одной партии несправедливо. Если правда, что большевистский режим не намерен был через несколько месяцев после своего установления мириться с организованной оппозицией, то в равной мере верно и то, что никакая оппозиционная партия не намерена была ограничиваться рамками законности. Стремление к диктатуре было свойственно обоим спорящим сторонам.

ГЛАВА 8

ВЛАСТЬ ПАРТИИ

После Октября 1917 г. эволюция большевистского крыла Российской социал-демократической рабочей партии, вскоре ставшей Российской коммунистической партией (большевиков), была непрерывным процессом и одновременно процессом перемен. На протяжении всей своей истории партия несла на себе тот отпечаток, который наложил на нее Ленин, и постоянно обращалась к традициям и спорам своей юности. Октябрьская революция вызвала в ней некоторые очевидные и некоторые не столь заметные изменения. Но опять же здесь трудно различить, какие изменения органически присущи ей как партии вообще или в частности как революционной партии, а какие связаны с ее индивидуальными особенностями или обстановкой, в которой приходилось действовать. Три главных момента характеризуют период между Октябрьской революцией и смертью Ленина: растущая власть в руках небольшого руководящего партийного центра; превращение партии из революционной организации, устремленной на свержение существующих институтов, в руководящее ядро правительственной и административной машины и, наконец, создание для нее монопольного положения путем устранения других партий.

Тенденция к сосредоточению власти в центре любой крупной организации и необходимость сосредоточения как условия успешной работы стали азбучной истиной для современных политических партий¹. Партии, подобные анархистским, которые этому противились, обрекали себя на политическую бесплодность; другие партии обычно добивались успеха в меру своей готовности подчиниться дисциплине под руководством сильной центральной власти и управления. Этот факт вызывает тревогу у партий, предпочитающих быть организованными на демократической основе. Все организованные политические партии — и особенно массовые, где рядовых членов в большой мере отделяет от лидеров необходимый для руководства интеллектуальный и профессиональный уровень, — имеют тенденцию, какими бы демократическими ни были их принципы, в ходе своего развития создавать закрытую олигархию руководителей. Социолог, черпавший материал по преимуществу на основе изучения Социал-демократической партии

Германии и Итальянской социалистической партии до 1914 г., так характеризовал эти симптомы:

«В каждом социальном отношении природа сама создает господство и зависимость. Таким образом, каждая партийная организация представляет собой мощную олигархию на демократических ногах. Повсюду есть избиратели и избираемые. Но повсюду также есть власть избранных лидеров над избирающими массами. Олигархическая структура здания скрывает демократический фундамент»².

Когда после 1917 г. большевики стали массовой партией, этот процесс быстро начался. Его, без сомнения, ускорили традиции секретности и дисциплины, сложившиеся в партии до 1917 г., особое монопольное положение, которое она постепенно заняла в государстве после 1917 г., и, возможно, также политическая отсталость и неопытность русских рабочих по сравнению с рабочими Запада. Но перспектива серьезно исказится, если рассматривать этот процесс как присущий только России или только большевикам. В большей или меньшей степени он наблюдался во всех политических партиях первой половины XX столетия.

Превращение революционной партии в правящую — типичная черта всех победоносных революций, и это приводит к последствиям настолько известным, что их можно считать стереотипными. Партия, перейдя от задач разрушения к задачам управления, начинает ценить закон и порядок и подчинение полномочной власти революционной державы. И она подвергается нападкам слева, со стороны тех, кто стремится продолжать революцию во имя прежних революционных принципов, которые революционное правительство теперь якобы предает. По такой схеме развивалась история русской революции. Но была и другая, более ярко выраженная черта, возникшая от нового взаимодействия партии и государства. Соединение партии с государством прямо вело к тому, что в каждый общегосударственный кризис вовлекалась и партия, а каждый призыв к укреплению единства и руководства страны превращался в призыв к партийному единству и верности вождю партии. Сомкнуть ряды было для партии, как и для всего народа, естественной реакцией на опасность, угрожавшую стране. И нельзя было отделить Ленина — руководителя партии от Ленина — руководителя страны. Его сила основывалась на моральном авторитете, а не на внешней власти. Но это способствовало тому, что в партии, как и во всем государстве, сложилась традиция личного руководства, которую было трудно преодолеть.

Третьим важным изменением было приобретение партией, в сущности, политической монополии на всей территории страны. Никакая политическая теория не отрицает права политической партии устанавливать для своих членов жесткие рамки, будь то поведения или убеждений, и исключать тех, кто не подчиняется. Однако прежде это правило предполагало, что человек имеет возможность менять свою партийную принадлежность и что ка-

кая-нибудь альтернативная партия тоже имеет относительную возможность влиять на общественные дела. До революции несогласные большевики могли стать, и действительно становились, меньшевиками, вступали в другие политические партии или группы. В первые месяцы после революции эта текучесть все еще до некоторой степени сохранялась среди уцелевших партий — большевиков и меньшевиков, левых и правых эсеров. Большевики были правящей, но все еще одной из нескольких партий. Однако после лета 1918 г. другие политические партии существовали как бы из милости, их положение становилось все более и более рискованным, и начиная с 1921 г. они фактически исчезли. Уход или исключение из единственной остававшейся партии теперь, естественно, означал — по меньшей мере — отстранение от всякой легальной политической деятельности. Поэтому внутри партии должны были усилиться разногласия, особенно острые из-за того, что не было другого канала, через который можно было бы выразить несогласие, а также из-за того, что теперь это несогласие легко было приписать бывшим меньшевикам или эсерам, вступившим в партию большевиков по нечестным или корыстным мотивам³. Стало легко и привычно расценивать несогласие как нелояльность. В однопартийном государстве принципы партийного единства и партийной дисциплины теперь приобрели неподвижный смысл.

Изменения эти развивались постепенно. Несмотря на то что Ленин давно настаивал на необходимости следовать теории и соблюдать партийную дисциплину для проведения теории в жизнь, в первом Уставе, принятом на II съезде партии в 1903 г. и утвержденном в слегка откорректированной форме III съездом в 1905 г., обязанность членов партии подчиняться партийным решениям еще не была четко предусмотрена. В доработанном Уставе партии, который принял VI съезд в августе 1917 г., эта обязанность впервые была четко обусловлена. Это, возможно, покажется удивительным, но победа революции вначале, казалось, раздвинула границы партийной дисциплины и привела к вспышке свободных разногласий и споров, небывалых в истории большевистской партии и, быть может, редких в истории других партий. Эти дискуссии внутри партии, какими бы острыми они ни были, велись в соответствии с признанным правилом, по которому члены партии сохраняли свободу действий до тех пор, и только до тех пор, пока партийное решение не принято. Нарушение, за которое Каменеву и Зиновьеву угрожало исключение из партии в канун революции, состояло не в том, что они выражали мнение, отличное от мнения других членов ЦК во время дискуссии в Центральном Комитете до принятия решения, а в том, что они публично выступили против решения, с которым были несогласны, после того, как оно было принято большинством голосов⁴. Ни одной партии нельзя отказать в праве применить санкции в ответ на подобное пренебрежение. Через несколько дней после победы ре-

волюции Ленин столкнулся с новым выступлением, которое опять возглавили Каменев и Зиновьев, направленным против политики исключения других партий из состава Советского правительства (вскоре смягченной в отношении левых эсеров). Этот кризис окончился лишь ультиматумом и уходом нескольких человек в отставку⁵. Зима свободных речей и трудной борьбы в Центральном Комитете партии достигла своего пика в ходе известных споров в феврале и марте 1918 г. о переговорах в Брест-Литовске с Германией и подписании Брест-Литовского договора. В спорах дошли до того, что Дзержинский выразил сожаление, что партия недостаточно сильна, чтобы согласиться на отставку Ленина, а Ломов, не боясь даже такого непредвиденного обстоятельства, прямо заявил: «Надо брать власть без В. И. [Ленина]»⁶.

Однако в то время как первым результатом революции стало поощрение свободы и гласности дискуссий, какие редко проводила какая-либо партия по жизненно важным вопросам государственной политики, другие силы вскоре начали действовать в противоположном направлении. Восторженный энтузиазм, вызванный триумфом революции, прошел; весной 1918 г. обострились экономические трудности; и из левых сил внутри партии начала образовываться оппозиция, которая обвиняла партийное руководство в оппортунистических тенденциях и отходе от большевистских принципов. Так, споры вокруг Брест-Литовска вызвали к жизни группу «левых коммунистов», которые в течение двух недель выпускали в Петрограде оппозиционную ежедневную газету «Коммунист». На VII съезде партии, созванном для ратификации Брест-Литовского договора в марте 1918 г., Ленин с гневом говорил, что

«тяжелый кризис, который переживает наша партия в связи с образованием в ней «левой» оппозиции, является одним из величайших кризисов, переживаемых русской революцией»⁷.

Потерпев поражение в вопросе о Брест-Литовске, оппозиция направила свое внимание на критическое положение в экономике, подвергая нападкам политику Ленина в таких вопросах, как использование специалистов, образование индустриальных трестов и единоначалие в управлении экономикой. И оппозицию, естественно, хотя, быть может, и несправедливо, подозревали в тайных связях с левыми эсерами, которые вышли из Совнаркома из-за Брест-Литовска⁸. Группа пользовалась доминирующим влиянием в московской партийной организации и в апреле 1918 г. выпустила два номера нового журнала под названием «Коммунист», представленного как «Орган Московского Областного Бюро Р.К.П. (большевиков)». Редакторами были Бухарин, Оболенский, Радек и В. Смирнов⁹. В первом номере появились длинные тезисы по поводу экономической ситуации, которые были зачитаны на встрече группы с руководством партии в присутствии Ленина 4 апреля 1918 г.¹⁰ В следующем месяце Ленин в пух и прах раскритиковал группу в статье «О „левом” ребячестве и о мелкобур-

жуазности», и летом 1918 г. группа прекратила свое существование. К тому времени опасения, связанные с конспиративной деятельностью эсеров и началом гражданской войны, вынудили партию под руководством Ленина взяться за восстановление единства и дисциплины в ее рядах¹¹.

VII съезд партии, принявший решение ратифицировать Брест-Литовский договор, принял также предложение Ленина, выдвинутое год назад в его Апрельских тезисах, — переименовать партию из «социал-демократической» в «коммунистическую». Маркс и Энгельс выражали неудовлетворенность первым названием, когда германская рабочая партия приняла его в 1875 г.: уже в то время слово «демократия», даже с определением «социал», начинало терять свой революционный смысл. С 1914 г. социал-демократы Европы, за исключением незначительного меньшинства, отказались от идеи всемирной пролетарской революции и стали буржуазными «реформистами» и «шовинистами». В декабре 1914 г. Ленин спрашивал, не лучше ли отказаться от «запачканного и униженного» названия «социал-демократы» и вернуться к марксистскому названию «коммунисты»¹². Пришло время обозначить пропасть между ними и стать наследниками марксистских революционных традиций, вернувшись к старому марксистскому названию «коммунист». Эта перемена имела двойное значение. Внутри страны партия, наконец, оставила позади буржуазную революцию и решительно обратилась к коммунистической цели. Вне страны перемена означала раскол в европейском рабочем движении между теми, кто цеплялся за буржуазную политику реформ, и теми, кто стоял за пролетарскую революцию; разделение, которое Ленин произвел в российской партии в 1903 г., теперь было повторено в международном масштабе. Изменение традиционного названия было принято в партии не очень охотно, но в марте 1918 г. последователи Ленина, наконец, перестали называть себя «Российской социал-демократической рабочей партией» — спорное название, которое большевики долго разделяли с меньшевиками, а теперь оставили им, — и стали «Российской коммунистической партией (большевиков)»¹³.

Пришло также время укрепить дисциплину в партийной организации. Система организации давно была известна в партийных кругах под названием «демократический централизм»¹⁴. Этот термин указывал на тот двойной процесс, при котором полномочия возрастали от партийных ячеек в городах, на заводах, в деревнях, через промежуточные местные или областные комитеты до самой вершины — Центрального Комитета, который являлся органом суверенного съезда. С помощью тех же каналов поддерживалась дисциплина сверху донизу, поскольку каждый партийный орган был подчинен вышестоящему и в конечном счете Центральному Комитету. С победой революции, превращением партии в легальную организацию и значительным увеличением ее состава

ва, эту идею можно было наконец полностью осуществить на основе принципа, во многом сходного с принципом организации Советов.

Высший орган, съезд партии, в принципе — а в первые несколько лет после революции и фактически — собирался ежегодно. Центральный Комитет, главный исполнительный орган, заседал, согласно Уставу 1917 г., «не реже 1 раза в 2 месяца». Революция дала партии возможность охватить ячейками всю Россию, возникла огромная иерархия центральных и местных организаций. Наверху «Всероссийский» съезд и его Центральный Комитет, ниже — конференция и комитет каждой республики или области, за ними — губернские конференции и комитеты, затем — уездные и волостные и, наконец, партийные ячейки, каждая со своим «бюро», на заводах, в селах, в Красной Армии, в советских учреждениях — повсюду, где два-три члена партии могли объединиться.

Ячейки, хотя и низшие в иерархии, были отнюдь не наименьшими по значению элементами партийной системы. Представить себе подлинную картину этих ячеек даже трудней, чем представить себе Советы, низшую ступеньку советской системы. Но во многих отношениях они унаследовали суровые традиции мелких подпольных групп, через которые партия распространяла свое влияние в царской России. И вся структура зависела, по крайней мере на ранних этапах революции, от их верности и эффективности¹⁵.

Структура партии и бурные события, которые охватили партию в первые месяцы после триумфа революции, неизбежно должны были привести к ее эволюции. В борьбе, скрывающейся за терминами «демократический централизм» — борьбе между потоком возрастающих от периферии к центру полномочий и налагаемой сверху вниз дисциплиной, между демократией и действенностью, — действенности предстояло стать фактором первостепенным. До тех пор пока Ленин держал бразды правления, обе силы удавалось примирить и они шли в одной упряжке, и сам Ленин всегда возмущался теми, кто пытался противопоставлять власть «сверху» власти «снизу»¹⁶.

Однако растущее значение личности Ленина, человека незаурядного и уверенного в себе, в критические годы становления нового строя оправдывало традицию сильной власти, способствовало формированию потребности в ней. Действовали и другие факторы. Сильнейшим из всех был гнетущий груз всей традиции российского административного аппарата и российской социальной структуры. Несомненно, Ленин хотел и даже на деле старался приобщить рядовых членов партии, а затем и пролетарскую массу к активному участию в делах партии и народа, и когда он говорил — а в последние годы он часто говорил — об «отсталости» и «бескультурии» русского народа, он понимал и то, что мечту пока не удастся осуществить. Вероятно, потребовалось бы не одно поколение, чтобы сколько-нибудь серьезно преодолеть влия-

ние глубоко укоренившейся традиции административного управления сверху. Да и Российская коммунистическая партия не так уж отличалась в этом отношении, как иногда предполагают, от политических партий других стран, где разногласия разрешаются и партийная линия определяется скорее в узком кругу руководителей, чем в результате успешного обсуждения этих проблем с рядовой массой.

Таким образом, неудивительно, что та же непреодолимая тенденция к концентрации власти, какая наблюдалась в советских органах, в равной мере — хотя несколько позднее — охватила и партийные органы. Партийный съезд, формально высший орган, хотя и собирался ежегодно с 1917 по 1924 г., стал слишком громоздким, а его проведение — слишком редким для того, чтобы эффективно осуществлять власть. И значение его упало, хотя и не сразу, вслед за упадком значения параллельного государственного органа — Всероссийского съезда Советов. VII съезд партии, который в марте 1918 г. ратифицировал Брест-Литовский договор, стал последним съездом, решавшим жизненно важные политические вопросы большинством голосов. На последующих нескольких съездах продолжалось обсуждение важнейших вопросов и порой можно было наблюдать острый обмен мнениями; это особенно касается XII съезда в 1923 г. — первого со времени Октябрьской революции, на котором Ленин не присутствовал. Но даже тогда, когда обсуждения происходили на съезде, настоящие решения принимались не там.

Уже в октябре 1917 г. именно Центральный Комитет принял жизненно важное решение о взятии власти; именно к Центральному Комитету перешла власть съезда. Однако и Центральный Комитет — как и ВЦИК, его двойник в системе Советов, — не сумел в свою очередь удержать власть, и ей предстояло вскоре перейти к меньшим и более эффективным органам. Когда Зиновьев в 1923 г. с энтузиазмом заявлял, что «ЦК нашей партии в силу традиции, в силу истории за 25 лет существования сложился в такую группу, которая всасывает в себя все наиболее авторитетное из партий», он говорил о ситуации, которая вот-вот должна была стать историей⁴⁷.

Вопрос о централизации в партии был впервые открыто поставлен на VIII партийном съезде, собравшемся в марте 1919 г. в разгар гражданской войны. Процесс к этому времени зашел далеко. Осинский сетовал на съезде, что вся партийная работа сосредоточилась вокруг Центрального Комитета. «Да и сам ЦК как коллегиальный орган, в сущности говоря, не существовал», поскольку «т.т. Ленин и Свердлов решали очередные вопросы путем разговоров друг с другом и с теми отдельными товарищами, которые опять-таки стояли во главе какой-нибудь одной отрасли советской работы»⁴⁸. Тем не менее из-за гражданской войны, как указывалось в резолюции съезда, партия находилась «в таком положении, когда строжайший централизм и самая суровая дис-

циплина являются абсолютной необходимостью»¹⁹. Особым несчастьем было то, что накануне съезда умер Свердлов, до этого умело руководивший партийным аппаратом. Съезд, признав необходимость укрепления центральной власти и стремясь помочь ЦК в выполнении этой задачи, ограничил число его членов 19 (и 8 кандидатами) и предписал проведение заседаний каждые две недели. Но в то же время он предпринял роковой шаг, создав три новых органа, которым, несмотря на то что они номинально происходили из Центрального Комитета, предстояло в следующие три-четыре года разделить его функции между собой и узурпировать все, кроме внешних атрибутов власти.

Первым из этих органов было Политбюро из пяти человек. Название и характер этого органа напоминали о Политическом бюро, созданном в момент кризиса накануне Октябрьской революции. В его функции входило «принимать решения по вопросам, не терпящим отлагательств», и отчитываться на заседаниях ЦК каждые две недели. Но вряд ли стоит говорить, что формальное ограничение его деятельности срочными вопросами, как и аналогичное ограничение власти Совнаркома Конституцией РСФСР, оказалось совершенно нереальным. Политбюро вскоре превратилось в основной источник главных политических решений, которые осуществлялись через государственную машину. Вторым новым органом было Организационное бюро (Оргбюро), тоже из пяти членов ЦК, которое должно было заседать три раза в неделю и «направлять всю организационную работу партии». Третьим органом был Секретариат ЦК, состоявший из «ответственного секретаря» и пяти «технических» секретарей, чьи функции не были дополнительно определены²⁰.

Опасность столкновений между Политбюро, Оргбюро и Секретариатом была ослаблена соединенным членством. Крестинский, который стал первым «ответственным секретарем», входил также в состав Оргбюро. Один из членов Политбюро также должен был входить в Оргбюро. Для этой двойной роли был выбран Сталин. На следующем съезде в 1920 г. был предпринят еще один роковой шаг. Было решено укрепить Секретариат, включив в него трех «постоянно работающих» в нем членов ЦК и поручив ему «ведение... текущими вопросами организационного и исполнительного характера». За Оргбюро осталось лишь «общее руководство организационной работой»²¹. В укрепленный Секретариат должны были войти Крестинский, Преображенский и Серебряков.

Никто не ожидал, что основными вопросами, с которыми столкнется этот неопытный еще Секретариат, будут вопросы партийной дисциплины. Угасание движения «левых коммунистов» летом 1918 г. в связи с началом гражданской войны еще не означало, что внутри партии больше нет оппозиции. Русская революция достигла этапа, общего для всех революций, когда перед партией, совершившей революцию, встает задача консолидации сил и укрепления государственной машины; в такой момент оппо-

зация слева во имя старых революционных принципов была неизбежной и постоянной.

На VIII съезде партии в марте 1919 г., в разгар гражданской войны, «военная оппозиция» безуспешно протестовала против политики Троцкого, допускавшего при создании новой советской регулярной армии частичное использование военных специалистов старой царской армии. На IX съезде в марте 1920 г. группа, использовавшая партийный лозунг «демократического централизма», протестовала против введения единоначалия в промышленности и заручилась поддержкой профсоюзов в лице Томского; и это оказалось исходной точкой нового оппозиционного движения. Его рост летом 1920 г. отмечался в отчете Центрального Комитета партийному съезду весной следующего года. Иногда оно принимало форму столкновений внутри одного и того же партийного органа; в других случаях проявлялось в неповиновении районных организаций губернскому комитету; порой — в недовольстве среди «рабочей части некоторых губкомов», порой — в спорах между рабочими и крестьянскими организациями. Беспорядки эти объясняли рядом причин — «страшной усталостью рабочих масс» от войны, гражданской войной, экономической разрухой, холодом и голодом; приемом в партию «искренних, преданных революции, но мало развитых политически рабочих и крестьян» и проникновением в партию бывших членов других партий²².

К концу лета для выяснения дела была назначена комиссия, в которую вошли двое из тех, кто участвовал в оппозиции на предыдущем съезде, Игнатов и Сапронов, и резолюция, составленная этой комиссией, была одобрена Всероссийской конференцией РКП(б) в сентябре 1920 г. В резолюции в общих чертах говорилось о необходимости усилить связь между рядовой массой и центральным аппаратом, внести новую живую струю в партийную жизнь. Но наиболее конкретная рекомендация заключалась в том, чтобы создать «Контрольную комиссию наряду с ЦК»; функцией комиссии было «принимать всякие жалобы и разбирать их», обсуждать их, если нужно, совместно с Центральным Комитетом и отвечать на них. Вплоть до следующего съезда партии в первую Контрольную комиссию должны были входить Дзержинский, Муранов, Преображенский и еще четыре человека, назначенные крупнейшими местными партийными организациями. Далее указывалось: «...вообще же члены ЦК выбираться не должны в состав Контрольной комиссии»²³.

Аналогичные комиссии следовало также придать губернским партийным комитетам. Начинали вызывать недовольство в партии «кремлевские привилегии», и была создана особая «Кремлевская Контрольная комиссия», с тем чтобы она их расследовала и «ввела их, поскольку невозможно было бы полное устранение, в те рамки, которые были бы попятны каждому партийному товарищу»²⁴. Центральная Контрольная комиссия начала свою дея-

тельность с циркуляра, в котором всем членам партии предлагалось «сообщать ей случаи всех преступлений против партии со стороны ее членов, ни на одну минуту не стесняясь постом и ролью обвиняемых лиц»²⁵.

Эти меры не помогли уменьшить растущее недовольство. Осенью 1920 г., когда гражданская война наконец закончилась, возникла «рабочая оппозиция» — самая мощная из оппозиционных групп, существовавших внутри партии со времени революции. У нее не было сильных руководителей или программы, но она отличалась большой численностью. Единственными известными руководителями были Шляпников, в прошлом сам рабочий-металлист и народный комиссар труда в первом Советском правительстве, ставший поборником интересов «рабочих», и Коллонтай, чей престиж уже не был столь высоким, как в начале революции.

Программа «рабочей оппозиции» была винегретом из распространенных тогда проявлений недовольства, которое главным образом было направлено против растущей централизации экономического и политического руководства, против растущей силы и беспощадности аппарата. Предлагалось передать контроль над промышленностью и продукцией от государства профсоюзам. Таким образом, отдавалась дань нечетким требованиям установления «рабочего контроля» и увлечению определенных партийных кругов синдикалистскими тенденциями. Выражался протест против преобладания в партии интеллигентов, содержался призыв к решительному очищению партии от нерабочих; выдвигалось требование «выборности по всей линии» в партии и свободной дискуссии внутри партии при возможности распространения оппозиционных взглядов. Эта критика и предложения, широко обсуждавшиеся в прессе и повсюду зимой 1920/21 г. были затем изложены в брошюре Коллонтай «Рабочая оппозиция», которую распространили среди членов партии во время X съезда в марте 1921 г.²⁶

По своим взглядам «рабочая оппозиция» стала одной из главных оппозиционных фракций в дискуссии о профсоюзах, взволновавшей партию зимой 1920/21 г. В то время как «рабочая оппозиция» стояла за независимость профсоюзов и их руководящую роль в системе экономики, Троцкий, впервые со времени Брест-Литовска публично выступивший против Ленина, потребовал непосредственного подчинения профсоюзов государству. Весь январь 1921 г. «Правда» день за днем печатала полемические статьи, в которых главные руководители партии высказывали диаметрально противоположные взгляды. Партия выпустила два номера специального «Дискуссионного листка», чтобы способствовать более подробному обмену мнениями. Ленин забеспокоился. В брошюре «Кризис партии» он писал о «лихорадке», которая сотрясает партийный организм, и задавался вопросом, «способен ли этот организм в несколько недель (до партсъезда и на партсъезде) излечиться полностью и сделать повторение болезни невозможным или болезнь станет затяжной и опасной». Он обвинил Троц-

кого в «создании фракции на ошибочной платформе» и, говоря о «рабочей оппозиции», изложил признанное в партии правило, но с такой оговоркой, которую потом использовали для отмены самого правила:

«Блокироваться разным группам (особенно перед съездом), конечно, дозволительно (и гоняться за голосами тоже). Но надо это делать в пределах коммунизма (а не синдикализма) и делать так, чтобы не вызывать смеха».

Он закончил обычным предупреждением о том, что внешние враги используют внутренние разногласия в партии:

«Болезнью нашей партии, несомненно, постараются воспользоваться и капиталисты Антанты для нового нашествия, и эсеры для устройства заговоров и восстаний. Нам это не страшно, ибо мы сплотимся все, как один, не боясь признать болезни, но сознавая, что она требует от всех большей дисциплины, большей выдержки, большей твердости на всяком посту»²⁷.

Перед съездом партии, которого долго ожидали и который открылся 8 марта 1921 г., кронштадтский мятеж — серьезнейшая со времени революции внутренняя угроза режиму — подтвердил справедливость опасений Ленина и всех требований сомкнуть партийные ряды.

X съезд, состоявшийся в марте 1921 г., был решающим в истории партии и республики. Он заседал в такой момент, когда исчезли надежды на спокойную передышку, возникшие было после победоносного завершения гражданской войны, когда возник экономический кризис в виде острой нехватки продовольствия и когда впервые со времени лета 1918 г. поднял голову политический мятеж. Ощущение неопределенности ситуации охватило съезд. Урегулирование сердитой полемики о профсоюзах явилось наименьшим достижением съезда. НЭП был провозглашен на заключительном этапе работы и как следует не обсуждался. Подлинным лейтмотивом съезда, звучавшим почти во всех многочисленных высказываниях Ленина, была мысль о первостепенном значении единства в партии. Ленин ярко выразил эту необходимость в короткой вступительной речи:

«Товарищи, мы пережили год исключительный, мы позволили себе роскошь дискуссий и споров внутри нашей партии. Для партии, которая окружена врагами, могущественнейшими и сильнейшими врагами, объединяющими весь капиталистический мир, для партии, которая несет на себе неслыханное бремя, эта роскошь была поистине удивительна!

Я не знаю, как вы оцениваете теперь это. Вполне ли, по-вашему, соответствовала эта роскошь нашим богатствам и материальным и духовным?»

А позднее он накинулся с необычным гневом на оппозицию:

«Все эти рассуждения о свободе слова и свободе критики, которые... пестрят и сквозят во всех речах «рабочей оппозиции»,

составляют девять десятых смысла речей, не имеющих особого смысла, — все это слова того же порядка. Ведь надо же, товарищи, не только говорить о словах, но и о содержании их. Нас словами, вроде «свобода критики», не проведешь! Когда сказали, что в партии есть признаки болезни, мы говорили, что это указание заслуживает тройного внимания: несомненно, эта болезнь есть. Давайте помогать эту болезнь лечить. Скажите же, как вы можете ее лечить? У нас прошло довольно много времени в дискуссии, и я должен сказать, что теперь «дискутировать винтовками» гораздо лучше, чем тезисами, преподносимыми оппозицией. Не надо теперь оппозиции, товарищи, не то время! Либо — тут, либо — там, с винтовкой, а не с оппозицией»²⁸.

Терминология была неясной. Контекст давал основания предполагать, что Ленин требовал лишь исключения из партии тех, кто упорно оставался в оппозиции и по логике вещей мог вполне оказаться по ту сторону баррикад. И все же он дал понять, и намеренно дал понять, что в рядах партии свобода критики — «роскошь», которая легко перерастает в «болезнь», а вне рядов партии единственный действенный инструмент урегулирования разногласий — винтовка. Возможно, это были вполне правильные выводы в условиях кризиса и вооруженного восстания, мрачной тенью нависших над X съездом. Эти выводы основывались на партийной теории, и Ленин способствовал тому, что они стали для партии традиционными.

О партийном единстве и дисциплине съезд принял две резолюции. В одной, которая носила название «О синдикалистском и анархистском уклоне»²⁹ в нашей партии», деятельность по распространению идей «рабочей оппозиции» объявлялась «несовместимой с принадлежностью к Российской коммунистической партии». При этом также указывалось, несколько непоследовательно, что «в специальных изданиях, сборниках и т. п. может и должно быть уделено место для наиболее обстоятельного обмена мнений членов партии по всем указанным вопросам»³⁰. Съезд в отдельной короткой резолюции отказался принять отставку членов «рабочей оппозиции», вновь избранных в ЦК; им было предложено «подчиниться партийной дисциплине»³¹. В другой большой резолюции — «О единстве партии» — выражалось настоятельное требование, чтобы все спорные вопросы в партии направлялись бы «не на обсуждение групп, складывающихся на какой-либо «платформе» и т. п., а на обсуждение всех членов партии». Центральному Комитету поручалось обеспечить «полное уничтожение всякой фракционности»³².

«Съезд предписывает немедленно распустить все, без изъятия, образовавшиеся на той или иной платформе группы и поручает всем организациям строжайше следить за недопущением каких-либо фракционных выступлений. Неисполнение этого постановления съезда должно вести за собой безусловное и немедленное исключение из партии».

В заключение съезд принял секретное дополнение к резолюции, которое приобрело известность как «пункт 7». Оно было сформулировано следующим образом:

«Чтобы осуществить строгую дисциплину внутри партии и во всей советской работе и добиться наибольшего единства при устранении всякой фракционности, съезд дает ЦК полномочия применять в случае (-ях) нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК перевод их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, исключение из партии. Условием применения (к членам ЦК, кандидатам в ЦК и членам Контрольной комиссии) такой крайней меры должен быть созыв пленума ЦК с приглашением всех кандидатов ЦК и всех членов Контрольной комиссии. Если такое общее собрание наиболее ответственных руководителей партии двумя третями голосов признает необходимым перевод члена ЦК в кандидаты или исключение из партии, то такая мера должна быть осуществляема немедленно»³³.

Иносказания, предосторожности, чтобы действия не были поспешными, и решение сохранить в тайне этот последний пункт резолюции³⁴ свидетельствовали о том, что съезд неохотно утвердил эту грозную меру воздействия. Колебание было обоснованным. Резолюция, хотя и явилась логическим следствием перехода реальной власти от съезда к ЦК, для будущего партии имела решающее значение.

X съезд партии был поворотной вехой на пути роста могущества партийного аппарата. Новые принципы партийной дисциплины требовали, чтобы член партии, и особенно член ЦК, лояльно подчинялся решениям партии, как только они приняты, или подлежал высшему наказанию в виде исключения из партии. Пока решение не принято, он, в соответствии с Уставом 1919 г.³⁵, имел полное право распространять свои взгляды. Еще в январе 1921 г. Ленин признавал право членов партии «в пределах коммунизма» создавать группы и заниматься предвыборной агитацией. Два месяца спустя на X съезде нависшая угроза политического и экономического кризиса заставила от этого отказаться. С тех пор критика отдельных лиц или даже групп в партии была допустима, но организовывать оппозицию было запрещено: это значило бы совершить грех «фракционности». Даже исключительное право решать вопрос о составе ЦК было в конце концов отобрано у суверенного съезда, поскольку две трети членов ЦК имели теперь возможность исключить непокорных коллег. Общее количество этих мер, одобренных и предложенных самим Лениным в кризисной ситуации X съезда партии в марте 1921 г., должно было невероятно увеличить возможность дисциплинарного воздействия со стороны правящей группы партийных руководителей.

Эти меры, порожденные чрезвычайными обстоятельствами в партии, оттеснили множество добрых намерений, возникших бла-

годаря окончанию гражданской войны, и сделали несколько нереальной вступительную часть длинной резолюции «По вопросам партийного строительства». В резолюции говорилось о *«милитаризации»*, о *«крайнем организационном централизме»*, и *«системе боевых приказов»*, неизбежно преобладавших в партийных делах в период гражданской войны, и признавалось, что установление «крайне централизованного аппарата, формировавшегося на базе очень отсталого культурного уровня масс», было одним из «противоречий военного периода». Теперь, когда закончилась гражданская война, X съезд не видел дальнейшей необходимости в этих аномалиях и принял резолюцию о «рабочей демократии» в партии. Партийные работники должны были по очереди занимать место на заседании или у плуга; следовало поощрять обсуждение местными партийными организациями партийных вопросов, как частных, так и общих; следовало сделать все, чтобы осуществлять «постоянный контроль со стороны общественного мнения партии над работой руководящих органов и постоянное деловое взаимодействие между последними и всей партией в целом, проведение систематической отчетности соответствующих парткомов не только перед высшими, но и перед низшими организациями»³⁶.

Однако подобные стремления были слабо отражены в изменениях, внесенных в организацию и состав центральных партийных органов. Съезд утвердил резолюцию сентябрьской конференции об установлении системы контрольных комиссий и предпринял попытку определить их сферу действий и функции³⁷, хотя стало ясно, что увеличение центральных партийных органов не особенно по душе рядовым членам партии³⁸. Имевшиеся центральные органы подверглись небольшим, но существенным изменениям. Заседания Центрального Комитета, которые по решению VIII съезда в 1919 г.³⁹ должны были проводиться каждые две недели, проводиться перестали. X съезд предписал проводить их лишь каждые два месяца. Это способствовало увеличению числа членов ЦК до 25. Число кандидатов, которые могли присутствовать на заседаниях ЦК без права голоса, не было установлено. В данном случае были избраны 15 человек⁴⁰. Эти перемены не обозначили новых путей развития, будучи только отдельными шагами в ходе постепенного превращения Центрального Комитета из основного рабочего органа партии в великий совет партийных вождей.

Возможно, имело большее значение то, что X съезд увеличил число членов как Политбюро, так и Оргбюро до семи человек и четырех кандидатов. Структура Секретариата осталась неизменной, но полностью устранили трех секретарей, которые, находясь на этих постах последние 12 месяцев, не сумели повести борьбу с оппозицией и поддержали Троцкого в дискуссии о профсоюзах. Крестинский, Преображенский и Серебряков не только были удалены из Секретариата, но не были даже переизбраны в ЦК — несомненный признак опалы. Тремя новыми секретарями стали Молотов, Ярославский и Михайлов, которые были также впервые

избраны членами Центрального Комитета, получив при этом большое число голосов — гораздо больше, чем такие давние партийные руководители, как Зиновьев и Каменев⁴¹.

Какое соперничество, какие расчеты могли стоять за этими назначениями, остается только догадываться. Быть может, стоит отметить, что трем изгнанным членам Секретариата предстояло стать противниками Сталина, а двоим из трех новых членов — его самыми преданными сторонниками. Впервые с некоторой степенью вероятности в назначениях на решающие партийные посты можно заметить руку Сталина. Но о том, как мало внимания обычно уделялось таким вопросам в партии, свидетельствуют несколько курьезных замечаний Рязанова на самом съезде. Рязанов сетовал, что «наш милый Бухарин», который был чистым теоретиком, был назначен делать доклад о партийной организации, и в заключение заметил: «Мы видим, что в ЦК нет специалистов по организационному делу, что место, оставленное т. Свердловым, до сих пор продолжает быть не занятым»⁴².

Тем временем растущее значение Секретариата в партийном механизме отразилось в непрерывном росте его аппарата. Он приступил к своим обязанностям в мае 1919 г. в составе 30 человек. В период IX съезда в марте 1920 г. он уже насчитывал 150 сотрудников. Год спустя, накануне X съезда, эта цифра выросла до 602, помимо военного отряда из 140 человек, выполнявших обязанности часовых и курьеров⁴³.

Вряд ли меньшее значение, чем реорганизация и укрепление Секретариата, имело введение X съездом первой систематической «чистки»⁴⁴ партийных рядов. Идея очищения была заложена в Ленинском учении о партии. «Лучше, — сказал он на съезде в 1903 г., — чтобы десять работающих не называли себя членами партии... чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии»⁴⁵. Качество было важнее количества: самое главное — сохранить чистоту партии. В течение долгого времени ее рост был исключительно медленным. Накануне революции 1905 г. большевистское крыло партии насчитывало не более 8400 человек; накануне Февральской революции 1917 г. — 23 600. Годом позже, после двух революций, это число выросло до 115 тыс. Затем оно непрерывно росло и достигло 313 тыс. в начале 1919 г., а в январе 1920 и январе 1924 г. составляло соответственно 431 тыс. и 585 тыс.⁴⁶ Однако, по сложившейся в партии традиции, энтузиазм, вызванный этим ростом сил, сдерживало сознание связанных с ним опасностей.

Тревожная нота впервые прозвучала на VIII съезде партии в марте 1919 г. Член ЦК Ногин рассказал о наличии таких «ужасающих фактов о пьянстве, разгуле, взяточничестве, разбое и безрассудных действиях со стороны многих работников, что просто волосы становились дыбом»⁴⁷, и в заключительной части резолюции съезда содержалась выразительная, хотя и не столь яркая, формулировка, гласящая, что

«в партию широкой волной приливают элементы, недостаточно коммунистические и даже прямо примазавшиеся. РКП стоит у власти, и это неизбежно притягивает к ней, наряду с лучшими элементами, и элементы карьеристские... Необходима серьезная *чистка* и в советских и в партийных организациях»⁴⁸.

Ленин вновь обратился к этой теме на партийной конференции в декабре 1919 г. Приветствуя новых членов партии, «те тысячи и сотни тысяч, которые приходили к нам, когда Юденич стоял в нескольких верстах от Петрограда, а Деникин к северу от Орла», он продолжал:

«После того, как мы произвели такое расширение партии, мы должны ворота запереть, должны быть особенно осторожны. Мы должны сказать: теперь, когда партия побеждает, новых членов партии нам не нужно. Мы превосходно знаем, что в разлагающемся капиталистическом обществе к партии будет примазываться масса вредного элемента»⁴⁹.

В связи с возобновлением гражданской войны в 1920 г. принятие мер опять было отложено, и чистку наконец санкционировал X съезд. Но и тогда осторожная формулировка резолюции предполагала необходимость успокоить тех рядовых членов партии, у кого это могло вызвать возражения.

«...Создается крайняя необходимость в том, чтобы решительно повернуть рычаг партийной политики в сторону вербовки рабочих и очищения партии от некоммунистических элементов путем точного учета каждого отдельного члена РКП по выполняемой им работе по должности, а также и как члена Российской Коммунистической партии»⁵⁰.

Это должно было стать проверкой не только поведения, но и убеждений. Ленин сам позаботился о том, чтобы внести такое мнение: «из меньшевиков, вступивших в партию позже начала 1918 года, надо бы оставить в партии, примерно, не более одной сотой доли, да и то проверив каждого оставляемого трижды и четырежды»⁵¹.

В октябре 1921 г. ЦК партии объявил о начале проверки, которая должна была проводиться под контролем «Центральной проверочной комиссии» в составе пяти членов ЦК, в том числе Залуцкого в качестве председателя и Шляпникова в качестве представителя оппозиции, а также пяти кандидатов, в том числе Молотова и Преображенского⁵². Предполагалось, что эта комиссия будет рассматривать жалобы, поступавшие из местных партийных организаций, обязанных на местах просеивать своих членов партии и подвергать их перекрестному допросу, а также контролировать в политическом отношении проведение чистки. Однако политическая сторона оставалась в данном случае на заднем плане. В отчете о чистке на XI съезде партии в марте 1922 г. в качестве основных нарушений, которые привели к исключению, назывались плохое поведение и пренебрежение партийными обязанностями. Анафема, которой предал меньшевиков Ленин, вряд

ли не принималась в расчет, но заметная роль прежних меньшевиков в партии в более поздний период позволяет предположить, что полного отлучения не произошло. В цифровом выражении чистка была суровой. Из более чем 650 тыс. членов партии исключили 24%, в результате общая ее численность составила менее 500 тыс. человек⁵³. О том, что интеллигенция была подвергнута несколько более суровой чистке, чем рабочие и крестьяне, свидетельствует тот факт, что в результате количество рабочих и крестьян в партии выросло в промышленных районах с 47 до 53%, и в сельских районах — с 31 до 48%⁵⁴.

Чистка 1921—1922 гг. совпала с новым периодом внутреннего напряжения и раскола в партии, в центре которых были острые споры, вызванные введением НЭПа. Строгие резолюции X съезда в марте 1921 г. о партийной дисциплине и ужесточении партийной организации разгромили «рабочую оппозицию» как открытую группу. Но членов «рабочей оппозиции» не удалось переубедить, и смута в партии не была устранена.

Первая явная неприятность, по-видимому, началась с мятежом одного человека. Некий Мясников, по происхождению рабочий из Перми, который приобрел сторонников в партийных кругах Петрограда и Урала, начал агитацию за «свободу печати от монархистов до анархистов включительно». В мае 1921 г. он составил докладную записку с изложением своих взглядов, адресованную ЦК партии, и затем опубликовал статью. Мясников приобрел такое значение, что Ленин обратился к нему с личным письмом, пытаясь убедить Мясникова в ошибочности его позиции⁵⁵. Мясников, однако, продолжал агитацию и, когда Оргбюро призвало его к порядку, опубликовал у себя на родине, в Перми, свою записку и статью, ответ Ленина и свой ответ Ленину, а также протест местных членов партии против решения Оргбюро. Это уже было слишком. Механизм раскручивался медленно. Но 20 февраля 1922 г. Политбюро исключило Мясникова из партии с правом обратиться с просьбой о восстановлении спустя год. Впервые наказание за «фракционную деятельность», одобренное X съездом, было осторожно применено.

Этот эпизод не имел бы значения, если бы он не сопровождался новой вспышкой недовольства в партии, вызванного осуществлением НЭПа: партийное руководство отходило от коммунизма, шло на уступки крестьянству за счет пролетариата и само становилось контрреволюционным и буржуазным. Самой популярной мишенью было предложение разрешить иностранным капиталистам организацию концессий, и Шляпников, все еще член ЦК партии, опять стал главным действующим лицом оппозиции. В августе 1921 г. Ленин созвал объединенное заседание ЦК и ЦКК в соответствии с «пунктом 7» мартовской резолюции и предложил исключить Шляпникова из партии. Однако ему не удалось обеспечить необходимое большинство в две трети голосов — еще один

показатель крайне отрицательного отношения к принятию суровых мер против видных членов партии, — и Шляпников отделался выговором⁵⁶. За этим последовало создание в Москве партийного «дискуссионного клуба», который вскоре стал центром противодействия НЭПу. Партийная конференция в декабре 1921 г. призвала партработников разъяснять членам РКП(б) «значение и роль партийной спайки и дисциплины», «иллюстрируя необходимость дисциплины на примерах наших побед и поражений на всем протяжении исторического развития партии»⁵⁷. Московский «дискуссионный клуб» был закрыт по инициативе ЦКК РКП(б) в январе 1922 г.⁵⁸

Таким образом, хотя «рабочая оппозиция» 1921 г. скончалась и была похоронена, представлялось вероятным, что XI съезду партии, который должен был состояться в марте 1922 г., придется по крайней мере столкнуться с не менее сильной критикой и не менее серьезной угрозой партийному единству и дисциплине, чем съезду предыдущему. Накануне съезда критики официальной политики начали организовываться и, сознавая слабость своей позиции, возымели отчаянную мысль — попытаться воспользоваться поддержкой зарубежных коммунистов, обратившись в Исполнительный комитет Коминтерна (ИККИ). В обращении, которое затем приобрело известность как «заявление 22-х», подробно перечислялись обиды, причиненные оппозиции, в формулировках, явно напоминавших о прежней «рабочей оппозиции», членам которой принадлежала половина подписей под заявлением:

«В то время, когда силы буржуазной стихии нападают на нас со всех сторон, когда они проникают даже внутрь нашей партии, социальный состав которой (40% рабочих и 60% непролетариев) благоприятствует этому, наши руководящие центры ведут непримиримую, разлагающую борьбу против всех, особенно пролетариев, позволяющих себе иметь свое суждение, и за высказывание его в партийной среде применяют всяческие репрессивные меры.

Стремление приблизить пролетарские массы к государству объявляется «анархо-синдикализмом», а сторонники его подвергаются преследованиям и дискредитированию. ...Объединенные силы партийной и профессиональной бюрократии, пользуясь своим положением и властью, игнорируют решения наших съездов о проведении в жизнь начал рабочей демократии».

В конце «заявления» говорилось:

«Положение дела в нашей партии настолько тяжело, что побуждает нас обратиться за помощью к вам и этим путем устранить нависшую угрозу раскола нашей партии»⁵⁹.

Для ИККИ не составило труда избавиться от этого вопроса с помощью утешительной резолюции, где говорилось, что руководство российской партии вполне признает наличие этих опасностей, а оппозиция мягко осуждалась за то, что она ставит под угрозу партийное единство и «ломится в открытую дверь»⁶⁰. Однако XI съезд партии отнесся к этому более серьезно. Комиссия в

составе Дзержинского, Зиновьева и Сталина без труда доказала виновность 22 авторов «заявления» в нарушении, состоявшем в создании фракции, и рекомендовала исключить из партии пять зачинщиков (кроме Мясникова, который уже подвергся этому наказанию): Коллонтай, Шляпникова, Медведева, Митина и Кузнецова⁶¹. На основании доклада комиссии съезд решил исключить двух последних, сравнительно незаметных, и отсрочил наказание первым трем. Знаменательно, что в то время, несмотря на резолюцию X съезда, высший партийный орган — последний съезд, на котором присутствовал Ленин, — все еще не решался применить наказание в виде исключения из партии к известным и испытанным членам партии. Невзирая на условия кризиса и настойчивые призывы руководителей, традиция терпимости внутри партии исчезала с трудом.

Несмотря на эту снисходительность по отношению к заблуждавшимся, XI съезд не колеблясь опять усилил аппарат централизованного контроля внутри партии. Представитель Центральной контрольной комиссии Сольц изложил вопрос о партийной дисциплине с беспощадно откровенной аналогией:

«Мы очень хорошо умели рассказывать о демократизме той армии, которую нам нужно было разлагать. Но когда нам понадобилась собственная армия, то мы насаждали в ней ту дисциплину, которая обязательна для всякой армии»⁶².

Но сенсацию на съезде произвел Ленин, вернувшись с гораздо большей определенностью к прошлогоднему вопросу о том, чтобы «дискутировать винтовками». В своем основном докладе он сказал, что НЭП — отступление, трудная военная операция, требующая самой строгой дисциплины:

«...Тут и дисциплина должна быть сознательней и в сто раз нужнее, потому что, когда вся армия отступает, ей не ясно, она не видит, где остановиться, а видит лишь отступление, — тут иногда достаточно и немногих панических голосов, чтобы все побежали. Тут опасность громадная. Когда происходит такое отступление с настоящей армией, ставят пулеметы и тогда, когда правильное отступление переходит в беспорядочное, командуют: «Стреляй!». И правильно. ...в этот момент необходимо карать строго, жестоко, беспощадно малейшее нарушение дисциплины».

Объяснив, что это необходимо «не только по отношению к некоторым внутрипартийным нашим делам», Ленин обрушился на меньшевиков, эсеров и их зарубежных сторонников, заявив, что «за публичное оказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать»⁶³. Снова текст был неясным. Однако новым и пугающим было то, что против непокорных членов партии были, казалось, пущены в ход те же угрозы, что и против меньшевиков и эсеров. Шляпников посетовал, что Ленин угрожал оппозиции «пулеметным огнем»⁶⁴, и Ленин в своей заключительной речи ослабил болезненное впечатление, объяснив, что пулеметы предназначались для «тех людей, которые у нас теперь называ-

ются меньшевиками, эсерами», а что касается партии, то «речь идет о партийных мерах воздействия»⁶⁵ — таких, как наказание исключением, одобренное предыдущим съездом.

Окончательные выводы из речи Ленина, таким образом, не были сделаны на съезде, и сам Ленин, возможно, предпочел бы их избегать. Тем не менее атмосфера изменилась — даже по сравнению с прошлогодним съездом. Страшная резолюция «Об укреплении и новых задачах партии» осудила «склоки и группировки», которые местами приводили к полному параличу партработы» и призвала Центральный Комитет «в борьбе против таких явлений не останавливаться перед исключениями из партии»⁶⁶. Съезд принял новое положение о партийных контрольных комиссиях, и было объявлено, что «работа контрольных комиссий должна продолжать деятельность проверочных комиссий»; подразумевалось, что чистка 1921—1922 гг. должна из отдельного мероприятия превратиться в постоянный процесс⁶⁷. Пожалуй, более поразительным было расширение функций ЦКК, о котором было объявлено на следующем съезде год спустя:

«...Мы согласовывали свою работу с органами, близко соприкасающимися по характеру деятельности с Контрольной комиссией: это — судебные органы и органы ГПУ. Зачастую члены партии судятся в судебных органах и попадают в ГПУ. Для этого у нас установлен контакт с Верхтрибом. Он извещает о том товарище, который попал под суд... Также и с ГПУ. Мы поставили дело так: в ГПУ имеется наш следователь, и как только поступает туда дело о коммунисте, он ведет его сам, как следователь Контрольной комиссии»⁶⁸.

Тут была взаимная заинтересованность. ГПУ получало прямую поддержку партии; Контрольная комиссия могла призвать на помощь ГПУ при решении своих собственных задач. Было бы неверно сказать, что главная разница между ВЧК и ГПУ в конечном счете стояла в том, что деятельность ВЧК была направлена исключительно против врагов вне партии, а деятельность ГПУ — в равной мере против всех врагов режима, среди которых теперь наиболее значительными обычно являлись инакомыслящие члены партии. Разница была связана не с каким-либо изменением характера этого учреждения, а с изменением всей политической обстановки, когда партия приобрела в Советском государстве политическую монополию. Становилось все трудней отличить нелояльное отношение к партии от государственной измены.

Еще одно событие произошло сразу после окончания XI съезда. Центральный Комитет предпринял дальнейшую перестройку Секретариата. 4 апреля 1922 г., через два дня после того, как закрылся съезд, на первой странице «Правды» появились два скромных абзаца в том месте, где обычно помещали сообщения о текущих партийных делах: «Избранный XI съездом РКП Центральный Комитет утвердил секретариат ЦК РКП в составе: т. Сталина (генеральный секретарь), т. Молотова и т. Куйбышева.

Секретариатом ЦК утвержден следующий порядок приема в ЦК ежедневно с 12—3 час. дня: в понедельник — Молотов и Куйбышев, во вторник — Сталин и Молотов, в среду — Куйбышев и Молотов, в четверг — Куйбышев, в пятницу — Сталин и Молотов, в субботу — Сталин и Куйбышев».

Единственным новшеством здесь было то, что вместо трех равных секретарей появился генеральный секретарь с двумя помощниками. Молотов последний год был секретарем и членом Политбюро. Куйбышев был новичком; только на XI съезде он был избран кандидатом в Политбюро. Назначение Сталина публично не обсуждалось, хотя по поводу него, видимо, велись переговоры в партийных кругах. Нет никаких намеков на то, что оно вызвало какое-либо противодействие, кроме, пожалуй, раздраженной реплики Преображенского на съезде, когда он, упомянув Сталина по фамилии, спросил: «Мыслимо ли, чтобы человек был в состоянии отвечать за работу двух комиссариатов и, кроме того, за работу в Политбюро, в Оргбюро и десятке цекистских комиссий?»⁶⁹ Сообщение в «Правде», вероятно, не привлекло особого внимания.

Месяца через два после назначения нового генерального секретаря, 26 мая 1922 г., у Ленина случился приступ, который навсегда лишил его трудоспособности и возможности возобновить работу. В последующие осень и зиму он мог возвращаться к работе лишь на короткое время и далеко не в полной мере. Эти два события обозначили новую эпоху в истории партии. В течение 12 с лишним месяцев раздраженные споры, которые велись последние два года, были приостановлены или продолжались лишь подспудно. Неуверенность в будущем, вызванная болезнью Ленина, твердое, умелое руководство Сталина, заметное улучшение экономического положения после урожая 1922 г. — все это, видимо, способствовало относительному затишью. Когда опять вспыхнули острые разногласия летом и осенью 1923 г., они приняли новую форму откровенной борьбы за власть. Наградой явился бы полный контроль не только над партией, но и над государством. Ленин сам так объединил обе функции, что они теперь были неразделимы. Уничтожив соперников, партия, казалось, поглотила государство, но теперь государство поглотило партию.

ГЛАВА 9

ПАРТИЯ И ГОСУДАРСТВО

Концентрации власти в пределах партии соответствовал аналогичный процесс в государственных органах. Одни и те же люди, с теми же традициями и целями управляли делами партии и государства. Тот же непрекращающийся кризис и то же постоянное давление обстоятельств равно отягачали и партию и советские учреждения в период с 1917 по 1921 г. Крупные усовершенствования тех лет в государственном аппарате — сосредоточение центральной власти в руках Совнаркома за счет Всероссийского съезда Советов и ВЦИКа, сосредоточение власти в центре за счет местных Советов и съездов Советов с их органами — все это, в сущности, предшествовало соответствующему развитию партийной организации. В течение некоторого времени линии развития партии и государства шли параллельно. Затем с неизбежностью они начали сходиться и, наконец, слились. Этот процесс фактически завершился до смерти Ленина.

Переход власти внутри центрального советского аппарата от одних центральных органов к другим в большой мере совершился к тому времени, когда в 1918 г. была составлена Конституция. Уже тогда было очевидно, что суверенный Всероссийский съезд Советов — массовое собрание свыше тысячи делегатов — может царствовать, но не править. От первоначального намерения созывать его каждые три месяца пришлось после 1918 г. потихоньку отказаться в пользу ежегодных собраний¹, и один из выступавших на V Всероссийском съезде в июле 1918 г. жаловался, что ни председатель ВЦИКа, ни председатель Совнаркома не удосужились отчитаться перед съездом о деятельности этих органов за период, прошедший со времени предыдущего съезда². Но поскольку Конституция распространила почти все функции съезда одновременно и на ВЦИК, переход власти к ВЦИКу произошел в целом безболезненно и спокойно. Та же участь постигла губернские и уездные съезды Советов. В резолюции VIII съезда партии в 1919 г. выражалось сожаление по поводу тенденции к передаче решения важных дел от Советов исполнительным комитетам³. Но несмотря на эту резолюцию, процесс продолжался безостановочно, действительная власть переходила от съездов Советов к избираемым ими исполнительным комитетам.

Однако власть, таким образом перешедшая от Всероссийского съезда Советов к ВЦИКу, не осталась у ВЦИКа. Самоусиление Совнаркома, начавшееся с первых дней советского строя, уже нельзя было сдержать, и ВЦИКу суждено было испытать несколько ранее, чем Центральному Комитету партии, тот же процесс численного увеличения и утраты реальной власти. Состав ВЦИКа, установленный Конституцией 1918 г. «в числе не свыше 200 человек», вырос до 300 человек в соответствии с декретом VIII Всероссийского съезда Советов, принятым в 1920 г.⁴ Первоначально предполагалось, что ВЦИК будет заседать более или менее постоянно, но заседания происходили все реже и после 1921 г. свелись к трем заседаниям в год⁵. VII Всероссийский съезд Советов в 1919 г. сделал попытку восстановить власть ВЦИКа, возложив особые полномочия на его Президиум. До тех пор это был неформальный руководящий комитет, куда входили главные должностные лица ВЦИКа, включая его председателя; последний был обязан своим престижем тому факту, что в редких торжественных случаях он был нужен для формального исполнения роли главы государства; этот пост занимал Свердлов, а после его смерти в 1919 г. — Калинин. Принятая VII съездом Советов конституционная поправка возложила на Президиум ВЦИКа особые функции, в том числе предоставила право в периоды между сессиями ВЦИКа «утверждать постановления Совета Народных Комиссаров, а также приостанавливать его постановления»⁶, а на VIII Всероссийском съезде Президиуму ВЦИКа было также предоставлено право отменять постановления Совнаркома и «издавать в порядке управления необходимые постановления от имени Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета»⁷. Но эти новшества в конечном счете ослабили ВЦИК, поскольку Президиум получил почти неограниченное право действовать от его имени; в то же время они ничуть не поколебали неуязвимую теперь позицию Совнаркома: возможностей его контролировать у Президиума было не больше, чем у самого ВЦИКа.

В Конституции 1918 г. положение о том, что «мероприятия, требующие неотложного выполнения, могут быть осуществлены Советом Народных Комиссаров», оказалось оговоркой, и притом, без сомнения, умышленной, позволяющей Совнаркому избегать мешающего ему контроля ВЦИКа. В период гражданской войны и чрезвычайного положения в стране все главные решения, будь то законодательного или исполнительного характера, не могли не быть «мероприятиями, требующими неотложного выполнения». Ленин как председатель Совнаркома активно участвовал в его деятельности, и личный авторитет Ленина распространялся на этот институт. С середины 1918 г. до начала лета 1922 г., когда болезнь оторвала Ленина от активного руководства делами, Совнарком при всем воздействии партийной власти, которому он, возможно, подвергался подспудно, был правительством РСФСР. Ему принадлежала не только полная исполнительная власть, но и

неограниченные законодательные полномочия благодаря праву издавать декреты⁸, и он лишь формально был подотчетен ВЦИКу или номинально суверенному органу — Всероссийскому съезду Советов. В декабре 1920 г. Совет Труда и Оборона (СТО), орган, до этого ведавший снабжением армии⁹, был преобразован в комиссию Совнаркома и стал своего рода экономическим генеральным штабом под непосредственным руководством Совнаркома; именно под эгидой СТО вскоре должен был возникнуть государственный плановый комитет. В течение 1921 г. объем работы Совнаркома был так велик, что это вызвало к жизни «Малый Совет Народных Комиссаров», в задачи которого входило заседать параллельно с главным Совнаркомом, избавив его от рутинных повседневных дел¹⁰. Совнарком стал электростанцией, которая приводила в движение и удерживала в движении весь правительственный механизм.

Концентрация центральной советской власти сопровождалась еще одним процессом, который также наблюдался и в партийных делах, — концентрацией власти в центре за счет местных органов. Процесс этот зашел уже далеко к тому времени, когда был составлен проект Конституции РСФСР. Однако дальнейшее развитие этого процесса повлекло за собой обстоятельство, не предусмотренное в Конституции. В ней ясно указывалось, что съезды Советов и их исполнительные комитеты подлежат контролю соответствующих вышестоящих институтов: сельские Советы — контролю волостных и районных съездов Советов, районные съезды — контролю губернских и областных съездов и т. д. Но не было ничего сказано о подчинении местных Советов, или съездов Советов, или их исполнительных комитетов другим центральным органам. Повидимому, эта проблема обострилась прежде всего в сфере экономики. На VIII съезде партии в марте 1919 г. Сапронов сокрушался, что ВСНХ стремится «построить местные совнархозы и оторвать их от губисполкомов», заявляя последним в случае их протеста: «Вы ни черта не понимаете в производстве». Сапронов также обвинил центральные органы в использовании финансовых мер для подавления местных советских органов¹¹. В чрезвычайных условиях гражданской войны декретом Совнаркома от 24 октября 1919 г. были созданы «Революционные Комитеты» в районах, затронутых войной, и всем местным органам дано было указание им подчиняться¹². На VII Всероссийском съезде Советов в декабре 1919 г. эту меру осуждали как неконституционную. Жалобу отклонили. Но количество декретов, принятых в следующем году, о положении и правах местных Советов¹³ показывает, что на местах обиженно реагировали, когда центр посягал на их права, и что выработать пригодный для работы порядок было нелегко. И на IX съезде партии в марте 1920 г. Сапронов опять сравнивал сложившийся «вертикальный централизм» с «демократическим централизмом» как предполагаемой основой партийной и советской организации¹⁴. В декабре 1920 г. права губернских исполнитель-

ных комитетов в этом отношении были наконец формально определены VIII Всероссийским съездом Советов. Эти комитеты (но не нижестоящие советские органы) могли приостанавливать исполнение предписаний отдельных народных комиссариатов (но не Совнаркома в целом) «в исключительных случаях, при явном несоответствии данного распоряжения постановлением Совета Народных Комиссаров или Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, по постановлению губернского исполнительного комитета». Комитет могли тем не менее привлечь к коллективной ответственности за любую такую задержку¹⁵.

Эта дилемма была в конце концов решена с помощью системы «двойного подчинения». Местным органам пришлось довольствоваться формальной властью, которая нормально не осуществлялась. Но вопрос продолжал время от времени вызывать разногласия, и уже в 1922 г. Ленин сам был вынужден вмешаться в серьезный спор по вопросу об организации судопроизводства. В мае 1922 г. народный комиссар юстиции Крыленко подготовил декрет, согласно которому прокуроры по всей стране должны были назначаться генеральным прокурором и подчиняться прежде всего ему, а не своим местным исполнительным комитетам. Это предложение подверглось жестокой критике на заседании ВЦИКа 13 мая 1922 г., и было выдвинуто требование установить систему «двойного подчинения» — генеральному прокурору и местному исполнительному комитету. Некоторые большевики разделяли эту точку зрения, но Ленин поддержал Крыленко. Он утверждал, что, поскольку повсюду в РСФСР «законность должна быть одна», доводы в пользу назначения и контроля центральной властью судебных работников неопровержимы. Призванный таким образом к порядку ВЦИК 26 мая 1922 г. в связи с утверждением первого Уголовного кодекса РСФСР принял это предложение, и был сделан еще один шаг в направлении формального сосредоточения власти¹⁶.

К этому времени, однако, вопросы о компетенции, возникавшие в различных советских органах, уже не имели такой реальной основы, поскольку правом принимать окончательное решение обладали не те учреждения, которые спорили между собой, а соответствующий партийный орган. Параллельные линии развития партийных и государственных институтов проходили настолько близко друг к другу, что их невозможно было четко разграничить. Если система «двойного подчинения» действовала, то это происходило оттого, что и центральные советские органы, и местные исполнительные комитеты в конечном счете признавали власть, находящуюся за пределами системы Советов. Как и все остальное в РСФСР, отношения между коммунистической партией и Советским государством и его институтами не планировались заранее, перед революцией. Их пришлось постепенно вырабатывать в период острого кризиса, в условиях трудностей, напряжения. Впервые они были изложены в категорической форме VIII съездом партии в марте 1919 г.:

«Коммунистическая партия является организацией, объединяющей в своих рядах только авангард пролетариата и беднейшего крестьянства — ту часть этих классов, которая сознательно стремится к проведению в жизнь коммунистической программы.

Коммунистическая партия ставит себе задачей завоевать решающее влияние и полное руководство во всех организациях трудящихся: в профессиональных союзах, кооперативах, сельских коммунах и т. д. Коммунистическая партия особенно добивается проведения своей программы и своего полного господства в современных государственных организациях, какими являются Советы.

...РКП должна завоевать для себя безраздельное политическое господство в Советах и фактический контроль над всей их работой»¹⁷.

Когда резолюция была принята, эти цели уже осуществлялись. Они были осуществлены двумя разными и определенными путями. На вершине Центральный Комитет партии — вытесненный вскоре Политбюро, созданным самим VIII съездом, — являлся высшим судьей во всех вопросах общественной политики и конечной инстанцией для апелляции во всей сложной структуре управления. На более низких уровнях партия стремилась входить, проникать во все административные институты, общественные или полубо-
щественные.

То обстоятельство, что принятие всех основных политических решений перешло к партийным органам, неправильно было бы рассматривать как результат какого-то заранее составленного плана. В первые недели революции Ленин всячески старался сделать Совнарком главным органом управления и там на деле принимались важные решения. Большевики первыми выдвинули лозунг «Вся власть Советам!» и, когда победа была завоевана, сделали Советы носителями суверенной государственной власти. Но Советы не были полностью — а вначале даже в большинстве своем — большевистскими. В течение какого-то времени из-за присутствия даже в Совнаркоме членов других партий¹⁸ обсуждения в нем были оторваны от партийных совещаний. Поэтому, как говорилось в резолюции 1919 г., важной задачей партии стало «завоевать для себя безраздельное политическое господство в Советах».

Важнейшее решение об активизации сил революции в октябре 1917 г. было принято ЦК партии. По следующему спорному и сравнительно важному вопросу — о заключении мира в Брест-Литовске — борьба шла, как почти само собой разумеющееся, опять же в Центральном Комитете. Таким образом, на ранних этапах истории режима считалось естественным, что принятие политических решений — дело партии.

«Сегодня, — говорил Троцкий на II конгрессе Коминтерна в 1920 г., — мы получили от польского правительства предложение о заключении мира. Кто решает этот вопрос? У нас есть Совнарком, но и он должен подлежать известному контролю. Чьему

контролю? Контролю рабочего класса как бесформенной, хаотической массы? Нет. Созывается Центральный Комитет партии, чтобы обсудить предложение и решить, дать ли на него ответ»¹⁹.

Когда в ходе эволюции партийных дел власть постепенно перешла от ЦК к Политбюро, последнее быстро подчинило своему влиянию Совнарком и другие главные правительственные органы²⁰. Последующие съезды партии уделяли все больше внимания вопросам государственной политики, крупным и мелким. Важное решение о введении НЭПа впервые было обнародовано Лениным на X съезде партии. Съезды партии давали указания, касавшиеся даже великих организационных вопросов²¹, и в отдельных случаях даже принимали официальные резолюции, которые санкционировали политику Советского правительства или определенные декреты Совнаркома²².

Партийный контроль над правительственной политикой на высшем уровне дополнялся и приобретал действенность путем организованного включения членов партии во все отделы административного аппарата на всех уровнях. Партия осуществляла назначения на ключевые административные должности²³. Много времени спустя после того, как меньшевики и эсеры были устранены из центральных органов власти, существенная часть состава местных Советов и тем более общественных институтов, игравших менее значительную роль, оставалась беспартийной или меньшевистской. Поэтому от большевистского меньшинства в таких учреждениях тем более требовались высокая организованность и дисциплина. Этот принцип был провозглашен в резолюции VIII съезда партии:

«Во всех советских организациях абсолютно необходимо образование партийных фракций, строжайше подчиняющихся партийной дисциплине. В эти фракции должны входить все члены РКП, работающие в данной советской организации»²⁴.

А в другой резолюции, принятой на том же съезде, партии предписывалось «включить новые тысячи лучших своих работников в сеть государственного управления (железные дороги, продовольствие, контроль, армия, суд и прочее)». В то же время членам партии рекомендовали стать активными членами своих профсоюзов²⁵. На следующем съезде партии, который собрался в то время, когда первый этап гражданской войны был победоносно пройден, указывались новые сферы деятельности для членов партии — на заводах и фабриках, на транспорте, «в работе по проведению различных видов трудовой повинности», в «топливных организациях», в общественных столовых, домовых комитетах, общественных банях, школах и учреждениях по социальному обеспечению²⁶. «Теперь мы управляем Россией, — говорил на этом съезде Каменев, — и только через коммунистов можно управлять ею»²⁷. Между тем последняя часть Устава партии, принятого в 1919 г., «О фракциях во внепартийных учреждениях и организациях», предусматривала обязанности и функции членов партии, состоящие в

том, чтобы участвовать в «съездах, совещаниях, учреждениях и организациях (Советах, исполнительных комитетах, профессиональных союзах, коммунах и т. п.)». Они должны были «организовывать фракции» и «на общем собрании данной организации обязаны голосовать единогласно». Требования дисциплины были наивысшими, когда члены партии работали вместе с беспартийными в официальных или полуофициальных организациях. Фракция была «целиком подчинена... соответствующей партийной организации» и обязана согласовывать свои действия с партийными решениями и рекомендациями²⁸.

Стирание границ между партией и государством не входило в первоначальные намерения тех, кто устанавливал такой порядок. В резолюции VIII съезда партии, где впервые определялись формы отношений между ними, указывалось, что смешивание их функций вызвало бы «гибельные результаты»; обязанность партии «руководить деятельностью Советов, но не заменять их»²⁹. Тем не менее исполнение этой обязанности неизбежно заставляло все чаще возлагать главную ответственность за решения на партийные, а не на государственные органы. На XI съезде партии Ленин не одобрял постоянных обращений Совнаркома в Политбюро и говорил о необходимости «повысить авторитет Совнаркома»³⁰. Уже в марте в основной резолюции XI съезда было сказано, что «становится возможным и необходимым разгрузить партию от ряда вопросов чисто советского характера, которые ей пришлось брать на себя в предшествовавший период», что требуется «гораздо более отчетливое разграничение между своей текущей работой и работой советских органов, между своим аппаратом и аппаратом Советов», и выразилось пожелание «поднять и усилить деятельность СНК»³¹.

Но эти благочестивые пожелания лишь служили поводом для тех, кто — в особенности в экономике — стремился избавить административные органы государства от контроля партии, и следующий съезд счел необходимым предупредить о том, что этим текстам не следует давать столь широкое толкование: это может создать опасность уменьшения авторитета партии³².

Вторжение партии в функции Советов было действительно слишком мощным, чтобы его можно было остановить, и Ленин с присущим ему реализмом смело встретил и принял то, что нельзя было изменить. «...Как правящая партия, — написал он уже в 1921 г., — мы не могли не сливаться с «верхами» партийными «верхи» советские, — они у нас слиты и будут таковыми»³³. В одной из своих последних статей в «Правде» в начале 1923 г. он указывал на ведение дел в области международных отношений как на удачный пример единства партийных и советских органов:

«Почему бы, в самом деле, не соединить те и другие, если это требуется интересом дела? Разве кто-либо не замечал когда-либо, что в таком наркомате, как Наркоминдел, подобное соединение приносит чрезвычайную пользу и практикуется с самого его на-

чала? Разве в Политбюро не обсуждаются с партийной точки зрения многие мелкие и крупные вопросы о «ходах» с нашей стороны в ответ на «ходы» зарубежных держав, в предотвращение их, ну, скажем, хитрости, чтобы не выражаться менее прилично? Разве это гибкое соединение советского с партийным не является источником чрезвычайной силы в нашей политике? Я думаю, что то, что оправдало себя, упрочилось в нашей внешней политике и вошло уже в обычай так, что не вызывает никаких сомнений в этой области, будет, по меньшей мере, столько же уместно (а я думаю, что будет гораздо более уместно) по отношению ко всему нашему государственному аппарату»³⁴.

После смерти Ленина традиция слияния укрепились так прочно, что почти уже не имело значения, кто сообщает о важных решениях: партия или правительство, и иногда декреты принимались совместно от имени ЦК партии и ВЦИКа или Совнаркома.

Хотя практическая необходимость заставила Ленина признать непрерывно растущую концентрацию власти, нет оснований думать, что поколебалась его вера в противоядие «прямой демократии». Но он начал понимать, что движение будет более медленным, чем он вначале надеялся, что побороть дьявола бюрократии труднее, чем он предполагал. Теперь восхвалялась воспитательная функция Советской власти:

«Только в Советах начинает масса эксплуатируемых действительно учиться, не из книжек, а из собственного практического опыта, делу социалистического строительства, созданию новой общественной дисциплины, свободного союза свободных работников»³⁵.

В апреле 1921 г. Совнарком издал декрет, вызванный, как было объявлено, необходимостью «установления связи советских учреждений с широкими массами трудящихся, оживления советского аппарата и постепенного освобождения его от бюрократических элементов». Декрет имел целью, наряду с другими задачами, включить женщин, работниц и крестьянок, в отделы исполнительных комитетов съездов Советов: женщины должны были в течение двух месяцев вести административную работу, а затем возвращаться к своим обычным занятиям, если их не просили остаться на постоянную работу в исполкоме. Но самый интересный момент в этом бесполезном проекте состоял в том, что женщин следовало отбирать «через Отделы Работниц Российской Коммунистической Партии»³⁶. Последним общенародным мероприятием Ленина явился смелый план такого слияния функций партии и государства, которое бы нейтрализовало зло бюрократизма. При царях должность государственного ревизора, учрежденная для контроля финансов нарушений, предусматривала затем общий контроль над деятельностью администрации. Декрет, учреждавший народный комиссариат государственного контроля, был принят через несколько недель после революции, а декрет, принятый в марте 1918 г., расширил его полномочия³⁷. Но народный комиссар

не был назначен, и комиссариат, по-видимому, существовал только на бумаге. Вскоре этим занялась партия. В резолюции VIII съезда партии, состоявшегося в марте 1919 г., в которой впервые попытались определить формы отношений между партией и государством, содержался пункт, где указывалось: «Дело контроля в Советской республике должно быть радикально реорганизовано с тем, чтобы создать подлинный фактический контроль социалистического характера». Кроме того, там было сказано, что ведущая роль в осуществлении этого контроля должна принадлежать «партийным организациям и профессиональным союзам»³⁸. Зиновьев, который предложил эту резолюцию, высказал пожелание, чтобы этот новый орган «запускал бы свои щупальцы во все отрасли советского строительства, имел бы специальный отдел, занятый упрощением и усовершенствованием нашей машины»³⁹. Другой выступавший охарактеризовал существующий государственный контроль как «допотопное учреждение, существующее со своими старыми чиновниками, со всякими контрреволюционными элементами и пр.»⁴⁰. Следствием резолюции был совместный декрет ВЦИКа и Совнаркома от 9 апреля 1919 г., учредивший народный комиссариат государственного контроля⁴¹. На этот раз решение принесло результаты. Комиссаром нового наркомата, как Зиновьев уже объявил на съезде⁴², был Сталин, который, таким образом, одновременно с двойным назначением во вновь созданные Политбюро и Оргбюро партии⁴³ получил первую руководящую должность в государственном аппарате.

Задача нового комиссариата была, однако, деликатной и противоречивой, и он недолго просуществовал в своей первоначальной форме. Декретом ВЦИКа от 7 февраля 1920 г. он был преобразован в народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин, или РКИ) и ему был придан совершенно новый характер. Народный комиссар остался прежний, но «борьба с бюрократизмом и волокитой в советских учреждениях» должна была теперь осуществляться рабочими и крестьянами, которых избирали те, кто избирал и депутатов в Советы. Избрание производилось на короткие периоды, «чтобы постепенно все рабочие и работницы данного предприятия или все крестьяне были вовлечены в работы Инспекции»⁴⁴. Такова была идея Ленина об использовании прямой демократии в качестве гарантии против бюрократизма. В декрете содержался любопытный пункт, предоставлявший профсоюзам право возражать против любого кандидата, избранного в Рабкрин, и предлагать замену. В апреле 1920 г. III Всероссийский съезд профсоюзов принял решение об активном участии в работе Рабкрина⁴⁵. Можно предполагать, что участие профсоюзов было средством придания последовательности проекту, который без этого оказался бы неясным и нереальным.

Деятельность Рабкрина протекала бурно. В октябре 1920 г. в Москве состоялось первое «Всероссийское совещание ответственных работников РКИ», и на нем выступил Сталин, заявивший,

что Рабкрин вызвал «ненависть со стороны некоторых зарвавшихся чиновников, а также некоторых коммунистов, которые голосу этих чиновников поддаются»⁴⁶. Одна из трудностей состояла в подборе подходящих кадров для этого поздно созданного комиссариата. Даже Ленин, считавший Рабкрин важным средством в борьбе против бюрократии, признавал, что он «существует больше как пожелание», поскольку «лучшие рабочие были взяты на фронт»⁴⁷. Осенью 1921 г. отчет Рабкрин о нехватке топлива вызвал неодобрение со стороны Ленина, и Сталин в качестве руководителя наркомата дал ответ, тактично взяв под защиту своего подчиненного⁴⁸. Во многих партийных кругах к Рабкрину относились с возрастающим подозрением. Ленин защищал Сталина от нападок Преображенского на XI съезде в марте 1922 г.⁴⁹, но, когда Ленин через несколько недель предложил осуществлять через Рабкрин новую систему проверки исполнения декретов Совнаркома и Совета Труда и Оборона, Троцкий резко возражал против этого, заявив, что «в Рабкрине работают главным образом работники, потерпевшие аварию в разных областях», и сетуя на «чрезвычайное развитие интриганства в органах Рабкрин, что давно уже вошло в поговорку во всей стране». Ленин спокойно ответил, что Рабкрин необходимо именно улучшить, а не закрыть⁵⁰.

Было бы гаданием на кофейной гуще рассуждать о том, растущее ли недовольство Рабкрин или же возникшее у Ленина личное недоверие к Сталину было основной причиной, казалось бы, внезапного изменения взглядов Ленина в последние несколько месяцев, когда он еще был у дел. Его последние две статьи, написанные или продиктованные в первые недели 1923 г., являлись неприкрытой атакой на Рабкрин в его тогдашнем виде и предложением предстоящему XII съезду перестроить его путем слияния с Центральной Контрольной Комиссией партии. Вторая статья, последняя из написанных Лениным, была особенно суровой:

«Наркомат Рабкрин не пользуется сейчас ни тенью авторитета. Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрин, нет и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать... Либо не стоит заниматься одной из реорганизаций, которых у нас так много бывало, такого безнадежного дела, как Рабкрин, либо надо действительно поставить себе задачей создать медленным, трудным, необычным путем, не без многочисленных проверок, нечто действительно образцовое, способное внушать всякому и каждому уважение и не только потому, что чины и звания этого требуют»⁵¹.

Горячо поддержав ленинский план реорганизации, Сталин тем самым ловко увернулся от подразумевавшегося упрека. XII съезд в апреле 1923 г., после того как Ленина свалил второй приступ болезни, утвердил объединение, равносильное полному слиянию государственных и партийных институтов. Во-первых, полностью был изменен характер партийной Контрольной комиссии, до этого

ограничивавшейся семью членами, как и Политбюро или Оргбюро. Число ее членов было увеличено до 50, «преимущественно из рабочих и крестьян»; для руководства ею был назначен Президиум из 9 человек. Во-вторых, было установлено, что народный комиссар Рабоче-крестьянской инспекции назначается Центральным Комитетом партии и, по возможности, из состава Президиума ЦКК. В-третьих, членов Контрольной комиссии следовало назначать как в Рабкрин, так и в коллегии различных комиссариатов⁵². Комиссариату предоставлялись широкие полномочия, после того как декретом от 12 ноября 1923 г. он был преобразован в комиссариат СССР⁵³. Но в сущности, его власть была слита с властью Центральной Контрольной Комиссии партии. ЦКК, укрепленная благодаря ее недавно организованному взаимодействию с ГПУ⁵⁴, получила таким путем возможность осуществлять через Рабкрин прямой конституционный контроль над всей деятельностью советской администрации.

Отчет Сталина об организационной деятельности, сделанный на XII съезде партии, привлек внимание к возрастающему значению другого учреждения. Как простовато, но многозначительно заметил Сталин, «правильная политическая линия» составляла только половину дела: необходимо было также подобрать работников, способных осуществлять директивы⁵⁵. С 1920 г. один из трех секретарей партии занимался так называемым «Учетно-Распределительным Отделом» (Учраспред), который вел учет членов партии и руководил их распределением — «мобилизацией, перемещением и назначениями членов партии»⁵⁶. В связи с окончанием гражданской войны и процессом демобилизации масштабы деятельности Учраспреда расширились. Его отчет на X съезде партии в марте 1921 г. показал: менее чем за 12 месяцев он произвел перемещение и назначение 42 тыс. членов партии⁵⁷. В то время он в основном занимался «огульными мобилизациями», а не индивидуальными назначениями, которые предоставлялись областным и губернским комитетам. Но по мере того как административный аппарат рос и управление народным хозяйством стало одной из его главных задач, конкретные назначения стали играть более важную роль и, как заметил Сталин, появилась необходимость «каждого работника изучать по косточкам». С этой целью Центральный Комитет за некоторое время до XII съезда решил «расширить» аппарат Учраспреда, «чтобы дать партии возможность укомплектовать коммунистами управляющие органы наших основных предприятий и тем осуществить руководство партии госаппаратом». Таким образом, Учраспред стал незаметным, но могущественным центром контроля партии над государственными органами, политическими и экономическими. Он также оказался под руководством генерального секретаря полезным средством для увеличения личной власти Сталина как в партийном, так и в государственном аппарате. Замечания Сталина на XII съезде явились одним из редких проблесков, когда на миг приоткрылись

для внешнего мира те рычаги, которыми приводился в действие аппарат.

Таким образом, еще до смерти Ленина была признана и провозглашена власть партии над всеми сторонами политики, над всеми сторонами системы управления. На высшем уровне главная роль партии при окончательном определении политики была обеспечена верховной властью Политбюро. В деле административного управления комиссариаты подлежали контролю народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции, а через него — контролю Центральной Контрольной Комиссии партии. На низшем уровне партийные «фракции», подчинявшиеся партийным указаниям и дисциплине, активно участвовали в работе любого официального или полуофициального органа, имевшего какое-либо значение. Более того, в таких организациях, как профсоюзы и кооперативы, и даже на основных промышленных предприятиях, партия осуществляла те же руководящие функции, что и в государстве. Как автономия входивших в РСФСР (а позднее в Советский Союз) республик и территорий была ограничена их общей зависимостью от политических решений центральных органов вездесущей партии, так и независимость профсоюзов и кооперативов от государственных органов была ограничена таким же всеобщим подчинением воле партии.

Время от времени менялась формулировка, с помощью которой была выражена эта сложная связь институтов и функций. Ленин писал:

«...Партия, так сказать, вбирает в себя авангард пролетариата, и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата. И, не имея такого фундамента, как профсоюзы, нельзя осуществлять диктатуру, нельзя выполнять государственные функции. Осуществлять же их приходится через ряд особых учреждений опять-таки нового какого-то типа, именно: через советский аппарат»⁵⁸.

В 1919 г. Ленин язвительно возражал тем, кто подвергал нападкам «диктатуру партии»:

«Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем, потому что это та партия, которая в течение десятилетий завоевала положение авангарда всего фабрично-заводского и промышленного пролетариата»⁵⁹.

Он высмеивал тех, для кого «диктатура одной партии» была пугалом, и добавлял: «Диктатура рабочего класса проводится той партией большевиков, которая еще с 1905 г. и раньше слилась со всем революционным пролетариатом»⁶⁰. Позднее он отзывался о попытке разграничить диктатуру класса и диктатуру партии как «о самой невероятной и безысходной путанице мысли»⁶¹. В течение нескольких лет такая формулировка удовлетворяла партию. На XII съезде партии, где Ленин уже не присутствовал, Зиновьев небрежно упомянул «товарищей, которые говорят: „диктатура партии — это делают, но об этом не говорят“», и принялся изла-

гать идею диктатуры партии как диктатуры Центрального Комитета:

«Нам нужен *единый*, сильный, мощный ЦК, который руководит всем. ...ЦК на то и ЦК, что он и для Советов, и для профсоюзов, и для кооперативов, и для губисполкомов, и для всего рабочего класса есть ЦК. В этом и заключается его руководящая роль, в этом выражается диктатура партии»⁶².

И в резолюции съезда указывалось: «Диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, т. е. Компартии»⁶³.

Однако на этот раз деспотизм Зиновьева вызвал противодействие. Что касается Сталина, то он был озабочен тем, чтобы не допустить вмешательства — не партии в деятельность государственных органов (это уже было делом решенным), а ЦК в деятельность рабочих органов партии, в том числе Секретариата, — и идея диктатуры ЦК была ему не по вкусу⁶⁴. На съезде он осторожно назвал представление о том, что «партия дает приказы... а армия, т. е. рабочий класс, осуществляет эти приказы», «в корне неверным» и развернул метафору о семи «приводных ремнях», соединяющих партию и рабочий класс: профсоюзах, кооперативах, союзах молодежи, делегатских собраниях работниц, школах, печати и армии⁶⁵. Год спустя он смело заявил, что диктатура партии — «чепуха», и объяснил, что этот термин появился в резолюции XII съезда «по недосмотру»⁶⁶. Но какой бы ни была формулировка, сущность факта нигде сомнению не подвергалась. Именно Российская коммунистическая партия (большевиков) давала жизнь, направление, движущую энергию любой форме общественной деятельности в СССР, и ее решения были обязательны для любой общественной или полуообщественной организации. С этого времени любая значительная борьба за власть происходила уже в недрах партии.

ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА

Представление о государстве как неизбежном зле, проистекающем от греховной природы человека, уходило корнями в традиции христианства. В средние века между властью церковной и политической наблюдалось равновесие; каждая в своей сфере главенствовала, но первую почитали больше. Лишь когда Реформация подчинила церковь государству и возникло современное государство, обязанность вести борьбу против политических злоупотреблений перешла к светской власти. Томас Мор в своей «Утопии» выявил связь между институтом частной собственности и тем злом, которое причиняет правительство. Он предвосхитил ту характеристику государства, которая три столетия спустя широко распространилась:

«Итак, рассчитывая на снисхождение, я должен все же сказать одно: все остальные правительства, которые я вижу или знаю, — это заговор богатых. Притворяясь, что управляют народом, они лишь преследуют собственные цели всеми способами, с помощью всех возможных ухищрений. Они делают это прежде всего для того, чтобы можно было в безопасности сохранить все, что они так нечестно нажили, и затем, чтобы можно было заставить бедняков трудиться за самую низкую плату и угнетать их как угодно».

Но это оставалось единичной вспышкой озарения, и только в XVIII веке начали формироваться современные социалистические взгляды на государство. В соответствии с христианским учением, государство было злом, но злом неизбежным, поскольку природа человека была греховной. В соответствии с рациональной верой в природу, исповедуемой просветителями, государство было противоестественным и потому — злом. Заметно влияние этих взглядов, в частности, на Морелли и Руссо, но именно Уильям Годвин в своем «Рассуждении о политической справедливости» создал то, что с полным основанием считают библией анархизма. По мнению Годвина, собственность, брак и государство противоречат природе и разуму.

«Прежде всего,— пишет он,— мы не должны забывать, что правительство есть зло, узурпация права на личное мнение, на индивидуальное человеческое сознание и что, тем не менее, мы,

по-видимому, должны признать его злом неизбежным в настоящее время. Нам, поборникам разума и человеческой природы, надлежит признавать его как можно меньше и внимательно следить, не пора ли вследствие постепенного просветления человеческого разума уменьшить и это небольшое»¹.

Далее в той же работе он становится смелей и напрямик предлагает «упразднить шарлатанство правительства». С этого времени ведущие писатели, радикалы и социалисты — Сен-Симон, Роберт Оуэн, Фурье, Леру, Прудон, — озабочены проблемой вытеснения государства и его превращения в общество производителей и потребителей. Моисею Гессу, радикальному сподвижнику молодого Маркса, оставалось лишь снабдить эти идеи гегельянской терминологией, которую обычно употребляли молодые германские интеллектуалы 40-х годов XIX века. Он полагал, что, пока существует государство, какой бы ни была форма правления, всегда будут правители и рабы, и это противоречие сохранится, «пока государство, основа полярного противоречия, не исчезнет, согласно законам диалектики, и не уступит место социальному единообразию, которое явится основой общности»².

Маркс быстро воспринял представление о государстве как орудии, с помощью которого правящий класс преследует и отстаивает свои интересы. В одной из ранних работ, направленной против рейнских землевладельцев, он в гиперболическом стиле, присущем его раннему периоду, описывал, как «органы государства» становятся «ушами, глазами, руками, ногами, посредством которых интерес лесовладельца подслушивает, высматривает, оценивает, охраняет, хватает, бежит»³. Современное государство «существует только ради частной собственности»; оно есть «не что иное, как форма организации, которую неизбежно должны принять буржуа, чтобы — как вовне, так и внутри государства — взаимно гарантировать свою собственность и свои интересы»⁴.

Однако частная собственность на капиталистическом этапе порождает свою противоположность — лишенный собственности пролетариат, которому предстоит ее уничтожить. Как сказал Гесс, государство есть выражение этого противоречия, этого конфликта между классами. Когда это противоречие разрешится уничтожением частной собственности и победой пролетариата (который, достигнув победы, перестанет быть пролетариатом), общество больше не будет разделяться на классы и государство лишит-

ся *raison d'être*⁵. Таким образом, государство — это «суррогат коллективности»⁵. Первое краткое изложение взглядов Маркса содержалось в «Нищете философии», опубликованной в 1847 г.:

«Рабочий класс поставит, в ходе развития, на место старого буржуазного общества такую ассоциацию, которая исключает классы и их противоположность; не будет уже никакой собственной политической власти, ибо именно политическая власть есть

* Смысла существования (фр.). — Прим. ред.

официальное выражение противоположности классов внутри буржуазного общества»⁶.

В первой работе, написанной Марксом в зрелые годы, — «Манифесте Коммунистической партии» — содержались те же выводы и предсказывалось наступление времени, когда различия между классами будут сметены и «публичная власть потеряет свой политический характер». Но в основном внимание в ней уделялось очередному практическому шагу, который состоял в том, что пролетариат «основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии» и произойдет отождествление государства с «пролетариатом, организованным как господствующий класс». Такова была идея, которую Маркс четыре года спустя выразил в знаменитом лозунге о *«диктатуре пролетариата»*. Но одновременно он указывал, что эта диктатура — «лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»⁷.

Двадцать лет спустя, когда Маркс в знаменитой работе «Гражданская война во Франции» выявил в Парижской Коммуне узнаваемый, хотя и несовершенный, прототип диктатуры пролетариата, он все еще характеризовал государство как «паразитический нарост» и писал об «уничтожении той государственной власти», которая «теперь делается излишней»⁸. А Энгельс позднее добавил еще более определенное замечание:

«...Победивший пролетариат, так же как и Коммуна, вынужден будет немедленно отсесть худшие стороны этого зла, до тех пор, пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности»⁹.

Маркс, таким образом, никогда не отказывался, или не мог отказаться, от мысли, что государственная власть есть проявление классового антагонизма — зла, которое исчезнет в будущем бесклассовом обществе. Однако описание этой конечной цели его лично интересовало меньше, чем анализ непосредственных мер, необходимых для установления диктатуры пролетариата. И наиболее законченное учения Маркса о государстве пришлось дать Энгельсу:

«...Когда не будет ни одного общественного класса, который надо бы было держать в подавлении, когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой теперешней анархией в производстве, те столкновения и эксцессы, которые проистекают из этой борьбы, — с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления, в государстве. Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества — взятие во владение средств производства от имени общества, — является в то же время последним самостоятельным актом его как государства. Вмешательство государствен-

ной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другой излишним и само собой засыпает. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», оно *отмирает*»¹⁰.

Именно Энгельс писал также несколько лет спустя:

«С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором»¹¹.

Таким образом, учение о государстве, созданное в произведениях Маркса и Энгельса, имело две стороны. В конечном счете традиционное социалистическое представление о том, что государство само по себе есть зло, результат противоречия, орудие подавления, которому нет места при будущем коммунистическом строе, полностью сохранялось. Но утверждалось, что, разрушив революционными средствами буржуазную государственную машину, пролетариат будет вынужден создать на время свою собственную государственную машину — диктатуру пролетариата, — до тех пор пока не будут уничтожены остатки буржуазного общества и упрочен бесклассовый социалистический строй. Таким образом, было установлено практическое разграничение между конечным коммунистическим обществом, когда исчезнет всякое неравенство между людьми и не будет государства, и тем, что приобрело известность под названием «социализм» или «первая стадия коммунизма», когда еще не уничтожены остатки буржуазного строя и государство принимает форму диктатуры пролетариата. Этому разграничению предстояло приобрести главное значение в партийной доктрине.

На Ленина оказало особое влияние одно дальнейшее усовершенствование марксистской теории государства. Сущность государства заключалась в разделении общества на два противоборствующих класса — управляющих и управляемых. Энгельс, осуждая тайный революционный «Альянс» Бакунина, упрекал его в том, что он создает пропасть между теми, кто руководит, и теми, кем руководят, и восстанавливает «авторитарное государство»¹², и в работе Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» государство характеризуется как «сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него»¹³. Отсюда возникала знакомая проблема бюрократии. По мнению Энгельса, Парижская Коммуна сумела ее решить:

«Во-первых, она назначила на все должности, по управлению, по суду, по народному просвещению, лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притом ввела право отзывать этих выбранных в любое время по решению их избирателей. А во-вторых,

она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие».

Эти меры Энгельс характеризовал как «взрыв старой государственной власти и ее замена новой, поистине демократической»¹⁴. Отсюда излюбленное ленинское положение о необходимости заменить бюрократию как типичное орудие государства рабочим самоуправлением.

В течение 30 лет после смерти Маркса теория государства была пробным камнем, разделившим европейское рабочее движение на две коренным образом противоборствующие друг с другом группы — анархистов и признающих необходимость государства социалистов.

Анархисты начали с традиционного социалистического отрицания государства. Они отвергали его на том же самом основании, что и Маркс, а именно потому, что государство — это орудие в руках правящего и угнетающего класса. Они также рассчитывали на то же самое окончательное решение проблемы — замену государства «организацией производительных сил и экономических служб»¹⁵. Но свое отрицание государства они распространили на любую предварительную или временную форму государства. По этому поводу Ленин приводил слова Энгельса:

«...Антиавторитаристы требуют, чтобы политическое государство было отменено одним ударом, еще раньше, чем будут отменены те социальные отношения, которые породили его. Они требуют, чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета».

Видали ли они когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна»¹⁶.

Упорно отвергая власть, анархисты стали непримиримыми противниками диктатуры пролетариата — с этим был связан спор между Марксом и Бакуниным. Синдикалисты, усовершенствовав грубый догматизм анархистов, полагали, что будущая организация общества будет основываться не на какой-либо системе территориальных государств, а на связи профсоюзов и производственных ассоциаций. Цель синдикализма, по определению его видного философа, состояла в том, чтобы «вырвать у государства и общины один за другим все их атрибуты власти в целях обогащения пролетарских организаций по мере их создания, особенно синдикатов»¹⁷, или, короче, — «подавить государство»¹⁸. Что касалось непосредственной тактики, то синдикалистское движение отвергало все формы политической борьбы. Государство рухнет в результате революционной экономической борьбы рабочих, которая примет форму всеобщей стачки; любая конструктивная программа в отношении государства противоречила природе и принципам синдикализма. Эти тенденции преобладали во Франции и других романских странах, где марксизм никогда не имел глубоких корней.

С другой стороны, германские социал-демократы не менее решительно продвигались к объяснению марксизма, которое было диаметрально противоположно взглядам анархистов и синдикалистов. Исповедуя прусско-гегельянское уважение к власти государства и марксистское неуважение к последователям Бакунина, они, под влиянием хитроумной политики Бисмарка и пламенного красноречия Лассалля, согласились поверить, что государство можно заставить служить интересам рабочих. Они вскоре отошли от строгой марксистской позиции в двух важных вопросах. Они объявили утопией и сдали в архив «мысль» об «отмирании» государства, отказавшись, таким образом, от главной социалистической традиции в отношении к государству. Вместо того чтобы, подобно Марксу, настаивать на том, что пролетариат должен сломать революционными средствами буржуазную государственную машину и установить собственное государственное орудие — диктатуру пролетариата, они поверили в возможность захвата существующей государственной машины, преобразования ее и использования в пролетарских целях. В 90-е годы XIX века Эдуард Бернштейн стал лидером ревизионистской группы в Социал-демократической партии Германии, открыто выступавшей за достижение социализма через реформы в сотрудничестве с буржуазным государством. Силу этого движения показывает тот факт, что Каутский и его последователи, первоначально боровшиеся против него от имени ортодоксального марксизма, в конце концов пришли к взглядам, которые не отличались от ревизионизма. Марксистское отрицание государства было отброшено, о нем отзывались, по словам Ленина, «точно о «наивности», отжившей свое время, — вроде того как христиане, получив положение государственной религии, «забыли» о «наивностях» первоначально христианства с его демократически-революционным духом»¹⁹. Итак, германские социал-демократы скорее приблизились к позиции английских радикалов, тред-юнионистов и фабианцев, которые никогда не были марксистами и никогда не поддерживали искренне антигосударственную традицию европейского социализма. Соединенное влияние германской и английской групп во Втором Интернационале расчистило путь для такого союза между социализмом и национализмом, который расколол Интернационал на части, когда в 1914 г. вспыхнула война.

Ленин оставался, по крайней мере вплоть до Октябрьской революции, последовательным марксистом в своем отношении к государству, точно прокладывая курс между Сциллой анархизма и Харибдой преклонения перед государством. Он предельно ясно объяснил свою позицию в одном из «Писем из далека», которые написал из Швейцарии в период между Февральской революцией и возвращением в Россию:

«Нам нужна революционная *власть*, нам нужно (на известный переходный период) *государство*. Этим мы отличаемся от анархистов. Разница между революционными марксистами и анархи-

стами состоит не только в том, что первые стоят за централизованное, крупное, коммунистическое производство, а вторые за раздробленное, мелкое. Нет, разница именно по вопросу о власти, о государстве состоит в том, что мы за революционное использование революционных форм государства для борьбы за социализм, а анархисты — *против*.

Нам нужно государство. Но нам нужно *не такое* государство, каким создала его буржуазия повсюду, начиная от конституционных монархий и кончая самыми демократическими республиками. И в этом состоит наше отличие от оппортунистов и каутскианцев старых, начавших загнивать, социалистических партий, искаживших или забывших уроки Парижской Коммуны и анализ этих уроков Марксом и Энгельсом»²⁰.

В момент возвращения в Россию в начале апреля 1917 г. он заявил еще более решительно:

«Марксизм отличается от анархизма тем, что признает *необходимость* государства и государственной власти в революционный период вообще, в эпоху перехода от капитализма к социализму в частности.

Марксизм отличается от мелкобуржуазного, оппортунистического «социал-демократизма» г. Плеханова, Каутского и К^о тем, что признает необходимость для указанных периодов *не* такого государства, как обычная парламентарная буржуазная республика, а такого, как Парижская Коммуна»²¹.

Однако когда в конце лета 1917 г. Ленин, все еще скрываясь в Финляндии, сел писать свою главную работу о марксистской теории государства, вторая из этих ересей его больше заботила, чем первая. Анархистские и синдикалистские возражения против политической борьбы или возможной диктатуры пролетариата большой роли не играли²². Но именно верность так называемых социал-демократов своему национальному государству, их отказ от основного социалистического принципа враждебного отношения к государству сломали международную солидарность рабочих Европы и заставили их участвовать в братоубийственной борьбе по приказу правящих классов своих стран. Отсюда некоторое усиление одной стороны проблемы в работе «Государство и революция», написанной Лениным в августе — сентябре 1917 г., но не публиковавшейся до следующего года. Довод, направленный против анархистов в защиту диктатуры пролетариата, занял всего несколько торопливых абзацев. Основная же часть работы посвящена атаке на тех псевдомарксистов, которые не желали признать, во-первых, что государство есть продукт классовых антагонизмов и орудие классового угнетения, обреченное на исчезновение вместе с исчезновением самих классов, и, во-вторых, что ближайшая цель состоит не в том, чтобы завладеть буржуазной государственной машиной, а в том, чтобы ее сломать и заменить промежуточной формой — диктатурой пролетариата, которая проложит путь

к окончательному исчезновению классов и государства. Диктатура пролетариата была переходом от революционного свержения буржуазного государства к окончательному установлению общества без классов, без государства — «от государства к негосударству»²³. К демократии это относилось не в меньшей мере, чем к любой другой форме государства. Напротив, «*всякое государство несвободно и ненародно*», и, чем «полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной»²⁴.

Все это шло непосредственно от Маркса и Энгельса, и самыми интересными являются те мысли в «Государстве и революции», которые несколько проливают свет на то, как Ленин представлял себе переход. Словами, взятыми у Энгельса, он клеймил анархистов, которые воображали, что государство можно отменить «с сегодня на завтра»²⁵; переход потребует «целого *исторического периода*»²⁶. И все же представлялось, что этот период будет ограничен определенными сроками: в 1918 г. он утверждал, что это будет «лет по 10, а то и больше», а в речи на Красной площади 1 мая 1919 г. предсказывал: «Большинство присутствующих, не переступивших 30—35-летнего возраста, увидят расцвет коммунизма, от которого пока мы еще далеки»²⁷. Позже он писал: «На 10—20 лет раньше или позже, это с точки зрения всемирно-исторического масштаба безразлично»²⁸. Но более значительным, чем любой вопрос о сроках, было настойчивое утверждение Ленина в «Государстве и революции» о том, что «отмирание» государства начнется немедленно:

«...По Марксу, пролетариату нужно лишь отмирающее государство, т. е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать. ...Пролетарское государство сейчас же после его победы начнет отмирать, ибо в обществе без классовых противоречий государство не нужно и невозможно»²⁹.

Какой бы ни была длительность этого процесса, Ленин в то время определенно полагал, что он будет прогрессивным и непрерывным.

Эти теоретические взгляды повлияли на отношение Ленина после революции к вопросу о конституционной структуре переходного периода диктатуры пролетариата. Государственное устройство, созданное победоносной революцией, должно было отвечать разным, взаимно несовместимым с самого начала целям. Оно должно было быть сильным, безжалостным, чтобы сломать последнее сопротивление буржуазии, чтобы завершить подавление меньшинства в интересах большинства, и в то же время оно должно было готовиться к собственному отмиранию и даже начать этот процесс немедленно.

«В действительности этот период неминуемо является периодом невиданно ожесточенной классовой борьбы, невиданно острых форм ее, а следовательно, и государство этого периода неизбеж-

но должно быть государством *по-новому* демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и *по-новому* диктаторским (против буржуазии). ... Диктатура *одного* класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для *пролетариата*, свергнувшего буржуазию, но и для *целого исторического периода*, отделяющего капитализм от «общества без классов», от коммунизма»³⁰.

Ленин никогда не признавал, что в принципе трудно примирить псевдодобровольную ассоциацию рабочих, которую подразумевает отмирание государства, и концентрацию власти, необходимую для осуществления беспощадной диктатуры над буржуазией. О беспощадности диктатуры он говорил непреклонно. Он признавал, что одной из причин поражения Коммуны явилось то, что она ломала сопротивление буржуазии «недостаточно решительно»³¹. Диктатура пролетариата, как любое другое государство, была бы орудием не свободы, а подавления — подавления не большинства, как другие государства, но непримиримого меньшинства. В своем произведении Ленин дважды цитировал острое высказывание Энгельса:

«... Пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, *перестает существовать*»³².

И сам Ленин добавил в виде афоризма:

«Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства»³³.

Но как ни репрессивна была диктатура пролетариата, она была уникальной диктатурой, будучи диктатурой большинства над меньшинством, и это не только придавало ей демократический характер³⁴, но также исключительно упрощало ее деятельность:

«... Подавление меньшинства эксплуататоров большинством *вчерашних* наемных рабов дело настолько, сравнительно, легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле. И оно совместимо с распространением демократии на такое подавляющее большинство населения, что надобность в *особой машине* для подавления начинает исчезать. Эксплуататоры, естественное дело, не в состоянии подавить народа без сложнейшей машины для выполнения такой задачи, но *народ* подавить эксплуататоров может и при очень простой «машине», почти что без «машины», без особого аппарата, простой *организацией вооруженных масс* (вроде Советов рабочих и солдатских депутатов...)»³⁵.

Эта точка зрения определила подход Ленина к старой проблеме бюрократии. Зло государства, которое, по словам Энгельса, есть сила, «происшедшая из общества, но ставящая себя над ним»³⁶, Ленин кратко охарактеризовал, сказав «о привилегиро-

ванном положении чиновников, как органов государственной власти»³⁷. По-видимому, он считал бюрократию специфически буржуазной. «Начиная об абсолютистской, полуазиатской России до культурной, свободной и цивилизованной Англии, — писал он в одной из ранних работ, — мы везде видим это учреждение, составляющее необходимый орган буржуазного общества»³⁸. В работе «Государство и революция» говорилось, что для буржуазного периода «централизованной государственной власти» «два учреждения наиболее характерны» — бюрократия и постоянная армия³⁹. В условиях капитализма даже партийные и профсоюзные должностные лица «проявляют тенденцию к превращению в бюрократов, т. е. в оторванных от масс, в стоящих над массами, привилегированных лиц»⁴⁰. В Апрельских тезисах, опубликованных сразу после возвращения в Петроград, Ленин требовал «устранения полиции, армии, чиновничества»⁴¹. В работе «Государство и революция» он приводит в пример древнюю демократию, где управляли сами граждане.

«При социализме многое из «примитивной» демократии неизбежно оживет, ибо впервые в истории цивилизованных обществ *масса населения поднимется до самостоятельного участия не только в голосованиях и выборах, но и в повседневном управлении.* При социализме *все* будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял»⁴².

Исходя именно из таких взглядов, Ленин в сентябре 1917 г. одобрял Советы как воплощение новой государственной формы, в которой могла осуществляться «непосредственная и прямая демократия» рабочих:

«„Власть Советам“ — это значит радикальная переделка всего старого государственного аппарата, этого чиновничьего аппарата, тормозящего все демократическое, устранение этого аппарата и замена его новым, народным, т. е. истинно демократическим аппаратом Советов, т. е. организованного и вооруженного большинства народа, рабочих, солдат, крестьян, предоставление почина и самостоятельности большинству народа не только в выборе депутатов, но и в управлении государством, в осуществлении реформ и преобразований»⁴³.

В таком именно духе он составил свое обращение «К населению» через несколько дней после Октябрьской революции:

«Товарищи трудящиеся! Помните, что *вы сами* теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете *все дела* государства в *свои* руки. *Ваши* Советы — отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы»⁴⁴.

Если бюрократия была специфическим продуктом буржуазного общества, то не было ничего странного в предположении, что она исчезнет, когда будет свергнуто это общество.

На тех же принципах строилось управление экономикой, производством и распределением. Ленин впервые изложил свои взгля-

ды по этому вопросу в работе «Удержат ли большевики государственную власть?», написанной в сентябре 1917 г. Помимо репрессивного государственного аппарата, «есть в современном государстве аппарат, связанный особенно тесно с банками и синдикатами, аппарат, который выполняет массу работы учетно-регистрационной». Он относится к области «управления вещами», и его невозможно и не следует уничтожать, поскольку это значительная часть жизненно необходимого аппарата социалистического строя. *«Без крупных банков социализм был бы неосуществим»*. Никакие трудности не должны возникнуть в связи с тем, что придется либо принять служащих, сейчас занимающихся этой работой, либо привлечь гораздо большее количество, которое понадобится в условиях пролетарского государства, «ибо капитализм упростил функции учета и контроля, свел их к сравнительно несложным, доступным всякому грамотному человеку *записям*»⁴⁵. В «Государстве и революции» Ленин снова настойчиво повторял эти мысли и в связи с ними убедительно показал, как мог бы в будущем произойти процесс отмирания государственного аппарата:

«Ибо когда *все* научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль тунеядцев, *баричей, мошенников* и тому подобных «хранителей традиций капитализма», — тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие — люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентики, и шутить они с собой едва ли позволят), что *необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*»⁴⁶.

В какой мере идеи, высказанные Лениным накануне революции, претерпели изменение под влиянием опыта самой революции? Непосредственным результатом было то, что революция укрепила уверенность в возможности немедленного перехода к социализму. С высоты 1921 г. стало виднее, и, оглядываясь назад, Ленин признал, что зимой 1917/18 г. большевистские руководители, все без исключения, исходили из «предположений, не всегда, может быть, открыто выраженных, но всегда молчаливо подразумеваемых, — из предположений о непосредственном переходе к социалистическому строительству»⁴⁷.

Однако вскоре картина коренным образом изменилась. В течение зимы в устрашающем темпе происходило разрушение административной и экономической системы. Революции угрожало не организованное сопротивление, а крушение всей власти. Призыв *«разбить буржуазную государственную машину»*, который прозвучал в «Государстве и революции», теперь казался особенно несвоевременным; эта часть революционной программы реализовалась

сверх всяких ожиданий. Вопрос заключался в том, чем заменить разрушенный механизм. «...Разбить старое государство», объяснял Ленин Бухарину в апреле 1918 г., «это — задача **вчера**шнего дня»; теперь требуется «создавать государство коммуны»⁴⁸.

Ленин давно определил два условия перехода к социализму — поддержка со стороны крестьянства и поддержка со стороны европейской революции. Надежда на осуществление этих условий давала основание для оптимизма. Надежда не сбылась. Внутри страны крестьяне сначала поддержали революцию — ту силу, которая дала им землю. Но когда она совершилась и когда революционная власть выдвинула как главное требование к крестьянам обеспечение городов продовольствием без очевидных перспектив на равноценную оплату, крестьянство угрюмо противодействовало этому, и вслед за ними к пассивному сопротивлению перешла даже часть городских рабочих. За рубежом европейский пролетариат все еще позволял империалистическим правительствам вести себя на междоусобную бойню, и первые слабые проблески революции совсем заглохли. Новый строй, таким образом, оказался изолированным внутри страны, среди по преимуществу равнодушного, а подчас и недружественного сельского населения — диктатура не «огромного большинства», а ограниченного меньшинства — и к тому же в окружении капиталистического мира, который, хотя он и был временно разъединен, объединяла ненависть к большевизму.

Ленин никогда открыто не говорил о разочарованиях; может быть, думал о них про себя. Но в них лежит причина явного противоречия между теорией, изложенной в работе «Государство и революция», и практикой первого года нового строя. Ленин столкнулся с ситуацией, когда старая государственная машина была сломлена, а условия для построения социалистического порядка не созрели.

Именно в этих обстоятельствах прозвучало первое предупреждение, сделанное Лениным на VII съезде партии в марте 1918 г. Он нашел преждевременным предложение Бухарина о включении в переработанную Программу партии некоего описания «социализма в развернутом виде, где не будет государства»:

«Мы сейчас стоим безусловно за государство, а сказать — дать характеристику социализма в развернутом виде, где не будет государства — ничего тут не выдумаешь, кроме того, что тогда будет осуществлен принцип — от каждого по способностям, каждому по потребностям. Но до этого еще далеко... К этому придем в конце концов, если мы придем к социализму».

И далее:

«Когда еще государство начнет отмирать? Мы до тех пор успеем больше, чем два съезда собрать, чтобы сказать: смотрите, как наше государство отмирает. А до тех пор слишком рано. За ранее провозглашать отмирание государства будет нарушением исторической перспективы»⁴⁹.

Немного позднее Ленин снова подчеркивал, что «между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период», что «сразу уничтожить классы нельзя» и что «классы *остались и останутся* в течение эпохи диктатуры пролетариата»⁵⁰. Ленин времен «Государства и революции» стремился способствовать будущему отмиранию государства.

В январе 1919 г. он полагал, что даже тогда организация Советской власти ясно показывала переход к полному упразднению любой власти, любого государства⁵¹*. Но Ленин периода 1918 — 1922 гг. больше занят был вопросом о необходимости укрепления государства в переходный период диктатуры пролетариата.

Самым поразительным примером смены акцентов была эволюция его отношения к бюрократии. Отрывок из «Государства и революции» показывает, что Ленин уже признавал свою ответственность за высказанные им оптимистические надежды:

«Об уничтожении чиновничества сразу, повсюду, до конца не может быть речи. Это — утопия. Но *разбить* сразу старую чиновничью машину и тотчас же начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на нет всякое чиновничество, это *не* утопия, это — опыт Коммуны, это прямая, очередная задача революционного пролетариата»⁵².

Даже перед Октябрьской революцией он писал, что нужно будет взять «капиталистов» и «заставить *работать* в новых организационно-государственных рамках... поставить их на *новую государственную службу*»⁵³. В следующие три года — период гражданской войны — шла борьба за эффективность в управлении, обнаружилась неудача с рабочим контролем в промышленности, а также то, что в любой области, начиная от ведения войны и кончая экономической организацией, профессиональная квалификация буржуазных специалистов необходима для того, чтобы действовала система управления. Все это заставило Ленина отказаться от мысли о том, чтобы рабочие в свободное время управляли общественными делами. В начале 1921 г., накануне введения НЭПа, он сделал заявление, показывавшее, что он искренне отрывается от своей прежней позиции.

«Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практические люди знают, что это сказки... Профессиональные союзы есть школа коммунизма и управления. Когда они [т. е. рабочие] пробудут в школе эти годы, они научатся, но это идет медленно... Кто управлял из рабочих? Несколько тысяч на всю Россию, и только»⁵⁴.

Именно эта дилемма, как признавался Ленин, вынудила большевиков, вместо того чтобы сломать до основания старую государственную машину, привлечь «сотни тысяч старых чиновников, полученных от царя и от буржуазного общества, работающих отчасти сознательно, отчасти бессознательно против нас»⁵⁵.

* В указанном источнике об этом не говорится. — *Прим. ред.*

Перед лицом этих трудностей Ленин обратился более настойчиво к первоначальному противоядию — активному участию рядовых людей в управлении как единственному способу осуществления демократии и борьбы с бюрократизмом. Процесс шел медленней, чем он надеялся, но был тем более необходим. В апреле 1918 г. Ленин писал:

«Над развитием организации Советов и Советской власти приходится неослабно работать... привлекая *всех* членов Советов к практическому участию в управлении». «Целью нашей является *бесплатное* выполнение государственных обязанностей *каждым* трудящимся... чтобы действительно *поголовно* население училось управлять и начинало управлять»⁵⁶.

В последние два или три года жизни Ленина борьба с бюрократизмом приобрела огромное значение не только для Ленина-руководителя, но и для Ленина — политика и мыслителя. Она стала практическим выражением теории борьбы против государственной власти, изложенной в «Государстве и революции». Она дала практический ответ на вопрос, как может фактически отмереть государство. Это могло произойти лишь тогда, когда каждый гражданин пожелает и сможет внести свою долю участия в работу по управлению, а сама эта работа упростится, поскольку «управление лицами» превратится в «управление вещами». Как было сказано в Программе партии 1919 г.:

«Ведя самую решительную борьбу с бюрократизмом, РКП отстаивает для полного преодоления этого зла следующие меры:

1) Обязательное привлечение каждого члена Совета к выполнению определенной работы по управлению государством.

2) Последовательную смену этих работ с тем, чтобы они постепенно охватывали все отрасли управления.

3) Постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством.

Полное и всестороннее проведение всех этих мер, представляя собой дальнейший шаг по пути, на который вступила Парижская коммуна, и упрощение функций управления при повышении культурного уровня трудящихся ведут к уничтожению государственной власти»⁵⁷.

Было бы поэтому существенной ошибкой считать, что опыт власти послужил причиной каких-либо радикальных перемен в ленинской философии государства. Согласно теории марксизма, отмирание государства зависело от исчезновения классов и установления социалистического строя с экономическим планированием и экономическим изобилием. А это в свою очередь зависело от выполнения условий, которые следовало определять эмпирически в любой данный момент в любом данном месте. Теория сама по себе не давала оснований для уверенности в правильности образа действий или ближайших перспектив. Ленин вполне мог признать, не дискредитируя этим ни себя, ни теорию, что ошибся в оценке скорости процесса преобразования. Тем не менее ленин-

ская теория государства действительно отражала дихотомию марксистского учения, в котором сочетались в высшей степени реалистический сравнительный анализ исторического процесса и бескомпромиссно абсолютное видение конечной цели. Ленин стремился установить связь между обеими сторонами, разрабатывая последовательность причин и следствий. Это преобразование реальности в утопию, сравнительного в абсолютное, непрерывной классовой борьбы в бесклассовое общество и беспощадного применения государственной власти в общество без государства было сутью того, во что верили Маркс и Ленин. Та непоследовательность, которая здесь присутствовала, отражала коренное противоречие. И нет смысла упрекать Ленина, как это часто делается, за отдельные противоречивые частности в его отношении к государству.

В его теории нет, по-видимому, и упования на коренное изменение человеческой природы, которое иногда предполагается. Либеральное учение о гармонии человеческих интересов рассчитывало не на изменение природы людей, а на то, что их природный эгоизм в определенных условиях будет служить общественным интересам. Эта политическая доктрина теснейшим образом связана с теорией отмирания государства, и Адам Смит не избежал в последние годы обвинений в утопизме, который обычно приписывают Марксу, Энгельсу и Ленину. Обе доктрины предполагают, что государство станет ненужным, когда, при соответствующей экономической организации общества, человеческие индивидуумы обнаружат, что для них легче действовать совместно для общего блага. В такой обстановке прирожденная человеческая сущность лучше себя проявит, чем прирожденная сущность, которую еще предстоит изменить. В этом смысле обе доктрины соответствуют убеждению, что от экономического устройства зависят элементы надстройки — политическая идеология и поведение.

Часть III

РАСПАД И ВОССОЕДИНЕНИЕ

ПОЛИТИКА. ТЕОРИЯ. АППАРАТ

а) Основы политики

Когда большевики пришли к власти, в огромной Российской империи происходил процесс распада — результат внутренних беспорядков и поражения в войне. Ближайшим следствием революции было ускорение этого процесса. В течение нескольких недель предписания из Петрограда едва ли распространялись за пределы крупных городов северной и центральной частей России. В первые два месяца Советская власть стала продвигаться к югу через Украину и к востоку через Сибирь. Но это начавшееся восстановление власти в стране было вскоре прервано. В результате Брест-Литовского договора, подписанного в марте 1918 г., от республики отошли не только те западные территории бывшей Российской империи, независимость которых Советское правительство добровольно признало, но и большая часть главным образом российской территории. Летом 1918 г. началась гражданская война и английская, французская, японская и американская интервенция, которые продолжались много времени спустя после крушения Германии, и страна была насильственно разделена между несколькими враждующими правительствами.

К концу 1918 г. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика располагалась примерно в тех же границах, что и средневековая Московия до завоеваний Ивана Грозного, и немногие — пожалуй, даже среди самих большевиков — многие — верили, что режим уцелеет. Тем не менее всего четыре года спустя разные части бывшей царской империи, за небольшим исключением, были снова объединены в Союз Советских Социалистических Республик, и оказалось, что по силе сплоченности новый союз по крайней мере не уступает исчезнувшей царской империи. Это свершение, которого никто не мог предвидеть в мрачные дни 1918 или 1919 г., представляет собой выдающийся результат созидательной государственной деятельности Ленина.

Необязательным территориям в Европе и Азии, которые прежде составляли Российскую империю, предстояло, за исключением незначительной их части, войти в Советский Союз. Их население было крайне разнообразным в языковом и этническом отношении. В пределах этих территорий географы и филологи обнаружили

около 200 более или менее отличающихся друг от друга народов и языков¹. Во время переписи 1897 г. великороссы составляли только 43% всего населения. После революции, с отделением нерусских западных губерний, процент великороссов среди оставшегося населения немного увеличился: они составляли 75 млн. человек, или 52% всего населения, численность которого была около 140 млн². В следующие наиболее крупные группы, очень близкие к великороссам в расовом отношении, по языку и складу характера, входили 30 млн. украинцев (или малороссов) и 4,5 млн. белорусов. Эти три славянские группы, между которыми подспудно существует естественная сплоченность, составляли 110 млн. из 140 млн. населения всей территории. У 30 млн. неславян отсутствовала какая-либо сплоченность на основе расового или языкового сходства или политических убеждений. В самую крупную среди них группу узбеков входило только 5 млн. человек, а примерно от 8 до 10 млн. неславян находились еще на первобытнообщинной стадии развития, жили племенами или кочевали.

Таким соединением народов управляла привилегированная военно-бюрократическая каста во главе с «царем всея Руси». В эту касту охотно допускались определенные нерусские элементы, особенно немецкие помещики из Латвии и Эстонии и польские помещики из Польши, Литвы, Белоруссии и с Украины, но чтобы попасть в эту касту, надо было говорить по-русски и усвоить русские традиции и взгляды. На низших административных должностях, которых становилось все больше с ростом бюрократической машины, использовались представители мелкой буржуазии, русские и — при условии той же ассимиляции — нерусские. А на другом уровне местные ханы, беки и муллы служили посредниками, через которых осуществлялось руководство более отсталыми мусульманскими народами в царских владениях. Таким образом, группы, которые могли бы руководить национальным движением покоренных народов, обычно поглощались бюрократическим аппаратом и пользовались более или менее привилегированным положением, что обеспечивалось им путем назначения на соответствующую должность.

Как показал опыт революции 1905 г., эти группы большей частью удерживал от активного национализма страх перед революционным насилием со стороны собственных рабочих и крестьян; царская власть была для них надежной защитой. К тому же российский рынок являлся основой их благосостояния. Поэтому до 1917 г. требования от имени подвластных царю народов редко выходили за рамки небольшой автономии. Лишь когда революция уничтожила и символы единства, и реальную общность интересов, рухнуло все сооружение. То, что произошло в 1917 г., было вызвано не столько борьбой за отделение периферии, сколько расколом в центре — «не отпадение частей, а распад старой России»³.

Стоявшая перед большевиками задача воссоединить разбросанные обломки царской империи вполне могла оказаться непреодолимой, если бы не один благоприятный естественный фактор. Языковое и расовое разнообразие, вначале благоприятствовавшее распаду, компенсировалось огромным перевесом великорусского элемента, который действовал на всю массу как магнит. Именно это обстоятельство позволило в конце концов остановить и повернуть вспять распад владений Романовых после 1917 г., тогда как распад империи Габсбургов оказался необратимым.

Ситуация, сложившаяся в России, в определенных отношениях скорее напоминала ту, которая сложилась в Северной Германии. Для украинцев и белорусов великороссы представляли ту же центростремительную силу, какой обладала Пруссия для немецких княжеств. Некоторых украинцев, как и баварцев, быть может, возмущало превосходство их более могучих и энергичных сородичей, но при своем сепаратизме они не имели достаточных сил и не были достаточно объединены, чтобы успешно сопротивляться в течение долгого времени. Поэтому первым этапом в процессе воссоединения народов бывшей Российской империи было сplotчение трех славянских народов, составлявших около четырех пятых всего населения. Когда они были объединены, сила их воздействия на некоординируемое скопление неславянских народов, гораздо менее развитых, оказалась непреодолимой. Это объединяющее воздействие усилилось и приобрело социальную и экономическую основу, благодаря сосредоточению промышленной и торговой мощи в руках великороссов. Индустриальные центры, от которых зависела экономика всей страны, либо находились в пределах территории Великороссии, либо представляли собой ее аванпосты на «союзной» территории.

Вскоре начал действовать и другой фактор. Растущее признание необходимости воссоединения разделившихся территорий исчезнувшей империи совпало с возрождением русского патриотизма, который явился парадоксальным и неожиданным подкреплением для большевистской политики. Революционная анархия вызвала крайнее стремление к отделению, и вскоре стало ясно, что осуществить такое отделение можно лишь с помощью иностранного оружия и иностранных денег. Таким образом, те, чья гордость восставала против зависимости от Петрограда или Москвы, оказались сателлитами и наемниками или Германии, или союзников, или соответственно и тех и других. Так было на Украине, в Закавказье и даже в Прибалтике.

Поскольку предполагалось, что Великобритании и Японии нужна Россия слабая, трудно стало опровергать, что буржуазный национализм способствует расчленению России по приказу и в интересах иностранных держав. Даже «белых» генералов, стремившихся восстановить единство России, обвиняли в том, что они служат чужим интересам. Горечь поражения восстановила их также и против иностранных покровителей. Образцом в этом от-

ношении явилось замечание, которое якобы высказал Колчак накануне своего падения, когда обсуждался вопрос о находившемся у него национальном золотом запасе: «Я . . . скорее оставлю золото большевикам, чем передам союзникам»⁴. В особенности после войны с Польшей в 1920 г. большевиков стали повсюду считать защитниками российского населения и творцами воссоединения России.

Однако эти стремления к централизации не смогли бы сами по себе привести процесс в движение. Славяне, и особенно великороссы, обеспечили необходимое твердое ядро, вокруг которого разрозненные территории могли снова объединиться. Но поразительным было то, что эти стремления так же сильно ощущались на периферии, как и в центре. В 1918 г. казалось, что у ранее подчиненных народов угасла былая преданность. Национализм был в разгаре. Но Ленин давно различил в национализме революционные факторы и предвидел, что единственный верный курс — приветствовать эту стихию и ее использовать. Гражданская война явилась блестящим подтверждением Ленинской идеи. Безоговорочное признание права на отделение не только дало Советской власти несравнимую ни с чем прежним возможность обуздать разрушительный национализм, но и подняло ее престиж много выше престижа «белых» генералов. Генералы, воспитанные при царях в панроссийских традициях, отвергали какие-либо уступки угнетенным нациям; и в пограничных областях, где преобладали нерусские или невеликорусские элементы и где шли решающие бои гражданской войны, этот фактор сильно способствовал победе Советской власти.

«Не забывайте, — сказал Сталин с необычайной теплотой, — что если бы мы в тылу у Колчака, Деникина, Врангеля и Юденича не имели так называемых «инородцев», не имели ранее угнетенных народов, которые подрывали тыл этих генералов своим молчаливым сочувствием русским пролетариям, — товарищи, это особый фактор в нашем развитии: молчаливое сочувствие, его никто не видит не слышит, но оно решает все, — и если бы не это сочувствие, мы бы не сковырнули ни одного из этих генералов. В то время, когда мы шли на них, в тылу у них начался развал. Почему? Потому, что эти генералы опирались на колонизаторский элемент из казаков, они рисовали перед угнетенными народами перспективу их дальнейшего угнетения, и угнетенные народы вынуждены были идти к нам в объятия, между тем как мы развешивали знамя освобождения этих угнетенных народов»⁵.

Кроме того, конечное отождествление в большевистской программе национализма и социальной реформы, означавшее для большей части прежней Российской империи перераспределение земли, было во всех отношениях важным достижением. Это заставило крестьян, чей национализм был в основном выражением социального и экономического недовольства, организовываться под руководством большевиков (даже если это означало — под

руководством русских) против контрреволюционных попыток вернуть прежний социальный порядок. Какие бы национальные или языковые различия их ни разделяли, крестьяне повсюду в подавляющем большинстве противодействовали контрреволюции, которая вернула бы землю ее прежним хозяевам. И пока не исчез страх перед контрреволюцией, общность интересов русских рабочих и крестьянских масс угнетенных народов, на которой настаивала большевистская пропаганда, имела достаточно прочную основу. Те же силы действовали и в немногих индустриальных центрах, где развитие капитализма привело к возникновению нерусского пролетариата — в Риге, Ревеле, Баку. Признание официального права нации на самоопределение в сочетании с признанием реальной необходимости единства, с тем чтобы добиваться общих социальных и экономических целей, что было сутью большевистской теории самоопределения наций, значительно способствовало победе Советской власти в гражданской войне.

На XII съезде партии, состоявшемся в 1923 г., когда рассматривался весь процесс, уже к этому времени завершившийся, были выделены три последовательные стадии в развитии советской национальной политики. На первой стадии «цепи национального угнетения» были разорваны Октябрьской революцией, которая «завоевала русскому пролетариату доверие его инонациональных братьев не только в России, но и в Европе и Азии». Второй стадией был период интервенции и гражданской войны, когда народы России объединяла необходимость защитить себя и «сотрудничество приняло форму военного союза». Третья, и последняя стадия, которая наступила после победоносного окончания гражданской войны, отличается сотрудничеством, «принявшим на этот раз характер военно-хозяйственного и политического объединения народов»⁶. Эти стадии носили скорее логический, чем хронологический характер.

Местные условия и перипетии гражданской войны способствовали тому, что вторая стадия уже охватила некоторые западные народы, в то время как на Востоке едва началась первая стадия, а подход к последней стадии, упорядоченный и неторопливый в одних районах, был резким и насильственным в других. Однако классификация имеет свойство четко выявлять и регулярность процесса, и запутанную, противоречивую природу способствующих ему явлений. В более поздних материалах отразилось стремление описывать непрерывный процесс развития, в котором первоначальные мотивы отделения и разъединения выступали в качестве заранее обдуманной искусной прелюдии заключительного акта воссоединения. Это была ошибочная оценка, преувеличивавшая предусмотрительность большевистских руководителей и скрывавшая двойственный характер процесса.

Отчасти, без сомнения, проводившаяся политика была проявлением верности принципу самоопределения наций. Его осуществление, как и многих других политических решений той поры, обе-

спечивалось влиянием воли Ленина на его колеблющихся сторонников. Ленин понимал, что необходимо признать и превзойти буржуазный принцип самоопределения, применяя его ко всем без исключения нациям Российской империи. Он понимал, что этот смелый план дает лучшую и, в сущности, единственную возможность в конце концов воссоздать прежнее единство не насилием, «а исключительно добровольным соглашением»⁷.

Но необходимо также вспомнить, что в первые три-четыре месяца после Октября 1917 г. предписания Советского правительства не всегда распространялись за пределами крупных центров и что с лета 1918 г. до начала 1920 г. оно постоянно вело борьбу, находясь в критическом состоянии. В тот период, когда Российская империя распалась и никакая сила не могла ее воссоединить, полное признание права на самоопределение оказалось отличным способом извлечь из необходимости пользу. Когда гражданская война бушевала в отдаленных районах российской территории, в основном населенных нерусскими народами, это давало возможность сделать местное население своим союзником против тех, кто стремился воссоздать Российскую империю. Наконец, когда была завоевана победа в гражданской войне и настало время восстановить порядок, который бы пришел на смену хаосу, советская национальная политика была достаточно гибкой и дала Москве возможность поддержать в среде нерусских народов своих друзей и союзников и вновь объединить разрозненные территории в добровольный союз. Однако объяснять весь процесс ловким расчетом руководителей или умышленной подтасовкой теории в интересах политики — это значит неверно понять природу действия основных сил.

б) Теория в развитии

После взятия власти перед большевиками встала задача смягчить явное противоречие между тенденциями национального самоопределения, ведущими к разделению, и необходимостью более тесного соединения, которая ощущалась как международным капитализмом, так и международным социализмом. Буржуазные государственные деятели, перед которыми в то же самое время стояла та же самая проблема, были способны лишь объяснить с точки зрения практической выгоды, почему следует помогать одним нациям осуществить право на самоопределение и не следует помогать другим. Но этот чисто эмпирический критерий не годился для марксистов. Действия должны были опираться на теорию. Проблему решал исторический подход, признававший не только стадии развития во времени, но и наличие разных стадий в одно и то же время в разных странах. Таким образом, в разные периоды или в разных странах в один и тот же период могли быть оправданы и необходимы разные политические решения. Так после-

довательность и гибкость большевиков противопоставлялись необъяснимой непоследовательности буржуазного подхода к требованиям самоопределения.

Большевистская теория самоопределения наций, как и другие взгляды большевиков на политические права, была условной и динамичной. Конкретная сущность права на самоопределение зависела от природы общества, которое его требовало и в котором его осуществляли. В XIX веке буржуазная демократия отстаивала это право, ведя борьбу с пережитками феодальной автократии. При таких обстоятельствах оно было прогрессивным: и буржуазия, и рабочие были заинтересованы в освобождении от чужеземного господства. В России эта борьба еще не завершилась в 1917 г. В XX веке колониальные и полуколониальные народы отстаивали **право на национальное самоопределение** — пусть, в сущности, буржуазно-демократическое, — противодействуя империализму более развитых буржуазно-демократических держав. Таким образом, естественно возникал союз между русским пролетариатом, стремившимся после отступничества русской буржуазии завершить буржуазную революцию в России, и буржуазными элементами и рабочими колониальных стран, стремившимися осуществить свою собственную буржуазную революцию через процесс национального освобождения. Но все это следовало рассматривать в свете предпринятого в России в октябре 1917 г. перехода от буржуазного этапа революции к социалистическому.

Рабочее движение было по сути своей интернациональным. Хотя для пролетариата достижение национальных целей было шагом необходимым и прогрессивным, но оно имело значение лишь как составная часть всемирной социалистической программы. На социалистическом этапе революции, в то время как буржуазия все еще выступала за полное отделение, рабочие придавали главное значение требованиям международной солидарности революционного пролетариата и так организовали страну, чтобы это способствовало победе социализма во всем мире. Право на самоопределение наций все еще признавалось. Но решат ли рабочие, говорившие теперь от имени страны, воспользоваться этим правом, зависело от их отношения к высшим интересам мирового пролетариата. Такова была теория самоопределения наций, разработанная Лениным и большевиками до Октябрьской революции на основе марксистских принципов⁸.

Ее практическое осуществление происходило постепенно. Партийная конференция в апреле 1917 г., когда большевистские руководители собрались в Петрограде после Февральской революции, была примечательна тем, что на ней впервые выступил Сталин в качестве докладчика по национальному вопросу. Партия в целом еще не успела переварить то новое, что Ленин со времени 1914 г. внес в партийную теорию, и все еще пребывала в состоянии растерянности, вызванной Апрельскими тезисами 1917 г., где провозглашался переход от буржуазной революции к социалистической.

Сталин пока еще в основном был склонен рассматривать национальное самоопределение как проблему буржуазной революции, направленную против феодализма, а национальное угнетение — как нечто такое, с чем можно постепенно покончить даже в условиях буржуазной демократии⁹. Пятаков, который вернулся в Петроград с Лениным и знал о недавних спорах, осудил Сталина за то, что тот учитывает лишь «национальное угнетение старой формы... национальное угнетение феодального периода».

Но он также воскресил «польскую ересь», поскольку отрицал, что самоопределение наций может занимать какое-либо место в социалистической программе. И Пятаков встретил такую поддержку со стороны участников конференции, что редакционная комиссия большинством в семь голосов против двух одобрила резолюцию, в которой указывалось, что разрешить национальный вопрос может лишь «метод социалистической революции под лозунгом „прочь границы!“», отвергалось такое решение, как «раздробление крупных государственных образований на мелкие национальные государства», и утверждалось, что право наций на самоопределение «есть просто фраза, без всякого определенного содержания»¹⁰. Этот мятеж заставил Ленина резко выступить против Пятакова¹¹. Ленин настолько поколебал конференцию, что добился отмены проекта, предложенного Пятаковым, и принятия значительным большинством голосов резолюции, основанной на испытанных принципах оставления «за всеми нациями, входящими в состав России», права на «свободное отделение и на образование самостоятельного государства»¹².

Однако предстояло еще определить значение национального самоопределения при социалистическом строе. Да и у партии не возникла еще необходимость в связи с национальным самоопределением предпринимать какие-либо практические действия, кроме осуждения Временного правительства за его медлительность в отношении выполнения требований Финляндии и Украины¹³.

Взятие власти большевиками не сразу покончило с буржуазным истолкованием национального вопроса. В первые несколько недель после Октябрьской революции было мало времени и не было повода для пересмотра большевистской теории самоопределения, будь то применительно к быстро распадавшейся царской империи или по отношению к полуколониальным народам, которые вступили в контакт с новым Советским правительством. Национальная политика, так же как и вся политика новой власти, вначале приняла форму не столько административной деятельности, сколько публичных заявлений. Декрет о мире, принятый II Всероссийским съездом Советов, призвал к миру «без аннексий» и определил, что аннексия — это «всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности», в какое бы время и при каких бы условиях ни происходило такое присоединение. На применение этого принци-

па к угнетенным народам царской империи указывала ссылка в другом месте декрета, где было сказано относительно «аннексий великороссов»¹⁴. Впервые эти принципы были специально провозглашены в Декларации прав народов России 2 (15) ноября 1917 г.¹⁵, а через несколько недель за нею последовало специальное воззвание «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока»¹⁶. В этих документах без каких-либо оговорок или ограничений признавалось право всех наций на самоопределение.

«Нам говорят, — писал Ленин в то время, — что Россия раздробится, распадется на отдельные республики, но нам нечего бояться этого. Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций»¹⁷.

С другой стороны, Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятая III Всероссийским съездом Советов в январе 1918 г. и воплощенная в Конституции РСФСР, заявляла также о том, что «все нации России» имеют право «принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях»¹⁸, и это дополнялось резолюцией того же съезда «О федеральных и областных учреждениях Российской республики»¹⁹. Таким образом, в самом начале была установлена «федерация» (слово употреблялось без учета конституционных тонкостей) как приемлемая форма, через которую самоопределяющиеся народы по их собственной свободной воле могли вновь быть собраны воедино. Но все это относилось к сфере буржуазной революции; было достаточно — и ничего не стоило — провозгласить буржуазно-демократические принципы, чтобы дискредитировать буржуазно-демократическую практику.

Однако провозглашение принципа самоопределения наций на бывших территориях Российской империи должно было вскоре повлечь за собой трудные вопросы. Сталин и другие предвидели некоторые из этих вопросов. В апреле 1917 г., подчеркивая обоснованность буржуазных требований относительно самоопределения наций, Сталин, по-видимому, ясно сознавал, что невозможно возражать против отделения Закавказья, даже если оно приведет к установлению там буржуазного режима.

«Я лично высказался бы, например, против отделения Закавказья, принимая во внимание общее развитие в Закавказье и в России, известные условия борьбы пролетариата и пр. Но если бы народы Закавказья все же потребовали отделения, то они, конечно, отделились бы, и они не встретили бы с нашей стороны противодействия»²⁰.

Но в 1913 г. он уже касался щепетильного вопроса о праве или обязанности партии вмешаться в такую именно ситуацию:

«Закавказские татары, как нация, могут собраться, скажем, на своем сейме и, подчинившись влиянию своих беков и мулл, восстановить у себя старые порядки, решить отделиться от государства. По смыслу пункта о самоопределении они имеют на это полное право. Но будет ли это в интересах трудящихся слоев татарской нации? Может ли социал-демократия равнодушно смотреть на то, как беки и муллы ведут за собой массы в деле решения национального вопроса? Не должна ли социал-демократия вмешаться в дело и определенным образом повлиять на волю нации? Не должна ли она выступить с конкретным планом решения вопроса, наиболее выгодным для татарских масс?»²¹

Правда, Сталин в 1913 г. имел в виду лишь проблемы пропаганды и партийной линии, в то время как в 1917 г. он уже думал о действиях, предпринимаемых государством. И возможно, в 1913 г. он говорил прежде всего как представитель народа Закавказья, а в 1917 — уже от имени великороссов. Следует также признать, что в 1913 г. он не дал откровенного утвердительного ответа на собственный риторический вопрос, а уклонился от него, добавив, что «все это — вопросы, решение которых зависит от конкретных исторических условий, окружающих данную нацию». Тем не менее было очевидно, что это один из неопределенных и неясных моментов партийной теории. Очевидно было также по тому, как Сталин сформулировал вопрос в 1913 г., что в сомнительных случаях «вмешательство» партии могло быть решительным.

Практический вопрос возник в декабре 1917 г., когда украинское буржуазное правительство, чье требование национального самоопределения Советское правительство не оспаривало, заняло по отношению к Петрограду враждебную позицию, вступило в переговоры с французской военной миссией и стало оказывать поддержку Каледину, предводителю казаков, который открыто выступил против Советской власти. Сталин сразу же сделал вывод, исполненный, казалось, здравого смысла:

«Выставлять принцип самоопределения для того, чтобы поддержать бесчинства Каледина и политику разоружения революционных советских войск, как это делает теперь Генеральный секретариат, это значит издеваться над самоопределением и элементарными принципами демократии»²².

Этот небрежный ответ не избавлял тем не менее от неувязок теоретического характера. На III Всероссийском съезде Советов руководитель меньшевиков Мартов задал вопрос о том, почему во время Брест-Литовских переговоров говорили о необходимости референдума для «Курляндии, Литвы, Польши и т. д.», но в то же время утверждали, что на «Украине, Кавказе, в Финляндии и т. д.» право голоса должны получить лишь трудящиеся (Конституция РСФСР, содержавшая подобное ограничение, еще не была составлена). Преображенский ответил, что первые из перечисленных стран еще не «сбросили с себя цепей монархического порабощения» и не «завоевали себе демократического строя», в то время

как «на Украине, на Кавказе и т. д. буржуазный парламентаризм уже изжит». А Сталин добавил, что «было бы полной бессмыслицей требовать в западных областях Советской власти, когда в них и не существует еще Советов, когда там нет еще социалистической революции»²³. Это был единственный возможный ответ, соответствовавший партийной теории. Но он позволял предположить, что революция уже перешла от буржуазного к социалистическому этапу. Теперь, после роспуска Учредительного собрания, предложение это можно было — в сущности, нужно было — открыто высказать. Большевистскую теорию следовало приспособить к переходу; теперь было недостаточно лишь утверждать право на самоопределение для всех наций, независимо от их классовой структуры или стадии развития.

Доклад Сталина по национальному вопросу на съезде представлял собой первую попытку такого критического переосмысления. Сталин утверждал, что конфликты между Совнаркомом и окраинами «создавались не вокруг вопросов национального характера, а, именно, вокруг вопроса о власти»²⁴. Буржуазные правительства просто пытались «за национальным костюмом скрыть борьбу с властью трудовых масс». Вывод был ясен:

«Все это указывает на необходимость толкования принципа самоопределения как права на самоопределение не буржуазии, а трудовых масс данной нации. Принцип самоопределения должен быть средством для борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма»²⁵.

Это служило критерием. На основе такого довода пролетариату Украины, Белоруссии и стран Прибалтики можно было помочь осуществить право на национальное самоопределение в ущерб требованиям его противника — местной буржуазии. Неудивительно, что Сталин примкнул к взглядам, которые были в это время весьма популярны в партийных кругах и особо связывались с именем Бухарина²⁶. В декабре 1918 г. Сталин вновь подчеркнул, что «лозунг буржуазного национализма „Вся власть национальной буржуазии“ сменяется лозунгом пролетарского социализма „Вся власть трудящимся массам угнетенных национальностей“»²⁷. Эта точка зрения редко отражалась в официальных документах, но в обращении к народу Карелии в 1920 г. говорилось о «самоопределении трудящихся масс»²⁸.

Первая попытка — неудачная и преждевременная — применить принцип самоопределения для трудящихся к татарам и башкирам была предпринята весной 1918 г.²⁹ После крушения Германии, в ноябре 1918 г. этот принцип с благословения Сталина был применен на Украине (для которой он и был первоначально сформулирован), в Белоруссии (где он в значительной мере оказался неосуществимым) и в странах Прибалтики (где всего через год с лишним он был отвергнут под давлением британских военно-морских сил и были признаны буржуазные национальные правительства). Повсюду на территории нерусских окраин проблема самоопреде-

ления безнадежно переплеталась с проблемами гражданской войны.

Если верно, что большевистский режим никогда бы не смог установиться на Украине, в Белоруссии, в государствах Прибалтики без прямого вмешательства Москвы, то в равной мере верно было и то, что буржуазный режим в этих странах, который в Западной Европе слишком часто принимали за выражение интересов безгласных народов, тоже никогда бы не смог удержаться без поддержки иностранных правительств, заинтересованных в создании центров противодействия большевикам. То, что изображалось как борьба между национальным пролетариатом и крестьянством, с одной стороны, и национальной буржуазией — с другой, на деле оказывалось борьбой между русскими большевиками, с одной стороны, и, с другой стороны, русскими и нерусскими противниками большевиков за контроль над определенными территориями. Выбор делался не между зависимостью и независимостью, а между зависимостью от Москвы и зависимостью от буржуазных правительств капиталистического мира. Сравнительная численность местных сил, которыми располагала каждая из сторон, никогда не определялась и не могла быть определена. Даже для этих местных сил национализм также играл подчиненную роль по отношению к стоявшей перед ними социальной проблеме; буржуазия и революционеры одинаково жаждали найти вне своей страны союзников в борьбе за сохранение или свержение социального строя.

Повсюду, под какой бы маской ни велась борьба, подлинным ее смыслом была жизнь или смерть революции. В то время Ленин был так же не готов, как и любой другой большевик — или антибольшевик, — рассматривать национальное самоопределение как абстрактный принцип или оценивать его вне контекста гражданской войны.

Лозунгу 1918 г. о «самоопределении трудящихся» не суждено было, однако, стать постоянным. Как бы он ни подходил для нескольких районов, где имелся промышленный рабочий класс, относившийся или способный относиться к большевикам с сочувствием — будь то русский (как на Украине) или местный (как в Латвии и Эстонии), — но с этим лозунгом не так просто было обратиться к многочисленному нерусскому населению Восточной Европы и Азии, среди которого призыв к национальному самоопределению тоже раздавался.

Сам Ленин никогда не отказывался от более гибкой линии, изложенной в партийной резолюции еще в 1913 г., и именно к ней он вернулся во время следующего серьезного обсуждения национального вопроса на VIII съезде партии в марте 1919 г., когда была составлена и принята новая Программа партии. Сталин, поглощенный тогда военными делами, не выступал по поводу этой или какой-либо другой части Программы. Бухарин, умышленно сославшись на авторитет доклада Сталина, сделанного на III Всероссийском съезде Советов, снова провозгласил «самоопределение

трудящихся классов каждой национальности». Он признал, что ему нужна формула, которая бы отстаивала требования «для готтентотов и бушменов, негров, индусов и пр.», а не польской буржуазии³⁰. Пятаков опять осуждал самоопределение как буржуазный лозунг, «объединяющий все контрреволюционные силы», и считал, что «раз мы экономически объединяем, строим один аппарат, один Высший совет народного хозяйства, одно управление железными дорогами, один банк и т. д., то все это пресловутое «самоопределение» не стоит выведенного яйца»³¹.

Ленин, почти никем не поддерживаемый, отстаивал прежнюю позицию партии. Лозунг «право трудящихся классов на самоопределение» был ошибочен, поскольку он годился только там, где уже произошло расслоение на пролетариат и буржуазию. Право на самоопределение должно быть дано народам, у которых расслоение еще не произошло — например, башкирам и другим отсталым народам бывшей царской империи, — и оно помогло бы ускорить расслоение. Это право должно быть предоставлено таким странам, как Польша, где коммунисты еще не составляют большинства рабочего класса. Лишь в этом случае русский пролетариат мог бы избежать обвинения в том, что он проявляет «великорусский шовинизм, прикрытый названием коммунизма»³².

Ленин своего добился, и статьи по национальному вопросу в партийной Программе 1919 г. представляли собой наиболее убедительное и законченное краткое изложение позиции партии по этому вопросу. В первых двух пунктах впервые говорилось о единстве принципа и политики, применяемых к национальностям бывшей Российской империи и к национальностям, угнетаемым другими империалистическими державами, — это было связующим звеном между внутренней и внешней политикой:

«1) Во главу угла ставится политика сближения пролетариев и полупролетариев разных национальностей для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии.

2) В целях преодоления недоверия со стороны трудящихся масс угнетенных стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны, необходимо уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций, признание за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение»³³.

За этим следовал несколько внезапный переход к пункту, в котором была сделана попытка указать путь к окончательному объединению:

«3) В тех же целях, как одну из переходных форм на пути к полному единству, партия выставляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу».

Наконец, в партийную резолюцию по национальному вопросу было впервые включено важное различие между двумя историческими эпохами буржуазной и социалистической революций:

«4) В вопросе о том, кто является носителем воли нации к отделению, РКП стоит на исторически-классовой точке зрения, считаясь с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т. п.»

Резолюция завершилась абзацем без номера, в котором предостережение против «империалистического» отношения со стороны пролетариата «угнетающих» наций сочеталось с дальнейшим напоминанием о единстве как конечной цели:

«Во всяком случае, со стороны пролетариата тех наций, которые являлись нациями угнетающими, необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств у трудящихся масс наций угнетенных или неполноправных. Только при такой политике возможно создание условий для действительно прочного, добровольного единства национально разнородных элементов международного пролетариата, как то показал опыт объединения ряда национальных Советских республик вокруг Советской России»³⁴.

Именно в чрезвычайно важном четвертом пункте устанавливался порядок перехода от буржуазной к пролетарской демократии. Пока национальная буржуазия боролась за свое освобождение от «средневековья», она была законным выразителем «воли нации к отделению», и пролетариат ее поддерживал. И это могло относиться к поддержке пролетариатом буржуазии других наций, так же как и своей собственной. Но когда борьба против средневековья (то есть буржуазная революция) завершилась и наступало время перехода «от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии», тогда пролетариат становился единственным законным выразителем «воли нации к отделению». И это должно было, очевидно, осуществляться лишь при условии самого внимательного учета главного принципа — международного единства пролетариата и ломки национальных барьеров при социалистическом строе.

Таким образом, при свершении первой пролетарской революции примирялись два потенциально противоборствующих принципа — национализм и интернационализм, о которых было сказано в «Манифесте Коммунистической партии». Применение этой теории к российской революции не дает никаких оснований усмотреть непоследовательность в той политике, которая, пока не были еще свергнуты последние твердыни феодального строя, начала с безоговорочного признания права на самоопределение и отделение и которая затем, когда была одержана победа в гражданской войне и приступили к строительству социалистического строя, перешла к задаче воссоединения разрозненных наций в рамках Советского Союза³⁵.

Применить эту теоретическую схему на практике было, без сомнения, не так просто. Теоретически выбор зависел от ответа

на вопрос, кто в данной исторической ситуации принимает решение об отделении: буржуазная страна или национальный пролетариат самостоятельно. На практике обе политические линии проводились одновременно. В Эстонии, Латвии и Литве независимые Советские республики были признаны в 1918 г., а независимые буржуазные республики — в 1920 г. В Грузии буржуазная республика была признана в 1920 г., а Советская республика — в 1921 г. В общем, первоначальному признанию права на самоопределение и отделение соответствовало его предоставление после 1917 г. — искреннее, полное и в целом неограниченное.

Однако там, где рабочие отделяющейся нации были слишком малочисленны, слишком слабы или слишком ненадежны для того, чтобы вновь начать процесс воссоединения и объединения (или, иными словами, где не было стихийных признаков начала второго этапа), и где военная или экономическая необходимость требовала ускорить этот процесс, большим соблазном для партии было, конечно, как сказал Сталин в 1913 г., «выступить с конкретным планом», чтобы исправить положение в соответствии с конечными интересами рабочих. И партия могла после 1917 г. — как не могла тогда, когда Сталин об этом говорил, — осуществить любой такой план с помощью власти Советского государства.

Такое выступление в странах Прибалтики зимой 1918—1919 гг., возможно, произошло из-за искренней переоценки перспектив, которые большевики имели в том районе, где рабочее движение было уже сильным. Вступление советских сил на Украину в 1919 г., а затем опять в 1920 г., возможно, явилось законной мерой самозащиты от правительства, которое уже вызвало иностранную интервенцию. Занятие остальных районов нижней Волги или Центральной Азии, возможно, было вызвано лишь необходимостью установить какой-то порядок. Вступление в Грузию в 1921 г. явилось завершением советизации Закавказья, и, поскольку союзники еще находились в Константинополе, опасность нового вторжения союзников на Кавказ через дружественную и послушную Грузию была вовсе не такой фантастической, какой стала потом казаться. И все же, какими бы ни были причины, возможно оправдывавшие вооруженное вмешательство в особых случаях, масштаб его явно не соответствовал партийному принципу самоопределения наций.

Однако в то время, как национальная политика большевиков не была свободна от тех практических отклонений, которыми обычно отличается применение теории от самой теории, все же можно было указать на ее значительные преимущества по сравнению с буржуазной практикой и буржуазной теорией.

Признание права угнетенных наций на политическое освобождение, которое составляло единственное содержание буржуазной теории национального самоопределения, сопровождалось верой в принцип непротивления капитализму, что означало сохранение экономического неравенства и эксплуатации угнетенных наций господствующими нациями — при любой политической форме. Бур-

жуазный капитализм, таким образом, являлся непреодолимым препятствием для создания тех условий, при которых только и могла иметь какое-либо практическое значение буржуазная теория самоопределения наций.

В результате этого противоречия «буржуазное общество», как говорилось в резолюции X съезда партии, принятой в марте 1921 г., «оказалось полным банкротом в деле разрешения национального вопроса»³⁶. Буржуазная теория и буржуазная практика подразумевали, что политическое освобождение ведет к экономическому благосостоянию. Это предположение не подтвердилось. Согласно теории и практике большевиков, предполагалось, что экономический прогресс ведет к политическому освобождению и что подлинное (а не только формальное) равенство для ранее угнетенных национальностей лежит на пути экономического прогресса³⁷.

В мае 1921 г., через два месяца после X съезда партии, Сталин в своей статье привел четыре отличительных признака коммунистического отношения к национальному вопросу, которые выявились со времени Октябрьской революции. Первый состоял в тесной связи между «национальным» вопросом и «вопросом о колониях», так что освобождение народов Европы было связано с освобождением африканских и азиатских народов. Это показывало, что растущее значение народов Востока — основной момент советской национальной политики. Вторым признаком — замена «расплывчатого» лозунга о самоопределении признанием права народов на отделение и образование самостоятельных государств. Это избавляло от австрийского решения, состоявшего в национальной культурной автономии. Третий признак — связь между национальным угнетением и капитализмом; освобождение от обоих неизбежно происходило бы одновременно. (За четыре года, с апреля 1917 г., Сталин проделал большой путь; тогда он связывал национальное угнетение прежде всего с феодализмом.) Четвертый признак — принятие принципа «фактического (а не только правового) выравнивания наций (помощь, содействие отсталым нациям подняться до культурного и хозяйственного уровня опередивших их наций)». В заключение статьи Сталин перечислил пять основных мероприятий, необходимых для фактического выравнивания наций:

- «1) изучение хозяйственного состояния, быта, культуры отсталых наций и народностей;
- 2) развитие их культуры;
- 3) политическое их просвещение;
- 4) постепенное и безболезненное их приобщение к высшим формам хозяйства;
- 5) налаживание хозяйственного сотрудничества между трудящимися отсталых и передовых наций»³⁸.

Таким образом, суть партийного принципа самоопределения при социализме заключалась в том, что главное значение придавалось

«фактическому» равенству наций (которое, в частности, подразумевало равенство экономическое).

Ленин установил роль национального самоопределения при буржуазном строе и в период перехода от буржуазного строя к социалистическому. Однако о месте наций при социализме, кроме провозглашенной в Программе партии гипотезы о необходимости «добровольного единства национально разнородных элементов международного пролетариата», говорилось мало. Между тем даже если нациям предстояло исчезнуть с отмиранием государства, то во время долгого промежуточного периода они определенно должны были сохранить свое значение³⁹. Согласно разработанному теперь положению, право на самоопределение, которое представляло в период буржуазной революции как требование освобождения, в социалистический период стало требованием равенства всех национальных групп в рамках социалистического строя. С точки зрения большевиков, современный национализм был прежде всего результатом неравенства наций, вызванного империалистическим угнетением и эксплуатацией, и в таких условиях самоопределение наций могло принять форму лишь права на отделение. При социализме, когда создавалось фактическое, а не только формальное равенство между людьми, а поэтому и между народами, право на отделение, формально не отмененное, утратило бы смысл и перестало осуществляться.

При социализме поэтому суть права на самоопределение наций зависит главным образом от того, что такое равенство. Эволюция принципа самоопределения отражает дилемму, знакомую тем, кто со времен Французской революции стремился согласовать равенство и свободу. Стремление к свободе подразумевает неравенство, а свобода, как только она перестает быть чисто формальной, достается лишь тем, кто извлекает пользу из неравенства. Принятие ограничения свободы есть условие равенства. Вопрос о свободе народов опять сводится к бесконечным спорам о природе политической свободы. Свобода народов так же не бывает безусловной, как и свобода отдельных людей: она зависит от свободного признания и принятия неизбежных требований современного общества⁴⁰. Согласно большевистской теории, высшее выражение принципа самоопределения наций — союз равноправных народов, образующих социалистическую федерацию.

в) Аппарат

Первым актом большевистской революции в области национального вопроса явилось назначение Иосифа Виссарионовича Джугашвили-Сталина (еще употреблялись обе фамилии) народным комиссаром по делам национальностей. Назначение было беспрецедентным, хотя Временное правительство в последнем своем заявлении по национальному вопросу предвещало образование

«совета по национальным делам с представительством всех национальностей России, в целях подготовки материала по национальному вопросу для Учредительного собрания»⁴¹. Ясно было, что оно свидетельствовало о провозглашении нового подхода. Двумя месяцами ранее Ленин охарактеризовал «национальный и аграрный вопросы» как «коренные вопросы для мелкобуржуазных масс населения России в настоящее время»⁴². Впоследствии Сталин утверждал, что «мир, аграрный переворот и свобода национальностей — таковы три основных момента, собравших вокруг красного знамени русского пролетариата крестьян более чем двадцати национальностей необъятной России»⁴³. Национальный вопрос имел не только большое значение внутри страны. Основным вопросом советской внешней политики также стали освобождение и национальное самоопределение угнетенных народов.

Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) был инструментом для осуществления новой политики. Первоначальная его организация была олицетворением простоты. Едва только в делах какой-либо нации или народности, прежде входившей в Российскую империю, возникали какие бы то ни было затруднения, как народный комиссариат учреждал специальный отдел под руководством представителя данной национальности, чтобы заниматься возникшими затруднениями. Эта форма организации, несомненно, была несколько наивной, но она достаточно искренне предназначалась для того, чтобы национальными делами управляла сама нация. Эти специальные отделы сначала назывались «комиссариатами», а затем — отделами. Однако с самого начала они составляли часть Наркомнаца и подчинялись ему.

Первым из таких отделов был Комиссариат по польским национальным делам, организованный в ноябре 1917 г. В его задачи входили «дела по ликвидации, войсковые, беженцев и др.», а в последовавшем затем декрете предписывалось, чтобы правительственные учреждения не издавали декретов и приказов, касающихся польских дел, без предварительной консультации с этим комиссариатом⁴⁴. За ним сразу же последовал Литовский комиссариат, создание которого было, очевидно, вызвано эвакуацией из Литвы ряда беженцев перед германским наступлением. Одна из функций комиссариата состояла, по-видимому, в наблюдении и контроле за деятельностью существовавших на российской почве национальных учреждений. Так, все польские учреждения были отданы под контроль Польского комиссариата; все латышские «общественные, благотворительные, религиозные и др. подобные учреждения», находившиеся в Москве, должны были регистрироваться в Латышском комиссариате. Армянский институт в Москве был подведомствен комиссару по армянским национальным делам⁴⁵. В январе 1918 г. возникли «временный Комиссариат по еврейским национальным делам» и «Комиссариат по делам мусульман внутренней России»⁴⁶ во главе с еврейским и мусульманским комиссарами соответственно. В создании этих комиссариатов

ощущалось намерение испробовать нетерриториальный, «культурный» подход к национальному вопросу. Однако такой подход был бы несовместим с основным большевистским принципом, и позднее комиссариаты и отделы организовывались только на территориальной основе⁴⁷.

Система достигла полного развития в 1918 г. В марте 1918 г. создание Белорусского и Латышского комиссариатов способствовало созданию центра для переехавших в Россию белорусов и латышей и служило стимулом для национального сопротивления на территориях, все еще оккупированных Германией. Те же причины вызвали в мае 1918 г. создание Украинского и Эстонского комиссариатов. В официальной публикации Наркомнаца указывается, что его основная деятельность состояла на этом раннем этапе в поддержании контакта через подпольные каналы с национальными движениями на территориях, занятых немцами или контрреволюционерами⁴⁸. Позднее система использовалась для того, чтобы стимулировать и развивать верность коммунизму среди тех народов, чье географическое местоположение и стадия развития давали основания скорее для автономии, чем для независимости. Наркомнац вскоре включал в себя комиссариаты или отделы по делам татар и башкир, казахов, чувашей, кавказских горцев, закавказских мусульман (азербайджанцев), мордвы, немцев Поволжья и других еще более мелких национальных групп. Даже Чехословацкий и Югославский комиссариаты были учреждены, чтобы решать вопросы, связанные с пребыванием многочисленных чехов, словаков и южных славян на советской территории⁴⁹.

Таким образом, народный комиссариат по делам национальностей внешне выглядел как скопление национальных комиссариатов или отделов, каждый во главе с руководителем той же национальности⁵⁰. Для соблюдения приличий требовалось, чтобы эти руководители считались послами, представляющими в Москве национальные интересы своих народов. Слово «ходатайство» действительно употреблено в декрете ВЦИКа в 1919 г. в связи с требованием «Комиссара по делам Киргизов»⁵¹. Но приличия обманчивы. Эти посты, заполнить которые было исключительно трудно⁵², предназначались для стойких большевиков, чья преданность партии была важнее национальной принадлежности и которые, находясь в штаб-квартире в Москве, больше заботились о проведении политики центра в национальных областях, чем о том, чтобы отстаивать в центре национальные интересы. Пестковский, заместитель народного комиссара Сталина, оставил подробное свидетельство преобладания в иерархии Наркомнаца «интернационального» подхода к национальным вопросам:

«Коллегия Народного комиссариата по национальным делам состояла из этих обрусевших лиц нерусской национальности, которые противопоставляли свой абстрактный интернационализм действительным нуждам развития угнетенных национальностей. На деле эта политика поддерживала старую традицию русифи-

кации и была особенно опасна в условиях гражданской войны»⁵³.

По словам Пестковского, Сталин в то время был в коллегии Наркомнаца единственным сторонником ленинской политики, и при голосовании его коллеги «левыми» и приверженцами «абстрактного интернационализма», характерного для «польской ереси», часто оставляли его в меньшинстве⁵⁴. Весной 1918 г. Сталин получил от Центрального Комитета партии задание склонить скептически настроенных коллег и непокорных татар и башкир к созданию татаро-башкирской республики⁵⁵. Если некоторым народам казалось, что Наркомнац недостаточно борется за их интересы и права, то многим старым большевикам казалось, что они, вдохновляемые Лениным, руководимые Сталиным, занимаются реакционной политикой создания национальностей и стимулирования национальных чувств, которых вовсе не было.

Когда новый строй укрепился, а национальный вопрос приобрел новое чрезвычайное значение под влиянием гражданской войны, задачи и аппарат Наркомнаца возросли. В ноябре 1918 г. он выпустил первый номер еженедельной газеты «Жизнь национальностей», посвященной политике комиссариата⁵⁶. Месяц спустя Наркомнац ввел систему прикрепления своих отделов к административным органам автономных территорий. Эти местные отделы не имели конституционного статуса и, возможно, были на положении посольства господствующей державы, находящегося в номинально суверенной, но фактически зависимой стране. И все же определение их функций в декрете, посвященном учреждению отделов, было первой попыткой системно очертить масштабы Наркомнаца. Задачи этих местных отделов включали:

«а) проведение в жизнь начал Советской Власти в среде соответствующих наций на их родном языке; б) проведение в жизнь всех постановлений Народного Комиссариата по делам Национальностей; в) принятие всех мер к поднятию культурного уровня и классового самосознания среди трудовых масс наций, населяющих данную территорию; г) борьбу с контрреволюцией в ее национальных проявлениях (борьба с «национально»-буржуазными «правительствами» и пр.)»⁵⁷.

Наркомнац, говоря словами другого его декрета раннего периода, должен был стать «идейным центром социалистической работы»⁵⁸. Однако идеи главным образом исходили из центра на места, а не наоборот.

Поражение Колчака и Деникина, возвращение утраченных территорий и создание в пределах РСФСР многочисленных автономных республик и областей привели в мае 1920 г. к тому, что официально называлось «реорганизацией Народного Комиссариата по Национальным делам»⁵⁹. Реформа должна была, по крайней мере на бумаге, дать нациям больше возможностей контролировать свою центральную организацию. Каждая нация через свой национальный съезд Советов должна была с тех пор избирать

представителей в Совет Национальностей, а этот орган под председательством народного комиссара по делам национальностей был поставлен «во главе» Наркомнаца, став, как указывалось в официальном издании комиссариата, «своего рода парламентом национальностей»⁶⁰. В дополнение к национальным отделам (которые больше не назывались «комиссариатами») в Наркомнаце должны были создать единый «отдел Национальных Меньшинств» для работы с группами, недостаточно многочисленными или недостаточно сплоченными, чтобы иметь собственную территорию, — с финнами, поляками, латышами, китайцами, корейцами и т. д.

Как и большинство конституционных мероприятий этого периода, разделение власти имело характер смутный и неопределенный. С одной стороны, нации могли с полным основанием ощущать, что они получили более непосредственный доступ в центр; с другой стороны, они обнаружили теперь, что этот доступ ограничен единственным каналом⁶¹.

Наконец, когда осенью 1920 г. была принята политика установления связей между РСФСР и отдаленными Советскими республиками на основе договоров, Наркомнац получил право иметь представителей «в дружественных Советских Республиках, не входящих в состав федерации, на основе устанавливаемых Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом соглашений с этими Республиками»⁶². Это конституционное нововведение дало Наркомнацу основу для тех отношений, которые теоретически являлись внешнеполитическими. Однако к этому времени различие между автономными национальными республиками внутри РСФСР и независимыми республиками, находящимися в союзе с РСФСР, начинало стираться.

В первом официальном Положении о Наркомнаце, одобренном ВЦИКом и Совнаркомом в мае 1921 г.⁶³, функции Наркомнаца определялись по установленному образцу:

«а) обеспечение мирного сожительства и братского сотрудничества всех национальностей и племен РСФСР, а также и договорных дружественных советских республик;

б) содействие их материальному и духовному развитию применительно к особенностям их быта, культуры и экономического состояния;

в) наблюдение за проведением в жизнь национальной политики советской власти».

Политические задачи Наркомнаца — введение автономных республик и областей в структуру РСФСР и приспособление к этой структуре независимых союзных республик — оставались наиболее важными и неотложными из его функций. Но о масштабе и разнообразии его работы свидетельствуют различные декреты и колонки его официального издания. Наркомнац занимался такими деталями, как указание волостным и сельским Советам Чувашской области о проведении собраний для чтения населению на чувашском языке газет, листовок и воззваний и об учреждении

«Бюро для приема жалоб на чувашском языке»⁶⁴. Или такими деталями, как принятие вотяков в партийную школу⁶⁵. Образование, пропаганда и поддержка национальной литературы постоянно поощрялись. А в 1920 г. к списку задач Наркомнаца добавилась «подготовка свежих кадров советских работников данной национальной группы»⁶⁶. Наконец, согласно уставу, принятому в мае 1921 г., Наркомнац стал руководить Обществом по изучению Востока недавно созданного Коммунистического университета трудящихся Востока⁶⁷ и петроградским Центральным институтом живых восточных языков. Это показывает, какое значение приобрели с 1920 г. восточные народы в советской национальной политике.

Вскоре акценты сместились с политической и культурной на экономическую перестройку. Уже в апреле 1920 г. в официальном органе Наркомнаца один из авторов выражал сожаление, что «когда поднимается вопрос о Востоке, о восточных республиках (вообще о республиках), то прежде всего смотрят на них «экономическими глазами». Туркестан — это хлопок, лимон и т. д.; Киргизия — шерсть, скотина; Башкирия — лес, корье, скотина»⁶⁸. В следующем году введение НЭПа и первые дискуссии о региональном планировании выдвинули на первый план в советской политике экономические вопросы, а зимой 1921/22 г. на территориях некоторых восточных республик и областей свирепствовал голод. Когда летом 1922 г. было принято переработанное Положение о Наркомнаце⁶⁹, в определение его задач был включен новый пункт:

«Обеспечение условий, благоприятствующих развитию производительных сил национально-территориальных объединений, и защита их экономических интересов в новой экономической обстановке».

В последний период своего существования Наркомнац был организован в виде не только национальных отделов, но также и функциональных управлений — сельского хозяйства, труда, образования, армии, прессы, лесничества, социального обеспечения и т. д.⁷⁰ Большой ошибкой было бы предполагать, что советская национальная политика действовала главным образом в сфере культуры. Те национальные права, которые подразумевал советский принцип национальной автономии, касались и политических и экономических вопросов. Если в какой-то конкретный момент казалось, что Наркомнац занимается одним аспектом национальной автономии больше, чем другим, то лишь потому, что советская политика в целом была в данный момент направлена именно на этот аспект.

Вместе с тем к тому времени, когда советский административный аппарат стал более организованным, комиссариат, не имевший собственных прямых административных функций, но вторгавшийся в функции многих других комиссариатов, не мог не оказаться опасной аномалией. Его давно критиковали. Через шесть месяцев после майского декрета 1920 г., учреждавшего Совет

Национальностей, было признано, что «по обстоятельствам, независящим от Наркомнаца... Совет Национальностей в полной мере к своим функциям не приступил»⁷¹. В декабре 1920 г., на Первом (и единственном) Всероссийском Совещании представителей автономных республик и областей и губернских отделов национальностей, Каменский, который в тот момент исполнял обязанности комиссара, нарисовал мрачную картину неукomплектованности Наркомнаца, постоянного отсутствия его руководителей, включая Сталина, в связи со специальными заданиями, мобилизации на военную службу его местных сотрудников и поднял вопрос о том, не следует ли вообще закрыть комиссариат⁷². Всегда оставался спорным вопрос о том, будут ли народы считать Наркомнац своим покровителем и защитником или всего лишь орудием центральной власти, стремящейся упорядочить и ограничить их права.

Более того, с изменением главных направлений советской политики — что нашло отражение и в политике Наркомнаца, — которая перешла от вопросов культуры к вопросам политическим, а от политических — к экономическим, неизбежно увеличилась возможность возникновения трений между Наркомнацем и другими советскими учреждениями. На раннем этапе количество постановлений и резолюций, регулировавших отношения между Наркомнацем и народным комиссариатом просвещения⁷³, говорит о том, как трудно было обеспечить координацию и спокойную работу даже в этой ограниченной сфере. Относительно более позднего периода имеется мало данных, но вряд ли тогда было легче приспособлять требования Наркомнаца к требованиям главных политических и экономических органов.

Отношения между местными органами комиссариатов и местными Советами с их исполкомами были вечным источником трудностей в первые годы существования советской системы, и местные отделы Наркомнаца едва ли составляли исключение из этого правила. Трения между представителями Наркомнаца и Наркоминдела в самостоятельных республиках вызвали принятие Постановления от 8 июня 1922 г., согласно которому прежние «советники» назначались в дипломатические учреждения⁷⁴. Трения другого рода предполагает приказ Совнаркома московскому руководству жилищным отделом «предоставить Наркомнацу в самом срочном порядке помещение для всех представительств»⁷⁵. Переработанное Положение 1922 г. давало Наркомнацу право «учреждать Федеральные Комитеты по делам отдельных Народных Комиссариатов» с похвальной целью «согласования деятельности центральных Народных Комиссариатов с их работой в Автономных Республиках и областях»⁷⁶. Это вмешательство, вполне оправданное с точки зрения национальностей, вряд ли приветствовалось комиссариатами, которых это касалось. В частности, основное значение, которое теперь придавалось экономической политике, и первые достижения в планировании приводили к мыс-

ли, что власть может быть децентрализована более успешно через систему экономических, а не национальных областей.

В общем, казалось, что в связи со стабилизацией политической системы национальный вопрос несколько утратил свою первоначальную остроту и значение. Недостатки специального народного комиссариата по делам национальностей стали перевешивать его преимущества. В первой половине 1923 г., когда был создан Советский Союз, Совет Национальностей был включен в новую Конституцию в качестве второй палаты ВЦИКа, и на следующий день после вступления в силу новой Конституции Наркомнац был упразднен⁷⁷.

Теперь, в ретроспективе, Наркомнац предстает как орган, который был правильно задуман и который был призван обеспечить со стороны нерусских наций поддержку политики сотрудничества и в конечном счете воссоединения с Москвой, обеспечить проведение этой политики, по возможности умиротворяя их, а не оскорбляя без нужды. В этом смысле Наркомнац гарантировал уважение прав нерусских групп, остававшихся в пределах советской системы. Он содействовал сохранению их языка и культуры и развитию их системы просвещения. Через него эти группы передавали свое мнение по экономическим вопросам, и он повсюду считался защитником их интересов. Но время шло, и попытки усматривать главную задачу Наркомнаца в «юридической защите правовых интересов представляемых ими национальностей» уже вызывали сильный протест⁷⁸.

Каково бы ни было первоначальное намерение при создании Народного комиссариата по иностранным делам, но то обстоятельство, что он был прежде всего органом центрального правительства, сделало Наркомнац главным образом инструментом централизации. В этом отношении его развитие вполне можно рассматривать в связи не только со всем процессом эволюции советской конституционной системы, но и в связи с личностью и взглядами его первого и единственного комиссара, который, как ни велика была его преданность ленинской национальной политике, показал себя твердым сторонником централизации. Наркомнац в смутные времена стоял за то, чтобы собрать рассеянные обломки бывшей Российской империи, а когда прекратился беспорядок — за возвращение почти всех их в Советский Союз. И, говоря словами декрета, упразднившего Наркомнац, он «закончил свою основную миссию по подготовке дела образования национальных республик и областей и объединения их в Союз Республик». Логика событий привела к прекращению его существования.

ГЛАВА 11

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НА ПРАКТИКЕ

а) Западные окраины

После Февральской революции из территорий, что входили в царскую империю, только Польша и Финляндия потребовали полной национальной независимости. В каждой из этих стран был развитый и многочисленный национальный господствующий класс (в Польше — землевладельческий и феодальный, в Финляндии — торговый и буржуазный), который возглавлял национальное движение и был способен управлять делами нации. До 1917 г. обе страны требовали скорее национальную автономию, чем национальную независимость, и это ограничение отчасти объяснялось неверием в реальность более далеко идущей альтернативы, а отчасти, быть может, вызывалось страхом перед социальной революцией, которую могла развязать полная независимость. Несколькими годами ранее Ленин выявил вторую из этих причин:

«В России есть две нации, наиболее культурные и наиболее обособленные в силу целого ряда исторических и бытовых условий, которые легче всего и «естественнее» всего могли бы осуществить свое право на отделение. Это — Финляндия и Польша. Опыт революции 1905 года показал, что даже в этих двух нациях господствующие классы, помещики и буржуазия, отрекаются от революционной борьбы за свободу и ищут сближения с господствующими классами в России и с царской монархией *из боязни* перед революционным пролетариатом Финляндии и Польши»¹.

Однако поскольку революция вспыхнула в самой России, этот сдерживающий момент исчез, и стремительно стали расти требования национальной независимости.

Реакция Временного правительства не была в обоих случаях одинаковой. К этому времени Польша была полностью оккупирована Германией, и державы Центральной Европы уже предлагали независимость марионеточному польскому государству. Меньше российское Временное правительство вряд ли могло сделать, и в его положении оно могло обещать, не будучи обязанным немедленно исполнять. Оно выпустило воззвание, заявляя о своей готовности признать независимость Польши, однако воззвание было выражено, как потом признавал осторожный Милюков, тогдашний министр иностранных дел, «неточным юридическим языком» и оставляло за будущим Учредительным собранием право

«дать свое согласие на те изменения государственной территории России, которые необходимы для образования свободной Польши»². В вопросе о Финляндии, которая находилась за пределами зоны военных действий, Временное правительство медлило, и большевики не раз осуждали его за нежелание решить вопрос³.

После Октябрьской революции Советское правительство безоговорочно признало независимость Польши, и считалось, что для урегулирования этого вопроса не требуется никаких формальностей. Все же спустя 10 месяцев в декрете, отменившем длинный список прежних соглашений с Германией и Австро-Венгрией, в том числе по таким вопросам, как авторское право, выдача преступников, взаимное признание консульских удостоверений и санитарная инспекция, содержалась следующая статья:

«Все договоры и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи с правительствами королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касающиеся разделов Польши, ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство, — отменяются настоящим бесповоротно»⁴.

Финляндия вызвала более серьезные затруднения. В то время как финское буржуазное правительство, казалось, прочно сидит в седле, финские социал-демократы были сильной организованной партией. В Финляндии еще находились русские войска, которые могли помочь своим финским товарищам. Вполне могло возникнуть впечатление, что настал момент для пролетарской революции. Очевидно, что такой уверенностью обусловлено было появление Сталина 14 (27) ноября 1917 г. на съезде в Гельсингфорсе, где он впервые выступил публично с речью в качестве народного комиссара по делам национальностей⁵. Тем не менее принцип национального самоопределения, включая право на отделение, был ясен, и обещания большевиков неоспоримы. Поэтому, когда финское правительство стало настаивать на своих требованиях, у Советского правительства не оставалось иного выхода, кроме как признать национальную независимость Финляндии. Соответствующая резолюция была принята Совнаркомом 18 (31) декабря 1917 г. и утверждена ВЦИКом четыре дня спустя⁶. Решение вызвало некоторые опасения, о чем можно судить по тому факту, что Сталин защищал его при обсуждении во ВЦИКе без энтузиазма:

«...Фактически Совет Народных Комиссаров дал свободу помимо своей воли не народу, не представителям пролетариата Финляндии, а финляндской буржуазии, которая странным стечением обстоятельств захватила власть и получила независимость из рук социалистов России. Финские рабочие и социал-демократы очутились в таком положении, что должны принимать свободу не непосредственно из рук социалистов России, а при помощи финской буржуазии».

Сталин отметил это как «трагедию финского пролетариата» и приписывал ее «нерешительности и непонятной трусости» финских социал-демократов⁷.

Финские социал-демократы, которых таким образом упрекали и подталкивали, в январе 1918 г. сделали попытку взять власть путем революционного переворота, а во время последовавшей за этим гражданской войны им оказывали поддержку все еще находившиеся в Финляндии советские войска. Советское правительство оказалось в ненормальной ситуации: оно признавало и буржуазное правительство соседней страны, и находившееся в зачаточном состоянии рабочее правительство, которое намеревалось свергнуть первое. 1 марта 1918 г. был даже заключен договор между «Российской Федеративной Советской Республикой» и «Финляндской Социалистической Рабочей Республикой»⁸. Это был не единственный и даже не первый случай подобного рода; аналогичная ситуация возникла несколькими неделями ранее на Украине. Не было придумано и приемлемого разделения функций между Советским правительством и Коминтерном. Но эта дилемма не имела отношения к формальному вопросу независимости Финляндии, поскольку она в равной мере могла возникнуть в зарубежной стране. Гражданская война в Финляндии была очень ожесточенной и закончилась только с прибытием германских войск, призванных финским буржуазным правительством для урегулирования вопроса. Вслед за этим в Финляндии прочно установился буржуазный режим, и отношения между Советской Россией и Финляндией были отношениями отдельных и независимых государств.

В 1917 г. Ленин часто, говоря о Польше и Финляндии, упоминал Украину как нацию, чье требование независимости большевики безоговорочно признали. В июне 1917 г. в своей статье он осудил Временное правительство за то, что оно не выполнило своего «элементарного демократического долга», поскольку не объявило, что оно «за автономию и за полную свободу отделения Украины»⁹. Однако проведенная им параллель была далека от совершенства. Особая национальная структура и история населения Украины — крестьян, пролетариата и интеллигенции — способствовали неопределенности национального движения и развитию в нем противоположных течений. Польскому и финскому движениям это было несвойственно.

Украинское крестьянство составляло не только огромное большинство населения, но и единственную его часть, за которой стояла долгая традиция. Его социальная и экономическая враждебность — постоянная основа крестьянского национализма — была направлена против помещиков (главным образом польских к западу от Днепра, а в остальных местах — русских) и против торговцев и ростовщиков (почти все они были евреями). Православная религия связывала украинских крестьян с русской церковью, поэтому польский католицизм, а также еврейство были для них

чужими. Таким образом, украинский национализм имел скорее антисемитский и антипольский оттенки, чем антирусский. Гетман Богдан Хмельницкий, популярный народный герой XVII века, был по происхождению поляком, но возглавил движение украинских крестьян против польских господ и принес присягу Москве. Украинские, или малороссийские, крестьяне себя с великороссами не смешивали, но в более широком смысле признавали себя русскими и говорили на заметно сходном языке. Политическое господство Москвы или Петрограда могло вызывать недовольство: Киев был более древней столицей, чем эти города. Но и Киев был в свое время русской столицей. Тут украинский национализм, который прежде всего и главным образом опирался на чувство враждебности к России, не особенно привлекал к себе крестьянство.

На следующем уровне ситуация осложнялась отсутствием местного пролетариата. Новые индустриальные центры, значение которых все возрастало на переломе веков, были большей частью населены приезжими с севера, как рабочими, так и управляющими. Харьков, крупнейший индустриальный город Украины, был также в основном великорусским. Этот элемент в сочетании с чиновниками и специалистами придавал в основном великорусский характер городской культуре Украины. Результат характерным образом сказался на обстановке в 1917 г. Во всей России большевики опирались на городское население и промышленных рабочих. На Украине эти группы были не только малочисленны — выборы в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. принесли большевикам только 750 тыс. голосов на Украине, — но и состояли преимущественно из великорусов¹⁰. Это создавало двойные трудности для большевистского движения на Украине: оно было чужим движением и вдобавок движением городских жителей. Совпадение национального разделения с расхождением между городом и деревней оказалось в равной мере затруднительным и для националистов и для большевиков.

Украинское национальное движение на этом этапе не вызвало широкого отклика ни у крестьян, ни у промышленных рабочих. Оно оставалось занятием небольшой группы энтузиастов-интеллектуалов, состоявшей главным образом из преподавателей самого различного уровня (от университетских профессоров до сельских учителей), литераторов и священников. Их воодушевляли и поддерживали аналогичные группы украинского населения Восточной Галиции по ту сторону австрийской границы. В этой форме украинский национализм был направлен против угнетения со стороны уже не польских помещиков или еврейских торговцев, а русской бюрократии. Но даже здесь необходима некоторая классификация.

Первых борцов движения вдохновляла скорее ненависть к царю, чем к самим по себе великорусам. Они были революционерами не менее, чем националистами, и, как сказал в 80-х годах прошлого века один русский генерал-губернатор, носили в одном

кармане произведения украинского народного поэта Шевченко, а в другом — труды Карла Маркса¹¹, несмотря на то что традиция и крестьянское окружение сближали их скорее с народниками или анархистами, чем с марксистами. Растущее экономическое благополучие, а также сила зарубежного примера постепенно увеличили движение от социальной революции.

В первые годы XX века здесь, как и во всей России, наблюдался рост вдохновленной идеалами либеральной демократии интеллигенции, которая довольно охотно объединялась с украинским национализмом. Но эта группа оставалась слишком небольшой, слишком изолированной от масс, и поэтому ее деятельность была слишком безрезультатной, она не способна была создать ядро национального правящего класса. Не имея возможности увлечь массы идеями социальной революции, она была вынуждена использовать национализм в кампании против политического и культурного господства Москвы. Это было вполне реальным делом: запрет на украинскую литературу и украинские газеты, установленный в 70-е годы XIX века, был ослаблен в 1905 г., но в 1914 г. возобновился с новой силой.

Однако подобные ограничения мало значили для крестьянина и уж совсем ничего не значили для русского пролетария, поэтому движению, которое не имело твердой поддержки внутри страны, пришлось искать иностранных покровителей, обращаясь последовательно к австрийцам¹², французам, немцам и, наконец, к полякам. Эти методы, в конце концов, дискредитировали движение, чьи деятели с такой готовностью продавали себя иностранным державам. А за этими внутренними слабостями и трудностями украинского национализма стоял всего лишь факт экономической зависимости Украины от российского рынка и экономического значения Украины для Российского государства, какой бы ни была его политическая система.

На Украине жила одна пятая населения царской России; ее земли были в России самыми плодородными; ее промышленные предприятия относились к числу наиболее современных; ее промышленные рабочие, как и руководство промышленностью, в основном состояли из великорусов: ее уголь и железо — пока богатства Урала оставались сравнительно неразработанными — были необходимы всей российской промышленности. Будь украинское требование отделения таким же четким, как польское или финское, было бы гораздо труднее примирить его с экономической реальностью. Однако справедливости ради следует признать, что и сами требования были несравнимы. Троцкий впоследствии иронизировал по поводу русской буржуазии, которая при Керенском не хотела «согласиться на «автономию» украинского хлеба, донецкого угля и криворожской руды»¹³. И все же экономическая взаимозависимость промышленной России и Украины была фактом, который значил больше, чем формы социальной или политической организации.

Национальное движение было на самой начальной стадии, когда Февральская революция сообщила ему сильный импульс. Нашлось три руководителя: Грушевский, ученый, профессор, чья книга «История Украины» обеспечила историческую и литературную основу движения; Винниченко, революционный интеллигент, игравший некоторую роль в событиях 1905 г., и Петлюра, самоучка, который испробовал много профессий и в последнее время занимался журналистикой. Первые двое были искренними националистами, третий — предприимчивым авантюристом.

В марте 1917 г. под председательством Грушевского сформировалась украинская Центральная рада (или Совет), в которой были представлены социалисты-революционеры, социал-демократы, социалисты-федералисты (радикальная украинская группа) и национальные меньшинства. В апреле Рада получила благословение национального украинского съезда. По-видимому, Украинская рада формально не являлась представительным органом и вначале, в соответствии с характером движения, в основном социального и культурного, Рада не требовала и не осуществляла политических функций. Однако постепенно она преобразовалась в подобие национального собрания, которое состояло из 600 делегатов. 13 июня 1917 г., после напрасных попыток ведения переговоров с Временным правительством в Петрограде, Рада выпустила декрет («Первый Универсал Центральной рады»), где провозглашалась «автономная Украина», которая должна была существовать, «не отделяясь от всей России, не порывая с державой российской». Учреждался также «Генеральный секретариат» во главе с Винниченко; вскоре он приобрел форму и функции национального правительства. Временное правительство в Петрограде, чья тактика всегда состояла в откладывании всего на потом, частично и неохотно уступило требованию об автономии, вопрос о которой должно было, как всегда, решать Учредительное собрание. Но этот факт был скорее показателем слабости Временного правительства, чем силы Украинской рады и Генерального секретариата¹⁴.

После Октябрьской революции в Петрограде фактическое крушение власти в центре стало дальнейшим стимулом для движения за независимость. 7 (20) ноября 1917 г. Рада провозгласила образование Украинской Народной Республики, хотя в «Третьем Универсале» опять особо говорилось о намерении «не отделяться от Российской Республики и, дабы сохранить единство ее», помочь ей «стать федерацией равных, свободных народов»¹⁵. Генеральный секретариат стал теперь обычным правительством, в котором Винниченко был премьер-министром, а Петлюра — министром по военным делам. Однако, учитывая провозглашенную Советским правительством политику, все это не обязательно означало разрыв между Киевом и Петроградом, и некоторое время между ними поддерживались нормальные отношения. Да и на деле процесс разделения не зашел еще слишком далеко. Еще 29 ноября (12 де-

кабря) 1917 г. Рада запрашивала деньги у Государственного банка в Петрограде для выплаты своим железнодорожным служащим¹⁶. Невозможность исполнить это требование вынудило Раду выпустить свои первые денежные банкноты в декабре 1917 г.¹⁷

И все же революции еще не исполнилось и месяца, как отношения стали весьма напряженными. Советы появились в различных частях Украины летом 1917 г., в частности возникли Совет рабочих депутатов и отдельный Солдатский Совет в Киеве¹⁸. После Октябрьской революции они объединились, и поддержка, которую им оказывало находившееся в Петрограде Советское правительство¹⁹, вызвала обвинения в намеренных попытках подорвать власть Рады. Переломный момент наступил, когда «белые» генералы Корнилов и Каледин — последний был атаманом донских казаков²⁰ — организовали на Дону контрреволюционную армию. Особые претензии Советского правительства к Украинской раде в основном теперь касались проблем военных. Рада пыталась разъединить армии, отзывая на Украину все украинские части и таким образом способствуя дальнейшей дезорганизации фронтов и внося путаницу в процесс демобилизации. Она разоружала советские и красногвардейские части, находившиеся на украинской территории. Она не позволяла советским войскам проходить через территорию Украины для создания фронта против «белых», но при этом пропускала казачьи формирования, направлявшиеся на Дон к Каледину²¹.

Заклучение перемирия с Германией в Брест-Литовске 2 (15) декабря 1917 г. уменьшило перенапряжение скудных военных ресурсов Советского правительства. 4 (17) декабря 1917 г. Украинской раде было отправлено и одновременно обнародовано длинное сообщение. Оно начиналось признанием «народной Украинской республики» во имя принципа самоопределения, но затем Центральная рада обвинялась в том, что она ведет «двусмысленную буржуазную политику, которая давно уже выражается в непризнании Радой Советов и Советской власти на Украине», от нее требовали немедленного отказа от вышеупомянутой деятельности. Было также включено категорическое требование «оказывать содействие революционным войскам в деле их борьбы с контрреволюционным кадетско-калединским восстанием». Указывалось, что, если на эти претензии не будет получен удовлетворительный ответ в течение 48 часов, Совнарком будет считать Центральную раду «в состоянии открытой войны против Советской власти в России и на Украине»²². За этими политическими обвинениями маячила растущая угроза голода в Петрограде и Москве и срочная нужда в украинском зерне. «Если вам нужно продовольствие, — писал Радек в «Правде», — кричите: „Смерть Раде!“»^{23*}

Угроза, исходившая из Петрограда, вызвала именно ту реакцию, какую должна была вызвать. Еще раз подтвердилась тен-

* В указанном источнике этих слов Радека нет. — *Прим. ред.*

денция, присущая украинскому национальному движению, — перед лицом превосходящей российской мощи обращаться за иностранной помощью. В Киеве некоторое время находилась французская военная миссия во главе с генералом Табуи. Неизвестно, в какой именно момент определенные усилия привели к тому, что Рада начала стремиться «перестроить силы сопротивления и сохранить верность союзникам». Об этих усилиях упоминается в первом, по-видимому, официальном послании генерала Табуи к Винниченко, датированном 5 (18) декабря 1917 г. — на следующий день после ультиматума из Петрограда, — где запрашивались подробности относительно «финансовой и технической помощи»²⁴, которую Украинская республика хотела бы получить от Франции. О франко-украинском соглашении стало вскоре известно в Петрограде. 15 (28) декабря 1917 г. Сталин опубликовал в «Правде» телеграмму, якобы направленную французской миссией Центральной раде²⁵. В Киеве генерал Табуи объявил о том, что он назначен уполномоченным Французской Республики при правительстве Украинской республики, а 29 декабря 1917 г. (11 января 1918 г.) он информировал Винниченко, что Франция окажет Украинской республике поддержку всеми имеющимися в ее распоряжении моральными и материальными силами. Аналогичное заявление сделал примерно в то же время британский представитель в Киеве²⁶.

Со стороны большевиков решение о разрыве отношений с Центральной радой, которое подразумевалось в ультиматуме от 4 (17) декабря 1917 г., потребовало быстрого создания альтернативного правительства на Украине. Накануне того дня, когда был предъявлен ультиматум, в Киеве открылся Всеукраинский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Готовясь к съезду, украинская организация большевиков провела заседание и переименовала себя в «РСДРП (б-ков) с.-д. Украины» — смешанное название, в котором стремились, довольно неуклюже, сочетать партийное единство с признанием украинских национальных чувств. Однако это не помогло большевикам. На съезде сторонники Рады их заглушили²⁷. За неудовлетворительным ответом Рады на ультиматум²⁸ открытого разрыва не последовало, отчасти потому, что ни одна из сторон фактически не хотела войны, а отчасти потому, что Советское правительство нашло теперь лучший способ урегулировать ситуацию. Большевики Украины переехали из Киева, где власть Рады была неоспоримой, в Харьков, где 11 (24) декабря 1917 г. они созвали новый Всеукраинский съезд Советов. Через два дня «Центральный Исполнительный Комитет Советов Украины», избранный съездом, телеграфировал правительству в Петрограде, что он «принял на себя всю полноту власти на Украине»²⁹. В основном он состоял из большевиков с небольшим добавлением левых эсеров³⁰.

С этого момента Советское правительство откровенно проводило двойную политику. Оно приветствовало эту новую власть как

«подлинное правительство Народной Украинской Республики» и бралось предоставить ей всевозможную поддержку как «в деле борьбы за мир», так и «в деле передачи всех земель, фабрик, заводов и банков трудящемуся народу Украины»³¹. И вместе с тем это не помешало ему продолжать вести переговоры с Центральной радой через различных посредников³² или нехотя признать полномочия делегации Рады на мирной конференции в Брест-Литовске, отказаться от этого — означало подвергнуть сомнению искренность заверений большевиков в их преданности делу национального самоопределения³³.

Однако к этому времени, как откровенно признавал Винниченко, «огромное большинство украинского населения было против нас»³⁴. Территория, на которую распространялась власть Центральной рады, быстро сокращалась по мере того, как солдаты Рады разбредались кто куда или переходили к большевикам. 9 (22) января 1918 г. Рада выпустила «Четвертый Универсал», наконец провозгласивший Украинскую республику «независимым свободным и суверенным государством украинского народа», а через 10 дней ее независимость была признана германским правительством³⁵. Но пока шел обмен официальными сообщениями, советские армии окружили Киев и вступили в него 26 января (8 февраля) 1918 г. Центральная рада была свергнута, и через несколько дней там установили новое Украинское Советское правительство³⁶.

На этом, однако, история не закончилась. Деятельность Украинского Советского правительства продолжалась менее трех недель, в течение которых оно мало что сделало для умиротворения населения или устранения впечатления об оккупации «иностранными силами извне»³⁷. В тот момент, когда Раду выдворяли из Киева, ее делегаты подписывали мирный договор с Германией в Брест-Литовске. Верная своей традиции искать защиты от большевиков у иностранцев, Рада 12 февраля 1918 г. обратилась за помощью к Германии³⁸. Немецкие армии быстро растеклись по Украине, и 2 марта 1918 г. большевики уступили Киев силам Центральной рады во главе с Петлюрой. И тем не менее ни благодарственные молебны, организованные Петлюрой, ни красноречие Грушевского, который вернулся в Киев президентом Рады, не могли скрыть, как признался Винниченко, «горькой правды», состоявшей в том, что Рада была обязана своим возвращением «германским тяжелым орудиям»³⁹. И она недолго благодумствовала. В конце апреля Рада была с позором изгнана, и ее сменило более сильное или более уступчивое украинское правительство во главе с гетманом Скоропадским, пользовавшееся поддержкой немцев.

Новый режим был удобен немецкому командованию. В той мере, в какой он имел малейшее значение во взаимодействии внутренних сил Украины, режим представлял интересы крупных помещиков и зажиточных крестьян — производителей той доба-

вочной продукции, которая давала немецким оккупационным властям последнюю надежду заполнить пустые немецкие амбары. Это был откровенно реакционный режим, который мало что давал украинским националистам и ничего не давал сторонникам социальных реформ. Тем не менее это не помешало продолжению мирных переговоров между новым украинским и Советским правительствами⁴⁰. С точки зрения Советской власти, выбирать между Радой, которую поддерживают немцы, и гетманом, которого поддерживают немцы, было нечего, и советская делегация вела бесконечные переговоры в Киеве в течение лета 1918 г. Нежелание большевиков возобновлять войну с немцами на Украине было одним из поводов для недовольства левых эсеров, которые завели вокруг этого дебаты на V Всероссийском съезде Советов в Москве. Убийство на Украине германского генерала Эйхгорна, как и убийство Мирбаха, было безуспешной попыткой помешать развитию советско-германских отношений.

Власть Скоропадского на Украине просуществовала до военного крушения Германии в ноябре 1918 г. Затем повторилось то же, что и в предыдущую зиму. В Киеве возродились элементы прежней Центральной рады в виде Украинской директории; председателем ее был Винниченко, а Петлюра всплыл в качестве главнокомандующего с претензиями на то, чтобы стать диктатором. Опять обратились к французам за помощью. Но генерал д'Ансельм, командующий французскими силами в Одессе, ничего не мог предложить, кроме слов, да и слова были менее воодушевляющими, чем обещания генерала Табуи годом ранее⁴¹. Единственной новой особенностью ситуации теперь, когда власть центральноевропейских держав рухнула, явилось объявление о включении в Украинскую республику так называемой «Западной Украины», бывшей австрийской провинции Восточная Галиция. Таким образом, был создан предмет спора между Украиной и Польшей.

Об отсутствии организованной поддержки большевиков на самой Украине говорило то обстоятельство, что даже в хаосе, который был вызван крушением германской власти и бегством Скоропадского, большевики не смогли сразу же взять власть. Однако тактика большевиков теперь стала более смелой, чем прежде. В течение нескольких дней германского крушения возникло «Временное Рабоче-Крестьянское Правительство Украины» под руководством Пятакова в Курске, на северной границе. 29 ноября 1918 г. оно выпустило манифест, объявляя о взятии власти, о передаче земли крестьянам, о переходе фабрик и заводов в руки «трудящихся масс Украины»⁴². После трехдневной всеобщей забастовки, состоявшейся в Харькове в начале декабря⁴³, Советы взяли там власть, и вскоре армии большевиков начали свое наступление на юг. В ответ на протесты Директории Чичерин в ноте от 6 января 1919 г. отрицал ответственность за правительство Пятакова и его армии, которые были «вполне самостоятельны»⁴⁴.

Через 10 дней Директория объявила войну Москве, очевидно, против воли Винниченко⁴⁵, вскоре вышедшего в отставку. Но это не помогло задержать советские войска, которые укрепились в Харькове, а затем в феврале 1919 г. с боями двинулись на Киев, как и годом ранее. Их с большим энтузиазмом приветствовало население⁴⁶. Члены упраздненной Директории перенесли свою основную деятельность в Париж, на мирную конференцию, где их просьбы не встречали отклика у государственных деятелей, больше заинтересованных в борьбе с Советской Россией Польши или «белых» генералов, которые должны были восстановить единство Российской империи, чем в украинском национализме.

Столицей Советской Украины теперь был Харьков, наиболее важный ее индустриальный центр, а Пятаков, хотя он по рождению и украинец, видимо, не проявил особого сочувствия к требованиям о независимости Украины⁴⁷ и был заменен на посту главы Украинского Советского правительства Раковским. 10 марта 1919 г. на III Всеукраинском съезде Советов была официально принята «Конституция Украинской Социалистической Советской Республики». Во всех существенных деталях она следовала своему прототипу, Конституции РСФСР⁴⁸. Слабость независимой Украинской ССР обнаруживал список членов президиума III Всеукраинского съезда Советов, которые подписали Конституцию. Раковский, Пятаков, Бубнов и Квиринг были известными большевиками, но их право представлять украинский народ было не слишком убедительным⁴⁹.

Тем временем внешние условия были неблагоприятны во всех отношениях. Бои шли некоторое время на западе, где отступающие войска Петлюры отличались тем, что жестоко расправлялись с многочисленным еврейским населением⁵⁰. В восточной части Украины крестьянский предводитель с выдающимися способностями — анархист Нестор Махно — организовал в 1918 г. группу партизан для ведения партизанской войны против Скоропадского. Эта группа теперь выросла в организованное движение с армией в несколько тысяч человек, которая в разное время контролировала значительные пространства страны и выступала то на стороне большевиков, то против них⁵¹. На украинской земле тут и там еще попадались районы сосредоточения германских войск. Французские войска высадились на Черноморском побережье и в Крыму. В июле Добровольческая армия Деникина при поддержке союзников начала наступление на север. Красная Армия отступала, и в сентябре Киев снова был занят силами сначала Петлюры, а затем самого Деникина. Дезорганизация была теперь полная. На Украине свирепствовали голод, тиф и другие болезни⁵². Несколько самостоятельных военных руководителей, из которых Махно был лишь наиболее значительным, бродили по деревням со своими бандами, самыми разными, от организованных армий до разбойничьих шаек. Крестьяне забыли о своем

недовольстве Советской властью, преисполнившись ненавистью к деникинским вооруженным силам, подавлявшим их более жестоко.

В результате разгрома Деникина Киев снова был занят Красной Армией в декабре 1919 г. Декретом за подписью Раковского в качестве Председателя украинского Совнаркома был учрежден «Военно-Революционный Комитет» в составе пяти человек (трое из них — большевики)⁵³, и в третий раз была предпринята попытка укрепить Советскую власть на Украине. К февралю 1920 г. в главных центрах Советская власть была вновь установлена. Но даже это еще не означало, что период бедствий миновал.

В декабре 1919 г. Петлюра, потерпевший поражение, разбитый большевиками, не принимаемый в расчет союзниками в Париже и презираемый Деникиным, обратился к единственно возможному альтернативному источнику моральной и материальной поддержки — Польше. Польша, которая была против включения Украины в объединенную Россию, будь то под властью Советов или Деникина, обнаружила, что Петлюра — единственный, кто может сыграть роль главы украинского сепаратизма. Петлюра цинично отказался от украинских притязаний на Восточную Галицию ради тщеславного стремления управлять Украиной — сателлитом, входящим в «польскую империю». Соглашение Петлюры с польским правительством, заключенное 2 декабря 1919 г. в Варшаве⁵⁴, ознаменовало банкротство украинского буржуазного национализма, поскольку национальные чувства украинского крестьянства стимулировались прежде всего враждебностью к польским помещикам. Вместе с тем это соглашение открыло путь для нового вторжения на Украину теперь уже польских армий, которые оккупировали Киев неделю на шесть в мае — июне 1920 г. Однако на этот раз поражение и изгнание захватчиков освободило Украину от иностранного вторжения на два десятилетия.

Большая часть следующего года ушла на то, чтобы повсюду на Украине восстановить порядок⁵⁵, а происходившие время от времени стычки с партизанами не прекращались до тех пор, пока Махно не ушел через границу в Румынию 28 августа 1921 г. с последними остатками своих вооруженных сил⁵⁶. Тогда, наконец полностью утвердившись в стране, Советская власть смогла предоставить украинскому населению не только блага мира, но и правительство, более терпимое, чем любое из тех, какие ей довелось узнать за эти бурные годы.

Так, с большими трудностями, было подготовлено создание Советской Украины. Право на самоопределение наций и отделение было уже официально подтверждено. Однако в то время, как в Финляндии буржуазный правящий класс был достаточно сильным и смог добиться, чтобы его признали представителем финского народа, на Украине революцию подтолкнули к следующему шагу, и буржуазия была изгнана во имя «диктатуры трудящихся и эксплуатируемых масс — пролетариата и беднейшего крестьянства» (этот термин встречается в Статье 1 украинской Конституции),

которой, таким образом, была доверена украинская национальная независимость.

Заинтересованность Петрограда в таком урегулировании была очевидна. Но очевидно также и то, что был рассмотрен и признан несостоятельным украинский буржуазный национализм. За ним не стояло национальное рабочее движение, которое он мог бы привлечь на свою сторону. Ему не удалось завоевать крестьян, поскольку он не сумел поддержать не только дело социальной революции, но и какую-либо значительную социальную реформу — неспособность эту откровенно и неоднократно признавал Винниченко, наиболее честный из его руководителей⁵⁷. Слабость украинского национализма заставляла его постоянно уступать иностранному давлению и, таким образом, исключала настоящую свободу действий. Окончательное банкротство наступило в 1920 г., когда его последний находившийся у власти руководитель, Петлюра, заключил договор с поляками, национальными врагами украинского крестьянина.

Украинская буржуазия оказалась даже менее способной, чем великорусская, к тому, чтобы совершить буржуазную революцию. Ее неудача освободила место для ее преемника. На это место не было серьезных претендентов, кроме большевиков, а то, что все выступавшие против них силы одна за другой распались, показывало, что украинские массы по крайней мере принимали большевиков как наименьшее из возможных зол. Однако урегулирование не стало от этого легким.

Перед Советским правительством в начале 1918 г. и затем вновь в начале 1919 г. стоял единственный действенный выбор: включить Украину непосредственно в Советскую Россию или пытаться удовлетворить украинские национальные устремления путем создания самостоятельной Советской Украины. Вторая альтернатива диктовалась принципами, которые были во всеуслышание провозглашены перед революцией, а также ленинским твердым убеждением, что максимальное разделение во имя самоопределения наций есть вернейший путь к окончательному душевному согласию.

Есть много данных, подтверждающих, что Ленин лично боролся за то, чтобы сделать реальной политикой создания независимой Советской Украины. Когда Советская власть должна была там вот-вот установиться в третий раз, после разгрома Деникина в декабре 1919 г., резолюция «О Советской власти на Украине», составленная Лениным и утвержденная Центральным Комитетом партии, была передана на специальное рассмотрение партийной конференции в Москве. Прежде всего она касалась отношения советской администрации к украинскому национальному вопросу и украинскому крестьянину. В ней осуждались «попытки искусственными средствами отнестись украинский язык на второй план» и выдвигалось требование, чтобы все должностные лица умели говорить по-украински. В ней также предписывалось разделить

бывшие крупные имения между крестьянами, создавать советские хозяйства «в строго необходимых размерах» и производить реквизицию зерна *«лишь в строго ограниченном размере»*.

Однако такая позиция встретила на конференции решительное противодействие со стороны большевистских руководителей Украины. Раковский утверждал, что основой советского строя должны быть крупные советские хозяйства. Бубнов, один из его коллег по Совнаркому Украины, рассматривал требование о том, чтобы должностные лица говорили по-украински, как преувеличение значения украинского национализма. Кроме того, Бубнов, Мануильский и другие протестовали против любого соглашения с боротьбистами, украинской крестьянской партией эсеровского типа, которая стремилась к союзу с большевиками⁵⁸. На конференции была одобрена ленинская резолюция, и в марте 1920 г. боротьбисты были приняты в коммунистическую партию⁵⁹. Но там, где противодействие на местах было таким сильным и далеко идущим, трудности в проведении в жизнь партийной линии не могли быть легко преодолены. И несправедливо было бы приписывать эти трудности слепоте или упрямству нескольких лиц.

Украинские национальные устремления не могли быть удовлетворены в буржуазных рамках. Тем не менее, когда большевики, создав Украинскую ССР, объявили тем самым о переходе от буржуазной к пролетарской революции, украинская национальная проблема предстала в новой и почти столь же неподатливой форме. Суть большевистской теории заключается в том, что один лишь пролетариат способен вести крестьянство по революционному пути, а в условиях отсутствия национального украинского пролетариата национальное содержание социальной революции на Украине оставалось искусственным и до некоторой степени надуманным. Для украинского буржуазного интеллигента новый режим портило то, что его руководители по-прежнему были преимущественно великороссами по духу и образованию, если не по рождению. От этого впечатления нелегко было избавиться. И привлечение на свою сторону нескольких бывших украинских националистов, особенно ветерана украинского национализма Грушевского, который, вернувшись в Киев в 1923 г., стал президентом новой украинской Академии наук, недостаточно скрывало великорусский характер правительства Советской Украины. Для украинского крестьянина недостатком новой власти было то, что это была власть людей городских. Этот недостаток менее остро ощущался в период примирения с крестьянством, которое символизировал НЭП. А позднее, когда давление на крестьянина со стороны пролетариата возобновилось и недовольство украинского крестьянина совпало с недовольством украинского интеллигента, еще раз подтвердилась та истина, что национальная проблема обостряется, когда приобретает социальное и экономическое содержание.

Создание Белорусской ССР в феврале 1919 г., почти одновре-

менно с Украинской ССР, представляло собой дальнейшее применение политики разъединения во имя самоопределения наций. В Белоруссии проблема была проще, чем на Украине, поскольку имелась лишь начальная форма белорусского буржуазно-националистического движения, но именно этот факт и делал урегулирование более искусственным. Все происходило по украинскому образцу. Еще в марте 1917 г. белорусский национальный съезд заявил о своей поддержке «федеративного демократически-республиканского строя» России, а также учредил Белорусский национальный комитет⁶⁰. В августе 1917 г. в Минске была учреждена буржуазная Белорусская рада⁶¹, и уже в начале января 1918 г. ее делегаты действительно появились на III Всероссийском съезде Советов — но оказалось, что их не хотят слушать, а их мандаты отвергнуты⁶². В последние дни 1917 г. в Минске произошли забастовки. Большевистский военно-революционный комитет, возникший после Октябрьской революции, свергнул Раду, учредил «Совет народных комиссаров Западной области и фронта» и провозгласил право «трудового народа Белоруссии... решать вопрос о национальном самоопределении»⁶³. В течение нескольких недель в Минске находилось у власти рудиментарное Белорусское Советское правительство⁶⁴. Но в феврале 1918 г. наступающие немецкие войска свергли его и, желая в свою очередь отдать дань модной теории самоопределения наций, учредили собственную Белорусскую раду. Позднее в том же году в Москве были проведены съезды белорусских эмигрантов, провозгласившие неизменное стремление к союзу с Российской Советской республикой⁶⁵.

Никакие дальнейшие практические вопросы не возникали, пока германские армии, находившиеся за пределами границ, установленных в Брест-Литовске, не начали распадаться в ноябре 1918 г. Тогда потребовалось принять постановление о власти на освобожденной территории, и, так же как и на Украине, нужно было выбирать между ее включением в Россию и созданием отдельной Белорусской республики. Те же соображения привели к тому же решению. Оно было принято Центральным Комитетом партии, и необходимые указания были переданы Сталиным руководителю местных коммунистов по фамилии Мясников 25 декабря 1918 г.⁶⁶ 1 января 1919 г. «временное Рабоче-Крестьянское Правительство Белорусской Советской Независимой Республики» провозгласило в Минске свою власть и объявило «продажную буржуазную Белорусскую Раду» вне закона⁶⁷. Ровно месяц спустя в Минске собрался I Белорусский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а 4 февраля 1919 г. он утвердил Конституцию Белорусской ССР и создал белорусское правительство⁶⁸. Работа проводилась в такой спешке, что, включив в Конституцию, составленную по тому же плану, что и Конституция РСФСР, определение функций Съезда Советов и Центрального Исполнительного Комитета, не включили в нее ни положение о местных Советах, ни положение о Совнаркоме.

Как и Украине, Белоруссии пришлось пережить дальнейшие трудности даже после того, как она стала Социалистической Советской Республикой. В течение весны 1919 г. составлялись планы создания федерации двух одинаково молодых и почти одинаково слабых республик — Белорусской и Литовской⁶⁹. Но в апреле 1919 г. в связи с польским наступлением вопрос о Литовской ССР отпал, а польские армии заняли часть территорий, на которые претендовала Белоруссия, и в августе 1919 г. захватили даже Минск. В ходе польско-советской войны 1920 г. в результате продвижения советских войск на территорию Польши Белорусская республика была освобождена и 1 августа 1920 г. пышно отпраздновала победу⁷⁰. Польско-советское перемирие, заключенное в октябре 1920 г., опять лишило Белоруссию западной части ее территории (что было подтверждено договором, заключенным в Риге 18 марта 1921 г.). Однако на этот раз решение было окончательным, и наступил мирный период. В декабре 1920 г. II съезд Советов Белоруссии восполнил пропуски в Конституции, утвержденной в феврале 1919 г., приняв ряд «дополнений»⁷¹.

«К белорусам, — замечает один современный историк, — национальное сознание пришло как почти непрощенный дар русской революции»⁷². Автор одной из статей в официальной газете Наркомнаца признавал, что белорусские рабочие и крестьяне «всегда считали себя частью трудового народа России, ее гражданами, и лишь незначительная часть мелко-буржуазной белорусской интеллигенции отстаивала независимость Белоруссии»⁷³. Однако, согласно большевистской теории, нация есть нормальная и полезная, хотя и не обязательная, стадия исторического развития, и если белорусская нация еще не существовала, то аналогия подсказывала, что скоро она должна была родиться. Таков был довольно сомнительный довод, с помощью которого Сталин защищался на съезде партии от обвинения в том, что «мы, коммунисты, будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно»:

«Лет сорок тому назад Рига представляла собой немецкий город, но так как города растут за счет деревень, а деревня является хранительницей национальности, то теперь Рига — чисто латышский город. Лет пятьдесят тому назад все города Венгрии имели немецкий характер, теперь они мадьяризированы. То же самое будет с Белоруссией, в городах которой все еще преобладают небелорусы»⁷⁴.

Это был, возможно, наиболее крайний, во всяком случае в Европе, пример обращения к принципу самоопределения наций с целью не столько удовлетворить, сколько вызвать национальное самосознание.

Положение с Эстонией и Латвией представляло собой нечто среднее между ситуацией, сложившейся с Финляндией, с одной

стороны, и Украиной и Белоруссией — с другой. Обе страны имели крошечные размеры, и население соответственно — 1250 тыс. и 1750 тыс. человек, но языки, отличающиеся друг от друга, не родственные ни тевтонским, ни славянским языкам, ставили их в особое положение. Небольшого масштаба, но подлинное буржуазно-националистическое движение выросло в обеих странах в результате протеста против преобладания немецких купцов, промышленников и землевладельцев — движение гораздо более слабое и не так прочно установившееся, как соответствующее движение в Финляндии, но более сильное и более исполненное решимости, чем на Украине. В обеих странах Советская власть была провозглашена в тот момент, когда свершилась Октябрьская революция, но ее вскоре смели наступающие германские армии. Вслед за крушением Германии в ноябре 1918 г. в Риге и Таллине были созданы буржуазные национальные правительства. Но их существование было недолгим. 29 ноября 1918 г. в Нарве было объявлено о создании Эстонского Советского правительства, а через 3 недели последовало провозглашение Латвийского Советского правительства. С востока начали прибывать советские войска, местные и русские. Это был период, когда лозунг «самоопределение для трудящихся» официально был в ходу и заявление Сталина о проводимой политике было ясным и недвусмысленным:

«Советская Россия никогда не смотрела на западные области, как на свои владения. Она всегда считала, что области эти составляют неотъемлемое владение трудовых масс населяющих их национальностей, что эти трудовые массы имеют полное право свободного определения своей политической судьбы. Разумеется, это не исключает, а предполагает всемерную помощь нашим эстляндским товарищам со стороны Советской России в их борьбе за освобождение трудовой Эстляндии от ига буржуазии»⁷⁵.

Эстонская Советская республика была признана в Петрограде 8 декабря 1918 г.; Латвийская Советская республика была признана 22 декабря 1918 г.⁷⁶ Уже в начале января 1919 г. в Риге была установлена Советская власть.

До того времени в качестве образца служила Украина, и так как в Риге существовал крупный местный промышленный пролетариат, основы Советской власти казались более прочными на берегах Балтийского моря, чем на Украине. Однако в сложившейся ситуации решающим фактором оказалось повсеместное наступление британских военно-морских сил. После окончания военных действий против Германии британские военно-морские подразделения появились в Балтийском море. Эстонская Советская республика прекратила свое существование в январе 1919 г. Латвийская Советская республика продержалась в Риге в течение пяти месяцев, а затем пала под угрозой британской военно-морской артиллерии. В обеих странах буржуазные правительства, восста-

новленные под защитой британских военно-морских сил, располагали достаточным временем для укрепления своей власти.

В дальнейшем, после того как Советское правительство покончило с авантюрой Юденича⁷⁷, оно пересмотрело свою политику. Эти два буржуазных правительства оказались значительно сильнее и сплоченнее, чем предполагалось, а их враждебность к Юденичу свидетельствовала о том, что к Советской республике они в целом относятся без неприязни. Прежде всего именно теперь, когда в сферу советской политики начинала входить внешняя торговля (блокада союзников была снята в январе 1920 г.), представлялось в какой-то мере целесообразным считать порты Риги и Таллина ничьей землей, расположенной между капиталистическим и советским мирами. Было решено следовать в первую очередь финскому, а не украинскому образцу, отказаться от планов создания Эстонской и Латвийской Советских республик и признать буржуазные правительства в качестве высших органов власти, осуществляющих право на национальное самоопределение. Договоры о мире были заключены с Эстонией 2 февраля 1920 г.⁷⁸ и с Латвией 11 августа 1920 г.⁷⁹ Власть, установившаяся в результате этих событий, существовала в течение ровно 20 лет.

Литва, третья Прибалтийская республика, с небольшими отклонениями следовала по пути Латвии и Эстонии. Зимой 1917/18 г. был создан буржуазный Национальный совет — Литовская тарига. Наподобие Белорусской рады, сформированной в феврале 1918 г., Литовская тарига, по существу, была создана немцами, и по соглашению с немецкими оккупационными властями 16 февраля 1918 г. была провозглашена независимость Литвы⁸⁰. После крушения Германии в Литве было объявлено о создании рабочего и крестьянского правительства⁸¹, которое (несколько преждевременно) было признано Петроградом одновременно с соответствующим более самостоятельным правительством Латвии 22 декабря 1918 г.⁸² В следующем месяце буржуазная Литовская тарига была фактически изгнана из Вильно, где была установлена Советская власть. В апреле 1919 г. захват Вильно польской армией разрушил планы создания федерации Литовской и Белорусской Советских республик и положил конец существованию Советской Литвы. Через год и три месяца, когда в ходе советско-польской войны советские войска освободили Вильно, в Литве получили распространение Советы иного типа. 12 июля 1920 г. (параллельно с договорами, подписанными с Эстонией и Латвией в том же году) был подписан мирный договор с буржуазным правительством Литвы⁸³, и хотя в дальнейшем это не спасло Литву от потери Вильно, захваченного польским грабителем Желиговским, советское признание Литовского правительства, которое переехало в город Ковно, оставалось в силе. Несмотря на то что Литва значительно превосходила Латвию или Эстонию по территории и численности населения, она была почти исключительно аграрной страной; в ней отсутствовал пролетариат, было мало интеллиген-

ции. Ее требование независимости, будь то при буржуазной или советской помощи, опиралось на непрочную основу, поскольку главная ее моральная и материальная поддержка поступала от многочисленного литовского населения Соединенных Штатов Америки. К вопросу о независимости Литвы Советская Россия подходила от противного. Если бы Литва не обрела независимости, она бы попала в сферу польского влияния, между тем как независимость Литвы могла бы стать бельмом на глазу Польши. Поэтому советская сторона была в данном случае заинтересована в том, чтобы по возможности максимально осуществить принцип национального самоопределения.

б) Восточные окраины

Западные окраины РСФСР населяли народы — будь то славянские или неславянские, — которые находились в сфере влияния европейской цивилизации. Они были близки русскому народу по своему образу жизни и достигли уровня культуры и материального благосостояния, не уступавшего — а порой значительно превосходившего — уровню великороссов. Вопрос об их отношениях с преимущественно великорусским центром страны аналогичен был возникшему в Западной Европе вопросу, например, с положением чехов в империи Габсбургов до 1918 г. или словаков и судетских немцев в Чехословакии после 1918 г. Были открыты возможности для принятия альтернативных решений: отделение, федерация, автономия или полное объединение — и можно было бы привести доводы в пользу каждого из этих решений. Однако какими бы ни были принятые решения, возникшие проблемы были аналогичны по характеру уже известным в Западной Европе проблемам «национальных меньшинств».

Что же касается восточных окраин, в которые входили территории бассейна Волги, северных склонов Кавказа и Средней Азии (к востоку от Каспийского моря), то тут возникали проблемы иного порядка. Население этих районов по своему происхождению, языку и особенностям, сложившимся на основе средневековой цивилизации монголов, относилось скорее к Азии, чем к Европе. Около 10 млн. населения восточных окраин все еще вели кочевой образ жизни и сохраняли черты первобытной племенной организации. По своему уровню жизни и культурному уровню эти народы далеко отстояли от русского народа и народов западных окраин. В этих районах немногочисленные разрозненные русские были поселенцами и колонизаторами. В 50-е годы прошлого столетия Энгельс писал об этих народах:

«...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Несмотря на всю свою подлость и славянскую грязь, господство России играет цивилизаторскую роль для Чер-

ного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар⁸⁴.

Вопросы, связанные с их положением по отношению к центру страны или с планами их освобождения, трактовались на Западе как проблемы «колоний», а не «национальных меньшинств». В советской литературе «национальный» и «колониальный» вопросы обычно были взаимосвязаны.

Осуществление принципа самоопределения наций на западных окраинах привело к образованию до конца 1920 г. независимых несоветских республик в Польше, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве, а также к созданию Украинской и Белорусской Советских республик, установивших тесные, но пока неопределенные отношения с Российской Советской республикой. На востоке решение этого вопроса было менее четким, что отчасти объяснялось сложностью местной обстановки, а отчасти — изменениями, происходившими в ходе гражданской войны. Тем не менее повсюду осуществлялся единый общий принцип.

На первом этапе революции был провозглашен принцип национального самоопределения, который на практике в первую очередь выразился в требовании не столько полной независимости, сколько автономии. Большевики, отстаивая этот принцип более энергично и последовательно, чем Временное правительство, вначале завоевали решительную поддержку национальных движений восточных народов. Но когда те же большевики после Октябрьской революции заняли место русского правительства (хотя и изменив его название) и приступили к управлению страной из Петрограда, а также когда, при переходе ко второму этапу революции, они прямо или косвенно бросили вызов существующему порядку, самозванные национальные лидеры стали проявлять лояльность к силам контрреволюции.

Однако подобные шаги привели к тем же последствиям, что и на Украине. Ни один из «белых» генералов, возглавлявших борьбу против Советского правительства, не сочувствовал национальным чаяниям отсталых народов бывшей Российской империи, за восстановление которой они боролись, так что национальные вожди этих народов оказались между двух огней: либо возвратиться под царское ярмо, либо погрузиться в бурные воды социальной революции. Таким образом, гражданская война окончательно выявила несостоятельность процесса, который по аналогии можно назвать «буржуазным» национальным движением восточных народов, и ускорила продвижение советского руководства по пути перехода от национальной революции к социальной.

Вообще говоря, гражданская война обозначила перелом между двумя стадиями советской политики в отношении восточных окраин. Волнения среди мусульманских народов стали заметны еще до Февральской революции⁸⁵. Национальные движения среди татар Поволжья (единственно, где начал формироваться средний класс коммерческой буржуазии), среди их непосредственных со-

седей — башкир, которые в прошлом вели кочевой образ жизни, но теперь занимались главным образом сельским хозяйством и лесоводством, а также среди казахов, которые в основной массе оставались кочевниками (авторы XIX века ошибочно называли их киргизами)⁸⁶ и населяли обширные степи, простиравшиеся к востоку от Казани далеко в глубь Средней Азии, в их начальной стадии существовали еще со времени революции 1905 г. Эти движения поддерживались небольшими группами интеллигентов и разрастались в результате колонизаторской политики царского правительства, которое, стремясь расширить и улучшить обработку земель, расселяло на них местное население и привлекало переселенцев из других районов. Захват исконных пастбищ казахов и заселение их русскими вызывали постоянное недовольство казахов, поэтому попытки мобилизовать население на работы в период войны привели к серьезному бунту казахов в 1916 г. Такие же волнения происходили и южнее, среди более оседлого населения Хивы, Бухары и Туркестана, которые в прошлом входили в средневековую империю Чингисхана. В период зимы 1916/17 г. полунезависимый хан Бухары был вынужден призвать русские войска для подавления восстания своих подданных.

Эти события были предвестниками всеобщего движения, возникшего в 1917 г. В мае того же года в Петрограде состоялся I Всероссийский мусульманский съезд, на котором было выдвинуто требование не национальной независимости, а национальной автономии, причем главным камнем преткновения стало противоречие между большинством, требовавшим, чтобы была создана «демократическая республика на национально-территориально-федеративных началах», и меньшинством, согласным на культурную автономию в пределах единого Российского государства⁸⁷. В обстановке неразберихи, сложившейся по всей России, различные мусульманские народы приступили к осуществлению своих стремлений.

В июле 1917 г. в Казани состоялся II Всероссийский мусульманский съезд. Им руководили главным образом татары, которые, будучи самым высокоразвитым народом среди мусульман, стремились возглавить мусульманское национальное движение и даже потакали устремлениям пантюркизма. В Оренбурге одновременно проходил Всебашкирский съезд, и на нем было выдвинуто требование автономии для башкир. Примерно в это же время был созван съезд казахов, также в Оренбурге. На этом съезде был создан Национальный совет, по традиции названный «Алаш-Орда» (орда Алаша, предполагаемого мифического прародителя казахов), и была также выдвинута программа, в которой провозглашалось, что «Россия должна стать демократической федеративной республикой», а Казахстан должен в нее войти в качестве автономной единицы⁸⁸. Летом 1917 г. в различные сроки были проведены съезды малых мусульманских народностей Поволжья — мари, вотяков и чувашей, — и на них были выдвинуты сходные

требования⁸⁹. Состоялось также два съезда мусульманских племен Северного Кавказа во Владикавказе, в мае и сентябре⁹⁰. Ни один из них не был революционным в социальном смысле, и почти все они (движение казахов было, пожалуй, исключением) были проникнуты более или менее явно выраженным религиозным духом. Судя по протоколам Всебашкирского съезда, в его работе приняли участие муллы, старейшины и кулаки: была назначена входная плата на съезд в размере 50 рублей с человека⁹¹. А главой мусульман Северного Кавказа был избран мулла по фамилии Гоцинский, и он стал муфтием⁹².

При таких обстоятельствах неудивительно, что национальная проблема вначале предстала перед советскими руководителями почти исключительно под маской мусульманства. Первым шагом, который сделало Советское правительство в этой области вслед за провозглашением общей Декларации прав народов России, был выпуск специального обращения «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». В нем заявлялось о горячем желании русского народа «добиться честного мира и помочь угнетенным народам мира завоевать себе свободу» и содержался такой призыв:

«Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России!

Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными.

Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное правительство!»

Далее в обращении речь шла о мусульманах Востока, проживающих за пределами старой России; их призывали к свержению угнетателей и им обещали поддержку⁹³. В соответствии с декретом, принятым 19 января 1918 г., был создан Центральный мусульманский комиссариат внутренних дел. Комиссаром стал татарин, его главными помощниками — татарин и башкир⁹⁴. В этот период произошло важное событие — вручение «Краевому Мусульманскому Съезду Петроградского Национального Округа» так называемого «Священного Корана Османа», который в прошлом был вывезен из Самарканда и передан императорской библиотеке⁹⁵. Другим важным делом явилось выпущенное в связи с прекращением переговоров в Брест-Литовске и новым наступлением германских войск обращение Центрального мусульманского комис-

сариата «К мусульманскому революционному народу» с призывом: «спешите под красные знамена Мусульманской Социалистической армии»⁹⁶. На съезде мусульманских коммунистических организаций, состоявшемся в Москве в ноябре 1918 г., было создано «Центральное бюро мусульманских коммунистических организаций», которое выпускало пропагандистский материал на многих языках (включая ежедневную газету на турецком языке), а также рассылало агитаторов и организовывало местные типографии⁹⁷. На II съезде, состоявшемся в ноябре 1919 г., выступили даже и Ленин и Сталин⁹⁸.

Второй этап советской политики, определившийся в начале 1918 г., был связан на Востоке — так же как и на Украине — с активным вмешательством в борьбу против «буржуазных» национальных правительств, которые возникли в промежуточный период между Февральской и Октябрьской революциями. В послеоктябрьский период эти правительства были склонны — так же как и Украинская рада — выступать против Советского правительства, находившегося в Петрограде. Возможно, это было вызвано преподлагаемой угрозой с его стороны существующему строю, а может быть, опасением того, что, будучи Российским правительством, оно по своей природе относится враждебно к народам, в прошлом подвластным России. Башкирское правительство во главе с неким Валидовым, которое после Октябрьской революции провозгласило автономное башкирское государство, перешло на сторону оренбургских казаков, открыто воевавших против Советского правительства⁹⁹. Это было характерно для большинства так называемых «националистов».

Раскол привел к тому, что Советское правительство стало искать поддержку среди «полупролетарских» (строго говоря, в этом случае термин «пролетарский» так же неуместен, как и термин «буржуазный») элементов соответствующих районов и поощрять зародившиеся среди них недовольство и стремление к переменам. В сущности, эта политика представляла собой восточный аналог западной политики «самоопределения для трудящихся». Этот период — в отличие от предшествующего — был отмечен решительным наступлением на мусульманскую религию, ее традиции и обычаи. Происходило это отчасти, несомненно, на идеологической основе, но отчасти и в целях уничтожения влияния мулл, которые часто возглавляли «буржуазные» национальные движения. Ликвидация автономных правительств татар и башкир в марте 1918 г. была осуществлена путем провозглашения единой «Татаро-Башкирской Советской Республики Российской Советской Федерации»¹⁰⁰, в которую должны были также войти чуваш и марийцы. Вслед за этим 13 апреля 1918 г. был выпущен указ о роспуске бывшего татарского Национального Совета и об аресте руководителей татар¹⁰¹.

Согласно одному из отчетов, эта политика была принята ВЦИКом, и Сталин навязал ее Наркомнацу вопреки решитель-

ному протесту со стороны его коллег по комиссариату¹⁰². Подписанное Сталиным, который занимал пост народного комиссара по делам национальностей, имеющее важное значение «Обращение» к «Советам Казани, Уфы, Оренбурга, Екатеринбургa, Совнаркому Туркестанского края и другим» явилось подтверждение того, что это должно было послужить прецедентом. В «Обращении» говорилось: «Революция, начатая в центре, распространялась на окраинах, особенно на восточных, с некоторым опозданием». В нем также отмечались «специальные способы вовлечения трудящихся и эксплуатируемых масс этих окраин в процесс революционного развития».

Поскольку «буржуазно-националистические группы требуют автономию для того, чтобы превратить ее в орудие закабаления своих собственных „масс“», спасение можно обрести только на основе организации местных Съездов Советов и провозглашения «Советской... автономии»¹⁰³.

Политика насильственной советизации восточных окраин, основанная на предполагаемой поддержке местных революционно настроенных масс, одинаково враждебных по отношению к буржуазному национализму и исламу, потерпела неудачу. Легко преувеличить влияние мулл и буржуазных интеллигентов, возглавлявших зачаточные национальные движения — особенно их влияние среди кочевых народов, — однако цели и методы большевиков вызывали еще меньше понимания и симпатии, а планы, которые вынашивались в Москве людьми, хорошо знакомыми с западными условиями, были мало привлекательны для общностей, занятых примитивным сельским хозяйством, или для кочевников, озабоченных в первую очередь недостаточным количеством скота и лишением их пастбищ¹⁰⁴. Добиться серьезной поддержки татарами или башкирами предложения о создании Татаро-башкирской Советской республики было невозможно. Чуваша, которые, по свидетельству местного историка, не стремились ни к независимости, ни к автономии, выразили протест против их включения в эту республику¹⁰⁵. И несмотря на то что в Москве в мае 1918 г. была проведена подготовительная работа¹⁰⁶, республика так и не была создана.

Гражданская война разразилась в обстановке разгула анархий, смешанных и противоречивых устремлений, и в июне антибольшевистское Самарское правительство начало распространять свою власть на большую часть территории Среднего и Нижнего Поволжья. Единственное значительное достижение во всем этом районе в 1918 г. связано с немусульманской общиной, проживавшей в западной части Поволжья. В октябре 1918 г. 400 тыс. немцев Поволжья получили разрешение на создание автономной «трудовой коммуны» со своим съездом Советов и исполнительным комитетом¹⁰⁷.

Аналогичная политика проводилась и по отношению к другим мусульманским общностям, но она нигде не дала положительных

результатов. В Крыму Директория, учрежденная Татарским Национальным собранием, образованным в период между Февральской и Октябрьской революциями, была свергнута большевиками в январе 1918 г., и взятие Севастополя сопровождалось надолго запомнившимися жестокостями. Вместо прежнего правительства была провозглашена Татарская Советская республика Крыма. Но она существовала недолго. Немцы, заняв Украину, продвинулись в Крым и создали там марионеточное правительство, которое возглавил русский генерал Сулькевич, чье правление — так же как и правление Скоропадского на Украине — закончилось после падения власти немцев в ноябре 1918 г. Затем группа «белых», бежавших от большевиков, в большинстве своем кадетов, создала Крымское правительство, панроссийское по своему составу и настроениям, которое и не претендовало на то, чтобы представлять интересы крымских татар. Это правительство разделяло власть с военной администрацией Деникина, испытывая при этом определенные трудности. Пользуясь в какой-то мере признанием и поддержкой союзников, оно сохраняло свои позиции до поражения Деникина¹⁰⁸.

На Северном Кавказе и в Дагестане в течение всего 1918 г. периодически вспыхивала борьба между большевиками и националистами, которых поощряли и поддерживали турки, пока по всей этой территории не пронеслись войска Деникина, усугубив лишения и невзгоды, причиненные на ранних этапах борьбы¹⁰⁹.

Политика советского руководства после событий 1918 г. была продиктована нуждами гражданской войны и связанными с нею возможностями. К марту 1919 г. центры борьбы удалились от Волги. Башкиры, подвергшиеся преследованиям со стороны как Колчака, так и Дутова (атамана оренбургских казаков)¹¹⁰, были готовы прислушаться к предложениям Москвы, и был заключен договор между РСФСР и правительством «Автономной Башкирской Советской Республики», возглавляемой Валидовым, который на время вновь обрел большое влияние¹¹¹.

Такие же процессы происходили и в более отдаленных восточных районах. Казахская «Алаш-Орда» раскололась на две части, одна из которых перешла на сторону большевиков. В июне 1919 г. был принят декрет о создании «революционного комитета» по управлению казахской территорией. В нем предусматривалась раздельная юрисдикция для русского и казахского населения. Этот декрет представлял собой впервые сделанную попытку удовлетворить требования казахов по аграрному вопросу. Не отбирая у русских поселенцев земли, уже находившиеся в их владении, декрет запрещал какое-либо дальнейшее поселение за счет казахов, даже на землях, уже предназначенных для поселения. Это оставило произвольное присвоение казахских земель, хотя такое решение не было радикальным и уж тем более революционным¹¹². Такое мероприятие явно имело целью приобрести поддержку со

стороны казахов, колебавшихся в период гражданской войны. В дальнейшем было объявлено о роспуске «Алаш-Орды»¹¹³.

Спустя месяц было выпущено воззвание к калмыкам. (Это обособленная народность численностью около 200 тыс. человек. Они вели главным образом кочевой образ жизни, говорили на языке монгольской группы и исповедовали буддизм. Калмыки населяли территорию вдоль верхней части побережья Каспийского моря близ Астрахани.) В воззвании было объявлено о намеренном созыве съезда трудящихся калмыков, и их призывали добровольно вступать в Красную Армию для борьбы с Деникиным¹¹⁴. Вслед за этим был выпущен декрет (сформулированный почти так же, как декрет, обращенный несколькими днями ранее к казахам), который гарантировал «трудовому калмыцкому народу» полное право использования принадлежащих им земель и запрещал в дальнейшем предоставление русским поселенцам земель калмыков¹¹⁵. Однако эти декреты 1919 г. больше служили целям пропаганды и убеждения, чем целям создания общественно-политических организаций трудящихся. Поэтому на всех восточных окраинах очень немного из того, что было тогда создано, оказалось долговечным.

Спротивление, с которым продолжали сталкиваться большевики почти на всей территории восточных окраин до конца 1919 г., было вызвано главным образом переменным успехом в войне. Пока судьба советского строя висела на волоске и пока его влияние на восточные окраины оставалось непостоянным и непрочным, местное население не стремилось оказывать ему поддержку. Однако это сопротивление усиливалось в результате непримиримого отношения советских эмиссаров к мусульманской религии. Советские руководители не располагали достаточными знаниями о восточных районах обширной территории, которой они так неожиданно овладели. Согласно их смутному представлению, угнетенные народы в равной мере жаждали освобождения от суеверных мулл и от царских правителей, и они с удивлением обнаружили, что в то время как влияние ислама на кочевников и часть населения Средней Азии было незначительным и почти условным, тем не менее ислам повсюду оставался живучим и незыблемым институтом, оказывающим более сильное сопротивление новым верованиям и новым обычаям, чем православная церковь¹¹⁶. В районах, где влияние ислама было глубоким (особенно на Северном Кавказе)¹¹⁷, мусульманская религия наряду с религиозным институтом представляла собой институт социальный, правовой и политический, который регулировал почти все аспекты повседневной жизни верующих. Имамы и муллы были судьями, законодателями, учителями и мыслителями, а также политическими и иногда военными руководителями. Тот факт, что этому влиянию обычно поддавалось население, отличавшееся низким экономическим и культурным уровнем развития, использовался большевиками как довод против ислама, однако трудность решения проблемы при

этом возрастала. К концу 1919 г. советские руководители, по-видимому, пришли к заключению, что единственным целесообразным шагом было бы внести раскол в ряды духовенства, добившись поддержки наиболее молодой его части¹¹⁸. Это предполагало компромисс с исламом. Другими словами, это означало отказ от твердой идеологической позиции периода гражданской войны и возврат к политике терпимости, проводимой в первую зиму революции.

1920 год был отмечен важными переменами в отношениях между Москвой и восточными окраинами. До сих пор советская политика была обращена главным образом на Запад, который вначале олицетворял надежды мировой революции, а впоследствии стал источником опасности для существования советского строя. Однако теперь главная опасность уже миновала, хотя она вновь ненадолго возникла в момент вторжения поляков в мае 1920 г. После поражения Колчака и Деникина впервые представилась возможность навести порядок на территории восточных окраин и приступить к осуществлению ленинского плана сплочения революционных масс угнетенных народов Востока и революционно настроенных рабочих и крестьян России. Влияние советской политики упорно распространялось с Запада на Восток. Съезд народов Востока, состоявшийся в Баку в сентябре 1920 г., ознаменовал начало крестового похода восточных народов во главе с советскими руководителями против империализма Запада.

В то же время произошли соответствующие изменения и в позиции самих народов Востока. Во всех этих районах в конечном итоге последствия гражданской войны, проводимой «белыми» при поддержке иностранных сил, привели к укреплению престижа и авторитета российского Советского правительства. Едва скрываемое стремление «белых» генералов восстановить как на территории собственно России, так и на территории нерусских окраин старую систему землевладения и систему собственности на средства промышленного производства способствовало тому, что дело борьбы за Советскую власть робко стало поддерживать большинство крестьян и рабочих. На нерусских территориях решимость «белых» восстановить единство Российской империи с ее традицией полного политического и культурного подчинения нерусских элементов являла собой мрачный контраст с советскими обещаниями неограниченного национального самоопределения, пусть даже обусловленного определенными политическими и социальными предпосылками. В 1918—1919 гг. мусульманские народы в основном оказывали упорное сопротивление Советской власти. Испытав на себе жестокость «белых» армий, они с 1920 г. стали более лояльными по отношению к советскому влиянию и руководству.

В соответствии с этой политикой в течение мая 1920 г. ВЦИК издал декрет о создании Башкирской и Татарской Автономных ССР и Чувашской Автономной Области¹¹⁹. Позднее в том же году были образованы Казахская Автономная Советская Социали-

стическая Республика* и Автономная Область Калмыцкого народа¹²⁰. Это не означало, что трудности уже позади. Новая организация еще повсюду только зарождалась, и в связи с этим часто шли споры относительно границ. В некоторых местах для подавления сопротивления «буржуазных националистических» элементов все еще приходилось прибегать к силе. В мае 1920 г. в Башкирии была создана Башкирская Автономная ССР, что повлекло за собой отстранение от власти способного, но беспокойного Валидова. Вслед за этим событием возникли серьезные беспорядки, продолжавшиеся в течение всего лета и осени 1920 г., и среди них важную роль играло движение за восстановление правительства Валидова. На всей территории господствовала обстановка анархии и гражданской войны. Согласно авторитетному источнику, «всеобщее башкирское восстание» было едва предотвращено¹²¹.

В Казахстане особенно острым оставался вопрос о земле. В сложившейся ситуации русские поселенцы и даже оседлые казахи были склонны поддерживать режим, установленный по инициативе Москвы, в то время как казахи-кочевники — те из них, кто отличался хоть каким-то уровнем политического сознания, — считали русских большевиков естественными преемниками русского царя. Это создавало серьезные препятствия на пути широкой аграрной реформы. Более того, существовали веские причины для отказа от передела обработанных участков земли с целью возвращения их казахским кочевникам, будь то для их использования или в качестве пастбищ, или для заселения, поскольку такая мера, какой бы она ни была справедливой и политически целесообразной, неизбежно повлекла бы за собой немедленный упадок сельскохозяйственного производства. Нет возможности получить точную информацию о том, в какой мере был в действительности осуществлен передел земли, отнятой у казахов. Но известно, что в 1921 г. в Казахстане, как и по всему Поволжью, особенно свирепствовал голод¹²².

На Северном Кавказе общее урегулирование обстановки было также достигнуто еще до конца 1920 г. До осени того же года там по-прежнему царила неразбериха. Мулла Гоцинский продолжал выступать против Советской власти в Дагестане¹²³, а западнее, в тылу советских войск, ведущих бои с Врангелем в бассейне Дона, поднялись казаки Терской области и опять перерезали жизненно важные коммуникации между Москвой и Баку¹²⁴. Однако к октябрю 1920 г. было заключено перемирие с Польшей; войска Врангеля отступали в направлении Крыма; и в газете «Правда» Сталин объявил о переходе к новой политике «Советской автономии»¹²⁵.

В том же месяце Сталин отправился в длительную поездку по Северному Кавказу. 13 ноября 1920 г. он выступал на Съезде

* До 1925 г. она называлась Автономная Киргизская Социалистическая Республика. — *Прим. ред.*

народов Дагестана, состоявшемся в городе Темир-Хан-Шура, его временной столице. Точка зрения руководителя была ясной и недвусмысленной. Теперь, когда Врангель разгромлен и заключен мир с Польшей, «Советское правительство имеет возможность заняться вопросом об автономии дагестанского народа». Следовательно, Дагестан «должен управляться согласно своим особенностям, своему быту, обычаям». Соблюдению религиозных обрядов и обычаев препятствовать не будут: «Советское правительство считает шариат таким же правомочным, обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию». Вместе с тем «автономия Дагестана не означает и не может означать отделения его от Советской России»¹²⁶.

Четыре дня спустя во Владикавказе состоялся такой же Съезд народов Терской области, имеющих общее название — горцы. На него прибыл Сталин, чтобы «объявить волю Советского правительства об устройении жизни терских народов и об их отношениях к казакам». Он сказал о недостатках и достижениях. Опыт показал, что «совместное жительство казаков и горцев в пределах единой административной единицы привело к бесконечным смутам». Недавнее предательство некоторых казаков заставило советских руководителей выселить общины, нарушающие порядок, и поселить на их землях горцев. К тому времени было решено завершить процесс разделения казаков и горцев: река Терек должна была стать границей между Украиной и новой Горской Автономной Социалистической Советской Республикой¹²⁷.

В результате съездов в Темир-Хан-Шуре и Владикавказе через два месяца декретом ВЦИКа были созданы две автономные социалистические советские республики — Дагестан и Горская республика со столицей во Владикавказе; последняя была в дальнейшем разделена с образованием нескольких автономных областей¹²⁸.

Решение проблемы восточных окраин зимой 1920/21 г. было результатом окончательной победы советских войск в гражданской войне. Вопрос о власти был решен. Москва стала главным центром власти, и настало время определить новые формы правления, приемлемые для Москвы, а также назначить новых руководителей (русских или местных), которые действовали бы в согласии с Москвой. На всех этих территориях автономия была разумным решением административной проблемы, поскольку ни на одной из них невозможно было ни в коей мере усмотреть элементы независимости. На практике же степень автономии ограничивалась не столько барьерами, которые ставила высшая власть, сколько ограниченной способностью местной власти.

Большое значение имела конституционная форма урегулирования. Между центральной и местной властью не было никакого соглашения, никакой договоренности по поводу этих территорий. В каждом случае автономия была предоставлена исключительно на основе решения центральной власти. Таким образом, вопрос о

статусе был определен в рамках Конституции РСФСР. Вопрос о конечной форме более широкого союза социалистических советских республик в связи с восточноевропейскими окраинами не возникал.

Из всех окраин, расположенных в этом районе, в последнюю очередь решился вопрос о Крыме. Ситуация, сложившаяся на его территории в годы революции, была особенно неустойчивой. Крым был последним прибежищем Врангеля, последнего из «белых» генералов, а после его окончательного изгнания в конце 1920 г. непокорное татарское население почти в течение года продолжало оказывать сопротивление Советской власти. Наконец, 18 октября 1921 г. был издан декрет о создании Крымской Автономной ССР, вошедшей в состав РСФСР¹²⁹.

в) Средняя Азия

Район, который до 1914 г. обычно назывался русским Туркестаном, представлял собой обширную территорию, простиравшуюся к востоку от Каспийского моря вдоль северных границ Персии, Афганистана и Индии и на востоке граничащую с Синьцзяном (так называемым Китайским Туркестаном). Он входил в состав средневековой империи Чингисхана, и в его главных городах: Ташкенте, Самарканде, Коканде, Бухаре, Хиве и Мерве — сохранились многие обычаи и памятники древней цивилизации. По своей истории и оседлому образу жизни народ Туркестана значительно отличался от кочевников-казахов, населявших более северные степные территории, хотя они были близки по расовой принадлежности и языку. За исключением небольшой группы таджиков иранского происхождения, которые проживали на юго-востоке, народы Туркестана связывала общность тюркского происхождения, и все они говорили на тюркских диалектах. Впоследствии население Средней Азии было разделено на туркменов, проживавших в западных районах, узбеков — в центре, и киргизов, сосредоточенных на востоке, что было отчасти обусловлено выгодами административного характера. Это разделение было вызвано скорее местной враждой, чем глубокими расовыми, языковыми или историческими различиями. Туркестан был включен в состав царской империи только в 70-е годы прошлого века. Эмир Бухары и хан Хивы сохраняли номинальную независимость еще во время гражданской войны. Отдаленностью этих провинций и сравнительно недавним их присоединением к России объясняется тот факт, что контроль над ними со стороны русских был необычно слабым. Однако Туркестан стал важным центром торговли, особенно в связи с введением хлопководства, и его население общей численностью около 12 млн. уже включало 500 тыс. русских переселенцев.

Административным центром Туркестана и местом возникновения крупнейшей русской колонии был Ташкент. Именно через

Ташкент прежде всего распространялось влияние Европы. Волнения, вызванные войной 1914 г., усилились в результате восстания казахов на северной границе, которое произошло в 1916 г., а также вследствие присутствия в Туркестане большого числа немецких и особенно австрийских военнопленных, за которыми не было установлено даже до революции достаточно строгого надзора. После Февральской революции в Ташкенте были созданы «Туркестанский комитет», состоявший из крупных чиновников и сторонников Временного правительства, и Совет рабочих и солдатских депутатов, отличавшийся более радикальным характером. Председателю Совета рабочих и солдатских депутатов, в то время еще меньшевику, по фамилии Бройдо суждено было сыграть определенную роль в развитии советской политики на Востоке в последующие несколько лет¹³⁰. По составу оба этих органа были исключительно или в основном русскими. Единственная организованная мусульманская партия в Туркестане — «Шура-и-Улема» — состояла из мулл и землевладельцев. Дело социальной революции было для них еще более чуждо, чем для участников мусульманского движения Поволжья.

Как и повсюду в Российской империи, общий упадок власти способствовал возникновению требований автономии. Уже в сентябре 1917 г. в результате местного переворота, осуществленного Центральным исполнительным комитетом Ташкентского Совета, была свергнута власть местных представителей Временного правительства. Таким образом, Ташкент стал местопребыванием первого Советского (хотя еще и не большевистского) правительства, созданного в бывших царских владениях¹³¹. Через несколько недель после этих событий в результате восстания оренбургских казаков под предводительством атамана Дутова было прервано сообщение между Европой и Средней Азией, и такое положение сохранялось в течение большей части последующих двух лет. В этот период европейская часть России была лишена нефти и хлопка, доставляемых из Туркестана, а Туркестан — значительных поставок зерна; в результате голод охватил большие территории Средней Азии. В этих трудных условиях революционному движению в Туркестане пришлось развиваться почти или полностью без участия центра¹³².

В самом начале революционное движение в Ташкенте было ограничено русской колонией. Согласно резолюции, принятой на Ташкентском съезде Советов, состоявшемся 19 ноября (2 декабря) 1917 г., мусульмане в обязательном порядке отстранялись от правительственных должностей¹³³, и одним из первых мероприятий нового правительства было подавление восстания, охватившего мусульманские кварталы города. Однако тем временем в Коканде, главном городе Ферганской области, состоялся съезд мусульман, провозгласивший автономию Туркестана «в единении с федеративной демократической Российской республикой»¹³⁴. Правительство Ташкента перешло в наступление и

в результате ожесточенной борьбы одержало победу над противником и овладело Кокандом¹³⁵.

В течение последующих пяти лет в Фергане царила анархия из-за террора басмачей — так обобщенно назывались местные банды разбойников и авантюристов, которые укрывались в горах и существовали главным образом за счет грабежей¹³⁶. Вместе с тем советское наступление на Бухару, которое напрасно рассчитывало на поддержку со стороны партии младобухарцев — буржуазно-националистической группы, стоящей на позициях джадидизма, — потерпело неудачу. И 25 марта 1918 г. Ташкентское правительство заключило договор с эмиром, признав его в качестве независимой власти¹³⁷. К западу от Бухары хану Хивы также временно оставили возможность пользоваться своей независимостью¹³⁸. А на территории Туркмении, расположенной к востоку от Каспийского моря, в июне 1918 г. при поддержке небольшого количества британских вооруженных сил, которые прошли через Персию и заняли Мерв, было создано недолго продержавшееся антибольшевистское русское правительство, состоявшее главным образом из эсеров¹³⁹.

Между тем правительство Ташкента со всех сторон оказалось во враждебном или потенциально враждебном окружении. Новое серьезное восстание против него произошло в Ташкенте в январе 1919 г., и оно вызвало жестокие репрессии. Правительство почти чудом удержалось у власти — вероятно, в результате деятельности нескольких способных и беспощадных руководителей и в ситуации, при которой не было возможности быстро установить другую власть.

Коммунистическая партия в Туркестане была организацией молодой. До Октябрьской революции в Туркестане было лишь незначительное число социал-демократов и не проводилось различия между большевиками и меньшевиками. Первый скромный съезд большевиков Туркестана состоялся лишь в июне 1918 г., и в нем приняли участие около 40 делегатов. Однако малочисленность была отнюдь не самым существенным недостатком новой партии. Созданная после победы революции, она не овладела опытом революционной борьбы. С самого начала она представляла собой, так сказать, «официальную» партию, что оказало отрицательное влияние на уровень подготовки ее рядовых членов.

Русская колония в Туркестане распадалась на две основные группы. Первая группа состояла из чиновников, купцов и представителей интеллигенции; во вторую группу входили русские рабочие, главным образом железнодорожники. Члены обеих групп вступили в партию по различным причинам. Как свидетельствовал один из делегатов X съезда РКП(б), в партию входили даже такие чуждые партии элементы, как «коммунист-батюшка, русский полицейский и семиречинский кулак, который еще до сих пор держит десятки батраков, имеет сотни голов скота и охотится на киргизов, как на дичь»¹⁴⁰. Большевики Туркестана, вдох-

новленные примером русских большевиков, быстро обрели влияние. Но предоставленные самим себе и лишенные прямого руководства из Москвы, они впали в ересь по двум главным вопросам. Во-первых, они, подобно меньшевикам, считали крестьянство по существу контрреволюционной силой и отвергали ленинское учение о союзе пролетариата и беднейшего крестьянства в целях свершения революции против землевладельцев и буржуазии. Во-вторых, они в значительной мере сохранили умонастроение господствующей расы, проявляя высокомерие по отношению к мусульманским народным массам и максимально отстраняя их от участия в делах управления¹⁴¹. В результате у мусульман, составлявших в партии меньшинство, стали в свою очередь возникать сильные националистические настроения. Таким образом, в партии имели место проявления как «великорусского шовинизма», так и мусульманского национализма, одинаково несовместимые с основными принципами партийного учения.

«Великорусский воинственный шовинизм, — писал Бройдо в 1920 г., — и обороняющийся национализм поработанных масс колонии, проникнутый недоверием к русским вообще, — основная характерная черта туркестанской действительности»¹⁴².

Тем временем в марте 1919 г. в Москве проводился VIII съезд Российской коммунистической партии, и в процессе принятия новой партийной Программы состоялась продолжительная дискуссия по вопросу о национальной политике. Хотя о Туркестане не было упомянуто, несколько делегатов, по-видимому, знали о том, что в Ташкенте нарушались принципы, провозглашенные на съезде, и именно в это время руководители в Москве впервые обратили внимание на события в отдаленной Средней Азии. В статье, опубликованной в официальной газете Наркомнаца 1 июня 1919 г., особое внимание уделялось важной роли Туркестана как исходного рубежа в деле освобождения Востока, а через две недели в другой статье было объявлено, что «Туркестан — этот форпост коммунизма в Азии — ждет помощи из центра»¹⁴³. 12 июля 1919 г. в радиোগрамме, направленной Центральным Комитетом партии Туркестанскому правительству, обращалось внимание на то, что необходимо осуществлять «широкое пропорциональное привлечение туркестанского туземного населения к государственной деятельности» и «прекратить реквизицию мусульманского имущества без согласия краевых мусульманских организаций»¹⁴⁴. По свидетельству британского офицера, в то время находившегося в Ташкенте, первое требование вызвало крайнее недовольство местных руководителей; они считали, что заполнение 95% административных должностей представителями коренных национальностей Туркестана привело бы к «краху большевистского правительства»¹⁴⁵.

Взаимопонимание между Москвой и Ташкентом налаживалось медленно. В октябре 1919 г. после восстановления прерванной почти на два года связи между Москвой и Средней Азией¹⁴⁶,

в соответствии с принятым совместно ВЦИКом и Совнаркомом постановлением, была назначена комиссия, которая должна была отправиться в Туркестан и попытаться разобраться в сложившейся обстановке¹⁴⁷. Резолюция напоминала, что

«самоопределение народов Туркестана и уничтожение всяческого национального неравенства и привилегий одной национальной группы за счет другой составляют основу всей политики Советского правительства России и служат руководящим началом во всей работе ее органов и что только такой работой можно окончательно преодолеть созданное многолетним господством русского царизма недоверие туземных трудящихся масс Туркестана к рабочим и крестьянам России»¹⁴⁸.

Мандат комиссии был подкреплён письмом Ленина к «Товарищам коммунистам Туркестана», в котором Ленин призвал их «установить товарищеские отношения к народам Туркестана» и «искоренить все следы империализма великорусского»¹⁴⁹. В конце января 1920 г. первый поезд «Красный Восток» отправился из Москвы в Туркестан. Он был полностью укомплектован пропагандистами и вез литературу на языках народов Туркестана¹⁵⁰.

Прибытие комиссии — и, несомненно, укрепление престижа и власти центрального правительства в результате поражения Колчака и Деникина — привело к быстрому улучшению обстановки в течение 1920 г. Для укрепления местных войск были впервые привлечены подразделения Красной Армии, и независимые до того времени княжества Хивы и Бухары можно было привести теперь в соответствие с остальными. Хан Хивы был свергнут, и в апреле 1920 г. была создана Хорезмская Советская (хотя еще и не социалистическая) республика (при этом было возрождено древнее название Хивы)¹⁵¹. Примерно в это же время эмир Бухары примкнул к движению младобухарцев. А между тем большевистские силы под командованием Фрунзе продвигались к Бухаре¹⁵², и 5 октября 1920 г. в старинном дворце бухарского эмира состоялся первый «Съезд трудящихся Бухары»¹⁵³.

Именно в тот момент, как утверждал один из очевидцев, влияние движения младобухарцев — движения, в котором участвовало «молодое поколение просвещенного купечества, вдохновляемое младотурками, мечтавшими о национальном возрождении», — начало уступать место влиянию лишь возникавшей в то время Коммунистической партии Бухары, руководителем которой был Файзулла Ходжаев¹⁵⁴. В декабре 1920 г. делегат Бухары прибыл в Москву и передал приветствия от «Советской Бухары» VIII Всероссийскому съезду Советов¹⁵⁵. Вскоре после установления советского строя в Хорезме и Бухаре были заключены договоры с РСФСР¹⁵⁶.

Комиссия из Москвы, и в первую очередь Фрунзе, ее военный представитель, совершенно очевидно, сыграла важную роль в осуществлении этих достижений. Однако нелегко оказалось добиться подлинного, а не чисто внешнего единства и правильности

в работе местных партийных организаций, а также проводить в Туркестане «восточную» политику союза с мусульманскими народами, которая начала проводиться на других восточных окраинах с 1920 г. Летом того же года было направлено циркулярное письмо Центрального Комитета партии партийным организациям Туркестана. В нем говорилось: «Прежде всего долг русских коммунистов — завоевать доверие трудящихся угнетенных наций»¹⁵⁷. Были сделаны попытки уничтожить национальную дискриминацию¹⁵⁸. Однако в Туркестане не хватало опытных коммунистов, а руководящие установки, передаваемые из Москвы, казались неприемлемыми в условиях, где осуществление принципа национального равенства и отсутствие дискриминации привело бы к подчинению небольшого и относительно прогрессивного русского меньшинства отсталым крестьянским массам, интересы которых представляла небольшая группа интеллигентов-мусульман, настроенных националистически. Создававшаяся обстановка способствовала злоупотреблениям, которые невозможно было быстро ликвидировать. Сафаров, один из немногих «старых большевиков», посетивших Туркестан, писал в 1920 г.:

«С первых же дней революции Советская власть утвердилась в Туркестане как власть тонкого слоя русских рабочих по линии железной дороги. Еще и до сих пор здесь широко распространен тот взгляд, что единственным носителем пролетарской диктатуры в Туркестане может быть только русский... Национальное неравноправие в Туркестане, неравенство между европейцами и мусульманами сказывается во всем и на каждом шагу... здесь были такие «коммунисты», и они еще не все ушли из Туркестана»¹⁵⁹.

Через несколько недель мусульманский делегат из Туркестана произнес окровавленную речь на ту же тему на Съезде народов Востока в Баку. Выразив недовольство по поводу того, что Зиновьев, Радек и другие революционные вожди никогда не были в Туркестане, и отметив «недочеты» в советской политике за последние три года, он потребовал изгнания «ваших колонизаторов, работающих теперь под маской коммунизма» (согласно стенографическому отчету, в этот момент раздались аплодисменты и возгласы «браво»). Он также сказал:

«Есть, товарищи, среди вас такие лица, которые под маской коммунизма губят всю Советскую власть, портят всю советскую политику на Востоке»¹⁶⁰.

Это обвинение было снова предъявлено на X съезде партии, состоявшемся в марте 1921 г. в Москве. Сафаров, так же как и один из делегатов Туркестана, снова подверг критике состав местной партийной организации и призвал активизировать борьбу как против великорусского шовинизма, так и против мусульманского национализма¹⁶¹. И тем не менее до января 1922 г. Центральный Комитет партии все еще публично призывал коммунистов Туркестана избавиться от «колонизаторского уклона» и предупреждал их, что для Туркестана было бы непозволительно

стать «русским Ульстером, т. е. колонизаторской фрондой национального меньшинства, рассчитывающего на поддержку центра»¹⁶².

Таким образом, национальная проблема все еще не была решена, когда 11 апреля 1921 г., в соответствии с декретом ВЦИКа, была создана Туркестанская Социалистическая Советская Республика, ставшая автономной единицей РСФСР¹⁶³, хотя отправка в Ташкент «Временной Комиссии по делам Туркестана», ответственной перед ВЦИКом и Совнаркомом за «целесообразное проведение политики Советской власти по национальному вопросу»¹⁶⁴, свидетельствовала о колебаниях, связанных с этим решением.

Новая республика заняла часть Средней Азии, простиравшуюся от Каспийского моря на западе до Синьцзяна на востоке. Она граничила с Персией и Афганистаном на юге и с Казахстаном — на севере. Высшим законодательным органом власти в республике стал «Съезд Советов Рабочих, Дехканских, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов», и включение в него «дехкан», или мусульманских крестьян, было важным свидетельством перехода к новой политике национального равенства. Новому режиму не удалось немедленно установить мир. Осенью 1921 г. на сцене неожиданно появился Энвер-паша, возглавивший крупное восстание в Восточной Бухаре. Взывая к последователям джадидизма, он обратился за поддержкой к участникам движения младобухарцев и к членам многих мусульманских общин Туркестана, объединился с басмачами и организовал выступление населения восточной части Республики против правительства в Ташкенте¹⁶⁵. Восстание было в конце концов подавлено после многих месяцев борьбы, в ходе которой 4 августа 1922 г. сам Энвер-паша был убит — заурядный конец его мелодраматической карьеры. После этого Советская власть была постепенно восстановлена. И лишь после образования Советского Союза и смерти Ленина было принято решение упростить проблему управления в Туркестане и предоставить его народам более широкие возможности для реализации их национальных устремлений путем разделения Туркестана на четыре отдельные национальные республики. В связи с этим событием было выполнено обещание, данное в 1920 г. новой Казахской автономной республике, о передаче казахам земель, до тех пор входивших в состав Туркестана, «по волеизъявлению населения»¹⁶⁶.

г) Республики Закавказья

Ситуация в Закавказье была сложной вследствие двойственной природы национальной проблемы. В этом районе проживали и высокоразвитые народы, как на западных окраинах, и их требование независимости нельзя было просто отбросить; в то же

время здесь жили и примитивные народы, такие, как на восточных окраинах, которые по своему уровню развития были подготовлены лишь к простейшей форме местной автономии. Помимо значительного числа русских и турецких переселенцев, Закавказье населяло около восьми местных национальных групп, причем численность каждой из трех наиболее крупных из них — грузинской, армянской и азербайджанской — составляла менее 2 млн. человек, а смешение различных народов было причиной частых конфликтов. Экономическая и социальная структура была также неоднородна. Уровень жизни крестьян был низок даже по сравнению с европейской частью России; наиболее низким он был в Азербайджане. Феодалная система землевладения сохранилась в мусульманском Азербайджане, где земля принадлежала бекам, и в христианской Грузии, где господствовали князья. В Армении и в значительно меньшей степени в Грузии существовали торговое сословие и радикально настроенная интеллигенция, но пролетариат здесь, по сути дела, не сформировался, за исключением небольшой группы рабочих-железнодорожников. В Баку развитие нефтяной промышленности привлекло большое число как русских, так и армянских поселенцев, создавших крупные колонии, а также пролетариат как местных национальностей, так и русский.

Этнические границы между тремя основными нациями во многих местах не были четко определены. Особенно от этого страдала Армения, потому что армянское население часто подвергалось преследованиям и разведению со стороны Турции. Армян было больше в Грузии и Азербайджане, чем в сформированной наконец Армянской республике. В Тифлисе, столице Грузии, армянского населения было больше, чем в любом другом городе, и число армян превышало число грузин. При таких обстоятельствах национальная вражда была так же часто направлена против соперничающих групп, как и против сравнительно незаметных русских властей. И

«если, например, в Грузии нет сколько-нибудь серьезного **антирусского** национализма, то это, прежде всего, потому, что там нет русских помещиков или русской крупной буржуазии, которые могли бы дать пищу для такого национализма в массах. В Грузии есть **антиармянский** национализм, но это потому, что там есть еще армянская крупная буржуазия, которая, побивая мелкую, еще не окрепшую грузинскую буржуазию, толкает последнюю к антиармянскому национализму»¹⁶⁷.

Февральская революция, которая дала стимул национальному движению и одновременно парализовала контроль со стороны России, положила начало длительному периоду хаоса и тревог. Нигде, однако, в бывшей царской империи решение вопроса на основе национального принципа не казалось на первый взгляд менее перспективным и менее реальным. Съезд кавказских организаций большевиков, состоявшийся в сентябре 1917 г. в Тифлисе,

пришел к заключению, что, учитывая разнообразие, малочисленность и географическую смешанность народов Кавказа, он «не рекомендует ни отделения, ни образования федеративных государств кавказским национальностям»¹⁶⁸.

Первым результатом Октябрьской революции было создание в Тифлисе 15 (28) ноября 1917 г. «Закавказского Комиссариата», возникшего на основе совещания, в котором приняли участие представители, избранные от Закавказья в Учредительное собрание Петрограда, наряду с дополнительными представителями, которых различные партии избрали в такой же пропорции. Комиссариат представлял собой беспокойный союз между азербайджанскими правителями и грузинскими помещиками, которые надеялись установить свою власть взамен ушедшей российской власти. Входила туда и грузинская радикальная интеллигенция, исполненная национальных устремлений, которая также надеялась стать правящим классом будущей страны¹⁶⁹. Состав и движущая сила комиссариата были в основном грузинскими. Председателем его был грузинский радикальный политик Гегечкори. Комиссариат действовал бок о бок с «областным центром» местных Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, где председателем был грузинский меньшевистский лидер Жордания.

Вначале у комиссариата не было намерений создать правительство или требовать независимости Закавказья. В своей первой декларации, выпущенной 18 ноября (1 декабря) 1917 г. от имени «Закавказской революционной демократии», он отстаивал «полное самоопределение национальностей, провозглашенное Российской революцией», и претендовал только на осуществление власти вплоть до созыва в Петрограде Учредительного собрания¹⁷⁰. Но его направленность была в основном антибольшевистской, и его отказ после роспуска Учредительного собрания признать Российское Советское правительство дал ему, каковы бы ни были его заверения, де-факто независимый статус.

Тем временем 5 (18) декабря 1917 г. было подписано перемирие с Турцией, и с турецкого фронта ушли последние русские армии. В Брест-Литовском договоре от 3 марта 1918 г., в переговорах по поводу которого Закавказье не участвовало, содержалось положение о передаче Турции грузинских провинций Карс и Батум, а также района Ардагана, в основном армянского. Это громогласно осудил руководящий грузинский представитель¹⁷¹, а Закавказский комиссариат выразил официальный протест против передачи закавказских провинций на основании документа, принятого без его ведома или согласия¹⁷². Турция поспешила забрать свои новые приобретения, оккупировав 15 апреля 1918 г. Батум, и обнаружила намерение расширить оккупацию. Оказавшись перед необходимостью противодействия угрозе со стороны Турции и лишенный надежды на поддержку со стороны России, Закавказский сейм 22 апреля провозгласил независимую Федеративную Закавказскую Республику¹⁷³. В нее должны были входить

все закавказские территории бывшей царской империи, кроме районов, отошедших к Турции по Брест-Литовскому договору, и города Баку.

В Баку, главным образом благодаря большому количеству рабочих — русских и нерусских, — занятых в нефтяной промышленности, большевики обрели прочную опору в первую революционную зиму. В апреле 1918 г. здесь было создано настоящее Советское правительство во главе с Шаумяном, старым большевиком, другом Ленина, и оно пользовалось поддержкой большой части довольно многочисленной армянской общины, которая боялась протурецки настроенного азербайджанского населения глубинных районов. В таких условиях оно продержалось месяца четыре. В то же время заявление Сталина в мае 1918 г. о том, что Баку как «цитадель Советской власти в Закавказье» утвердился, «сплотив вокруг себя все восточное Закавказье, от Ленкорани и Кубы до Елизаветполя»¹⁷⁴, по-видимому, лишь выдавало желаемое за действительное.

Объединение Закавказья было недолговечным. Когда в Батуме в мае 1918 г. открылась конференция по поводу заключения мира с Турцией, подспудная вражда между тремя составными частями Закавказской республики сразу стала явной. Грузины в вопросе о турецких притязаниях на Батум рассчитывали на безоговорочную поддержку своих партнеров. Однако недовольство Армении Грузией так же явно ощущалось, как и ее недовольство Турцией. Азербайджан же отдавал предпочтение своим турецким соотечественникам и единоверцам, а не своим христианским партнерам. Ревность по поводу ведущей роли, которую Грузия играла в Закавказской республике, была присуща и Армении и Азербайджану. В каждой из трех составных частей республики эти национальные трения раздувались и использовались правящей партией: меньшевиками — в Грузии, дашнаками — в Армении и партией «Мусават» («Равенство») — в Азербайджане. Сотрудничество вскоре прекратилось. 26 мая 1918 г. был созван Закавказский сейм, который объявил Федеративную Закавказскую Республику более не существующей. В тот же день грузинское Национальное собрание провозгласило независимую Грузинскую Демократическую Республику¹⁷⁵. Через два дня были провозглашены независимые Армянская и Азербайджанская республики.

Независимость этих новых образований оказалась еще более недолговечной, чем независимость Федеративной Закавказской Республики. В следующие несколько недель турецкие войска заняли большую часть Армении и Азербайджана. Независимая Армения перестала существовать даже номинально, а правительство Азербайджана стало марионеткой в руках турецкого военного командования.

Грузия спаслась от такой участи, обратившись за помощью и защитой к союзнику Турции — Германии. 28 мая 1918 г. был под-

писан Германо-грузинский договор, по которому Грузия признавала границы, установленные в Брест-Литовске, и при этом подразумевалось, что Германия обеспечит Грузии гарантии против турецкого вторжения. Германия предприняла шаги по назначению в Грузию своих дипломатических и консульских чиновников, хотя и воздержалась от официального признания независимости Грузии, очевидно учитывая чувствительность русских в этом вопросе¹⁷⁶. Таким образом, Германия обеспечила себе контроль над имевшей важное значение закавказской железной дорогой, по которой бакинская нефть отправлялась к Черному морю, и Грузия согласилась предоставить на время войны все свое сырье, из которого главную роль играл марганец, в распоряжение Германии. Укрепившись благодаря этому союзничеству, Грузия 4 июня 1918 г. заключила мирный договор с Турцией¹⁷⁷. В Тифлисе был размещен германский гарнизон. 27 августа 1918 г. в Берлине было подписано дополнение к советско-германскому Брест-Литовскому договору, содержавшее статью о согласии Советского правительства на признание Германией независимой Грузии.

Причина, позволившая Грузии отстоять номинальную, а до некоторой степени и реальную независимость в то время, когда Армения и Азербайджан, в сущности, перестали существовать в качестве независимых общностей, была отчасти случайной. Германия была заинтересована в марганце, который имелся в Грузии; в ее интересах было также сохранить на Кавказе свои позиции, чтобы контролировать ненадежного союзника и следить за Россией. Вследствие этого она готова была оказать покровительство Грузинской республике.

Однако у Грузии были и определенные неотъемлемые преимущества по сравнению с двумя другими закавказскими национальными группами. В Грузии имелись остатки национальной грузинской аристократии и элементы национальной грузинской буржуазии и интеллигенции, что придавало ей определенную национальную целостность. В Грузии даже социал-демократическая партия была сильным национальным образованием, и она, помимо самого Сталина, дала ряд видных деятелей, хотя, как и в большинстве российских социал-демократических групп за пределами крупных промышленных районов, ее состав и руководство были преимущественно меньшевистскими. Назначение Жордании, партийного руководителя и председателя Совета, главой правительства в июне 1918 г. положило конец двойственности правительства и Совета и утвердило власть меньшевиков. Вопрос о том, могла ли Грузия, при отсутствии в эти годы интервенции откуда бы то ни было извне, добиться действительной независимости в качестве маленькой буржуазной республики, остается академическим. Но ее притязания были несколько менее нереальными, чем притязания двух других основных народов Закавказья.

Таким образом, летом 1918 г. Закавказье было поделено между Германией и Турцией, причем Россия была полностью исключена, если не считать непрочную Советскую власть в самом городе Баку. Распад блока держав Центральной Европы осенью того же года привел к тому, что германская и турецкая власть сменилась здесь британской властью. Британские силы под командованием генерала Данстервилла уже однажды продвинулись из Персии в Азербайджан и даже вступили в Баку в конце августа 1918 г., но лишь затем, чтобы 15 сентября отойти под натиском наступавших турецких сил¹⁷⁸. Когда шесть недель спустя германское и турецкое сопротивление прекратилось, британские силы в ходе нового наступления заняли Баку и главные города Закавказья — как раз вовремя для того, чтобы в декабре 1918 г. подавить в зародыше начинавшийся пограничный военный конфликт между Грузией и Арменией¹⁷⁹.

31 декабря 1918 г. британское правительство уведомило грузинскую делегацию о том, что оно с пониманием относится к провозглашению независимости Грузинской республики и готово отстаивать ее признание на мирной конференции. Национальные правительства Армении и Азербайджана, которые возродились с падением Турции и пользовались не столь заметным британским покровительством, также послали свои делегации на мирную конференцию в Париж. На конференции, однако, вопрос осложнился в связи с поддержкой, оказываемой Колчаку и Деникину, которые не соглашались признать независимость Закавказья. Лишь после разгрома основных «белых» армий «Совет четырех» в январе 1920 г. по требованию Керзона принял решение о признании де-факто Грузии, Азербайджана и Армении. Однако прекрасные слова, сказанные в Париже, мало значили в Закавказье. Еще до конца 1919 г. британские войска были выведены со всей территории (кроме батумского порта, где они оставались до июля 1920 г.). При отсутствии иностранной поддержки и даже элементарного соглашения между собой независимые буржуазные Закавказские республики не могли выжить.

Важной чертой закавказской политики со времени Октябрьской революции было отсутствие российской власти. Вакуум формально заполнили независимые местные правительства, а на деле — военная власть: сначала Германии и Турции, а затем — Великобритании. Когда Великобритания вывела наконец войска, российская власть готова была занять ее место. Три Закавказские республики бойкотировались Советским правительством как марионетки иностранной державы. Теперь они уступали ему в той последовательности, которую определяла мера их слабости. В конце апреля 1920 г. азербайджанское правительство, оставшееся у власти после ухода британских войск и получившее признание союзников в январе 1920 г., было свергнуто без особых трудностей в результате коммунистического восстания в Баку. «Военно-революционный комитет», который действовал от имени

революционного пролетариата Баку и трудящегося крестьянства Азербайджана, обвинил бывшее правительство в предательстве и обратился к Москве с призывом заключить «братский союз для совместной борьбы с мировыми империалистами». Помощь быстро подоспела. Была провозглашена Азербайджанская Социалистическая Советская Республика. Киров, Орджоникидзе и Микоян — русский, грузин и армянин — прибыли в Баку, чтобы заложить основы Советской власти в Закавказье¹⁸⁰.

Тем не менее в тот момент в условиях, когда начиналась война с Польшей, советские руководители предпочли проявить осторожность и не стали добиваться дальнейших достижений. 7 мая 1920 г. они довольно неожиданно подписали договор с буржуазным Грузинским правительством, которое таким образом обеспечило себе советское признание за счет того, что само оно признало Азербайджанскую Советскую Республику¹⁸¹. С советской точки зрения, такое отступление не было новым шагом: та же политика проводилась при заключении соглашений с буржуазными правительствами Прибалтийских государств. Но было тем не менее трудно поверить, что Советская власть, заполучив плацдарм в Закавказье, могла ограничиться Азербайджаном или что Грузия могла неопределенно долгое время оставаться ничьей, яблоком раздора между Советской Россией и возрожденной Турцией.

Второй этап совершился в Армении. Из-за страха и ненависти, с которыми армяне относились к туркам, Армения была традиционно пророссийской независимо от того, какая в ней в данный момент господствовала власть: правительство дашнаков Армении было единственным из закавказских правительств, которое умудрилось установить дружественные отношения с Деникиным. Восстановление российской власти в форме Советской власти в Азербайджане оказало на Армению огромное воздействие и вызвало совместное восстание крестьян и большевиков, которое было легко подавлено¹⁸².

Беда, однако, вскоре пришла со стороны Турции. Моральная поддержка союзников и давняя, но так в конце концов и не осуществившаяся надежда на то, что Америка или союзники приобретут «мандат» на Армению, — это было главное, на что рассчитывало Армянское правительство. Летом 1920 г., с уходом последних войск союзников из Закавказья, эти мечты угасли. Запоздалое подписание Севрского договора 10 августа 1920 г. принесло Армении официальное признание со стороны марионеточного турецкого правительства в Константинополе, но нанесло незабываемое оскорбление Кемалю и турецким националистам. В октябре 1920 г. вспыхнули бои в связи с пограничными спорами, и турецкие войска захватили Карс и Александрополь. В Армении широко было распространено убеждение, что существует сговор между турецкими националистами и Советской Россией относительно того, чтобы свергнуть правительство дашнаков¹⁸³.

Если бы такой сговор существовал, можно было бы ожидать более благоприятных для Советской России результатов. А пока что продолжалось наступление турецких войск. Лишь в конце ноября, когда Турция стояла на пороге полной победы и Армянское правительство было распущено, советские войска пошли в наступление с северо-востока, и с ними прибыл революционный комитет, который провозгласил себя правительством новой Армянской Социалистической Республики со столицей в Ереване¹⁸⁴. Новое правительство сразу получило признание Москвы и, укрепившись таким образом, смогло заключить мирный договор с Турцией 2 декабря 1920 г.¹⁸⁵

Однако установился новый строй не без дальнейшего сопротивления. В середине февраля 1921 г. население восстало против своих новых правителей, захватило Ереван и другие главные города. Революционный комитет, по словам армянского историка-большевика, «понимая свое бессилие, призвал на помощь Советскую Россию и, спасаясь бегством под прикрытием немногочисленного отряда, передал в руки Красной Армии дело спасения Армении». Имеются сведения, что восстание было вызвано жестокими реквизициями зерна; лишь в начале апреля, после введения НЭПа, полностью восстановился порядок¹⁸⁶. Какую роль сыграло в этом восстании недовольство экономическим положением и какую недовольство, вызванное национальными причинами, — можно лишь догадываться.

Грузинская меньшевистская республика все еще существовала, и в последние несколько месяцев своего существования она несколько раз неожиданно и привлекая к себе всеобщее внимание выходила на международную арену. В сентябре 1920 г. она приняла делегацию, состоявшую из ряда самых видных социал-демократов и рабочих лидеров Западной Европы, включая Каутского, Вандервельде и Рамсея Макдональда. В тот период коммунисты во всей Европе, подстрекаемые Коминтерном, стремились расколоть социалистические партии. Страсти разгорелись. Поездка этой делегации в Грузию была предпринята с целью собрать материал для антибольшевистской пропаганды, и грузины усердно его поставляли¹⁸⁷. Теперь Грузия, войдя в русло международной политики, энергично, хотя и безуспешно, претендовала на вступление в Лигу Наций на I Ассамблее Лиги, собравшейся в декабре 1920 г., и в следующем месяце добилась от «Совета четырех» признания де-юре.

Это активное стремление добиться благосклонности со стороны главных врагов Советской России вряд ли отличалось благоразумием. В Баку на Съезде народов Востока, который проходил в сентябре 1920 г., в то самое время, когда Грузия принимала западных социал-демократов, один из большевистских ораторов подверг энергичным нападкам отношение меньшевистской республики к своим меньшинствам и соседям. Грузии были предъявлены обвинения в том, что она «разоряет и грабит» Осетию, что «сжи-

гают целые деревни» в Абхазии, а также обвинения в шовинистических притязаниях на азербайджанские и армянские территории. Припомнили и то, как Грузия в конце 1918 г. «начинает войну с Арменией, прекращенную лишь вмешательством Англии»¹⁸⁸.

Сталин во время своей поездки на Кавказ в октябре 1920 г. отмечал, что после заключения мира между Советской Россией и Польшей можно ожидать, что Антанта перенесет свои военные действия на юг, «причем вполне возможно, что Грузия, по обязанностям содержанки Антанты, не откажется оказать услугу последней»¹⁸⁹. В ноябре 1920 г. официальный журнал Наркомнаца выразил сожаление по поводу того, что, хотя после заключения Советско-грузинского договора в мае 1920 г. коммунистическая партия в Грузии легализовалась, так много коммунистов было арестовано, что в штаб-квартире партии в Тифлисе никого не осталось, кроме одной служащей¹⁹⁰.

Зловещие упреки продолжали появляться в советской прессе на протяжении всей зимы. Советские армии были сосредоточены на прилегающих к Грузии территориях. Пограничный конфликт с Советской Арменией вызвал вспышку вражды местного масштаба. 21 февраля 1921 г. вооруженные силы советских и грузинских большевиков пересекли границу. Два дня спустя Турция предъявила ультиматум, требуя передачи ей двух районов, Ардагана и Артвина, что было исполнено. 25 февраля 1921 г. пал Тифлис, и победителями была провозглашена Грузинская Социалистическая Советская Республика¹⁹¹. Не считая кампании по очистке от неприятеля беспокойных районов Туркестана, это была последняя военная операция Красной Армии на территориях, которые должны были вскоре сформировать Союз Советских Социалистических Республик, и это был последний случай насильственной советизации до тех пор, пока почти через 20 лет вновь угрожающе не нависла на горизонте война с внешними силами. Необычайная тревога Ленина по этому поводу была выражена в его письме Орджоникидзе от 2 марта 1921 г., где Ленин не только утверждал, что необходима «политика уступок по отношению к грузинской интеллигенции и мелким торговцам», но даже говорил о значении «блока с Жордания или подобными ему грузинскими меньшевиками»¹⁹². Коалиция не была осуществлена, хотя меньшевикам была объявлена амнистия. К середине марта сопротивление прекратилось по всей стране, и грузинские буржуазные и меньшевистские политики бежали в Париж, где первый и последний министр грузинской меньшевистской республики вручил свои верительные грамоты в тот самый день, когда Тифлис был сдан большевикам. На протяжении 1921 г. в трех районах, относящихся к национальным меньшинствам — Аджарии (включая батумский порт), Абхазии и Южной Осетии — были созданы соответственно автономные республики и автономная область, которые вошли в состав Грузинской ССР.

д) Сибирь

В европейских, среднеазиатских и закавказских районах бывшей Российской империи, где после 1917 г. были созданы независимые правительства, существовали, хотя и в зачаточном состоянии, национальные движения. Таким образом, процесс распада, начавшийся или продолжавшийся в условиях гражданской войны и иностранной интервенции, имел по крайней мере какую-то видимость национальной основы. В Сибири же, где жители развитых районов, расположенных вдоль железной дороги были в основном русскими поселенцами, а первобытные местные племена были разбросаны на огромных малонаселенных территориях, не возникало никаких действенных националистических или сепаратистских движений. Бурят-Монголия стала автономной областью в 1922 г., а в следующем году — автономной республикой¹⁹³. Огромная территория якутов на северо-востоке Сибири была признана автономной республикой в 1922 г., хотя большая ее часть была охвачена открытым восстанием, продолжавшимся до конца 1923 г.¹⁹⁴ Однако, помимо этих мелких исключений, те независимые правительства, которые время от времени здесь появлялись, были продуктом либо временной политической конъюнктуры, либо олицетворением открытых претензий на управление восстановленной Российской империей.

Шесть месяцев после Октябрьской революции были ознаменованы своего рода междоусобицей в Сибири. Советская власть утверждалась нерегулярно, судорожно. На большей части территорий контроль, рамки которого не были установлены, осуществляли местные Советы, имевшие более или менее регулярную связь с Москвой, а также с другими местными руководящими органами, гражданскими или военными. Эту неопределенную ситуацию прервала иностранная военная интервенция. 5 апреля 1918 г. японские вооруженные силы высадились во Владивостоке якобы с целью защиты жизни и собственности японцев¹⁹⁵, а затем двинулись вдоль Транссибирской магистрали к озеру Байкал. В мае 1918 г. Чехословацкий корпус, состоявший из бывших военнопленных чехов, об эвакуации которых через Владивосток шли переговоры с Советским правительством, вступил в бой с большевиками в Западной Сибири и предпринял организованные военные действия для охраны своих позиций. Не без поощрения союзников он двинулся на запад, к Волге, отрезав таким образом всю Сибирь от центральной Советской власти и временно присоединив к Сибири определенные районы восточной части европейской России. 8 июня 1918 г. чехи заняли ключевой пункт — Самару.

В этих условиях различные антибольшевистские «правительства» начали образовываться во всей европейской и азиатской России. Группа бывших делегатов Учредительного собрания (все

социалисты, почти все правые эсеры и несколько меньшевиков) создала временное правительство в Самаре под защитой Чехословацкого корпуса. В Омске в июле 1918 г. было создано Сибирское правительство буржуазного направления, и в течение последующих четырех месяцев оно принимало меры по управлению Западной Сибирью¹⁹⁶. Дальше на восток Семенов, атаман сибирских казаков, в течение зимы 1917 г. собрал армию в Харбине и в марте 1918 г. двинулся в Сибирь. Начал он, видимо, при поддержке Франции. Но по прибытии японских оккупационных сил летом 1918 г. он быстро с ними договорился и при их молчаливом согласии расположился в Чите, держа под контролем значительную часть Забайкалья.

Первая попытка слияния этих отдельных разрозненных вкраплений путем создания единой антибольшевистской власти была предпринята в сентябре 1918 г. на Уфимском совещании. Семенов, без сомнения, по требованию своих японских покровителей бойкотировал совещание. Но на нем присутствовали представители сибирского Омского правительства, Самарского правительства, так называемых национальных казахского, тюркско-татарского и башкирского правительств, нескольких казачьих военных правительств и других менее значительных властей, юрисдикция которых была не совсем ясна. 23 сентября 1918 г. все они подписали на совещании акт, учреждавший «Всероссийское временное правительство». Вплоть до созыва Учредительного собрания правительственная власть должна была сосредоточиться в руках Директории из пяти человек под председательством Авксентьева, лидера правых эсеров¹⁹⁷. Местом пребывания Директории стал Омск. Конференция, однако, сопровождалась злобными предзнаменованиями. В то время когда она заседала, советские армии вновь отобрали у чехословаков Казань и Симбирск. Самара сдалась в начале октября сама¹⁹⁸. Власть нового «Всероссийского» правительства вскоре оказалась ограниченной пределами Западной Сибири. Здесь она продержалась менее двух месяцев. 18 ноября 1918 г. адмирал Колчак, незадолго до этого прибывший из Владивостока, свергнул Директорию, и, опираясь на поддержку Англии, присвоил себе титул «верховного правителя». Одним из последствий этого шага явилось то, что большинство уцелевших членов Самарского правительства заключили мир с большевиками.

История с Колчаком тянулась с ноября 1918 г. до первых дней 1920 г. Семенов отказался подчиниться ему, как отказывался подчиниться Сибирскому правительству. И когда в декабре 1918 г. Колчак издал приказ о том, чтобы лишить Семенова командного поста и заставить подчиниться, японские военные власти уведомили, что восточнее озера Байкал они не потерпят вмешательства Колчака (которого они считали орудием англичан)¹⁹⁹. Западнее Колчак действовал с переменным успехом, но восстановил против себя все российские партии, кроме крайне правых, своей беспо-

щадностью к политическим противникам и варварскими карательными экспедициями, которые предпринимались для подавления крестьянских волнений. Вершины своей карьеры он достиг летом 1919 г., когда добился того, что союзники безоговорочно признали его де-факто правителем России, а другие «белые» генералы, включая Семенова, официально признали его верховную власть.

Однако осенью 1919 г. положение за линией фронта стало критическим. «По всей Сибири разлились, как сплошное море, крестьянские восстания»²⁰⁰. В октябре советские войска перешли в наступление, и разношерстные колчаковские силы вскоре начали распадаться. 10 ноября 1919 г. Омск был эвакуирован и через несколько дней занят большевиками²⁰¹. В этот момент Чехословацкий корпус в ноте, направленной союзникам, отказался от всякой дальнейшей ответственности за поддержание порядка в районе, прилежавшем к железнодорожной магистрали, и попросил немедленно его эвакуировать. Требование оправдывалось искренним осуждением режима, установленного Колчаком:

«Под защитой чехо-словацких штыков, местные русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мир. Выжигание деревень, избиение мирных русских граждан целыми сотнями, расстрелы без суда представителей демократии, по простому подозрению в политической неблагонадежности составляют обычное явление»²⁰².

В Иркутске, где Колчак на короткое время расположился, ситуация вскоре стала отчаянной. 24 декабря 1919 г. произошло восстание, которое закончилось 5 января 1920 г. официальным расформированием правительства Колчака и переходом власти к местному «Политическому Центру», состоявшему главным образом из эсеров²⁰³. Колчак, бежавший в Верхнеудинск, подписал приказ о передаче своей верховной власти Деникину, а военной и гражданской власти в Сибири — своему старому врагу Семенову²⁰⁴. Вскоре оказалось, что Политическому центру недостает серьезной поддержки, и 22 января 1920 г. был подписан акт о передаче власти большевистскому «Военно-Революционному Комитету», который взял на себя созыв Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов²⁰⁵. Самого Колчака задержали чехословаки при попытке убежать на восток и передали «Военно-Революционному Комитету». Его судили и расстреляли 7 февраля 1920 г.²⁰⁶

Падение Колчака, завершение эвакуации Чехословацкого корпуса и отозвание британской и французской миссий привело к тому, что единственными реальными силами в Сибири остались оказавшиеся лицом к лицу большевики и японцы. Последующие события показали, что это неожиданное противостояние было в равной мере нежелательно для обеих сторон, и обе уклонялись от непосредственных столкновений, которые им при таких обстоятельствах угрожали.

Что касается русских, то победа над Колчаком и Деникиным прибавила им уверенности в себе и высвободила крупные военные силы. Однако в течение первой половины 1920 г. в условиях все более значительных перемещений административного аппарата и хозяйственного механизма и при возраставшей угрозе нападения со стороны Польши у Советского правительства были основания не стремиться принять на себя ответственность за новые обширные территории в Сибири, не говоря уже об определенной враждебности и вероятном противодействии Японии такому курсу. Вместе с тем признание автономии или независимости окраин теперь глубоко укоренились в большевистской теории, и практика и действия, основанные на таких принципах, не могли не вызывать живого отклика.

Что касается японцев, то обособленная и бросающаяся в глаза интервенция в Сибири после ухода других союзников не особенно соответствовала той осторожной политике, которую предпочитало в этот период японское правительство. Положение, сложившееся в начале 1920 г., способствовало открытому разрыву, который постепенно обнаруживал себя в японской политике, между военной группировкой, стремившейся продлить на неопределенное время оккупацию Сибири, и группировкой гражданской, возможно поддерживаемой военно-морскими силами, которая стремилась покончить с затруднительным обязательством. Первая группа настаивала на том, что желательно сохранить разделение России, что надо держать большевиков на расстоянии. Вторая страшилась постоянного антагонизма со стороны Великобритании и Соединенных Штатов, который могла повлечь за собой длительная оккупация. В течение первой половины 1920 г. вторая группа постепенно приобрела доминирующее влияние.

Такова была обстановка, в условиях которой стал реальным явно долговременный проект создания «буферного государства» в Восточной Сибири. Этот проект возник во время короткого пребывания «Политического Центра» в Иркутске и представлял собой характерную попытку достигнуть компромисса между большевизмом и буржуазным миром. Политический центр решил направить делегацию с этим предложением к советскому военному командованию, которое в тот момент стремительно продвигалось на восток, и предусмотрительно пригласил руководителя иркутских большевиков Краснощекова сопровождать делегацию. Краснощеков, по происхождению российский еврей, провел много лет в Чикаго и вернулся в Сибирь после Февральской революции. Переговоры состоялись в Томске 19 января 1920 г. и прошли с блестящим успехом. Руководитель иркутской делегации, эсер, на основании своих переговоров с американскими представителями заверил советских делегатов в том, что «Америка готова допустить существование государства-буфера, с включением в орган власти в нем представителя коммунистических сил». Было достигнуто соглашение о создании буферного государства. Это

соглашение включало также обязательство освободить железную дорогу от иностранных военных подразделений «в порядке дипломатических переговоров» и передать Колчака с его штабом и весь золотой запас Советской власти. 21 января 1920 г. из Москвы пришло подтверждение этого соглашения за подписью Ленина и Троцкого. Краснощеков был назначен полномочным представителем Советского правительства в «Политическом Центре»²⁰⁷.

Этот хитроумный план не осуществился. И помешал его осуществлению успех большевистского комитета в Иркутске, который сумел во время отсутствия Краснощекова свергнуть «Политический Центр». В течение нескольких недель Красная Армия достигла Иркутска, и повсюду до этого рубежа была твердо установлена власть Советского правительства. Однако Краснощеков, ничуть не смущаясь, отправился в Верхнеудинск, и там 6 апреля 1920 г. «Учредительное собрание» представителей «всего народа территории Забайкалья» провозгласило создание независимой демократической Дальневосточной республики²⁰⁸. Краснощеков, сложив с себя обязанности, которые налагал на него его дипломатический пост, стал премьер-министром и министром иностранных дел Дальневосточного правительства. Одним из его помощников был «Билл» Шатов, известный американский революционный руководитель, тоже еврей, родившийся в России. Новая республика была официально признана Советским правительством 14 мая 1920 г.²⁰⁹

Реакция японцев отличалась колебаниями. Решение очистить Сибирь, очевидно, стало известно в начале марта 1920 г.²¹⁰, и примерно в это же время начался отход японцев с передовых позиций. Ситуация в этом отношении осложнилась в связи с так называемым «николаевским инцидентом», случившимся в марте 1920 г., когда порт Николаевск, расположенный в устье Амура напротив острова Сахалин, попал в руки большевистского партизанского руководителя по фамилии Тряпицын; при этом японский гарнизон был уничтожен или взят в плен²¹¹. Якобы с карательными целями в связи с этими событиями 4—6 апреля 1920 г. значительные японские силы высадились во Владивостоке и оккупировали другие центры Приморского края, ставшие ареной зверских насилий и разрушений. А 29 апреля местному «белому» российскому правительству было навязано унижительное соглашение, по которому предусматривалась длительная оккупация Приморского края японскими силами и отвод всех русских вооруженных сил на расстояние в 30 верст от японской зоны²¹².

Эти шаги ознаменовали частичную победу японской военной группировки и решимость, которая сохранялась в последующие два года, крепко удерживать Владивосток и Тихоокеанское побережье. Но они не изменили общей линии на отход с наиболее выступающих позиций. В течение лета японские войска постепен-

но оставили всю восточносибирскую территорию за пределами Приморского края.

Такая политика нашла свое естественное завершение в признании «буферного государства». В мае 1920 г., примерно в то же время, когда Советское правительство признало Дальневосточную республику, японский командующий в Сибири опубликовал заявление, в котором, выразив общее желание вывести японские армии с «русского Дальнего Востока», отстаивал установление в Забайкалье «между японскими войсками и большевиками, продвигающимися в восточном направлении, нейтральной полосы, свободной от вторжения войск обеих сторон»²¹³. Это заявление после ряда новых отсрочек привело к открытию прямых переговоров между японским военным командованием и делегацией Дальневосточной республики. 17 июля 1920 г. между ними было наконец заключено «Ганготское соглашение» (по названию расположенной в 40 верстах от Читы станции Гангота Транссибирской магистрали, где состоялись переговоры). В соглашении подтверждалось, что «наилучшим способом к... установлению спокойствия и порядка является образование буферного государства с единым правительством без вмешательства в дела этого государства вооруженной силы со стороны других государств». С другой стороны:

«Это буферное государство в международном и экономическом отношениях не может жить изолированно от цивилизованных и крупно индустриальных государств. Между русской территорией Дальнего Востока и Японией существует теснейшая связь в интересах, почему буферное государство не может не иметь намерений самого тесного с Японией содружества и сотрудничества».

Далее говорилось, что новая республика не будет коммунистической, что ей будет присущ «народный, широко-демократический характер». Русские согласились не допускать на ее территорию советские русские армии, а японцы — вывести свои войска из Забайкалья. Обе стороны должны были стараться не допускать конфликтов на дальневосточной территории и «только в крайнем случае» прибегать к «самым решительным мерам»²¹⁴.

Прямым результатом этого соглашения было предоставление Дальневосточной республике полной свободы действий против Семенова, который после устранения Колчака и его британских покровителей больше японцев не интересовал. В октябре 1920 г. после отвода японских войск Семенов был разгромлен и выбит из Читы, которая стала теперь центром Дальневосточной республики. Здесь поспешно был созван съезд дальневосточных делегатов, и в начале ноября 1920 г. он принял декларацию, которая фактически повторяла верхнеудинскую декларацию от 6 апреля, о создании на бывшей российской территории к востоку от озера Байкал независимой Дальневосточной республики²¹⁵. В декабре было заключено официальное соглашение с Советским пра-

вительством, по которому устанавливались границы между этой республикой и РСФСР ²¹⁶.

Выборы в Учредительное собрание, состоявшиеся в январе 1921 г., дали 180 мест «крестьянской фракции большинства», которая образовала блок с коммунистами, и 92 места самим коммунистам; эти группы, вместе взятые, получили свыше двух третей общего числа голосов. Партии эсеров и меньшевиков получили менее двух десятков голосов каждая. 13 мест добились бурят-монголы, которые в Собрании потребовали «самоопределения и полной автономии» ²¹⁷. С самого начала работа Учредительного собрания проходила бурно. Эсеры и меньшевики обвиняли правительство — составленное из представителей крестьян и представителей коммунистической партии в равном соотношении — в том, что оно установило царство террора и является лишь орудием в руках Дальневосточного бюро Российской коммунистической партии. А эсеров и меньшевиков в свою очередь обвиняли в том, что они получают японские субсидии. Принята 17 апреля 1921 г. Конституция ²¹⁸ сохраняла буржуазно-демократические формы государственности. Было учреждено правительство, состоявшее в большинстве своем из крестьян и коммунистов, а также подотчетный ему Совет министров ²¹⁹, и видимость полной независимости от Москвы была соблюдена. Тем не менее первым главнокомандующим вооруженными силами Дальневосточной республики стал Блюхер, один из ведущих полководцев Красной Армии, боровшийся против Колчака ²²⁰, а в дальнейшем этот пост занимал Уборевич ²²¹, впоследствии известный полководец Советского Союза. Как бы дело ни обстояло в действительности с политическими руководителями и гражданской администрацией, нет причин сомневаться в том, что армия с самого начала была под непосредственным контролем Москвы.

У японского правительства не было причин поздравлять себя с такими достижениями. Оно было искусно обойдено дипломатией более высокого порядка, и хваленое «буферное государство», создаваемое с целью противостоять Москве и большевизму, больше не являлось буфером. Между Чितой и Владивостоком давно велись переговоры об официальном включении Приморского края в новую республику, и Приморский край уже участвовал в выборах в Учредительное собрание Дальневосточной республики. В апреле 1921 г. обнаружилось, вероятно впервые, что граница республики была установлена таким образом, что полуостров Камчатка остался у РСФСР. Цель заключалась в том, чтобы предоставить РСФСР возможность вести переговоры о создании концессии по разработке полезных ископаемых Камчатки с помощью американского капитала. Это, должно быть, показалось японцам не только признанием незначительности буферной республики, но и прямой угрозой японским интересам. В ответ японские власти укрепили оборону Приморского края. Слабое местное правительство во Владивостоке, так не вовремя проявившее

склонность к объединению с Дальневосточной республикой, было свергнуто в апреле 1921 г. и заменено более сговорчивым правительством, в основном правого толка, во главе с ничтожеством по фамилии Меркулов. И Семенов и «каппелевцы» опять оказались во Владивостоке на виду, а затем выяснилось, что Дальневосточная республика обладает документом сомнительной подлинности, который якобы представлял собой соглашение японских властей с русскими «белыми» вооруженными силами о том, чтобы предпринять наступление на республику не позднее 1 июля 1921 г.²²²

Опасность была предупреждена возраставшим давлением на Японию со стороны англоязычного мира. Летом 1921 г. было объявлено, что великие державы предполагают созвать осенью в Вашингтоне конференцию по проблемам Тихого океана²²³. Советскому правительству вначале было очень трудно определить, явится ли конференция актом дружбы или вражды. Первые отклики советской прессы и Коминтерна были полностью враждебными²²⁴. Была предпринята попытка под предлогом официального приглашения в Дальневосточную республику обеспечить представление советских интересов. Отзвув в Москву в это время Краснощекова и Шатова — которые больше не имели отношения к делам республики²²⁵, — возможно, связан с запоздалым пониманием того, что вряд ли Вашингтон отнесется с большим расположением к правительству, в которое входит бывший американский революционный агитатор. Однако попытка не удалась, и враждебное нежелание американцев вообще иметь дело с РСФСР оказалось непреодолимым. Вместе с тем известно было, что американское правительство оказывает давление на японское правительство с целью положить конец оккупации российской территории, и можно было ожидать, что в результате конференции это давление усилится²²⁶. Именно грядущая конференция вынудила японцев вступить с Дальневосточной республикой в переговоры; круг вопросов при этом не был точно определен. Переговоры начались в Дайрене 26 августа 1921 г. и продолжались в течение всей зимы и всего периода Вашингтонской конференции.

Дайренская конференция была совершенно бесплодной. Окончательные японские требования были сформулированы в 17 положениях и трех дополнительных секретных положениях. Наиболее важными были требования того, чтобы Дальневосточная республика нигде в районе Тихого океана не имела никаких вооружений или укреплений и никаких военно-морских частей нигде в пределах Тихого океана. В проекте соглашения говорилось также, что Дальневосточная республика «обязуется перед японским правительством на все времена не вводить на своей территории коммунистического режима и сохранять принцип частной собственности не только в отношении японских подданных, но и своих граждан». В ответ японское правительство лишь дало бы обещание вывести свои войска из Приморского края «в срок,

который оно найдет нужным и удобным для себя». Эвакуация северной части острова Сахалин должна была зависеть не только от урегулирования николаевского инцидента, но и от согласия отдать этот остров Японии в аренду на 80 лет ²²⁷.

Если Япония надеялась, что Дайренская конференция будет способствовать тому, чтобы этот вопрос решался без Вашингтона, то ее надежда не оправдалась. Дальневосточная республика обратилась к Вашингтону и вообще ко всему миру с потоком протестов, которые нашли восприимчивых слушателей, и неофициальная делегация республики с одобрения американцев появилась в коридорах конференции. Наряду с этим расчеты русских, что в Дайрене уступки больше не нужны, оправдались. В Вашингтоне американское правительство вырвало у японских делегатов конфиденциальные обязательства запланировать и провести эвакуацию войск из Приморского края и северной части Сахалина в ближайшем будущем ²²⁸.

Таким образом, именно под давлением конференции в Вашингтоне, а не беспомощного мероприятия в Дайрене японское правительство решило — в этом вопросе, как и в других, — избегать дальнейших трений с англоязычными державами и проводить политику умиротворения.

Дайренские переговоры закончились в апреле 1922 г. безрезультатно. Однако менее чем через три месяца японское правительство объявило, что его войска будут выведены из российского Приморья к 1 ноября 1922 г., и выразило готовность провести переговоры не только с Дальневосточной республикой, но и с самой РСФСР ²²⁹. Советское правительство показало, что оно оценило значение этого события, назначив своим полномочным представителем наиболее хитрого и опытного дипломата — Иоффе. На конференции, которая открылась 4 сентября 1922 г. в Чанчуне, в Маньчжурии, Иоффе проявил все свое мастерство и упорство. Но надежды советских властей на материальные уступки и дипломатическое признание не оправдались. Ни одна из сторон не уступила, и конференция потерпела неудачу, как только стали обсуждаться вопросы о Северном Сахалине, о праве Японии на рыболовство в российских водах и о размещении японского военного имущества во Владивостоке. Непреклонность Иоффе была отчасти продиктована совершенно правильным расчетом на то, что Япония уже не сможет отказаться от обещания, которое она дала державам — участникам конференции в Вашингтоне. За окончанием Чанчуньской конференции 14 сентября 1922 г. последовало примирительное заявление японского министерства иностранных дел:

«Несмотря на разрыв чань-чуньской конференции, японские войска во Владивостоке будут эвакуированы полностью до конца октября, согласно прежним заявлениям японского правительства. Ввиду заявлений Иоффе, будто Япония намерена аннексировать Сахалин, министерство иностранных дел заявляет, что со-

гласно обязательству, принятому Японией на вашингтонской конференции, Япония не намерена нарушать территориальные права России и оккупирует Сахалин лишь в качестве гарантии при разрешении николаевского вопроса.

Ввиду этого японское правительство желало бы предостеречь державы, участвовавшие в вашингтонской конференции, от ошибочного толкования истинных намерений Японии»²³⁰.

Эвакуация японских войск из Приморского края произошла в конце октября. «Белое» правительство, созданное в мае 1921 г., немедленно пало, и во всей Восточной Сибири от Байкала до Тихого океана установилась власть Дальневосточной республики. Вопрос о Северном Сахалине и о праве на рыболовство продолжал будоражить советско-японские отношения. Однако с уходом японцев «буферное государство» утратило в дальнейшем какой бы то ни было смысл, даже символический, и 10 ноября 1922 г. Учредительное собрание проголосовало за его упразднение и объявило о его включении в РСФСР²³¹. Это был дальнейший шаг на пути к воссоединению в единое целое разрозненных элементов прежней Российской империи.

ИТОГИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

1920 год был поворотным пунктом в истории советской национальной политики. Он ознаменовал окончание гражданской войны и начало периода укрепления и восстановления. Он также отмечен перемещением центра внимания с Запада на Восток. Оба эти изменения способствовали эволюции того понятия национальных прав, которое подразумевалось в период перехода от буржуазной революции к пролетарской.

«Право на отделение» — фраза, однажды сказанная Лениным, — постепенно заменялось «правом на объединение». Было в принципе невозможно, чтобы какая-либо социалистическая нация пожелала отделиться от социалистического содружества наций; было практически невозможно к концу 1920 г., чтобы кто-либо, не будучи непримиримым врагом советского строя, захотел порвать с таким единством, которое было уже достигнуто. Единство было необходимо как в целях полного экономического развития, так и в целях военной безопасности. Совершенно очевидно, что в интересах рабочих и крестьян было добиваться единства на максимально широкой, по возможности, основе (причем окончательная цель — это «пролетарии всех стран, соединяйтесь!»). А для того, чтобы рабочие и крестьяне осознали эти свои интересы, надо было уничтожить все остатки прежнего национального неравенства и дискриминации, которые, с большевистской точки зрения, служили источником и основой национализма; надо было обеспечить, чтобы он никогда не возродился в будущем. Таким образом, с момента триумфальной победы революции в большевистской теории национального самоопределения главной мыслью стала, почти незаметно, не идея свободы, а идея равенства; казалось, она единственная способна коренным образом решить проблему.

Большевизм долго разделял интернациональные взгляды первых социалистических мыслителей. Идея равенства наций глубоко укоренилась в теории и практике первых большевистских руководителей, которые были бы несказанно потрясены при мысли, что какое-либо влиятельное положение в правительстве или в партии доступней для великоросса, чем, скажем, для белоруса, грузина или армянина. В партийной теории и практике в равной мере беспощадно осуждалась дискриминация, и большинство пар-

тийных руководителей виновны были не в неискренности, а в захватывающем, некритическом оптимизме. Настроение первых месяцев после революции довольно справедливо отражено в статье члена коллегии народного комиссариата по делам национальностей, помещенной в официальной газете комиссариата:

«Опасность насильственной русификации исчезла. Никто не заинтересован в усилении какой-либо отдельной нации за счет другой... Никто ни на кого не собирается напасть и лишить его национальных прав»¹.

Абсолютное отрицание любой дискриминации между людьми на основе национальности, расы, цвета кожи оставалось неизменным и непреклонно отстаиваемым принципом большевистской политики и практики, и оно оказало огромное положительное воздействие на все отношения с угнетенными прежде народами. Но одного этого было недостаточно. Положительной стороной политики равенства являлось оказание помощи более отсталым народам, направленной на то, чтобы дать им возможность догнать народы более развитые. Это включало материальную помощь, просвещение во всех его формах, предоставление технических специалистов и консультантов и обучение национальных кадров, чтобы отсталые народы имели в будущем своих собственных специалистов. Поскольку руководители советской экономики были превыше всего озабочены увеличением производства продукции во всей советской стране, эту политику, вероятно, сдерживала только нехватка ресурсов. Впрочем, там, где существовала большая разница в уровне цивилизации и культуры, «уничтожение фактического национального неравенства», как говорилось в резолюции X партийного съезда в 1921 г., возможно лишь как «длительный процесс»².

Для марксиста при установлении реального равенства (в противоположность формальному) между всеми народами, входящими в Советское государство или группу государств, главным было равномерное распределение производительных процессов на всей территории. До этого времени в ходе развития российской индустрии наиболее передовые формы производства главным образом сосредоточились в нескольких центрах европейской части России, а отдаленные окраины использовались в качестве источников, снабжающих страну сырьем и продовольствием. Такой была преобладающая модель и повсюду в мире капитализма, где развитие промышленности в колониальных и полуколониальных странах намеренно сдерживалось, а то и полностью подавлялось в угоду чужим интересам и из страха конкуренции. Таким образом, капитализм заботился о том, чтобы сохранить неравенство между нациями. У советского строя, ревностно стремившегося развивать высшие формы промышленного производства на всех территориях, находившихся под его контролем, не было таких сдерживающих факторов. И при этом желание повысить произ-

водительность промышленности отнюдь не было единственной побудительной причиной.

В течение первых лет после революции советские руководители были твердо убеждены в том, что оплот Советской власти — это промышленный рабочий, в том смысле, что можно полагаться на его поддержку в условиях, когда крестьянство колеблется и склонно к потенциально контрреволюционным настроениям. Вот почему охват промышленным строительством как можно большего количества отдаленных территорий стал делом высокой политической целесообразности. Если вместо того, чтобы пряхсть туркестанский хлопок исключительно на фабриках Петербурга и Москвы, снабжать им также текстильные фабрики Туркестана, то, с точки зрения большевиков, такое нововведение служило бы сразу нескольким целям. Оно привело бы к увеличению общего выпуска текстиля путем создания нового производственного района; открыло бы перед Туркестаном перспективу избавления от «колониального», более низкого статуса поставщика природных ресурсов и приобретения более желанного, свидетельствующего о более высоком развитии статуса промышленного производителя; и наконец, оно обеспечивало бы рост в Туркестане своего собственного пролетариата, который стал бы в дальнейшем надежной опорой советского строя и советской идеологии.

Содействие экономическому равенству наций, заключавшееся в равном распределении между ними расширенного промышленного производства, имело, таким образом, глубокие корни в большевистском мировоззрении. А неизбежным следствием этого мировоззрения в условиях, которые большевики получили в наследство от царизма, явилась политика благоприятствования отдаленным и все еще в основном сельскохозяйственным окраинам за счет старых индустриальных центров, чья роль в новом промышленном развитии непропорционально уменьшалась. Именно такое развитие дало большевикам основание утверждать, что советская национальная политика качественно отличается от любой политики, проводимой капиталистическими странами, и что она одна имеет целью не просто формальное признание равенства, но и создание экономических условий, которые делают равенство возможным и реальным. Проповедь равенства наций сама по себе — пустой обман, если откровенно не будут широко приняты необходимые для такого равенства условия. Равенство наций означало уничтожение демаркационной линии между промышленными и сельскохозяйственными нациями.

Это была, однако, долговременная политика, и процессу выравнивания предстояло встретить на своем пути много препятствий. Намерения были искренними и достижения реальными, но прогресс мог носить лишь постепенный характер. Существующему неравенству всегда присуща естественная тенденция к самосохранению и сопротивлению любым усилиям, направленным на его преодоление. Итак, этот ранний период представлял собой

непрерывный процесс противоречий и борьбы между политическими целями и тем механизмом, через который эта политика должна была осуществляться. Растущее сосредоточение власти и административного контроля в центре неизбежно способствовало — каким бы странным это ни казалось — подчинению других наций великорусскому ядру, вокруг которого они были собраны.

Дело не только в том, что представители менее крупных национальностей должны были занимать в государственном аппарате такое количество влиятельных и ответственных должностей, какое в пропорциональном отношении соответствовало их численности, иногда даже, пожалуй, большее. Многие лица нерусской национальности, занимавшие эти посты, непреднамеренно и без всяких усилий ассимилировались, перенимая взгляды численно преобладающей великорусской группы; у тех, кто сопротивлялся ассимиляции, было меньше шансов сделать хорошую карьеру. Москва была административной столицей — центром, где принимались основные решения. Бюрократическое мышление, распространению которого яростно противился Ленин, проявляло тенденцию почти произвольно превращаться в великорусское мышление.

«Дело в том, — отмечал в 1923 г. Раковский, — что центральные органы начинают смотреть на управление всей страной с точки зрения их канцелярских удобств. Конечно, неудобно управлять двадцатью республиками, а вот если бы это все было одно, если бы, нажав на одну кнопку, можно было управлять всей страной, — это было бы удобно»³.

Централизация означала стандартизацию; а принятые стандарты были, естественно, великорусскими стандартами. И не удивительно, что сильнее всех противодействовала этой тенденции Украина. Она не только была единственной республикой, которая в экономическом и культурном отношениях могла соперничать с положением и достижениями РСФСР; Украина также была тем самым нерусским регионом, который меньше всего выигрывал от проведения политики промышленного развития окраин, поскольку ее собственное промышленное развитие уже отошло в область истории. Поэтому украинский националист мог во всех отношениях ощущать себя в наихудшем положении. Украина вообще почти не пользовалась материальными преимуществами, которые советская национальная политика принесла «отсталым» районам. Вместе с тем «великорусский шовинизм» бюрократического аппарата в Москве не обнаруживал особого желания признавать Украину равным партнером в центральном управлении делами.

В административном аппарате прилагались большие и отчасти успешные усилия с целью противодействовать этим тенденциям. В других институтах для того, чтобы успокоить национальные чувства, предосторожностей предпринималось меньше. Первым из таких институтов была Красная Армия. По-видимому, ни одна из республик, с тех пор как была установлена советская фор-

ма правления, не стремилась к сохранению своей собственной независимой армии⁴. С самого начала подразделения Красной Армии формировались как из представителей республик, входящих в РСФСР, так и из представителей независимых союзных республик. Таким образом, и в азиатских республиках, местное население которых было при царях освобождено от воинской повинности, производилась мобилизация наряду со всеми остальными⁵. Именно эта объединенная Красная Армия во время гражданской войны защищала и освобождала территории независимых республик, на которые пришелся главный удар и где были наибольшие разрушения.

Сам Раковский, выступая на IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г. от имени Белорусской, Азербайджанской, Грузинской и Армянской республик, так же как и от имени Украины, обратил внимание на моральный дух армии и призвал укреплять Красную Армию во избежание повторения катастрофы⁶. Таким образом, Красная Армия стала средством не просто объединения, но объединения с помощью явно великорусского символа. Скрыпник, украинец, на XII съезде партии выражал сожаление, что Красная Армия «до сих пор остается орудием русификации украинского населения и всего инородного населения», и съезд включил в свою резолюцию по национальному вопросу пункт, где рекомендовались «практические мероприятия по организации национальных войсковых частей, с соблюдением всех мер, необходимых для обеспечения полной обороноспособности республик»⁷. Однако последняя оговорка имела важное значение. Нет никаких подтверждений того, что для исполнения рекомендаций предпринимались какие-либо «меры»; всегда можно было поднять вопрос об эффективности общенациональной обороны как первостепенной необходимости.

Прецедент, возникший в армии, энергично использовали профсоюзы. Преобладание среди рабочих великорусского элемента с самого начала сделало профсоюзы мощным объединяющим фактором на великорусской основе. Это констатировал Рязанов на I Всероссийском съезде профессиональных союзов.

«Тот, кто хочет построить социализм в России, может построить его только в том случае, если, давая возможность свободного, автономного развития каждой из этих частей, он в то же время скрепит ту хозяйственную социально-экономическую связь, которая нас всех держит и без которой питерские рабочие отрываются от московских, московские и питерские от донецких, донецкие отрываются от сибирских»⁸.

На III съезде, который состоялся в апреле 1920 г., Томский сделал доклад о деятельности профсоюзов на незадолго до этого освобожденных территориях Украины, Урала и Сибири:

«Наши инструктора и организаторы шли следом за Красной Армией. Первый, кто появлялся вслед за красноармейскими частями в освобожденных от белых городах, — это были инструкторы

ра В. Ц. С. П. С., это были инструктора Ц. К. текстильщиков, кожевников, металлостов, железнодорожников».

На Украине раздавались требования о создании отдельной организации украинских профсоюзов или особом статусе для них во всероссийской организации. Однако, несмотря на «бурную оппозицию правых элементов», Центральный Совет твердо стоял за «единство и централизм»⁹. Ясно, что если лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» имел какое-нибудь значение, то он должен был по крайней мере означать единство рабочих бывшей царской империи. Единство профсоюзов было необратимым. Но единство, естественно, означало организацию под преимущественно великорусским контролем.

Однако самое главное заключалось в том, что Российская коммунистическая партия играла ту же объединяющую роль, что армия и профсоюзы. Начиная с 1903 г., когда на II съезде партии были отвергнуты требования еврейского Бунда об автономном статусе, Ленин настаивал на том, что единство организации — это краеугольный камень партийной теории¹⁰. После Октябрьской революции в резолюции VIII съезда партии, состоявшегося в 1919 г., было сказано, что признание самостоятельности Украинской, Латвийской, Литовской и Белорусской республик не является основанием для организации самостоятельных коммунистических партий, даже «на основе федерации», и что «Центральные Комитеты украинских, латышских, литовских коммунистов пользуются правами областных комитетов партии и целиком подчинены ЦК РКП»¹¹. Даже предложение — сделанное в связи с образованием СССР — изменить название партии и назвать ее «Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)» встретило противодействие, по поводу чего Скрыпник выражал недовольство на XII партийном съезде в 1923 г.¹² Предложение было в конце концов принято XIV съездом партии, который состоялся в конце 1925 г. Но возражений было, естественно, предостаточно. Партия в целом гордилась своим русским названием и традицией.

Централизующее влияние таких институтов, как армия, профсоюзы и партия, относилось, пожалуй, к числу важнейших среди многих причин — сознаваемых и неосознаваемых, — стоявших за таким явлением, как «великорусский шовинизм». В 1919 г. Ленин сказал при обсуждении партийной Программы на VIII съезде партии: «...поскрести иного коммуниста — и найдешь великорусского шовиниста»¹³. И начиная с этого времени эта ходячая фраза использовалась для осуждения позиции тех коммунистов, которые, бессознательно унаследовав дореволюционные русские традиции или же сознательно отрицая роль нации, преуменьшали значение требований украинцев, белорусов и неславянских народов бывшей царской империи. «Великорусский шовинизм» вновь подвергался осуждению на партийных съездах в 1921 и 1923 гг. И тем не менее Сталин сам охарактеризовал его на последнем из этих съездов как «основную силу, тормозящую дело объедине-

ния республик в единый союз», и заявил, что «растет не по дням, а по часам» великодержавный шовинизм, «старающийся стереть все нерусское, собрать все нити управления вокруг русского начала и придавить нерусское»¹⁴.

Оживление патриотических русских чувств, проявившееся в поддержке большевиков на последних этапах гражданской войны — тот молчаливый союз между русским национализмом и коммунистическим интернационализмом, который впервые обнаружил себя в советско-польской войне 1920 г., — расчистило путь для процесса, которому в экономике соответствовал НЭП. Растущий приток в советские учреждения представителей бывших привилегированных классов в качестве «специалистов» или государственных служащих побудил Ленина выступить на XI съезде партии в 1922 г. с предостережением. Он сравнил большевиков с нацией победителей, которым побежденные навязывают свою более высокую культуру. «Культура у них мизерная, ничтожная, но все же она больше, чем у нас». И вовсе не ответственные коммунисты «ведут» огромную бюрократическую машину; они того не знают, что на самом-то деле это «их ведут»¹⁵. Поглощение бюрократией буржуазных и даже аристократических элементов имело двоякое значение. Оно было признаком не только примирения этих «бывших людей» с советским строем, но также и менее отрицательного отношения со стороны властей к прежним «русским» традициям. Отнюдь не опровергая обвинений, выдвинутых Раковским и Скрыпником на XII партийном съезде, Сталин сам говорил об опасности с подчеркнутой откровенностью:

«Вовсе не случайность, товарищи, что сменовеховцы¹⁶ приобрели массу сторонников среди советских чиновников. Это вовсе не случайность. Не случайность и то, что господа сменовеховцы подхваливают коммунистов-большевиков, как бы говоря: вы о большевизме сколько угодно говорите, о ваших интернационалистских тенденциях сколько угодно болтайте, а мы-то знаем, что то, что не удалось устроить Деникину, вы это устроите, что идею великой России вы, большевики, восстановили или вы ее, во всяком случае, восстановите. Все это не случайность. Не случайность и то, что даже в некоторые наши партийные учреждения проникла эта идея»¹⁷.

Лейтмотив русского единства, впервые соединивший эти противоречивые элементы во время гражданской войны, после победоносного завершения войны продолжал играть роль в политике.

Как это ни нелепо, но «великорусский шовинизм» получил также косвенную поддержку со стороны марксистской теории — или тогдашних ее искажений — в двух формах. Первая представляла собой возрождение старой «польской ереси», которая отрицала национализм и самоопределение наций как идеи, несовместимые с классовой борьбой и всемирной солидарностью пролетариата. Ленин вновь и вновь указывал, что эти взгляды освящают привилегии господствующей нации, поскольку исключают любой про-

тест против существующего положения вещей, вызванный национальными стремлениями других народов. «Ересь» была отвергнута Апрельской партийной конференцией в 1917 г. и VIII съездом партии в 1919 г. Но никакое осуждение не могло ее устранить окончательно. О популярности ее среди сотрудников Наркомнаца уже было сказано¹⁸. Но даже в 1923 г. Раковский на XII партийном съезде рисовал воображаемую картину критического выступления коммуниста подобного типа:

«Ведь мы — страна, которая уже перешла через национальности, мы — страна, где, как выразился один товарищ, материальная и экономическая культура противопоставляется национальной культуре. Национальная культура — это для отсталых стран, которые находятся по ту сторону баррикады, для стран капиталистических, а мы — страна коммунистическая»¹⁹.

Картина убедительная, хотя краски, быть может, сгущены. И такие идеи, подразумевавшие отрицание национализма во имя Маркса, легко вливались в поток великорусского шовинизма.

Другая форма поддержки идей «великорусского шовинизма» со стороны марксистского учения была обусловлена составом населения бывшей царской империи. После отделения Польши, Финляндии и государств Прибалтики на всех территориях — и особенно на Украине, единственном районе за пределами Московии, в котором была развита тяжелая промышленность, — большинство промышленного пролетариата составляли великороссы, в то время как другие национальности главным образом или полностью состояли из крестьян. Отношения между промышленным пролетариатом и крестьянством всегда были, в той или иной форме, наиболее деликатным вопросом в советской внутренней политике. А поскольку, в соответствии с марксистским учением, в революционном плане признавалось превосходство пролетариата, крестьянин же считался второстепенным и подчас ненадежным союзником, предпочтение, которое «великорусский шовинизм» оказывал великороссу, было вполне и даже слишком созвучно тому предпочтению, которое ортодоксальный марксизм отдавал пролетариату, и оно вполне, и даже слишком легко, могло маскироваться под марксизм.

Именно в таком смысле резолюция XII съезда партии заявляла, что в некоторых национальных республиках «смычка между городом и деревней, рабочим классом и крестьянством встречает сильнейшее препятствие в пережитках великорусского шовинизма как в партийных, так и в советских органах»²⁰. Однако, в конце концов, как указывал на съезде сам Сталин, «политической основой пролетарской диктатуры являются прежде всего и главным образом центральные районы, промышленные, а не окраины, которые представляют собой крестьянские страны». И хотя Сталин при этом спорил с теми, кто, как Бухарин и Раковский, стремился «перегнуть палку в сторону крестьянских окраин, в ущерб пролетарским районам», но, должно быть, существовало

по крайней мере такое же сильное стремление перегнуть палку в противоположном направлении²¹. Подход к требованиям крестьянской окраины как к несколько менее важным, чем требования индустриальных центров, легко можно было представить не просто как проявление здравого смысла, но и как отражение марксистской теории о ведущей роли пролетариата и собственной позиции Маркса и Энгельса в 1848 г. в вопросе об отношении к аграрным нациям.

Великорусские предрассудки, какое бы ни существовало для них оправдание, были главной причиной бестактного поведения некоторых советских должностных лиц, часто вызывавшего жалобы. В 1919 г. в официальном органе Наркомнаца было отмечено: «Некоторые товарищи считают учреждение республик ошибкой с нашей стороны». А далее там было сказано с откровенной прямотой:

«Получались часто обратные результаты, благодаря неумелой тактике людей, работавших в отделившихся территориях. Слишком сквозила искусственность этого отделения. Часто там грубо сквозил дух Великороссии. Сквозь тонкий слой самостоятельности там ясно видна была гегемония Москвы»²².

Другие коммунисты «думали, что такие национальные республики создаются на очень короткий срок с тем, чтобы в спешном порядке изжить националистические тенденции туземного населения»²³. В 1923 г. в резолюции XII съезда партии отмечалось:

«Союз Республик расценивается значительной частью советских чиновников в центре и на местах не как союз равноправных государственных единиц, призванный обеспечить свободное развитие национальных республик, а как шаг к ликвидации этих республик»²⁴.

Но еще серьезней были, пожалуй, те проявления бюрократического или национального превосходства, которые никакое официальное неодобрение полностью устранить не смогло. Скрипник на том же съезде рассказал о случае с одним товарищем, занимавшим ответственный пост на Украине. Этот товарищ, уходя со съезда, где он голосовал за резолюцию, в которой утверждались равные права для украинского языка, на вопрос, заданный ему по-украински, коротко ответил: «Говорите со мной на понятном языке»²⁵.

Подобные промахи, которых можно было бы избежать, занимают много места в материалах первых послереволюционных лет. Однако основывающаяся на них критика обычно игнорирует масштабы процесса, направленного на достижение равенства, за который взялся советский режим, а также те реальные и неизбежные препятствия, которые не могли не возникнуть при осуществлении на практике провозглашенной большевиками политики. В тот момент, когда виден уже был конец гражданской войны и появилась возможность вырабатывать вновь политическую линию на более прочной основе, Сталин тщательно проанализировал

то, что долгое время было серьезнейшей трудностью на пути к политическому равенству национальностей, объединенных советской системой.

«Одной из серьезных преград, — писал Сталин в октябре 1920 г., — по пути к осуществлению советской автономии является большой недостаток интеллигентных сил местного происхождения на окраинах, недостаток инструкторов по всем без исключения отраслям советской и партийной работы. Недостаток этот не может не тормозить как просветительную, так и революционно-строительную работу на окраинах. Но именно поэтому было бы неразумно, вредно для дела отталкивать от себя эти и так малочисленные группы местных интеллигентов, которые, быть может, и хотели бы послужить народным массам, но не могут этого сделать, может быть, потому, что они, как не коммунисты, считают себя окруженными атмосферой недоверия, боятся всевозможных репрессий. К этим группам с успехом может быть применена политика их вовлечения в советскую работу, политика привлечения на промышленные, аграрные, продовольственные и иные посты в целях постепенной их советизации...

Но использование национальных интеллигентских групп далеко еще не достаточно для удовлетворения потребности в инструкторах. Одновременно необходимо развить богатую сеть курсов и школ на окраинах по всем отраслям управления для создания инструкторских кадров из местных людей. Ибо ясно, что без наличия таких кадров организация родной школы, суда, администрации и прочих институтов на родном языке будет затруднена до крайности»²⁶.

Эти трудности были неизбежным наследием прошлого. Немногие представители каких бы то ни было подчиненных народов царской империи, оставшихся теперь в советской системе, участвовали в прошлом в управлении; немногие из этих народов обладали значительной интеллигенцией или классом, который мог бы стать правящим. Зачастую это были примитивные народы; у них полностью отсутствовал политический опыт. В таких случаях автономия часто оказывалась нереальной, и ее вначале приходилось насаждать извне. Однако это скорее происходило из-за слабости ресурсов и опыта у тех национальных групп, которым давалась автономия, а не от желания центрального правительства ограничить ее размах и действенность. Подобные эксперименты могли быть оправданы не той степенью подлинной автономии, которой можно немедленно воспользоваться, а той возможностью, которую они предоставляли для постепенной подготовки «отсталых» народов к обязанностям, связанным с управлением.

Такие условия объясняют известные аномалии, которыми критики советской политики в достаточной мере воспользовались. Когда предъявляются списки членов «национальных» правительств, где большинство составляют русские фамилии, то на деле их носители вовсе не обязательно были русскими: русские фамилии, а

также фамилии, образованные по правилам образования фамилий в русском языке, были обычны для многих нерусских национальностей²⁷. Тем не менее действительно есть случаи, когда в состав «национального» правительства включались представители иной национальности. Примером может служить назначение Диманштейна, члена коллегии Наркомнаца, еврея, членом первого Казахского Военно-революционного комитета²⁸ и назначение Вайнштейна, одного из руководителей еврейского Бунда, первым президентом ЦИКа Башкирской Автономной ССР²⁹. Причем в первые годы Советской власти, когда частые переводы партийных работников из одной сферы деятельности в другую были обычной практикой, это были, конечно, нередкие случаи³⁰. Однако такие случаи ничего страшного не подтверждали — всего только острую нехватку компетентных работников во всех областях управления.

Предложение Сталина об использовании беспартийной «национальной интеллигенции» тоже невозможно было в то время в большой мере осуществить. Внутри советской системы в тех немногих странах, где имелась национальная интеллигенция в достаточном количестве, чтобы обеспечить кадры администраторов для автономного или независимого национального государства, — в Грузии, Армении и, что более сомнительно, на Украине — в большинстве своем эта интеллигенция была тогда антибольшевистской и составляла в свое время основу буржуазных правительств, свергнутых большевиками. В Белоруссии даже в 1923 г., как сообщалось, были «учителя в значительной мере с народническим уклоном, и из-за недоверия к этим учителям школьное дело пропадает»³¹.

Когда бразды правления были взяты рабочими и крестьянами — или во имя рабочих и крестьян, — неизбежной стала нехватка подготовленных местных руководителей, верных новому строю и способных взять на свои плечи бремя управления. Этот вакуум был заполнен руководителями, присланными из РСФСР. Однако это всегда считалось не чем иным, как временным и вынужденным средством. Если и следует критиковать политику Советского правительства в этом отношении, то, быть может, за то, что оно слишком далеко зашло в своем стремлении оживить примитивные или наполовину исчезнувшие языки и культуры в качестве основы для национальной автономии, которая неизбежно должна была оказаться в большой мере фиктивной, во всяком случае в предстоящие годы, а не за то, что оно не сумело сделать максимум того, что в этих условиях можно было сделать, чтобы равенство стало реальным. В некоторых автономных республиках и областях РСФСР национальная группа составляла только незначительное большинство или даже меньшинство населения, и именно русский элемент имел основания жаловаться на свой более низкий статус.

Очевидное несовершенство в работе системы проистекало, таким образом, скорее всего из-за нехватки ресурсов и опыта у на-

циональных групп, которым была предоставлена автономия, а не из-за желания центрального правительства ограничить масштабы их возможностей. Эти недостатки явились платой за попытку в одном поколении осуществить процесс выравнивания, который в иных обстоятельствах мог бы протекать в течение столетий. В центре постоянно высказывались упреки по поводу низкой эффективности автономных институтов в национальных областях или республиках. Даже в июне 1922 г. Сталин от имени Центрального Комитета партии обвинил партийные органы Казахской ССР в «пассивности и пессимистических настроениях», а советские органы той же республики — в «застое, углубленном наличием мелких и ничтожных группировок»^{32*}. Такие недостатки были весьма распространенными в «отсталых» областях и республиках. Они были наследием прошлого, и несправедливо было бы вину за них возлагать на какую-либо предварительно обдуманную политику. Советская система предоставляла, во всяком случае в первые годы после революции, всю ту меру местной автономии, какую соответствующие нации могли эффективно использовать, и отстаивала принципы равенства и отсутствия дискриминации в отношениях между национальностями со всей твердостью, какая только была возможна в условиях огромного преобладания великорусского элемента. Тем временем экономическая политика Советской России путем более равномерного распространения промышленных предприятий создавала условия для более реального равенства в будущем, хотя это неизбежно был долгосрочный план, конкретные результаты которого едва ли можно было заметить на той ранней стадии.

Большевистская политика национального самоопределения завершила свой путь эволюции — от признания права на отделение в буржуазном обществе к признанию равенства между нациями, к уничтожению эксплуатации одной нации другою в социалистическом содружестве наций. Связующим звеном между этими этапами эволюции явилось ленинское требование «добровольного единства» для достижения этой цели, которое делало союз выражением, а не отрицанием стремления нации к самоопределению. Этот постулат основывался на твердом личном убеждении Ленина в том, что при социализме элемент принуждения исчезнет из управления и будет заменен добровольным принятием правил администрирования. Какова бы ни была конечная философская обоснованность этой концепции, следует сказать, что она не осуществилась в рассматриваемый исторический период. Принципы принуждения и добровольного согласия продолжали тогда существовать бок о бок — как и в другие периоды в различных соотношениях — во всех процессах управления.

* В указанном источнике этих слов Сталина нет. — *Прим. ред.*

Достоинство большевистской национальной политики заключается, видимо, не в том, что ее можно было осуществлять без применения силы — это явно было невозможно, хотя она, пожалуй, способствовала установлению порядка в России, при меньшем применении непосредственного насилия, чем того требовал любой другой вариант; при этом соответственно требовался больший элемент добровольности, чем при проведении любой другой политики. В пользу большевистской национальной политики говорило то обстоятельство, что буржуазная теория самоопределения наций к 1919 г. зашла в тупик, из которого не было выхода; что при капиталистическом строе, в той его форме, какую он принял с разделением труда между передовыми индустриальными народами и отсталыми или колониальными народами, подлинное равенство между нациями стало недостижимым и что идея воссоединения при социалистическом строе действительно, а не только формально равных наций была смелой творческой попыткой вырваться из тупика.

Значение этой политики состояло в принятых ею мерах, направленных на установление равенства, уничтожение разделения на индустриальные и аграрные нации. Без сомнения, легче всего было принять и внедрить принцип равенства и отказ от дискриминации, основываясь на мотивах национальных, именно потому, что существовали другие мотивы, на основе которых было провозглашено неравенство и практиковалась дискриминация. Сталин сам говорил однажды о прекращении борьбы наций для того, чтобы открыть путь для борьбы классов³³. Когда подчеркивалось значение социальных разногласий, соответственно уменьшалось значение разногласий национальных. Но трудно преувеличить значение советской национальной политики с точки зрения исторической или с точки зрения ее последующего влияния. С самого начала она была решающим фактором в поразительном ленинском свершении — воссоединении почти всех бывших царских владений после их разъединения и распада в результате мировой войны, революции и гражданской войны. И надолго она осталась действенным элементом советской внешней политики во многих частях света.

ГЛАВА 13

ЧЕРЕЗ СОЮЗ К ФЕДЕРАЦИИ

Когда наконец к концу 1920 г. утихла гражданская война, принцип независимости или автономии уже распространился на всю бывшую Российскую империю, составные части которой подразделялись теперь на три категории. Ряд бывших российских территорий: Польша, Финляндия, три государства Прибалтики, признанные независимыми, Бессарабия, захваченная Румынией, и полоска территории, которую в Брест-Литовске уступили Турции, — в данное время отошли к той категории, на которую власть Москвы не распространялась. Из остальных территорий Российской Социалистической Федеративной Советской Республика составляла единое ядро, включавшее в себя почти 20 автономных единиц, населенных нерусскими, главным образом мусульманскими, народами. Сама РСФСР занимала 92% территории и включала в себя 70% населения, которому в конечном счете предстояло войти в СССР. Остальные территории подразделялись по крайней мере на восемь отдельных государств, номинальная независимость которых была действительна в разной степени. Сюда входили: Украинская и Белорусская Социалистические Советские Республики; Азербайджанская, Армянская и Грузинская Социалистические Советские Республики¹; Дальневосточная республика со столицей в городе Чите и две советские республики в Средней Азии — Хорезмская и Бухарская. Однако эти внешние формы разделения маскировали движение в направлении воссоединения, которое уже в большой мере осуществлялось. Конец гражданской войны ознаменовал переход от второго из трех периодов — охарактеризованного ретроспективно в партийной резолюции 1923 г. как «сотрудничество в форме военного союза» — к третьему периоду, к «военно-экономическому и политическому союзу народов», которому предстояло найти свое окончательное воплощение в форме Союза Советских Социалистических Республик.

Второй из этих периодов, относившийся к сугубо военному этапу воссоединения, возник непосредственно в условиях гражданской войны и начался на западных окраинах, где особенно требовались неотложные меры. В январе 1919 г., еще даже до возвращения Киева, Временное Советское правительство Украины провозгласило свою «солидарность с Советской Российской Фе-

деративной Республикой, колыбелью Всемирной Революции», и предсказывало объединение Украинской Советской республики с Советской Россией на основе принципов социалистической федерации. Об аналогичных стремлениях в феврале 1919 г. заявил I Белорусский съезд Советов². И на основе этих симптомов Сталин сделал обнадеживающий вывод о том, что «через независимые советские республики народы России приходят к новому добровольному братскому единству»³.

Военные события заставили сначала решить вопрос об Украине. 18 мая 1919 г. Центральный исполнительный комитет Советской Украины «вместе с Киевским Советом Рабочих депутатов, Киевским уездным съездом крестьянских депутатов и представителями киевских профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов» (перечисление органов власти должно было свидетельствовать о значительности события) принял Постановление, в котором провозглашались два основных принципа:

«1) Вся вооруженная борьба с врагами Советских республик должна быть объединена во всех существующих Советских республиках.

2) Все материальные средства, необходимые для ведения этой борьбы, должны быть сосредоточены вокруг общего для всех республик центра.

Исходя из этого, ЦИК поручает своему президиуму обратиться в ЦИК всех Советских республик с предложением выработать конкретные формы организации единого фронта революционной борьбы»⁴.

1 июня 1919 г. декрет ВЦИКа, изданный в Москве, «стоя вполне на почве признания независимости, свободы и самоопределения трудящихся масс Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма» и вместе с тем исходя из украинской резолюции от 18 мая и всех вместе «предложений Советских правительств Латвии, Литвы и Белоруссии», на этом основании провозглашал необходимость «военного союза»⁵ между социалистическими Советскими республиками этих стран и РСФСР. Союз должен был включать объединение: «1) военной организации и военного командования, 2) Советов Народного Хозяйства, 3) железнодорожного управления и хозяйства, 4) финансов и 5) Комиссариатов Труда». Декрет завершался назначением комиссии для ведения переговоров по осуществлению этого проекта⁶.

В течение тех нескольких недель, когда принимался этот декрет, гражданская война обрушилась на большинство территорий, которых он касался. Как и многие постановления той поры, декрет от 1 июня 1919 г. остался на бумаге; нет сведений о том, что комиссия, которая должна была выработать условия предложенного союза, когда-либо собралась. Тем не менее урок не прошел даром. Декрет от 1 июня 1919 г., хотя и не дал конкретных результатов, был все же неосознанным, почти случайным предвестником процесса, с помощью которого предстояло создать новую общ-

ность — СССР. В декрет входило понятие «союз» между составными частями бывшей Российской империи; он устанавливал принцип «тесного союза» между определенными важными народными комиссариатами; и он предусматривал своего рода формальное предварительное соглашение, на основе которого Москва будет иметь право принимать конституционные решения, обязательные для всех⁷.

Военная необходимость облекла декрет в такую форму, которая соответствовала большевистской теории и подтверждала ее. Самоопределение наций было обусловлено единством рабочих всех национальностей в революционной борьбе и поэтому от него зависело. Если бы не удалось добиться единства рабочих разных национальностей и районов бывшей Российской империи и это привело бы к победе контрреволюции, тогда вообще не было бы никакого самоопределения. При таком доводе вопрос о том, какого рода национальное самоопределение было бы достигнуто при победе революции, естественно, считался решенным, не требующим доказательств. Однако в условиях непосредственной военной необходимости он был правильным и неопровержимым. Он не перестал быть правильным и тогда, когда миновала непосредственная военная необходимость, поскольку социалистические нации жили в условиях постоянной угрозы нападения капиталистов⁸. Необходимость единства была постоянной и нашла свое выражение в единстве Красной Армии. Как только единство было принято в качестве очевидной военной необходимости и как только благодаря победе в гражданской войне укрепился престиж Красной Армии, борьба за единство — и притом единство на основе русского начала — была наполовину выиграна.

Таким образом, был расширен путь для превращения военного союза *ad hoc** в постоянный «военно-экономический и политический союз народов». Третья и последняя стадия процесса началась произвольно и почти случайно, по мере того как территории освобождались от буржуазных правительств или оккупационных армий и возникла необходимость в более постоянной основе их отношений с РСФСР. В Постановлении ВЦИКа, опубликованном 15 февраля 1920 г., определялось «установление нормальных отношений между Р. С. Ф. С. Р. и входящими в ее состав автономными Советскими Республиками и, вообще, нерусскими национальностями» как «одна из важнейших задач ВЦИК», а также сообщалось о создании комиссии «для разработки вопросов федеративного устройства Р. С. Ф. С. Р.»⁹. Летом 1920 г. были образованы Башкирская, Татарская, Казахская и Калмыцкая автономные республики. На всем протяжении от Москвы до окраин был достигнут успех, хотя его достижение и было отсрочено из-за войны с Польшей и военной кампании против Врангеля. 30 сентября 1920 г. был заключен договор о «военном и финансово-эко-

* Применительно к данному случаю (лат.). — *Прим. ред.*

номическом союзе», а также пять дополнительных договоров между РСФСР и Азербайджанской ССР, которая возникла всего шестью месяцами ранее. А через 10 дней Сталин в качестве народного комиссара по делам национальностей сделал важное заявление о национальной политике, которое появилось в виде статьи, опубликованной в «Правде»¹⁰.

Сталин начал с довода, касавшегося военной необходимости:

«Три года революции и гражданской войны в России показали, что без взаимной поддержки центральной России и ее окраин невозможна победа революции, невозможно освобождение России от когтей империализма».

Для окраин возможны были лишь два выхода: либо вместе с Россией, либо вместе с Антантой. Автор продолжал с несколько тяжеловесной иронией:

«Так называемая независимость так называемых независимых Грузии, Армении, Польши, Финляндии и т. д. есть лишь обманчивая видимость, прикрывающая полную зависимость этих, с позволения сказать, государств от той или иной группы империалистов».

Если бы какая-либо из этих наций решила в своем большинстве отделиться, то России, как это было в случае с Финляндией, пришлось бы санкционировать отделение. Но речь уже шла не о правах наций, которые были неоспоримы, а об интересах народных масс. А «интересы народных масс говорят, что требование отделения окраин на данной стадии революции глубоко контрреволюционно».

Отбрасывая идею «культурно-национальной автономии», Сталин затем выступил в защиту «**областной автономии окраин**» — автономии, которая не может не быть действенной как в культурном, так и в экономическом отношениях. Однако главный интерес в тот момент вызывало отношение «советской автономии» к незаконченному еще «административному переделу России». Сталин хвалил эластичность «советской автономии», которая переходила «от узкой, административной автономии (немцы Поволжья, чуваша, карелы) ... к более широкой, политической автономии (башкиры, татары Поволжья, киргизы), от широкой, политической автономии — к еще более расширенной ее форме (Украина, Туркестан), наконец, от украинского типа автономии — к высшей форме автономии, к договорным отношениям (Азербайджан)».

Здесь примечательно, во-первых, то, что Сталин различал только разные степени автономии, но не находил никакого существенного различия между автономными областями и автономными республиками РСФСР или между автономными республиками РСФСР и формально независимыми республиками вроде Украины и Азербайджана, и, во-вторых, то, что Сталин отметил заключенный незадолго до этого договор о «военном и финансово-экономическом союзе» с Азербайджаном как «высшую форму автономии». В этом перечислении была откровенно предсказана политическая линия,

которой в последующие два года предстояло привести к созданию СССР. В будущем больше внимания будет обращаться на конституционное различие между автономными единицами РСФСР и союзными республиками, заключившими договоры с РСФСР. Однако основной курс был ясно предначертан в октябре 1920 г. в статье Сталина. В первую категорию входили меньшие народы, которые будут по-прежнему организованы в виде автономных единиц, включенных в РСФСР. (Когда Сталин писал статью, он собирался совершить поездку, основным назначением которой был «административный передел» разнообразных народов Северного Кавказа¹¹.) Ко второй категории относились Азербайджан и другие семь независимых республик, которые будут организованы на основе договорных отношений с РСФСР; прототипом этих отношений стали договоры, заключенные с Азербайджаном 30 сентября 1920 г.

Азербайджанская модель была громоздкой, но ясной. Основным договор устанавливал принцип «тесного военного и финансово-экономического союза» между двумя государствами и обязывал их осуществить в кратчайший срок объединение: 1) военной организации и военного командования; 2) органов, ведающих национальной экономикой и внешней торговлей; 3) органов снабжения; 4) железнодорожного и водного транспорта и управления почтово-телеграфной связью и 5) финансов. Военный вопрос, вероятно, рассматривался в неопубликованном соглашении. Другие пункты были охвачены в пяти дополнительных договорах, подписанных одновременно с основным договором. В соответствии с тремя из этих дополнительных договоров (посвященными финансам, внешней торговле и национальной экономике), полномочный орган РСФСР назначал своего представителя в азербайджанский Совнарком (или — по вопросам народного хозяйства — в Совнархоз) «с правом решающего голоса». В двух других договорах объединение было достигнуто с помощью незначительно отличавшихся положений¹². Однако во всех договорах с очевидностью ощущалось подчеркнутое объединение экономической и финансовой политики.

Это был первый образец, и Азербайджан был страной слабой и отсталой. Эти шесть договоров, как и те, что последовали за ними — договоры, заключенные между РСФСР и другими независимыми Советскими республиками, — были заключены так, как заключаются договоры между независимыми государствами, и подписаны соответствующими комиссарами по иностранным делам по форме, признанной международным правом. Тем не менее результат этого союза вряд ли мог быть чем-либо иным, кроме как зависимостью Азербайджана от РСФСР. Эту реальность не сочли даже нужным особенно скрывать при формулировке текста.

Следующий в ряду договоров был заключен три месяца спустя с Украинской ССР, чьи долгие испытания, связанные с ино-

странными оккупациями, сменявшими одна другую, закончились разгромом польских захватчиков в июле 1920 г. Насколько Азербайджан (за исключением русского и космополитического города Баку, мало озабоченного национальными стремлениями своей страны) был, возможно, самым бедным и слабым из восьми республик, настолько Украина была, конечно, самой сильной и наиболее настойчивой в своем требовании официальной независимости и равенства. Заключению договора с Украиной в определенной мере была придана торжественность и значительность тем, что он был подписан в Москве 28 декабря 1920 г. в период работы VIII Всероссийского съезда Советов и был официально ратифицирован съездом. Это был единственный из подобных договоров, подписанный самим Лениным от имени РСФСР. Раковский, в то время Председатель украинского Совнаркома и главный украинский делегат на съезде, подчеркнул, что совершается переход от военного к экономическому союзу:

«Но нет никакого сомнения, что дальнейшая наша политика будет идти по пути объединения, и в особенности теперь, в период советского хозяйственного строительства, эта сплоченность и объединение также и, может быть, даже более необходимы, чем раньше, в период военной обороны»¹³.

Формулировки были более тщательными, чем формулировки в азербайджанском договоре. В преамбуле содержалось подтверждение «провозглашенного великой пролетарской революцией права народов на самоопределение» и признавалась «независимость и суверенность каждой из договаривающихся сторон», как и «необходимость сплотить свои силы в целях обороны, а также в интересах их хозяйственного строительства». На этот раз все было включено в единый документ.

По поводу механизма, который при этом предусматривался, в договоре осторожно избегали непосредственных указаний на зависимость. Военные и военно-морские дела, народное хозяйство, внешняя торговля, финансы, труд, транспорт, почта и телеграф были в ведении «объединенных комиссариатов» обеих республик. Эти объединенные комиссариаты «входят в состав Совнаркома Р.С.Ф.С.Р. и имеют в Совете Народных Комиссаров У.С.С.Р. своих уполномоченных, утверждаемых и контролируемых украинскими Ц.И.К. и Съездом Советов». Наряду с этим Украинская ССР имела своих представителей во ВЦИКе и на Всероссийском съезде Советов, которые являлись высшими органами власти для объединенных комиссариатов. Согласно уточнению, внесенному на VIII Всероссийском съезде Советов, представители одной из сторон на съезде Советов другой стороны не имели права голоса, когда обсуждались вопросы, касающиеся необъединенных комиссариатов¹⁴.

В 1921 г. в ту же систему были включены еще три республики — Белорусская, Грузинская и Армянская ССР. Договор с Белоруссией, подписанный 16 января 1921 г., был сформулирован

идентично договору с Украиной¹⁵. Однако, по крайней мере в вопросе о финансах, сравнительно свободный украинский образец, видимо, оказался недостаточно строгим для более отсталой Белорусской республики, в которой вряд ли было много специалистов в области финансов, и шесть месяцев спустя с ней был заключен договор по азербайджанскому образцу. В соответствии с этим договором, в белорусском Совнаркоме имелся представитель российского комиссариата финансов с правом решающего голоса. Договор содержал также новое дополнительное положение о том, что бюджеты объединенных комиссариатов должны представляться в Наркомфин и Совнарком РСФСР для утверждения и окончательного включения в бюджет РСФСР¹⁶.

Между тем договор от 21 мая 1921 г. с Грузинской ССР был составлен по украинскому образцу лишь с несколькими изменениями¹⁷. Договор с Армянской ССР, подписанный 30 сентября 1921 г., был посвящен исключительно финансовым вопросам и стоял на полпути от совместного контроля, предусмотренного в украинском варианте, к подчиненному положению Азербайджана и Белоруссии¹⁸. Эти различные формы, конечно, означали различия по существу. Однако разнообразие заключалось, вероятно, не столько в степени достигнутого объединения, сколько в размерах того вклада, который союзные республики могли эффективно вносить в деятельность объединенной системы.

Остальные три республики — Хорезмская, Бухарская и Дальневосточная — были в ненормальном положении, не будучи «Социалистическими Советскими Республиками». Первые две были Народными Советскими Республиками, третья — Демократической Республикой. Хорезм (бывшая Хива) и Бухара никогда не были официально включены в царскую империю. И отчасти, возможно, из-за того, что там повсюду продолжались беспорядки, а отчасти из-за их отсталости в социальном развитии Москва была весьма склонна в данный момент проявить уважение к их статусу «зарубежных» стран. Договоры о союзе и экономические соглашения были заключены между РСФСР и Хорезмом 13 сентября 1920 г.¹⁹, а с Бухарой — 4 марта 1921 г.²⁰ Что касается военной сферы, то здесь предусматривалось «военно-политическое» соглашение для установления «общего плана, общего руководства и подготовки сил, обеспечивающих осуществление задач охраны независимости и свободы обеих республик»²¹. Образец был в общем-то знакомым, хотя вряд ли военные статьи могли найти в значительной мере непосредственное применение, поскольку в Бухаре Красная Армия до конца лета 1922 г. энергично воевала с басмачами.

Вместе с тем положения, посвященные экономическим вопросам, которые составляли большую часть договоров, полностью отличались от положений, включенных в договоры с социалистическими республиками. Здесь не могло быть и речи об объединении институтов. Всю внешнюю торговлю должны были осуществлять

не частные лица, а государственные институты, и республики не должны были на своей территории предоставлять индустриальные или коммерческие права какому-либо государству, кроме РСФСР или другой советской республики. В остальном особо подчеркивался отказ РСФСР от всех прав собственности или концессий бывшей Российской империи на территории этих двух республик, включая земли русских колонистов, поселившихся в Бухаре до революции; колонисты, однако, могли, очевидно, сохранить свои земли, приняв бухарское гражданство. Общим республикам были обещаны существенные единовременные выплаты в виде субсидий: Хорезму — 500 млн. рублей, а Бухаре — сумма, которую предстояло установить в последующем соглашении. Эти договоры, по-видимому, на деле создавали такую же зависимость от РСФСР для Хорезма или Бухары, как и для независимых социалистических советских республик или автономных республик, а возможно, они означали даже большую зависимость. Но формальные узы носили другой характер и скорее относились к концепции «внешних отношений», чем к концепции «федеративной связи». Прошло несколько лет, прежде чем обе республики были признаны созревшими для включения в объединенную систему.

Конституционные последствия всех этих преобразований определить нелегко: то, что возникло в результате договоров с Украинской и Белорусской республиками, а также с тремя республиками Закавказья, имело некоторые черты союза, некоторые черты федерации и некоторые черты унитарного государства²². Однако такая неясность была характерна для всех советских конституционных документов того периода. В договорах азиатских республик не было такого положения, как в договорах Украинской и Белорусской республик, согласно которому украинские и белорусские представители допускаются на Всесоюзный съезд Советов, и во ВЦИК. Тем не менее делегаты от Азербайджана, Грузии и Армении, так же как и от Украины и Белоруссии, беспрепятственно присутствовали на IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г.²³, и съезд решил, что «ввиду... желания отдельных советских республик иметь своих представителей в высшем законодательном органе республики» число членов ВЦИКа должно быть соответствующим образом увеличено²⁴. Это дало официальное основание ВЦИКу выпускать декреты, которые, по-видимому, без дальнейших формальностей, воспринимались как обязательные на всех территориях союзных республик.

Другим важным новшеством было то значение, которое во всех договорах придавалось экономическому единству. Как сказал Сталин, анализируя впоследствии этот процесс, именно «скудость наших хозяйственных ресурсов, оставшихся в распоряжении республик», вынуждала их «объединить эти скудные средства для более рационального их использования и развития главных отраслей хозяйства»²⁵. Экономические последствия гражданской войны завершили процесс, начало которому положила острая необ-

ходимость, вызванная самой войной. Уже в марте 1920 г. лозунг «Все для фронта!» уступил место лозунгу «Все для народного хозяйства!»²⁶. Еще раньше VII Всероссийский съезд Советов назначил «административно-территориальную комиссию» для установления новых местных границ, более соответствующих экономическим единицам²⁷. В дальнейшем этот момент всегда оставался в поле зрения. Предложенный Государственным плановым комитетом план разделения европейской части России на 12 экономических регионов, а азиатской части России — на 9 таких регионов XII партийный съезд, состоявшийся в апреле 1923 г., осторожно благословил, назвав его «предварительной рабочей гипотезой, нуждающейся в дополнении, проверке и разработке на основании опыта»²⁸. Создание этих регионов, пересекающих все политическое разделение, в том числе и национальное, было новым подтверждением противоречий, существовавших между долговременными и кратковременными целями советской национальной политики. Необходимость экономического единства, которое было главным условием экономического прогресса «отсталых» народов и, следовательно, реального равенства в будущем, вступило в противоречие с разобщающим влиянием сиюминутных национальных устремлений.

Дипломатический этап объединения отставал от военного и экономического этапов, поскольку здесь не было особых причин или импульсов к объединению. Но по одному из договоров, заключенных между РСФСР и другими советскими республиками, иностранные дела не включались в список дел объединенных комиссариатов. А поскольку объединенный контроль над иностранными делами традиционно был отличительным признаком любой федерации, его отсутствие в данном случае характеризовало установившиеся отношения скорее как союз, нежели как федерацию. На деле Украина была единственной республикой, широко пользовавшейся разрешением проводить собственную внешнюю политику — заключать договоры с теми государствами, которые признавали Украину²⁹, и на короткий период иметь собственных представителей в Праге, Берлине и Варшаве.

Однако, помимо того что существовали практические препятствия на пути организации независимых народных комиссариатов по иностранным делам и дипломатических служб в отсталых и бедных республиках, не признанных какими-либо играющими значительную роль зарубежными странами, сами по себе отношения между этими республиками и РСФСР мешали каким-либо серьезным попыткам проведения самостоятельной внешней политики. Заключенные договоры создали официальный союз, настолько тесный, что общее отношение к внешнему миру в связи с любым важным вопросом могла бы определить лишь общая власть и оно могло быть представлено лишь через единый канал. Тем не менее ничего похожего на единство образа действий еще не было. Советская делегация, подписавшая мирный договор с Польшей

в Риге 18 марта 1921 г., была совместной делегацией РСФСР и Украинской ССР; кроме того, российская делегация получила также все полномочия от Белорусской ССР³⁰.

За два дня до этого РСФСР подписала в Москве договор с Турцией, по которому определялась линия границы между Турцией и тремя Закавказскими республиками и который даже повлек за собой ряд территориальных изменений; причем сами эти республики официально не участвовали ни в переговорах, ни в заключении договора. Момент этот, однако, был учтен. В предпоследней статье договора было сказано:

«Россия обязуется предпринять в отношении Закавказских Республик шаги, необходимые для признания этими Республиками в договорах, которые будут заключены ими с Турцией, статей настоящего договора, непосредственно их касающихся»³¹.

Позднее в том же году, когда республики Армения, Азербайджан и Грузия выполнили это сделанное за них обещание, заключив договор с Турцией в Карсе, в преамбуле специально отмечалось, что они провели переговоры «при участии РСФСР»³², делегат которой тоже подписал договор.

Однако эта процедурная путаница не могла далее продолжаться. В начале 1922 г. вопрос обострился в связи с тем, что западные союзные державы пригласили РСФСР принять участие в предстоящей европейской конференции в Генуе — приглашение, которое не учитывало конституционного статуса других Советских правительств. 22 февраля 1922 г. восемь республик заключили соглашение, поручив РСФСР «представлять и защищать» их интересы на предстоящей международной конференции в Генуе и подписать не только любое достигнутое там соглашение, но и «всякого рода связанные прямо или косвенно с этой Конференцией отдельные международные Договоры и Соглашения с Государствами, как представленными на указанной Конференции, так и со всякими другими, и предпринимать все вытекающие из сего шаги»³³. Эти широкие полномочия в достаточной мере устранили пробел, образовавшийся оттого, что иностранные дела не вошли в список дел «объединенных комиссариатов». Если существовало какое-либо сопротивление слиянию дипломатических функций, то оно исходило от Украины — единственной республики, достаточно сильной, чтобы позволить себе поступки, которые должны были демонстрировать дипломатическую независимость. И успокаивающее заявление Яковлева, исполняющего обязанности украинского комиссара по иностранным делам, сделанное летом 1922 г., явно было направлено на то, чтобы смягчить это противодействие:

«Украинская внешняя политика не имеет и не может иметь интересов, отличных от России — такого же пролетарского государства. Героическая борьба России в полном союзе с Украиной на всех фронтах против отечественных и иностранных империалистов теперь сменяется таким же единым союзным фронтом дипломатии. Украина независима в своей внешней политике там, где

дело касается специфических интересов Украины. В вопросах же, имеющих общее политическое и хозяйственное значение для всех Совет. Республик, и Российский и Украинский Наркоминделы выступают как единые представители единой федеративной власти»³⁴.

В последний раз принцип самостоятельного представительства был формально соблюден в Берлине в ноябре 1922 г., когда Украина, Белоруссия, Грузия, Азербайджан, Армения и Дальневосточная республика подписали с Германией договор, согласно которому на них распространялись положения договора, заключенного в Рапалло³⁵. В декабре 1922 г., когда в Москве собралась конференция восточноевропейских держав, посвященная вопросу о сокращении вооружений, Литвинов сообщил, что, «поскольку вооруженные силы всех Советских республик составляют единое целое, русская делегация имеет все полномочия для ведения переговоров об их сокращении»³⁶.

Таким образом, до конца 1922 г. процесс воссоединения был, в сущности, закончен, и его уже начинали воспринимать как сам собой разумеющееся. Оставалось лишь облечь его в соответствующую конституционную форму. Разница между независимыми республиками, связанными с РСФСР договорными отношениями, и автономными республиками, входящими в РСФСР, на деле была невелика. Без сомнения, логично было бы уподобить одно другому, либо сделав союзные республики автономными единицами расширенной РСФСР, либо выведя автономные республики из РСФСР и сделав их единицами более крупного союза наряду с РСФСР и союзными республиками³⁷. Но то, что логично, редко бывает политически целесообразно. Первое решение вызвало бы недовольство союзных республик, и особенно Украины, как умаление их статуса формально независимых, как подчинение «России». Второе решение ослабило бы РСФСР как главный стержень всей структуры и вызвало бы враждебное отношение у всех, в чьих интересах было сохранить преобладание РСФСР.

Следовательно, было необходимо выработать компромисс, который бы минимально отклонялся от сложившегося положения вещей. РСФСР оставалась «федерацией», охватывавшей в то время 8 автономных республик и 13 автономных областей³⁸, и в качестве единицы, формально приравненной к независимым социалистическим советским республикам, входила в более широкую федерацию.

Чтобы подготовить такое урегулирование, потребовалось объединить в одну местную федеративную единицу три маленькие Закавказские республики, и этот, казалось бы, незначительный шаг стал поводом для серьезных трений между Арменией и Грузией, между соперничающими группами грузинских большевиков, между соперничающими группами в Центральном Комитете самой партии и, наконец, между Сталиным и теперь уже почти нетрудоспособным Лениным. Спор этот был отчасти следствием событий февраля 1921 г., когда Грузией завладели большевики и

Ленин так неожиданно и тщетно выступил вместе с меньшевиками³⁹. Но этот спор отражал также силу грузинского национализма и недавно присоединившихся меньшевиков, которые превратили Грузию — не меньше, чем Украину, — в центр сепаратистского «национального» сопротивления Советской власти. Замешательство и разногласия в партийном руководстве были вызваны именно трудностями, с которыми, с точки зрения советских властей, было сопряжено решение грузинской проблемы без грубого и откровенного применения силы к политически сознательным грузинским группировкам, громко высказывавшим требования национального самоуправления.

С того момента, как все три Закавказские республики были включены в советскую систему, Армения, сознавая свою военную и экономическую слабость и изолированность, поспешила призвать к созданию в какой-либо форме федерации или союза между ними⁴⁰, а Грузия, гордясь традицией независимости, протестовала против такого шага, который привел бы к выравниванию экономических условий между нею и ее более бедными соседями и увеличил бы влияние входящего в нее многочисленного и презираемого армянского меньшинства. Различие взглядов отразилось в соответствующих конституциях обеих республик: в то время как в Конституции Армянской ССР говорилось об укреплении отношений с ее соседями, в Конституции Грузинской ССР было сказано лишь о солидарности со всеми существовавшими советскими республиками и о готовности войти в состав «единой Международной социалистической советской республики»⁴¹.

Однако здесь, как и повсюду в других местах, требования экономического порядка выступали в качестве веского довода в пользу объединения. За те несколько недель, когда происходило взятие Грузии в феврале 1921 г., грузинские железные дороги, которые представляли собой жизненно важное звено в системе средств сообщения Закавказья, были наряду с железными дорогами двух остальных республик включены в советскую систему железных дорог, очевидно, невзирая на протесты грузинских большевиков, и для работы на них было взято большое число русских железнодорожников⁴². Еще в апреле 1921 г. Ленин, столкнувшись с угрозой экономического краха, настойчиво рекомендовал срочно создать «областной хозяйственный орган для всего Закавказья»⁴³. Несколько дней спустя, явно поглощенный мыслями об успехе НЭПа, он опубликовал в «Правде Грузии» статью, в которой, казалось, предостерегал народы Кавказа и Закавказья от крайностей «военного коммунизма». Он объяснял, что нет необходимости в деталях копировать «нашу тактику», что надо следовать духу, а не букве и учиться на опыте прошедших лет — с 1917 по 1921 г. «Больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянству... Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму» — вот что требовалось. Самое насущное тре-

бование состояло в улучшении положения крестьян и начале работ по электрификации и ирригации⁴⁴.

В 1921 г. общественность была настроена решительно в пользу НЭПа и связанного с ним смягчения централизованной дисциплины и контроля. До конца года в Грузии было сделано немного. В губерниях Поволжья европейской части России свирепствовал голод, и он служил предостережением против любых резких перемен в системе возделывания земли. Впоследствии выражалось сожаление по поводу того, что в Грузии не была даже начата работа по осуществлению аграрной реформы⁴⁵.

В декабре 1921 г. под непосредственным влиянием визита Орджоникидзе, который был в партии специалистом по грузинским делам, была начата новая кампания. Богатый событиями год начался арестами меньшевиков, которые развили активную деятельность в Грузии после амнистии, объявленной в марте 1921 г.⁴⁶ 12 марта 1922 г. в результате длительного давления из центра три Закавказские республики заключили договор, образовав Федерацию Социалистических Советских Республик Закавказья (ФССРЗ) с «Полномочной Конференцией» в качестве высшего органа власти. Одной из функций, согласно договору, подлежавших контролю федерации, было «руководство экономической политикой». И была, наконец, выполнена настойчивая рекомендация Ленина, высказанная годом ранее, о создании «областного экономического органа» — был создан «Высший Экономический Совет»⁴⁷.

Едва это было осуществлено, как последовало распоряжение из Москвы от партийных властей о том, что требуется не федерация республик, а единая федеративная республика. Это повергло местных коммунистов, которые неохотно согласились на федерацию, в состояние замешательства и возмущения. Летом 1922 г. в Грузию Центральным Комитетом партии была направлена специальная комиссия, в которую входили Дзержинский, Мицкявичус-Капсукас и Мануильский (поляк, литовец и украинец), чтобы вынести решение и восстановить дисциплину. Осенью руководители грузинских коммунистов Мдивани и Махарадзе были освобождены от занимаемых должностей и отозваны в Москву, и был образован новый партийный комитет Грузии. Когда препятствия были таким образом устранены, в Тифлисе состоялся I Закавказский съезд Советов, который 13 декабря 1922 г. принял Конституцию Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики (ЗСФСР), во многом походившую на Конституцию РСФСР⁴⁸. Непокорность грузинской нации была усмирена, и была создана административная единица, подходящая для образования более широкого союза⁴⁹.

С помощью этих мероприятий восемь независимых единиц в советском созвездии были сокращены до шести. Дальнейшее удобное сокращение было достигнуто путем возвращения Дальневосточной республики в состав РСФСР. Из оставшихся пяти республик Хорезмская и Бухарская республики еще не были социали-

стическими, и их нельзя было включить в союз, поэтому они сохранили свой статус. Из оставшихся трех Украинская ССР и Закавказская СФСР одновременно 13 декабря 1922 г. (в день образования Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики) приняли резолюцию, где приветствовалось создание союза социалистических советских республик, а через три дня их примеру последовала Белорусская ССР⁵⁰. 26 декабря 1922 г. X Всероссийский съезд Советов по предложению Сталина принял резолюцию с аналогичной формулировкой⁵¹. 30 декабря 1922 г. делегаты РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР и Закавказской СФСР досрочно созвали I съезд Советов СССР. Этот день, как сказал Сталин, который сделал основной доклад на съезде, явился днем «торжества новой России над старой, над Россией — жандармом Европы, над Россией — палачом Азии»⁵². Затем Сталин перешел к чтению торжественной декларации и проекта «Договора об образовании Союза Советских Социалистических Республик»⁵³.

В декларации перечислялись три причины создания Союза ССР — экономическая, военная и идеологическая:

«Разоренные поля, оставившиеся заводы, разрушенные производительные силы и истощенные хозяйственные ресурсы, оставшиеся в наследство от войны, делают недостаточными отдельные усилия отдельных республик по хозяйственному строительству. Восстановление народного хозяйства оказалось невозможным при раздельном существовании республик.

С другой стороны, неустойчивость международного положения и опасность новых нападений делают неизбежным создание единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения.

Наконец, само строение Советской власти, интернациональной по своей классовой природе, толкает трудящиеся массы советских республик на путь объединения в одну социалистическую семью.

Все эти обстоятельства повелительно требуют объединения советских республик в одно союзное государство, способное обеспечить и внешнюю безопасность, и внутреннее хозяйственное преуспеяние, и свободу национального развития народов».

Остальная часть процедуры была короткой и формальной. Фрунзе, выступая от имени трех союзных республик, одобрил проект договора, но призвал к созданию «дополнительных гарантий того, чтобы принимаемый нами акт был действительно актом, устанавливающим безошибочно основы новых прочных взаимоотношений, позволяющих каждому государству, входящему в союз, выявить в интересах общего дела максимум энергии и самостоятельности»⁵⁴. Делегаты Бухарской и Хорезмской Советских республик выступили с приветствиями, в которых была выражена скромная надежда когда-нибудь в качестве социалистических республик получить возможность вступить в Союз⁵⁵; а Киров, которого представляющий на съезде представил как «рабочего из Баку»,

выступил с приветствиями в адрес съезда от имени пролетариата Закавказской СФСР⁵⁶. Затем съезд единогласно утвердил Договор, избрал Центральный Исполнительный Комитет — первый ВЦИК СССР — и поручил ему составить проект Конституции Союза. Основные ее принципы уже содержались в только что утвержденном Договоре.

ГЛАВА 14

КОНСТИТУЦИЯ СССР

10 января 1923 г. Президиум нового ВЦИКа, избранного I Всероссийским съездом Советов, назначил комиссию из 13 человек для составления проекта Конституции. Вскоре комиссия была увеличена до 25 человек: 14 человек — от РСФСР, 5 — от Украинской ССР и по 3 человека — от Закавказья и Белоруссии¹. Поскольку 5 из 14 делегатов от РСФСР были из автономных республик, это означало, что лишь 9 членов комиссии были великороссами — этот момент Енукидзе подчеркивал в своем докладе во ВЦИКе. В действительности, как показали последующие события, главные решения, касавшиеся Конституции, не зависели ни от комиссии, ни от какого бы то ни было государственного органа, а зависели скорее от Политбюро или от некоей неформальной группы руководителей внутри партии.

Проект Конституции, согласно которому РСФСР лишалась своего исключительного положения, попадала в подчинение, наряду с другими ее равноправными партнерами, общей центральной власти СССР, был весьма лестным для самолюбия этих партнеров, особенно для Украинской ССР, самой крупной из них и наиболее чувствительной к неравенству. Однако Фрунзе уже выразил опасения республик, и постепенное осознание того, что у нового СССР могут оказаться более значительные, чем у прежней РСФСР, полномочия, более высокий престиж и более широкая власть, вызвало резкую реакцию. Контрпроекты, представленные в проектную комиссию ВЦИКа Украинским и Белорусским Центральными исполнительными комитетами и затем обнародованные, были, в сущности, направлены вообще против принципа централизованной власти, и их едва ли можно было согласовывать с принципами союза, принятыми в декабре предыдущего года². Совет Национальностей, прикрепленный к Наркомнацу, послужил в качестве псевдопредставительного органа, через который могли быть выражены взгляды разных национальностей РСФСР. В феврале 1923 г. в проектной комиссии было выдвинуто предложение преобразовать Совет Национальностей в орган СССР, превратив его, в соответствии с другими федеральными конституциями, во вторую палату ВЦИКа. Некоторые российские делегаты резко возра-

жали против этого предложения³, и казалось, что комиссия зашла в тупик.

Как и в большинстве затруднительных случаев, решение предоставили принимать партии. XII партийный съезд, состоявшийся в апреле 1923 г., когда полемика была в полном разгаре, с исключительным вниманием отнесся к критике со стороны республик. Сталин, которого Ленин незадолго до этого резко критиковал за его чрезмерную непримиримость при решении грузинского вопроса, особенно старался сгладить впечатление и готов был в большой мере пойти навстречу требованиям наций. Съезд резко выступил против возможных проявлений «великорусского шовинизма». Не обращая пока внимания на тот пункт партийной Программы, где указывалось на «федеративное объединение государств, организованных по советскому типу», как на «одну из переходных форм на пути к полному единству», съезд решительно осудил тех, кто придерживался этих взглядов теперь, в ходе создания СССР:

«Союз Республик расценивается значительной частью советских чиновников в центре и на местах не как союз равных государственных единиц, призванный обеспечить свободное развитие национальных республик, а как шаг к ликвидации этих республик, как начало образования так называемого „единого-неделимого“».

За такое поведение в дальнейшем грозило наказание, и оно клеймилось как «антипролетарское и реакционное»⁴. Съезд особо рекомендовал проект, который предусматривал наличие «специального органа представительства всех без исключения национальных республик и национальных областей на началах равенства»⁵. Оставался, однако, открытый вопрос: равенство с кем?

В соответствии с официальным планом, Совет Национальностей должен был состоять из представителей всех республик, будь то федеративных или автономных, и автономных областей. В другом плане предусматривалось, что он должен состоять исключительно из представителей четырех федеративных республик⁶. Раковский, делегат от Украины, сетовал, что, согласно официальному плану, РСФСР имела в три раза больше представителей, чем три остальные федеративные республики вместе взятые, и предлагал новое усовершенствование, заимствованное из Веймарской конституции германского государства, в соответствии с которой никакая отдельная «государственная единица» не могла иметь свыше двух пятых от общего представительства. Сталин отклонил все эти проекты на том основании, что новый орган должен быть советом не государств, а национальностей⁷.

В результате окончательной реорганизации Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) подразделялся на две палаты. Одна — Совет Союза — состояла из 371 депутата, которые избирались Всероссийским съездом из представителей участвующих в нем республик пропорционально численности их населения⁸. В другую палату — Совет Национальностей — входил 131 депутат, по пять от каждой союзной или автономной респуб-

лики и по одному от каждой автономной области, которые избирались исполнительным комитетом республики или области. Совет Национальностей олицетворял, таким образом, формальное признание равенства не только государств, но и народов, составлявших Союз, независимо от количества населения. Две палаты делили на равной основе права и функции ВЦИКа, который существенно не отличался — ни теоретически, ни практически — от своего предшественника, ВЦИКа РСФСР. Каждый законодательный акт ВЦИКа должен был утверждаться обеими палатами, голосующими раздельно. Расхождения в мнениях между ними, если их нельзя было согласовать на совместном заседании⁹, должны были передаваться на рассмотрение очередного или чрезвычайного Всесоюзного съезда Советов.

Резолюция съезда партии являлась директивой для проектной комиссии, которая должна была действовать соответственно разработанным указаниям. Направляемая таким образом комиссия осуществляла свою задачу, передав на утверждение ВЦИКа согласованный проект в начале июля. Кроме новшества, касавшегося Совета Национальностей в качестве второй палаты, «Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик»¹⁰ сравнительно мало чем отличался от Конституции РСФСР. Это была прямая попытка применить испытанные принципы Конституции РСФСР в устройстве союза более крупного масштаба.

Высшая власть передавалась новому Всесоюзному съезду Советов, а Всероссийский съезд Советов оставался высшим органом РСФСР, которая выступала теперь уже в новом качестве подчиненного члена Союза. К Всесоюзному Центральному Исполнительному Комитету переходили функции и известное сокращенное название Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК), а последний переходил на положение подчиненного органа. Бывший Совнарком РСФСР становился Совнаркомом СССР¹¹, а в РСФСР, как и в других составлявших Союз республиках, имелся свой собственный подчиненный Совнарком. Таким образом, центральные учреждения РСФСР были превращены в центральные учреждения СССР, с некоторым увеличением числа сотрудников, но в сущности без изменений. Подлинная преемственность наблюдалась между РСФСР в ее прежнем качестве и СССР, а не между РСФСР в его прежнем качестве и новой подчиненной РСФСР.

За те четыре года, которые прошли со времени выработки Конституции РСФСР, произошли серьезные изменения в конституционной структуре, особенно создание в пределах РСФСР ряда автономных республик и автономных областей. Конституция вступила в силу в июле 1918 г., как раз перед тем как гражданская война обрушилась на большую часть территорий с преимущественно нерусским населением, где могли бы возникнуть автономные федеративные единицы; и вскоре все внимание было отдано фронту. Однако после 18 месяцев сражений, после поражения Де-

никина и Колчака, прежний вопрос снова возник. В результате назначения ВЦИКом в феврале 1920 г. комиссии «для разработки вопросов федеративного устройства РСФСР»¹² стандартная форма Конституции была разработана и применена в следующие два года, с учетом местных особенностей, в автономных республиках Поволжья (Башкирская и Татарская республики), на Кавказе (Дагестан и Горская республика, Абхазия и Аджария), в Средней Азии (Казахстан и Туркестан) и в Крыму. Каждая из автономных республик не только имела свой собственный съезд Советов и свой исполнительный комитет, но и собственные народные комиссариаты, составлявшие республиканский Совнарком¹³.

Наибольший интерес в области конституционных отношений представлял собой именно опыт разделения полномочий между этими комиссариатами и центральными властями. Во всех случаях была установлена классификация, состоявшая из трех частей. Внешние отношения и внешняя торговля полностью осуществлялись центральной властью. То же относилось к военным делам и к «ведению борьбы с контрреволюцией» Всероссийской Чрезвычайной Комиссией (а впоследствии ГПУ); при этом иногда практиковались консультации с местными властями. Далее следовали функции второй категории, за осуществление которых народные комиссариаты республик непосредственно несли ответственность перед соответствующими органами РСФСР; в число этих органов, как правило, входили основные комиссариаты, ведавшие экономикой страны. Остальные комиссариаты автономных республик были самостоятельными, подлежали общему контролю ВЦИКа, который иногда был ограниченным, а иногда лишь подразумевался.

Эти конституционные преобразования внутри РСФСР уже послужили образцом, на основе которого формулировались отношения между РСФСР и другими социалистическими Советскими республиками¹⁴. А теперь они служили основой **структуры СССР**. Согласно Конституции 1924 г., народные комиссариаты СССР и союзных республик подразделялись на уже известные три категории. Первая категория включала пять общесоюзных комиссариатов, не имевших дублеров в республиках, так что дела, которыми они ведали — международные отношения, оборона, внешняя торговля, пути сообщения, почта и телеграф, — оказались исключительно в ведении СССР. Здесь центральная власть полностью контролировала как принятие, так и выполнение решений.

Ко второй категории «объединенных комиссариатов» — новым было только название — относились Высший совет народного хозяйства и комиссариаты труда, продовольствия, финансов и рабочих и крестьянской инспекции¹⁵. Такие комиссариаты имелись и в СССР и в республике, причем республиканский комиссариат представлял собой местное отделение соответствующего комиссариата Союза ССР и осуществлял на территории республики его задания. Республиканский комиссариат нес ответственность за выполнение

на территории союзной республики решений, принимаемых центральной властью¹⁶.

В ту же категорию попало и Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), учрежденное, как указывалось в короткой главе Конституции, специально ему посвященной, в целях «объединения революционных усилий союзных республик по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом». Заменявшее ГПУ РСФСР ОГПУ учреждалось «при Совете Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик», но действовало через «своих уполномоченных при советах народных комиссаров союзных республик». Оно, таким образом, являлось по форме объединенным комиссариатом.

Наконец, шесть комиссариатов: внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения и по делам национальностей — составляли третью категорию. Это были республиканские органы, не имевшие двойников союзного значения, хотя в Конституции предусматривалось, что ведению союзных органов подлежит установление «основ судостроительства и судопроизводства, а также гражданского и уголовного законодательства Союза», «основных законов о труде», общих начал в области народного просвещения» и «общих мер в области охраны народного здоровья».

Каждая входившая в Союз ССР республика имела собственный Совнарком, который состоял из комиссаров несоюзных комиссариатов и «объединенных» комиссариатов; а всесоюзные комиссариаты имели право назначать уполномоченных во все республиканские Совнаркомы. Таким образом, республиканские Совнаркомы, в той мере, в какой они эффективно действовали в качестве составной части определенного корпоративного института, проявляли тенденцию к превращению в местные исполнительные органы центральной власти. Центральные исполнительные комитеты республик также не имели достаточно власти, чтобы противостоять Совнаркому СССР. Согласно Конституции, они имели право обжаловать его декреты и постановления, обратившись во ВЦИК, но «не приостанавливая их исполнения».

Еще одно новшество по сравнению с Конституцией РСФСР 1918 г. было зафиксировано в главе, посвященной организации судопроизводства. В Конституции СССР 1924 г. предусматривалось учреждение Верховного суда «при Центральном Исполнительном Комитете Союза Советских Социалистических Республик» в целях «утверждения революционной законности на территории Союза Советских Социалистических Республик». Однако, хотя судопроизводство приобретало таким образом определенную формальную независимость, его роль в качестве подчиненного органа по отношению к исполнительной власти обеспечивалась постановлением о том, что прокурор Верховного суда, назначаемый Президиумом ВЦИКа, имел право опротестовать в Президиуме решения

суда. Это полностью соответствовало марксистской теории, согласно которой закон есть орудие государственной власти. Именно в связи с этим в Конституции РСФСР 1918 г. не содержалось какого-либо юридического истолкования Конституции.

Согласно Конституции СССР 1924 г., Верховному суду разрешалась «дача заключений по требованию Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик о законности тех или иных постановлений союзных республик с точки зрения Конституции». Однако не предлагалось никакого способа проверки законности постановлений общесоюзных органов; а отношения между общесоюзными и республиканскими органами определялись статьей, где говорилось, что «Союз Советских Социалистических Республик охраняет суверенные права союзных республик». Высшими полномочиями был облечен Всесоюзный съезд Советов, или, более конкретно, ВЦИК. Никакое постановление этих органов, как и никакие постановления британского парламента, не могло быть *ultra vires* *.

Именно вследствие этих усовершенствований право вносить поправки в Конституцию было предоставлено не входящим в Союз ССР республикам, а исключительно центральной власти¹⁷. Единственное специальное положение Конституции 1924 г., касающееся внесения в нее поправок, относилось к вопросу о распределении власти между Всесоюзным съездом Советов и ВЦИКом. Согласно Статье 2, Всесоюзный съезд Советов имел исключительное право на «утверждение и изменение основных начал» Конституции. Это неясное определение функции подразумевало признание права ВЦИКа или его Президиума вносить в Конституцию изменения, не затрагивающие «основные начала»; и со временем это право стало свободно осуществляться. Например, декрет от 9 мая 1924 г., упразднивший общесоюзные и республиканские комиссариаты по продовольствию и учредивший «объединенные» комиссариаты внутренней торговли, был принят Президиумом ВЦИКа; декрет от 18 ноября 1925 г. о слиянии комиссариатов внутренней и внешней торговли в единый комиссариат торговли — декрет, повлекший за собой ряд конституционных поправок, — был принят совместно ВЦИКом и Совнаркомом. С другой стороны, IV Всесоюзный съезд Советов сам внес поправку в Статью 11 Конституции, установив, что заседания съезда проводятся не раз в год, а раз в два года.

Общий вывод таков, что процесс внесения в Конституцию поправок происходил под влиянием тех же соображений удобства и при той же неопределенности компетенции, как и обычный процесс выработки законодательства. С точки зрения конституционного закона противоречие снималось благодаря тому, что ВЦИК был обязан представлять все декреты и в том числе поправки к Конституции на ратификацию очередному съезду Советов. Однако эта

* Здесь — «невыполнимо» (лат.). — Прим. ред.

обязанность ВЦИКа не задерживала вступление декретов в силу и на деле была лишь формальностью.

Суммировать изменения, которые произошли в советской системе в результате принятия Конституции 1924 г., — задача трудная. Изучая их, сталкиваешься с самого начала с одним любопытным парадоксом. В названии РСФСР было слово «федеративная», и к этой республике всегда относились как к федеративной. Между тем с точки зрения строго конституционных терминов она была унитарным государством, включавшим в себя ряд подчиненных, хотя и отчасти автономных, единиц. В Конституции СССР и в относящихся к ней официальных документах слов «федеративный» и «федерация» избегали. Тем не менее Советский Союз был по существу федерацией. Он был создан на основе соглашений между формально равноправными суверенными государствами, и Конституция официально признавала дальнейший суверенитет федеративных единиц, который был «ограничен лишь в пределах, указанных в настоящей Конституции». Конституция предусматривала на строго федеративных принципах распределение полномочий между органами власти СССР и органами власти союзных республик, а в определенных случаях совместную юрисдикцию («объединенные комиссариаты»). В ней даже признавалось право, которое обычно не предоставляется членам федерации — право на отделение, — и четко предусматривалось, что это право не может быть отменено без согласия всех республик. Двухпалатный законодательный орган был обычным средством обеспечения прав государств — членов федерации. Все это в большой мере отвечало требованиям советских республик, которые составляли СССР.

И все же не менее вероятно и то, что выпадение термина «федеративный» из названия СССР значило больше, чем утверждение этих федеральных форм. В документах того периода часто подчеркивалось, что СССР представляет собой «одно союзное государство». Конституция СССР, принятая в 1924 г., рассматривалась по сравнению с Конституцией РСФСР, принятой в 1918 г., как шаг вперед в направлении централизации как благодаря увеличению числа вопросов, входящих в компетенцию центрального правительства, так и благодаря его более сильной верховной власти. Это был дальнейший шаг по пути концентрации власти, которая неуклонно происходила с начала существования нового строя. Никакие конституционные гарантии прав республик не были в силах противостоять этой тенденции к централизации. Степень единообразия, на практике установленного Конституцией, можно, конечно, легко преувеличить. Составные части, из которых был образован СССР, особенно если к ним причислить автономные республики и области, обнаруживали гораздо большее разнообразие в своем экономическом, политическом и культурном развитии, чем это когда-либо наблюдалось в истории любой другой федерации. И один этот факт говорит о том, что мерить по единой мерке здесь трудно и неуместно. Пусть даже Совет Националь-

ностей, берущий свое начало от института, возникшего под эгидой Наркомнаца, совершенно очевидно, не смог удовлетворить стремлений украинских националистов, но тем не менее в свете пробуждавшейся политической сознательности степных казахов или горцев Кавказа он был огромным достижением. В конституционном плане постановление о двухпалатном представительном съезде оказалось не более чем попыткой пересадить на неподходящую для этого почву Советского Союза конституционные обычаи и средства буржуазного мира. Никаких придирчивых споров по жизненно важным вопросам никогда ни в одной палате не происходило, и никогда не отразилась в протоколах разница в мнениях между ними. ВЦИК продолжал принимать декреты и издавал их от своего имени, но ни одна из двух палат ВЦИКа, ни его объединенный Президиум не принимали основных решений; их конституционная власть была не более действенной, чем у проектного комитета. Короче говоря, на Конституцию 1924 г. распространялось то, что неизбежно должно было восприниматься как нереальность всех конституционных форм при советской системе правления, если критиковать систему с точки зрения западных конституционных законов. Эти формы играли свою роль в управлении, центральном и местном, в формировании и выражении мнений. Однако принятие главных политических решений и споры, которые предшествовали их принятию, происходили за пределами конституционной системы.

Растущее сосредоточение власти, выраженное в следовавших одна за другой Конституциях РСФСР и СССР, тенденция к замене федеральных форм реальностью унитарного государства и неэффективность конституционного контроля были в определенном смысле уступкой затянувшемуся чрезвычайному положению в стране. Борьба за существование, исход которой всегда под вопросом, никогда не создает атмосферы, благоприятной для децентрализации власти или для смягчения ее суровости. Более того, в этот период еще жила в сознании многих большевиков идея государственной власти как временного орудия, которым безжалостно владеют, пока длится борьба, но которому суждено отмереть, когда будет одержана победа в борьбе за социализм. А эта идея оправдывала любые меры, которые, казалось, нуждались в оправдании. К тому же сильная тенденция к централизации наблюдалась не только в Советском Союзе. Действительно, советский опыт подтверждает вывод, сделанный в обычном современном трактате по поводу федеральной формы правления:

«Война и экономический кризис, если они часто повторяются, почти наверняка превратят федеральные правительства в правительства унитарные. ...Рост социальных служб может, хотя и не обязательно, вести к тому же результату»¹⁸.

Концентрация власти в центре была характерна скорее для периода, чем для институтов любой отдельной страны. В Советском Союзе корни ее были в первую очередь экономическими. Знамена-

тельный абзац в Статье 1 Конституции возлагал на верховные органы Союза ССР «установление основ и общего плана всего народного хозяйства». Кроме того, четыре из шести «объединенных» комиссариатов ведали экономическими делами.

Конституция СССР, в том виде, в каком она была составлена проектной комиссией на основе указаний XII съезда партии, была принята на заседании ВЦИКа 6 июля 1923 г. и немедленно вступила в силу. Требовалось еще, чтобы ее официально утвердил II Всесоюзный съезд Советов, и это было сделано 31 января 1924 г., через 10 дней после смерти Ленина ¹⁹.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ТЕОРИЯ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАЦИИ

а) Предпосылки: XIX век

Великая французская революция отбросила понятие государства как личного владения монарха, заменив его идеей национального или народного суверенитета. Идея личного права, которым облечен монарх, была связана с феодальной системой землевладения и была несовместима с новыми социальными и экономическими условиями, создавшимися в результате роста промышленности и торговли и возникновения новой нефеодальной интеллигенции. Таким образом, средние классы стали наследниками монархии, исповедующими новую веру — национализм.

«В аристократических государствах, — говорил Робеспьер, — слово «*patrie*»^{*} имеет значение только для патрицианских семейств, которые захватили власть. Лишь при демократии государство — это действительно *patrie* для всех составляющих его людей»¹.

Определение нации или народа как носителя власти, которое было приведено в систему и приобрело популярность благодаря Французской революции, оставалось, однако, чисто буржуазным. Бабеф сетовал, что многие «видят в обществе только врага и терпят даже возможность иметь отечество». Вейтлинг связывал понятие отечества с понятием собственности:

«Лишь у того есть отечество, кто владеет собственностью или, хотя бы, имеет свободу и возможность ее приобрести. Тот, кто этого не имеет, лишен отечества».

«Нация» или «народ», образующие государство, — это победоносная буржуазия. Трудящиеся имели так же мало значения, как и во времена монархии; они по-прежнему, говоря современным языком, «не заинтересованы в отечестве».

Такова была картина, на фоне которой сложилось отношение Маркса к национальному вопросу и возникло изречение, включенное в «Манифест Коммунистической партии»: «Рабочие не имеют отечества». Эти знаменитые слова не были, как иногда думают, бахвальством или программой. Это был протест против лишения пролетариата привилегии быть полноправным членом страны. Поэтому прежде всего в «Коммунистическом манифесте» говорилось

^{*} Родина (фр.) — Прим. ред.

о том, что пролетариат каждой страны должен «сперва покончить со своей собственной буржуазией». Таким образом: «Если не по содержанию, то по форме борьба пролетариата против буржуазии является сначала борьбой национальной». И далее:

«Так как пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса*, конституироваться как нация, он сам пока еще национален, хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия».

Все это могло происходить в рамках буржуазной демократии, заслуга которой состояла в том, что она должна была обеспечить пролетариат инструментом для уничтожения господства буржуазии.

Вместе с тем действовали другие, надолго рассчитанные силы. Маркса, в отличие от Лассалья, не смутил национальный социализм. Он отмечал, что техническое развитие производства глубоко влияет на государство-нацию независимо от того, буржуазия или пролетариат является господствующим классом.

«Национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни.

Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение. Соединение усилий, по крайней мере цивилизованных стран, есть одно из первых условий освобождения пролетариата.

В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой.

Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой».

Пролетариат этот процесс ускорит. Это тот класс, как в самом начале своей научной деятельности мимоходом отметил Маркс, «у которого уже уничтожена национальная обособленность», который «является уже выражением разложения всех классов, национальностей и т. д. в теперешнем обществе»². Конечно, этот процесс завершится лишь после свержения буржуазии и перехода к социализму. И тем не менее не было никакой непоследовательности в том, чтобы призывать пролетариат всех стран прогнать свою буржуазию и стать национальным классом, но в то же время верить, что конечная цель революции заключается в единстве трудящихся в обществе без классов и наций. Большинство мыслителей XIX века, начиная с Мадзини, рассматривали национализм не как противоположность интернационализма, а как естественную ступеньку на пути к нему³. Таким же образом можно было предположить, что национализм буржуазного этапа революции перерастет в интернационализм пролетарского этапа.

* В английском издании 1888 г. вместо слов «подняться до положения национального класса» напечатано: «подняться до положения ведущего класса нации». — *Прим. ред.*

Идея народной власти, по сути, подразумевала также принцип национального самоопределения, казавшийся логическим и неизбежным следствием демократии. Однако принцип самоопределения, провозглашенный Французской революцией, прежде всего подразумевал право народов создавать национальные государства вопреки династическому принципу, и это был в такой же мере внутренний, как и международный вопрос. Он, конечно, не предполагал повсеместного процесса отделения и распада. Во Франции революция оказалась объединяющей силой, уничтожившей последние традиционные остатки бретонского, нормандского и провансальского сепаратизма. Повсюду в остальных местах народы, в защиту которых этот принцип выступал наиболее часто в последующие 50 лет — поляки, итальянцы и немцы, — были разрознены и стремились к воссоединению и объединению в единое целое со своими соотечественниками.

У Маркса, по-видимому, не было повода рассматривать вопрос о национальном самоопределении до 1848 г., но он бы наверняка не увидел в нем ничего противоречащего постепенному процессу объединения, которого, с его точки зрения, требовали современные условия производства.

1848 год был поворотным пунктом в вопросе о национализме и самоопределении наций. Династический принцип, уничтоженный во Франции в 1789 г., был расшатан во всей Центральной Европе, и теперь, когда повсюду призывали к народной власти как основе государства, новые нации стали подавать голос. Поощрялись не только устремления немцев, поляков и итальянцев к национальному единству, но стали обсуждаться национальные требования шлезвигских датчан, многочисленных народов империи Габсбургов и даже ирландцев. Эти требования повлекли за собой некоторые совершенно новые проблемы. Все требования немцев, поляков, итальянцев (и в связи с этим венгров) угрожали целостности империи Габсбургов. Эта империя, основа гнусного Священного союза, была с 1815 г. объектом нападок всех прогрессивных мыслителей. Таким образом, создание германского, польского, итальянского и венгерского государств, скорее всего, могло представляться событием прогрессивным и конструктивным. Однако теперь уже германскому единству угрожали датчане и чехи, польскому — русины, венгерскому — словаки и хорваты, итальянскому — словенцы, а британскому единству — ирландцы. Национализм и национальное самоопределение впервые использовались как силы разрушительные, разобщающие и реакционные⁴.

Маркс и Энгельс не пытались ни в то время, ни в какое-либо иное сформулировать полностью теорию национализма. Когда их просили высказать свои мысли о событиях 1848 г., их отношение к национальному вопросу было обусловлено обстановкой, на фоне которой разразилась буржуазная революция, и оно не слишком отлучалось от того отношения, которое в большинстве случаев проявляли либералы и демократы. Для каждого было

очевидно, что где-то должна быть подведена черта. Требования национальной независимости не могли множиться до бесконечности. На этом сходились мыслители всех школ. Дело было в критериях, которые при этом применялись.

Во-первых, Маркс и Энгельс были склонны признать требования, которые привели бы к созданию крупных, мощных государств, и отвергнуть такие требования, которые привели бы к расколу крупных государств ради образования мелких. Это совпадало и с либеральными взглядами того времени⁵, и с выраженной в «Коммунистическом манифесте» мыслью о том, что современное экономическое развитие требовало создания более крупных государственных единиц. В статье, датированной 1866 г., Энгельс указал на ясное различие между отношением к тем «большим и четко определенным историческим нациям Европы» (он особо назвал Италию, Польшу, Германию и Венгрию⁶), чьи национальные устремления поддерживали все европейские демократы, и отношением к национальному самоопределению «многочисленных мелких остатков тех народов, которые фигурировали более или менее продолжительное время на арене истории, но затем были превращены в составную часть той или иной более мощной нации». Эти более мелкие «национальности» — «сербы, хорваты, русины, словаки, чехи и другие остатки бывших славянских народов в Турции, Венгрии и Германии» — были выдумкой или орудием российских панславистов, и их требования ни в коем случае не стоило поощрять⁷. Наступившая позднее либеральная идеализация малых национальностей еще не началась и не могла воздействовать на отношение к ним Маркса и Энгельса.

Во-вторых, Маркс и Энгельс были склонны поддерживать те требования, реализация которых, как можно было предполагать, способствовала бы осуществлению мировой революции, о которой говорилось в «Коммунистическом манифесте», то есть поддерживать требования стран с достаточно высоким уровнем буржуазного развития и, значит, перспективных с точки зрения возможностей для борьбы пролетариата. Требования Польши — единственной страны, упоминавшейся в «Коммунистическом манифесте», в которой буржуазная революция должна была носить скорее аграрный, чем индустриальный характер, — были включены в эту категорию в виде исключения⁸ и последовательно поддерживались Марксом в его статьях 1848 г. о Франкфуртском национальном собрании. В остальных случаях крестьянский национализм рассматривался как реакционный по своей природе.

На том же именно основании Энгельс отвергал претензии датчан на Шлезвиг — датчане были лишь «получивилизованной нацией». А право немцев на княжества представляло собой «право цивилизации по отношению к варварству, прогресса по отношению к застою»⁹. Обычно принято относить это за счет немецкой предубежденности Энгельса. Однако Маркс, которого нельзя обвинить в пристрастном отношении к Англии, также не поддерживал в то

время требований ирландцев¹⁰. Требования славянских народов империи Габсбургов, кроме польских требований, были отвергнуты с таким же возмущением в двух часто цитировавшихся статьях, направленных против Бакунина, которые Энгельс написал в 1849 г.¹¹ Все эти народы (кроме чехов, чью революционную борьбу в 1848 г. Маркс и Энгельс не раз хвалили¹²) были отсталыми, крестьянскими. Их победа означала бы подчинение цивилизованного Запада варварскому Востоку, города — деревне, торговли, производства, интеллекта — примитивному земледелию славянских рабов.

В-третьих, для всех прогрессивных мыслителей XIX века было аксиомой, что Россия — это самый мощный поборник европейской реакции, и поэтому враждебное отношение к России служило показателем искренней революционности. То, что Маркс и Энгельс отвергли требования малых национальностей империи Габсбургов, Ленин в первую очередь объяснил именно этими причинами. Он писал, что

«в 1848 г. были исторические и политические основания различать «реакционные» и революционно-демократические нации. Маркс был прав, осуждая первые и стоя за вторые. Право на самоопределение есть одно из требований демократии, которое, естественно, должно быть подчинено общим интересам демократии. В 1848 и следующих гг. эти общие интересы состояли в первую голову в борьбе с царизмом»¹³.

По этому признаку требования Польши, которые можно было использовать против России, одобрялись, а требования малых славянских народов, склонных обращаться за поддержкой к Российской державе, — осуждались.

Наконец, в оценках Маркса и Энгельса был элемент явного эмпиризма, и глупо было бы все относить за счет последовательно разработанной теории. Например, большинство крестьян славянского происхождения, проживавших в Австрии, считали Габсбургов более отдаленными и поэтому менее неприятными хозяевами, чем своих польских и венгерских помещиков. В 1848 г. они помогали Габсбургам противостоять тем самым национальным требованиям, которые стремились поддержать Маркс и Энгельс совместно с большинством либералов. Именно это так называемое «предательство» национального дела в такой же степени, как и любая теория о реакционном характере крестьянских наций или их предполагаемое пристрастие к России, вызывало резкое осуждение со стороны Энгельса. На отношение Маркса и Энгельса к Польше повлияли также практические трудности в деле согласования германских и польских требований. То ли по причине национального предубеждения, то ли потому, что Германия с точки зрения революционности представлялась более передовой и поэтому более заслуживающей поддержки, чем Польша, но Маркс и Энгельс всегда были склонны удовлетворить германские, а не польские территориальные требования и в то же время были готовы

предоставить Польше компенсацию за счет России или малых национальностей, которые населяли пограничные между Россией и Польшей территории. Было бы опасно извлекать теоретические выводы из этих эмпирических заявлений.

До 1850 г., таким образом, Маркс и Энгельс не разрабатывали особой теории национального самоопределения и удовлетворялись тем, что либо следовали общим демократическим принципам, либо принимали эмпирические решения в особых случаях. В более поздние годы непосредственная связь с рабочим движением заставила Маркса уделять несколько больше внимания национальному вопросу. Польское восстание 1863 г. послужило поводом для первоначальной встречи британских и французских рабочих, которая положила начало Первому Интернационалу, и сочувствие к Польше еще сохранилось в радикальных кругах к тому времени, когда в следующем году Интернационал был фактически создан. Благодаря этим обстоятельствам вопрос о национальном самоопределении был включен в связи с польскими событиями в Программу Интернационала, принятую Генеральным советом 27 сентября 1865 г. «Признается настоятельно необходимым, — говорилось в одном из ее пунктов, — уничтожить захватническое влияние России в Европе, применив к Польше «право каждого народа на самоопределение» и восстановив эту страну на социальной и демократической основе».

Однако несмотря на то, что национальное самоопределение явно было призвано специально для того, чтобы нанести удар по России, трудно было ограничить его применение одной Польшей. Энгельс в свое время был вынужден пересмотреть свое отношение к требованиям, которые датчане предъявляли Шлезвигу¹⁴, а Маркс признал, что его точка зрения по поводу Ирландии изменилась:

«Прежде я считал отделение Ирландии от Англии невозможным. Теперь я считаю его неизбежным, хотя бы после отделения дело и пришло к *федерации*».

Он окончательно пришел к выводу, что *«прямой абсолютный интерес английского рабочего класса требует разрыва его теперешней связи с Ирландией»*¹⁵, и настаивал на этом в Генеральном совете Интернационала.

Вопрос о принципе, очевидно, возник лишь однажды. Французы — члены Интернационала почти все до единого были прудонистами и вслед за своим руководителем отвергали националистические требования. «Прудоновская клика», сообщал Маркс Энгельсу, когда в июне 1866 г. разразилась австро-прусская война, начала проповедовать мир, объявляя «войну устаревшей, национальности — бессмыслицей»¹⁶. Когда несколько недель спустя Лафарг, придерживавшийся этой точки зрения, говорил в Генеральном совете, что нации — это «устарелые предрассудки», Маркс напал на него, доказывая, что Лафарг «под отрицанием национальностей понимает, кажется, их поглощение образцовой фран-

цузской нацией»¹⁷. Этот довод Ленину предстояло однажды использовать против польских и австрийских социалистов и «великорусских шовинистов», которые, отрицая принцип самоопределения наций, косвенным образом утверждали собственное национальное превосходство.

Второй Интернационал со времени своего основания в 1889 г. вплоть до 1914 г. еще меньше, чем его предшественник, занимался принципом самоопределения наций. После 1870 г. интерес к этому вопросу упал. Ни в Польше, ни в других местах на Европейском континенте не было таких волнений, которые бы обострили этот интерес, а голоса угнетенных народов других континентов еще только-только становились слышны всему миру. Наиболее полное заявление по этому вопросу содержалось в резолюции Лондонского конгресса Второго Интернационала, который состоялся в 1896 г.:

«Конгресс выступает за полную автономию всех национальностей и заявляет о своем сочувствии рабочим любой страны, в настоящее время страдающей под ярмом военного, национального или какого-либо иного деспотизма; конгресс призывает рабочих всех этих стран стать в строй бок о бок с классово-сознательными рабочими всего мира, чтобы добиться свержения всемирного капитализма и установления всемирной социал-демократии»¹⁸.

Таким образом, в первой половине резолюции говорилось о заинтересованности пролетариата в осуществлении буржуазного принципа национальной автономии или самоопределения, а во второй половине выражалась его вера в конечную международную солидарность пролетариата. Однако интерес оказался поверхностным. Не делалось никаких попыток вернуться к этому вопросу на последующих конгрессах Интернационала до 1914 г.¹⁹

б) Большевицкая теория самоопределения наций: до 1917 г.

Право на национальное самоопределение было провозглашено в «Манифесте Российской социал-демократической рабочей партии», принятом на учредительном съезде партии в 1898 г. Партийная Программа, принятая на II партийном съезде в 1903 г., содержала признание «права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства». Стиль фразы и включение этого пункта в число других, относящихся к внутренней российской политике, показывали, что речь шла о национальностях Российского государства²⁰. Вопрос о международном значении этой простой формулировки не поднимался ни тогда, ни когда-либо в дальнейшем до 1914 г. Однако по поводу вытекавших из нее выводов в области партийных и национальных проблем все это время шли споры. Они еще больше обострились после революции 1905 г.; да и сам Ленин, по-видимому, стал придавать большее

значение национальному вопросу, после того как он переехал в австрийскую часть Польши летом 1912 г. В следующем году Ленин отмечал, что «национальный вопрос выдвинулся в настоящее время на видное место среди вопросов общественной жизни России»²¹. К этому периоду и относятся главные заявления большевиков по национальному вопросу, сделанные до революции.

Первая из двух главных ересей, которые в то время бросали вызов партийной ортодоксальности, была австрийского происхождения. Незадолго до начала нового столетия ведущие австрийские марксисты, стремясь противодействовать разрушительным тенденциям национализма, который угрожал ветхому зданию двуединой монархии, выдвинули проект замены самоопределения наций, признанного социал-демократией, внетерриториальной культурной автономией, которой могли пользоваться национальные группы всей империи, не разрушая ее политического и территориального единства²². Первым и наиболее наглядным естественным результатом этого проекта явилось его применение к самой партии. На своем съезде в 1897 г. австрийская социал-демократическая партия приняла решение провести внутрипартийную реорганизацию и образовать федерацию из шести автономных национальных партий — немецкой, чешской, польской, русинской, итальянской и югославской. Следующий съезд партии, состоявшийся в Брюнне (ныне Брно. — *Ред.*) в 1899 г., принял неясно сформулированную резолюцию, в которой приветствовалось преобразование Австрии в «федерацию народов». За этим последовала кампания борьбы под руководством Карла Реннера (подписывавшего свои работы псевдонимом Рудольф Шпрингер) и Отто Бауэра за оригинальную систему национальной культурной автономии на личностной основе. Лица различной национальности, независимо от места жительства, должны были организовываться под руководством национальных советов для осуществления задач в области образования и других культурных целей. При этом политическое и экономическое единство монархии и ее управления оставалось неизменным.

В России эти идеи в применении к партийной и государственной организации охотно подхватил Общееврейский рабочий союз в России и Польше, обычно называемый Бундом. Бунд, старейшая социал-демократическая организация России, был принят в Российскую социал-демократическую рабочую партию на ее учредительном съезде в 1898 г. Бунд был принят как «автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата»²³. На II съезде партии в 1903 г. делегаты Бунда отстаивали исключительное право этой организации «быть единственным представителем еврейского пролетариата, в какой бы части российского государства он (еврейский пролетариат) ни жил и на каком бы языке ни говорил»²⁴. Потерпев сокрушительное поражение при голосовании, бундовцы ушли со съезда, а также вышли из партии. Они вновь были приняты в пар-

тию на IV съезде в 1906 г. с уклончивой формулировкой, которая не разрешила вопроса²⁵. К этому времени латышская и кавказская социал-демократические партии выдвигали те же требования, что и Бунд. По мере того как обострялся национальный вопрос в России, дискуссии в партии становились все более частыми и острыми. Причем против политики автономии национальных секций выступали только Ленин и немногие стойкие большевики.

В ходе дискуссий, по-видимому, со всех сторон было высказано предположение, что национальная автономия в партии и культурная автономия для национальностей в государстве являются или становятся принципами одного порядка²⁶. Будучи убежденным в том, что партия станет слабее, если будет разделена по национальному признаку, Ленин был в равной мере убежден в том, что это относится и к государству; и он боролся против устройства по этому принципу как партии, так и государства. В начале 1903 г., накануне II съезда партии, он осуждал армянскую социал-демократическую группу за ее требование «*федеративной республики*» для России в целом и «автономии относительно культурной жизни» — для кавказских народов. Пролетариат, утверждал Ленин, не нуждается в «национальной автономии». Он заинтересован только в двух вещах: с одной стороны, в «политической и гражданской свободе и полной равноправности», с другой — в «праве на самоопределение для каждой национальности» (что означало право отделения)²⁷.

Таким образом, Ленин вскоре занял бескомпромиссную позицию — «все или ничего» — в вопросе национального самоопределения, что было совсем не так странно, как это может показаться на первый взгляд. Нация имела право на отделение; если она предпочитала не использовать это право, тогда у нее как у нации никакого другого права не оставалось, хотя при этом каждый представитель этой нации естественно пользовался наравне с другими гражданами одинаковыми правами в отношении языка, образования и культуры, какими пользуются даже в такой буржуазно-демократической стране, как Швейцария²⁸.

Таким образом, отношение Ленина к этому вопросу определилось уже в начале 1903 г. А 10 лет спустя, когда национальный вопрос обострился, он поручил Сталину, молодому грузинскому большевику, который навестил его в то время в Галиции, разбить австрийскую концепцию. Работа Сталина под названием «Национальный вопрос и социал-демократия» была опубликована в партийном органе весной 1913 г.²⁹ Внутренние и внешние признаки говорят о том, что она была написана под влиянием Ленина, и в партийной литературе по этому вопросу она оставалась образцом.

Во вступительной части работы выражалось сожаление по поводу того, что «надвигалась волна национализма», и социал-демократов призывали «оградить массы от общего «поветрия»... противопоставив национализму испытанное оружие интернационализма, единство и нераздельность классовой борьбы». Затем

Сталин переходил к определению нации, указывая, что это **«исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникающая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»**. Австрийские определения нации как «культурной общности группы современных людей, не связанной с „землей”» (Шпрингер) или «совкупности людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы» (Бауэр), осуждались, поскольку в них игнорировались объективные свойства нации, а также меняющиеся исторические и экономические условия, которые способствуют их возникновению. Фактически «нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи подымающегося капитализма». В процессе создания нации «буржуазия — главное действующее лицо», а «рынок — первая школа, где буржуазия учится национализму». Отсюда следует, что: «Национальная борьба в условиях **подымающегося** капитализма является борьбой буржуазных классов между собой». **«В существе своем** она всегда остается буржуазной, выгодной и угодной главным образом буржуазии»³⁰.

Модели были разными для Западной и Восточной Европы, где, благодаря более длительному сохранению феодальной власти, возникали скорее многонациональные, чем национальные государства. Тем не менее эти широкие обобщения о возникновении наций применимы были всюду. Нация, созданная таким образом, должна была рассматриваться как объективная и независимая реальность. «Нация суверенна, и все нации равноправны».

Выразители этих взглядов, подразумевавших право наций на полное самоопределение и отделение, атаковали австрийский тезис по двум направлениям. С одной стороны, в соответствии с австрийским тезисом, права наций ограничивались тем, что делался упор на сохранение многонациональных государств вопреки праву на самоопределение, и тем, что право на политическую независимость пытались заменить равенством прав в области культуры. С другой стороны, австрийский тезис способствовал национализму не только потому, что он увековечивал национальные предрассудки³¹, но и потому, что в нем нация рассматривалась как неизменная, постоянная категория; так что на основе этой гипотезы даже будущий социалистический строй будет «расчленять человечество на национально-отграниченные общества».

Именно против этой двойной «ереси» Сталин выдвинул двустороннюю характеристику нации, которая заняла свое место среди принципов большевизма. С одной стороны, нация являлась исторически сложившейся формой государственной организации в период буржуазной революции и как таковая пользовалась неотъемлемым правом на самоопределение в виде отделения от существующего многонационального государства. С другой стороны, конечная цель социализма состояла в том, чтобы вместо деления мира на «национально-отграниченные общества» установить **«принцип**

интернационального сплочения рабочих». Различие между национализмом буржуазной революции и интернационализмом социалистической революции, здесь лишь слегка очерченное, имело важные последствия, которые выявятся в дальнейшем.

Вторая ересь, вызвавшая возражения большевиков, была в то время главным образом связана с польской социал-демократией³². В начале 90-х годов прошлого века между двумя группами польских социал-демократов поризошел раскол на почве национального вопроса. На базе одной из этих групп возникла «патриотическая» Польская социалистическая партия Пилсудского. Другая группа, выражавшая взгляды Розы Люксембург, заявляла, что «требование восстановления польского государства — это утопия», и в конце концов эта группа стала секцией российской партии³³. Эти разногласия были отражены в острой статье Розы Люксембург, опубликованной в социал-демократическом журнале «Нойе цайт»³⁴, в которой утверждалось, что национальная независимость заботит буржуазию, а пролетариат по сути своей интернационален, и его это не интересует. Довод Розы Люксембург был затем опровергнут на страницах этого же журнала Каутским. В своей статье под названием «Finis Poloniae?» * он поддерживал те идеи, которых в дальнейшем придерживались большевики³⁵.

Это любопытный признак, показывающий зависимость от России всех слоев населения той части Польши, которая входила в состав Российской империи до 1914 г. В то время как класс землевладельцев и купечество, боясь революционных волнений среди польского крестьянства или польского пролетариата, искали поддержку у русских представителей своего класса, польские революционеры также отвергали идею о создании самостоятельной польской революционной партии, которая была бы слишком слабой, чтобы своими силами добиться успеха в борьбе против польского господствующего класса. Длинная статья Розы Люксембург, опубликованная в польском журнале в 1907—1908 гг., дала Ленину материал для его наиболее детально разработанного опровержения польского тезиса³⁶.

Ответ большевиков на польский тезис касался трех основных моментов. Во-первых, «образование самостоятельных национальных государств есть тенденция всех буржуазно-демократических переворотов»³⁷. Так что признание на этом этапе права на отделение есть следствие принципа поддержки пролетариатом буржуазной революции. На этом этапе пролетариат не мог отвергать или ограничивать право на самоопределение, даже если оно соответствовало буржуазным принципам и практике: Ленин часто упоминал отделение Норвегии от Швеции в 1905 г. как яркий пример буржуазного самоопределения³⁸.

Во-вторых, отрицание господствующей нацией права других наций на самоопределение было насмешкой над принципом ра-

* «Польше конец?» (лат.). — *Прим. ред.*

венства наций; пролетариат господствующей нации не мог, строго говоря, в этом участвовать. Как в свое время Маркс добивался того, чтобы английские рабочие поддержали борьбу ирландцев за свою независимость, и осуждал Лафарга за его идею отречения от нации как замаскированную попытку утвердить господство французской нации, так теперь Ленин доказывал, что отказ российских социал-демократов от принципа национального самоопределения означает «приспособление к интересам крепостников и к худшим националистическим предрассудкам господствующей нации»³⁹. Что касается польских демократов, то они имели право отвергать для Польши политику отделения, но это нисколько не делало менее необходимым для партии в целом, и особенно для русских членов партии, провозглашение права Польши на отделение.

Этот довод подводил к третьему моменту, на котором Ленин всегда настаивал: речь идет о различии между правом на самоопределение наций (включая отделение) и решением отделиться. Защищать право на развод, замечал Ленин, означает поддерживать развод в особых случаях⁴⁰. Те, чье право на отделение признано, должны еще принять решение, отделяться или нет. Это различие в дальнейшем приобрело большое значение.

Первое обстоятельное заявление партии по вопросу о национализме содержалось в резолюции, принятой на совещании Центрального Комитета партии, состоявшемся в Поронино, в Галиции — где тогда жил Ленин, — осенью 1913 г. Резолюция подразделялась на пять пунктов, из которых первые три были посвящены австрийской и последние два — польской «ереси». Вот главные пункты этой резолюции:

1) В капиталистических условиях национальный мир был бы возможен при полном равноправии всех наций и языков, отсутствии обязательного государственного языка, при обеспечении населения школами с преподаванием на всех местных языках и при широкой областной автономии и местном самоуправлении.

2) Принцип культурно-национальной автономии и разделение по национальностям школьного дела в пределах одного государства отвергается как безусловно вредный с точки зрения демократии вообще и интересов классовой борьбы пролетариата в особенности.

3) Интересы рабочего класса требовали слияния всех рабочих данного государства, независимо от их национальностей, в единых пролетарских организациях.

4) Партия поддерживает право угнетенных царской монархией наций на самоопределение, то есть на отделение и образование самостоятельного государства.

5) Вопрос о целесообразности осуществления этого права в каждом отдельном случае партия будет решать совершенно самостоятельно «с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм»⁴¹.

Резолюция 1913 г. не покончила с разногласиями. В связи с

войной повсюду шли споры о национальном самоопределении, тем более в социал-демократических кругах. В сентябре 1915 г. Циммервальдская конференция партий, выступавших против войны, опубликовала манифест, в котором содержалось обычное признание «права наций на самоопределение». В ответ на манифест в шведской газете была опубликована резкая статья польского социал-демократа Радека, который объявлял «иллюзорной» «борьбу за несуществующее право на самоопределение»⁴². Весной следующего года дискуссия была перенесена на страницы журнала «Форботе», издаваемого Циммервальдской левой. Здесь в апреле 1916 г. появились две группы тезисов — за самоопределение, написанные Лениным, и против, написанные Радеком.

Радек утверждал, что социал-демократия *«никоим образом не выступает за установление новых пограничных столбов в Европе, за восстановление снесенных империализмом»*; что поддерживать самоопределение наций — верный путь к «социал-патриотизму» и что единственный приемлемый для социал-демократов лозунг — «Долой границы!»⁴³. Через несколько недель в другом издании Радек осудил восстание, которое произошло в Дублине в пасхальные дни 1916 г., как «путч»⁴⁴.

Результаты дискуссии изложил Ленин в другой длинной статье под названием «Итоги дискуссии о самоопределении». Даже Радек выступал против «аннексий», а отвергать самоопределение — значило поддерживать присоединение. Если бы Германия присоединила Бельгию, разве Бельгия не была бы права, требуя независимости во имя самоопределения? Разве не было «аннексией» само по себе разрушение независимой Польши? Единственной альтернативой примирению с национальным угнетением было признание права наций на самоопределение⁴⁵.

В резолюции 1913 г. особо отмечались «капиталистические» условия буржуазного периода; именно это обстоятельство являлось подоплекой всего спора. Поэтому мало значения придавалось моменту, который тем не менее был необходим для ясного понимания доктрины большевиков. Ленин никогда не уклонялся от марксистского понимания того, что «национальная обособленность и противоположность народов» «все более и более исчезают» при приближении к социализму. Он поэтому никогда не считал их существование долгосрочным или абсолютным. Еще в 1903 г. он противопоставлял условное признание национального самоопределения социал-демократией безоговорочному его признанию буржуазной демократией.

«Буржуазный демократ (а также идущий по его стопам современный социалистический оппортунист) воображает, что демократия устраняет классовую борьбу, и потому ставит все свои политические требования абстрактно, огульно, «безусловно», с точки зрения интересов «всего народа» или даже с точки зрения вечно-го нравственного принципа-абсолюта. Социал-демократ беспощадно разоблачает эту буржуазную иллюзию везде и всегда, выража-

ется ли она в отвлеченной идеалистической философии или в постановке безусловного требования национальной независимости»⁴⁶.

А 10 лет спустя, в тот год, когда была принята резолюция в Поронино, Ленин с максимальной ясностью размежевал две стадии в марксистском подходе к национальному вопросу и соответственно два этапа революции:

«Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм. С обеими тенденциями считается национальная программа марксистов, отстаивая, во-первых, равноправие наций и языков, недопустимость каких бы то ни было *привилегий* в этом отношении (а также право наций на самоопределение...), а во-вторых, принцип интернационализма»⁴⁷.

Здесь было показано различие между тем периодом, когда буржуазия еще борется за свои права против феодального строя, и периодом, наступающим после того, как буржуазная революция уже завершена. Во время первого периода национальная борьба была по преимуществу буржуазной, и ее целью было создание национального государства. Это не означало, что рабочие в ней не заинтересованы и не должны ее поддерживать: «Ограничение свободного передвижения, лишение избирательных прав, стеснение языка, сокращение школ и прочие репрессии задевают рабочих не в меньшей степени, если не в большей, чем буржуазию»⁴⁸. Они тем не менее не станут считать абсолютными требования национального самоопределения. Требование самоопределения никогда не могло выдвигаться вопреки требованиям всемирного социализма. По мнению Ленина,

«рабочий, ставящий политическое единение с буржуазией «своей» нации выше полного единства с пролетариями всех наций, поступает вопреки своим интересам, вопреки интересам социализма и интересам демократии»⁴⁹.

И далее:

«Марксизм непримирим с национализмом, будь он самый «справедливый», «чистенький», тонкий и цивилизованный. Марксизм выдвигает на место всякого национализма — интернационализм, слияние всех наций в высшем единстве»⁵⁰.

Цель социализма, писал Сталин в своей знаменитой работе, — сломать национальные барьеры и объединить людей, «чтобы открыть дорогу для межевания другого рода, межевания по классам»⁵¹. Пока на пути стоит национальный вопрос, он отвлекает

внимание «широких слоев» от классовой борьбы к вопросам ситуационным, «общим» для них и для буржуазии⁵². Поэтому принцип национального самоопределения всегда следует принимать, вполне сознавая его относительный, условный и временный характер, твердо имея при этом в виду конечную интернациональную цель.

Вместе с тем, в то время как учение о двух этапах революции всегда составляло самую суть большевистской теории самоопределения, национальный вопрос вплоть до той поры рассматривался практически как проблема исключительно первого, то есть буржуазного этапа, поскольку второй этап все еще казался делом отдаленного будущего. Война 1914 г. постепенно привела Ленина к мысли, что капиталистическая система вследствие своих противоречий находится накануне крушения и начало второго, социалистического этапа революции не за горами, а с этим надо было соответственно согласовать и теорию самоопределения. Однако изучение влияния мировой войны на международную обстановку привело к возникновению новой трудности.

Этапы революции были последовательными во времени. Но вследствие неравномерности развития капитализма различные этапы могли в разных частях мира достигаться одновременно, и наблюдалось бы их взаимное влияние. В апреле 1916 г. оба этих момента вошли в тезисы Ленина, озаглавленные «Социалистическая революция и право наций на самоопределение». В первом тезисе смело утверждалось, что «все объективные предпосылки осуществимости социализма» уже созданы. А поскольку «победоносный социализм» осуществит в качестве первой задачи полную демократию, ему придется также осуществить «право на самоопределение угнетенных наций, т. е. право на свободное политическое отделение».

Однако главная новизна заключалась в том тезисе, где утверждалось, что мир подразделяется на «три главных типа стран». Во-первых, «передовые капиталистические страны Западной Европы и Соединенные Штаты». «Буржуазно-прогрессивные национальные движения здесь давно закончены». Во-вторых, Восточная Европа «и особенно Россия». Здесь именно «XX век особенно развил буржуазно-демократические национальные движения и обострил национальную борьбу». В-третьих, «полукOLONиальные страны, каковы Китай, Персия, Турция, и все колонии». Здесь «буржуазно-демократические движения частью едва начинаются, частью далеко не закончены»⁵³.

Таким образом, в тот момент, когда Ленин искал пути перехода от буржуазного к социалистическому этапу борьбы за национальное самоопределение, он внес также новое уточнение в анализ буржуазного этапа борьбы. Это было прямым следствием тех взглядов, которые он выразил тогда в известной работе «Империализм, как высшая стадия капитализма»⁵⁴. Он проследил в ней пути превращения конкурентоспособного буржуазного капита-

лизма XX века в эксплуататорский буржуазный империализм XX века. Борьба за национальное освобождение была по существу буржуазно-демократической борьбой. В своей характерной для XIX века форме она была борьбой против остатков феодализма и автократии, и в этой форме она еще не завершилась в странах второго типа, то есть в Восточной Европе «и особенно России». В своей характерной для XX века форме она представляла собой борьбу колониальных и полуколониальных стран третьего типа — уже не против феодализма и самодержавия старого образца, а против буржуазного империализма. Таким образом, была заложена основа действенного союза между национальными движениями стран второго и третьего типа, между жертвами старой автократии XIX века и нового империализма XX века, между Восточной Европой и Азией.

«Ибо думать, — писал Ленин позднее, в 1916 г., — что *мыслима* социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии *со всеми ее предрассудками*, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета, — думать так значит *отрекаться от социальной революции*»⁵⁵.

Применять эти уточнения следовало, однако, в свете ленинских мыслей, изложенных в его тезисах в апреле 1916 г., о надвигающемся переходе от буржуазного к социалистическому применению принципа национального самоопределения⁵⁶. Здесь также Россия играла главную и решающую роль. В период перехода от буржуазной к социалистической революции граница между буржуазным и социалистическим этапами развития национальной борьбы тоже утратила определенность: Россия в частности находилась по обе стороны от нее. Но Ленин был к этому готов; у него имелся действенный критерий в деле применения принципа национального самоопределения соответственно к буржуазному и социалистическому этапам.

«Люди, не вдумавшиеся в вопрос, находят «противоречивым», чтобы социал-демократы угнетающих наций настаивали на «свободе *отделения*», а социал-демократы угнетенных наций на «свободе *соединения*». Но небольшое размышление показывает, что иного пути *от интернационализму и слиянию наций*, иного пути к этой цели *от данного* положения нет и быть не может»⁵⁷.

На этой основе, еще не совсем ясной, Октябрьской революции предстояло строить свою теорию и практику, чтобы решать неотложную задачу национального самоопределения.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1. Основы большевизма

1. Не «Русская», а «Российская», что означает название не нации, а всей территории Российской империи.
2. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». М., 1983, т. 1, с. 15—17.
3. Несколько громоздкое название было выбрано для того, чтобы содержание работы не вызывало подозрений. Она была легально опубликована в России с разрешения цензуры. В английском переводе (1947) приведено более точное название статьи — «В защиту материализма». Автор скрыл свою фамилию под псевдонимом Бельтов.
4. *Н. К. Крупская*. Воспоминания о Ленине. М. — Л., 1930, вып. I, с. 33.
5. Следующие номера печатались в Мюнхене до декабря 1903 г., после чего газета выпускалась в Женеве.
6. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 4, с. 354—360 (здесь и далее ссылки на работы В. И. Ленина даются по 5-му изданию, а на работы К. Маркса и Ф. Энгельса — по 2-му изданию. — *Ред.*); «КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 17—21. Мартов утверждает, что первоначальный проект действительно существовал (*В. И. Ленин*. Соч., 2-е изд., т. IV, с. 554), однако нет данных о том, в какой мере он вошел в окончательный вариант.
7. «КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 3; *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 4, с. 358.
8. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, с. 6.
9. Там же, т. 1, с. 311—312.
10. В течение некоторого времени позиция Струве была двусмысленной; он принимал участие в издании первых номеров «Искры», после 1902 г. он прервал все связи с партией, а в последующие годы стал яростным врагом революции.
11. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 16, с. 96.
12. Там же, т. 4, с. 168. По словам автора документа Кусковой, он не был предназначен для публикации. Заголовок «Credo» не был названием статьи (там же, т. 4, с. 457—458). Этот документ стал известен лишь благодаря тому, что послужил поводом для наступления на «экономизм», предпринятого Лениным и его товарищами по сибирской ссылке.
13. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 4, с. 175.
14. *Г. В. Плеханов*. Соч. М., 1925, т. XII, с. 3—42.
15. Цит. по: *Е. М. Ярославский*. История ВКП(б). М., 1926, т. I, с. 252.
16. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 6, с. 80—84.
17. Там же, т. 16, с. 107.
18. В этих словах выражена суть знаменитого завершающего отрывка из произведения «К критике гегелевской философии права. Введение», который заканчивается предсказанием, что «день немецкого воскресения из мертвых будет возведен криком галльского петуха» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. I, с. 425—429).
19. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, с. 261, 267. Происхождение этой знаменитой фразы точно не известно. Маркс впервые использовал ее в статье, опубликованной в 1844 г., где он отметил, что Наполеон «поставил на место

перманентной революции перманентную войну» (там же, т. 2, с. 137). В 1850 г. он писал, что Бланки был инициатором «объявления непрерывной революции» (там же, т. 7, с. 91).

20. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 433—470. Тезис о «неразрывной связи» давно укоренился в русской мысли. Герцен, которого по праву считали предшественником народников, находился под некоторым влиянием идей Маркса. Он писал в 1868 г.: «Республика, которая не вела бы к социализму, кажется нам нелепой; переходное состояние, которое рассматривало бы себя, как цель, — социализм, который хотел бы обойтись без политической свободы, без равноправия, быстро выродился бы в самодержавный коммунизм» (А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. М., 1923, т. XX, с. 136).

Другая точка зрения была высказана в 80-х годах Толстым, министром внутренних дел при Александре III: «Любая попытка ввести в России западно-европейские парламентарные формы правления обречена на провал. Если царский режим... будет свергнут, его место займет коммунизм, настоящий, незамаскированный коммунизм г-на Карла Маркса, который недавно умер в Лондоне и теории которого я изучил со вниманием и интересом» (Bernhard von Bülow. Denkwürdigkeiten. 1931, IV, S. 573).

21. Это предисловие напечатано в: В. И. Ленин. Соч., 2-е изд., т. II, с. 603—605.

22. Этот спор также анализируется в ранней статье Сталина, написанной в 1901 г. Он писал, что «социал-демократия взялась за это несознательное, стихийное и неорганизованное движение» рабочих (И. В. Сталин. Соч., т. 1, с. 14).

23. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 462; т. 6, с. 30, 79.

24. Там же, т. 6, с. 30, 79.

25. Там же, с. 30—31. Значение, которое Ленин придавал мыслящей интеллигенции, отразилось в формулировке фразы («совершенно независимо»), вряд ли вполне марксистской. В других работах он уделял основное внимание социальным корням, неизбежно существующим у каждой политической доктрины. То же можно было бы сказать об известном отрывке из одной ранней работы самого Маркса, где он назвал пролетариат «материальным оружием» философии, призванным осуществить революцию (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 428—429).

26. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 38—39.

27. «КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 20.

28. В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 25, с. 97. Маркс отмечал, что рабочие, «когда бросают работу и становятся профессиональными литераторами... всегда творят немало бед в „теории“» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, с. 235). Михельс, анализируя этот вопрос на основе немецкого и итальянского опыта, приходил к выводу, что, «как только маршальский жезл попадал в мозолистые руки рабочего, всегда оказывалось, что у армии пролетариев руководство менее надежное, менее способное осуществить ее цели, чем когда ею руководят представители других классов общества». Он также недвусмысленно заявил: «В конечном счете в реформистских тенденциях германской социал-демократии повинны были не столько ревизионисты-интеллигенты, сколько руководители профсоюзного движения, так сказать, пролетарии по происхождению» (R. Michels. Zur Soziologie des Parteiwesens, 2nd ed., 1925, S. 391, 408).

29. Г. Е. Зиновьев. История Российской Коммунистической партии. М., 1923, с. 126.

30. Как указывал французский социалист Лагардель, класс объединен по принципу необходимости, партия — по принципу добровольности (H. Lagardelle. Le Socialisme Ouvrier, 1911, p. 166—167).

31. При этом даже ссылались на этимологию слова: «Слово «партия» происходит от латинского pars, т. е. часть. В настоящее время мы, марксисты, говорим, что партия есть часть определенного класса» (Г. Е. Зиновьев. История Российской Коммунистической партии. М., 1923, с. 28).

32. Г. В. Плеханов. Соч., т. XII, с. 80—81.

33. В терминологии революционеров XIX века слово «бланкизм» означало чрезмерное увлечение революционной конспирацией или путчами и отказ от

четкой и последовательной организации. «Военный заговор есть бланкизм, — писал Ленин в 1917 г., — если его устраивает не партия определенного класса, если его устроители не учли политического момента вообще и международного в особенности» — и если объективные условия еще не созрели (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 415). Более краткое хотя, может быть, и не столь точное определение Ленин дал мимоходом в 1917 г.: «Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 147).

34. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 135.

35. Там же, с. 101.

36. «Ленинский сборник». М., 1925, т. III, с. 26.

37. В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 6, с. 6—7.

38. Там же, с. 111—112.

39. Там же, с. 137—141.

40. Там же, т. 7, с. 16.

41. Н. К. Крупская. Цит. соч., с. 33.

42. «Сборник о Ленине. О комсомоле». М., 1933, с. 239.

43. И. В. Сталин. Соч., т. 6, с. 55.

44. «Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., 1968, с. 614.

45. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, с. 272. В работе «Государство и революция», написанной 15 лет спустя, раскрыт тот же принцип (см. ниже, Приложение А).

46. А. Н. Потресов. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937, с. 294, 299.

47. Л. Троцкий. О Ленине. М., 1924, с. 148.

48. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 134.

49. Там же, т. 33, с. 120.

50. Там же, т. 36, с. 205.

51. Там же, т. 42, с. 213—214.

Глава 2. Большевики и меньшевики

1. «Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 года. Протоколы». М., 1959, с. 153—154.

2. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 212.

3. Часть программы, написанная Лениным, приведена в 6-м томе его сочинений (с. 203—211), а краткое изложение всего спора, представляющее интерес, см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 505—506, примечание 95.

4. Мартынов предложил на съезде изменить эту формулировку таким образом: «число, сплоченность и сознательность пролетариев» («Второй съезд РСДРП...», с. 116). Это явилось отголоском спора о стихийности и сознательности и сопровождалось резкой критикой работы Ленина «Что делать?» на том основании, что в ней отрицалась возможность стихийного возникновения социалистических устремлений у пролетариата. На защиту Ленина встали Плеханов, Мартов и Троцкий, и поправка была отклонена.

5. «Второй съезд РСДРП...», с. 254. Текст принятой Программы см. там же, с. 418—425; «КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 37—43.

6. Ленин позднее назвал их «последовательными» и «непоследовательными» искровцами (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 326).

7. Троцкий прислал к Ленину в Лондон в октябре 1902 г. и вскоре привлек внимание своим литературным талантом. Весной 1903 г. Ленин дважды предлагал кооптировать его в редколлегия «Искры», но Плеханов решительно возражал против этого (Н. К. Крупская. Цит. соч., с. 82). По словам Крупской, Ленин на съезде «менее всего думал, что Троцкий колеблется» (там же, с. 87).

8. «Второй съезд РСДРП...», с. 279.

9. Текст Устава см. в: «Второй съезд РСДРП...», с. 425—427; «КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 45—47.

10. «Второй съезд РСДРП...», с. 321.

11. Там же, с. 329.
12. Там же, с. 371.
13. Там же, с. 375. После этого делегаты съезда разделились на две фракции, которые начали проводить заседания раздельно (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 8, с. 15).
14. «Второй съезд РСДРП...», с. 136—137.
15. По словам Плеханова, Ленин пытался найти прецедент в современной английской политике. «Чемберлен, — прибавил он, — вышел из министерства именно затем, чтобы более упрочить свою позицию, так и я» (*Г. В. Плеханов*. Соч., т. XXIII, с. 44).
16. Там же, с. 135—138.
17. Там же, с. 7.
18. Там же, с. 90—91.
19. Там же, с. 185.
20. «Искра», № 70, 25 июля 1904 г.
21. *Н. Троцкий*. Наши политические задачи. Женева, 1904. Сначала Троцкий ставил перед своим псевдонимом букву «Н», впоследствии он заменил ее начальной буквой своего собственного имени — «Л». Ленин также иногда вместо своих инициалов употреблял букву «Н».
22. Следует напомнить об окончательном приговоре, вынесенном Троцким по поводу этого спора почти 30 лет спустя: «Недаром в словаре Ленина столь часты слова: непримиримый и беспощадный. Только высшая революционная целеустремленность, свободная от всего низменно-личного, может оправдать такого рода личную беспощадность... Его поведение казалось мне недопустимым, ужасным, возмутительным. А между тем, оно было политически правильным и, следовательно, организационно необходимым» (*Л. Троцкий*. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. I, с. 187—188).
23. *Г. В. Плеханов*. Соч., т. XXIII, с. 317.
24. «Искра», № 66, 15 мая 1904 г.
25. «Neue Zeit», XXII (Vienne, 1903—1904), II, S. 484—492; 529—535.
26. Подробности этого эпизода можно найти в: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 47, с. 11—12, с. 325, прим. 14; «Ленинский сборник», т. V, с. 169—176, 182—183.
27. В своих воспоминаниях (с. 94—95) Крупская пишет, что Ленин глубоко переживал разрыв с Мартовым, но это несколько не поколебало его политических воззрений.
28. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, с. 315.
29. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 7, с. 307—308.
30. Там же, т. 8, с. 370.
31. Там же, с. 379.
32. Там же, с. 384.
33. Там же, с. 394.
34. Михельс в работе «К вопросу о социологии в партии» (*R. Michels*. Zur Soziologie des Parteiwesens, 2nd ed., 1925, S. 278—280) приводит поразительные примеры таких взглядов из немецких, французских и бельгийских источников. Он тоже употребляет термин «демократический централизм» (S. 227), и можно предположить, что этот термин часто употреблялся в германской социал-демократической партии в начале столетия.
35. *Г. В. Плеханов*. Соч., т. XXII, с. 455.
36. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 8, с. 254.
37. «Ленинский сборник», т. V, с. 149.
38. Этой полемике посвящена статья Ленина «Должны ли мы организовать революцию?», опубликованная в феврале 1905 г. (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 9, с. 264—273).
39. Последний термин действительно приводится в резолюции V партийной конференции, проходившей в декабре 1908 г. («КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 195). В отношении остального см.: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 11, с. 26—29.
40. Там же, с. 30—31.

41. На этом основании бывший лидер меньшевиков Дан утверждал, что большевики выражают «общедемократические и политические тенденции движения», а меньшевики — «его классовые и социалистические тенденции» (Ф. Дан. Происхождение большевизма. Нью-Йорк, 1946, с. 291).

42. Современная официальная история утверждает, что меньшевики «хотели иметь в России такую же партию, как, скажем, немецкая или французская социал-демократическая партия», и они «потому и боролись с большевиками, что чуяли в них что-то новое, необычное, отличное от социал-демократии Запада» («История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)». М., 1938, с. 135). Следует также вспомнить, что в 1903 г. в России не было политических партий западного типа; такие партии возникли только после 1905 г.

43. Этот довод использовался в «Credo» Кусковой (см. главу 1).

44. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 267.

45. Троцкий блестяще охарактеризовал немецкую буржуазию 1848 г.: «Она была скверно мудра опытом французской буржуазии» (Л. Троцкий. Перспективы русской революции. Берлин, 1917, с. 27).

46. В тот период Ленин с горечью писал: «Европейские буржуа сначала дрались на баррикадах за республику, потом жили в изгнании, наконец, изменяли свободе, предавали революцию и шли на службу к конституционным монархам. Русские буржуа хотят «учиться у истории» и «сократить стадии развития»: они хотят сразу предать революцию, сразу оказаться изменниками свободе. В интимных беседах они повторяют один другому слова Христа к Иуде: что делаешь, делай скорее!» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, с. 300). Но зачем буржуазии было драться на баррикадах, зная, что, победив, она сама будет свергнута пролетариатом?

Глава 3. 1905 год и последующие годы

1. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, с. 246.

2. В. И. Ленин. Соч., 3-е изд., т. 8, с. 500, прим. 120.

3. «Пролетарская революция», 1925, № 11 (46), с. 53.

4. Там же, с. 54.

5. «КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 126—127; см. главу 4.

6. «Искра», № 100, 15 мая 1905 г., Приложение.

7. «Пролетарская революция», 1925, № 4 (39), с. 125—137.

8. Л. Троцкий. Соч. М. — Л., 1925, т. II, ч. 1, с. 303.

9. Там же.

10. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 129—132. Троцкий сам сказал о первом заседании Петербургского Совета, что «собрание больше походило на военный совет, чем на парламент» (Л. Троцкий. 1905 год. М., 1922, 2-е изд., с. 106).

11. Как писал один из историков, «некоторые большевики, особенно в Питере... боялись с их [то есть Советов] стороны конкуренции партии» (Н. Попов. Очерк истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). М. — Л., 1931, вып. I, с. 95).

12. Во втором издании сочинений Ленина утверждается со ссылкой на воспоминания неизвестного автора, опубликованные в 1922 г., что Ленин был автором резолюции Исполнительного комитета о борьбе с локаутом от 14 ноября 1905 г. (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 106—107). Включение этой резолюции в сочинения Троцкого (Л. Троцкий. Соч., т. II, ч. 1, с. 298—299) в равной мере свидетельствует об авторстве Троцкого, что, по сути дела, представляется более вероятным. Может быть, эта путаница вызвана тем, что на следующий день в «Новой жизни» появилась статья Ленина на ту же тему, и она была одобрена Троцким на страницах газеты «Начало» (Л. Троцкий. Соч., т. II, ч. 1, с. 313). Во втором издании сочинений Ленина (В. И. Ленин. Соч., 2-е изд., т. VIII, с. 513, прим. 175) на основании неопубликованных воспоминаний сказано также, что Ленин говорил об этой резолюции в Исполнительном комитете, что еще менее вероятно. Круская не помнит, чтобы

Владимир Ильич выступал в Совете рабочих депутатов (*Н. К. Крупская*. Цит. соч., вып. I, с. 133—134), и, конечно, Ленин не был членом Исполнительного комитета.

13. Из свидетельства Красина ясно, что в Петербурге до февраля 1905 г. большевики еще сотрудничали с меньшевиками («Пролетарская революция», 1925, № 1 (36), с. 83—84).

14. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 12, с. 91—92.

15. Там же, с. 326.

16. «КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 165—166. Не сохранилось никаких документов об этой конференции, но воспоминания о ней приведены в сборнике «Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов» (М., 1930, т. I, с. 210—247). Один из делегатов охарактеризовал отношение Ленина к объединению следующим образом: «Казалось, что революция стирает грань между фракциями, и многие в это верили. Но Ленин не верил. Если он принял объединение, как совершенно неизбежное, ввиду голоса масс и формальной необходимости, он, тем не менее, на это объединение шел не с легким сердцем и всерьез его не принял» (там же, с. 234—235). Однако это воспринимается как осуждение постфактум.

17. Два обращения Комитета см. в: «Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Апрель (апрель — май) 1906 года. Протоколы». М., 1959, с. 556—561.

18. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 15, с. 291—308.

19. «КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 311—322.

20. В 1920 г. Ленин расценил эпизод 1908 г., так же как и полемику по поводу Брест-Литовска, как два главных выступления «левого» крыла в партии (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, с. 17).

21. «КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 356—358. Ленина больше всего возмущало то, что компромисс привел к закрытию отдельного большевистского центра и газеты «Пролетарий», выходившей как приложение к «Социал-демократу».

22. «Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП...», с. 580.

23. *Л. Троцкий*. 1905 год, с. 267.

24. «Искра», № 100, 15 мая 1905 г., Приложение.

25. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 11, с. 71.

26. «Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП...», с. 248.

27. Там же, с. 196.

28. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 11, с. 96.

29. Там же, т. 9, с. 256.

30. Там же, т. 11, с. 16, 102.

31. Там же, с. 87.

32. Там же, с. 88.

33. Эта фраза была приведена Лениным в статье, опубликованной в апреле 1905 г. (там же, т. 10, с. 20—31). Она повторялась несколько раз в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

34. Там же, т. 11, с. 90.

35. Там же, т. 10, с. 14; т. 11, с. 44—45, 71.

36. Там же, т. 11, с. 11.

37. Там же, с. 222. Маркс писал «permanente Revolution»; русские авторы иногда употребляли термин «перманентная», а иногда — обычное русское слово «непрерывная». В последующем споре была сделана попытка указать на разницу между «перманентной» революцией, за которую выступал Троцкий, и «непрерывной» революцией, которую признавал Ленин. Но это различие в терминах значения не имеет.

38. Там же, т. 12, с. 154—157. Эта мысль о взаимодействии Востока и Запада в осуществлении социалистической революции также имела свою родовую. Герцен писал Прудону в 1855 г.: «Россия скромнее Савойи и не *farà da se*: ей нужны сочувствие и помощь европейских народов. Но, с другой стороны, я убежден, что свободная свобода не воцарится на Западе, пока Россия будет оставаться как бы солдатом на жалованье» (*А. И. Герцен*. Цит. соч., т. VIII, с. 198).

39. *Л. Троцкий*. Соч., т. I, ч. 11, с. 57.

40. Цит. по статье Троцкого, опубликованной в газете «Начало» в октябре 1905 г. (*Л. Троцкий*. Перманентная революция. Берлин, 1930, с. 58, 90—91).

41. *Л. Троцкий*. Перманентная революция, с. 39. Статья Троцкого «Итоги и перспективы» — название, заимствованное из статьи Парвуса, ссылка на которую имеется ниже, прим. 51, — была впервые опубликована в Петербурге в 1906 г. в сборнике очерков Троцкого под общим названием «Наша революция». Ни оригинала, ни копии этой статьи, опубликованной после Октябрьской революции, достать не удалось. В конце 1917 г. она была снова опубликована в Берлине на русском языке под названием «Перспективы русской революции». Последняя глава и два последних предложения предпоследней главы, где говорится о том, что европейская социалистическая революция произойдет в результате войны и что это имеет жизненно важное значение для победы русской революции, были опущены по цензурным соображениям. В 1918 г. был опубликован сокращенный английский перевод сборника работ Троцкого, выпущенного в 1906 г. под названием «Наша революция» («Our Revolution». New York, 1918). В него вошла большая часть статьи; в этом варианте приведены предложения из предпоследней главы и большая часть последней главы, не включенные в берлинское издание.

42. *Л. Троцкий*. Перспективы русской революции, с. 36, 40.

43. Там же, с. 41.

44. Там же, с. 51, 55.

45. *Л. Троцкий*. 1905 год, с. 285. Во втором издании Троцкий добавил к последней фразе примечание о том, что этого не произошло, «так как, под руководством т. Ленина, большевизм совершил (не без внутренней борьбы) свое идейное перевооружение в этом важнейшем вопросе весной 1917 г.»

46. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 17, с. 381—385; *Л. Троцкий*. Перманентная революция, с. 39—40.

47. *Л. Троцкий*. Соч., т. II, ч. 1, с. 20. В собрании сочинений, опубликованном в 1926 г., фраза выделена курсивом; этого нет в первоначальном варианте (*Н. Троцкий*. До 9-го января. Женева, 1905, с. 18).

48. *Л. Троцкий*. Соч., т. II, ч. 1, с. 448.

49. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 17, с. 378—379.

50. *Л. Троцкий*. Перспективы русской революции, с. 48.

51. Там же, с. 44. Парвус, немецкий социал-демократ, выходец из России, в своем предисловии к написанной ранее брошюре Троцкого «До 9-го января» указывал в январе 1905 г.: «Если социальдемократия будет во главе революционного движения русского пролетариата, то это правительство [то есть «революционное временное правительство»] будет социалдемократическим». Он также утверждал, что «социалдемократическое временное правительство не может совершить в России социалистического переворота, но уже самый процесс ликвидации самодержавия и установления демократической республики даст ему благодарную почву политической работы». В этом отрывке содержалось ядро теории «перманентной революции» Троцкого. В том же предисловии Парвус писал о крестьянах, что «они только в состоянии увеличить политическую анархию в стране и таким образом ослабить правительство, они не могут составить сомкнутой революционной армии». Статья Парвуса аналогичного содержания, озаглавленная «Итоги и перспективы», была опубликована в «Искре» 27 января 1905 г. (№ 85). Много времени спустя Троцкий писал, что «в отношении Парвуса... мои взгляды на русскую революцию в 1905 г. тесно соприкасались, не доходя, однако, до тождества» (*Л. Троцкий*. Перманентная революция, с. 64—65).

52. *Л. Троцкий*. Перспективы русской революции, с. 54.

53. Работа Троцкого «Перспективы русской революции» заканчивается (с. 84) первым предложением этого высказывания (см. выше, прим. 41 к этой же главе); остальные два предложения взяты из статьи «Итоги и перспективы», опубликованной в сборнике «Наша революция» (*Н. Троцкий*. Наша революция. СПб., 1906, с. 278).

54. См. главу 2.

55. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 19, с. 359.

56. Там же, т. 21, с. 358. В письме Ленина к Горькому, написанном в этот период, Ленин называет Троцкого «позером» (там же, т. 47, с. 137).

57. Там же, т. 21, с. 31; т. 25, с. 313.

58. «Ленин о Троцком и о троцкизме». М., 1925, 2-е изд., с. 217—219. Это письмо, задержанное цензурой, было обнаружено в архивах после революции, и его публикация носила сенсационный характер в период кампании против Троцкого, проводившейся после смерти Ленина.

59. Резолюции конференции были изданы в виде брошюры под названием «Всероссийская Конференция Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии 1912 года» (Париж, 1912) и перепечатаны в: «КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 382—404. По причинам конспирации в них не были включены списки членов и кандидатов в члены Центрального Комитета. Но списки приводятся (с небольшими изменениями, касающимися обеих категорий) во всех книгах по истории партии до начала 30-х годов (см., например: *Н. Попов*. Цит. соч., с. 274; *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 21, с. 534—538, прим. 65).

60. В источниках, приведенных в конце предыдущего примечания, а также в книге Крупской «Воспоминания о Ленине» (с. 69) указано, что Сталин был кооптирован «вскоре после конференции». В официальной «Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)» издания 1938 г. (с. 137) вопреки всем прежним данным в число избранных в Центральный Комитет на конференции включены Сталин и Свердлов. Это повторялось затем во всех последующих сообщениях.

61. Вопрос об отношении партии к войне будет рассматриваться в части V.

62. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 26, с. 1—7. Эти тезисы, расширенные и отрецензированные, появились в форме статьи в партийной газете «Социал-демократ» 1 ноября 1914 г. (там же, с. 13—23).

63. Там же, с. 161—167. *Н. К. Крупская*. Цит. соч., вып. II, с. 147.

64. *Е. М. Ярославский*. История ВКП(б), с. 220—223.

65. Об осуждении Лениным этого поступка см.: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 26, с. 168.

66. *Е. М. Ярославский*. История ВКП(б), с. 234—235.

67. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 20, с. 388.

68. Там же, т. 30, с. 328.

69. Полный отчет о переговорах и поездке приводит Фриц Платтен (*F. Platten*. Die Reise Lenins durch Deutschland, n. d. [? 1925]). Это событие не было столь драматичным и мрачным, каким его потом представляли. Вскоре такую же поездку в тех же условиях совершила более многочисленная группа русских эмигрантов, в том числе меньшевики во главе с Мартовым.

Глава 4. От Февраля к Октябрю

1. История этого важного периода представляет огромный интерес. Помимо официальных документов, бесценный источник сведений представляет собой сборник «Революция 1917 года: хроника событий» (М.—Л., 1923—1930); имеется и множество других свидетельств непосредственных участников событий. Среди них, выражающие точку зрения авторов, блестящий очерк Миллюкова (*П. Н. Миллюков*. История Второй Русской революции. София, 1921) и «История Русской революции» Троцкого (Берлин, 1931).

2. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 31, с. 155; книга Чернова (*V. Chernov*. The Great Russian Revolution. Engl. transl., New York, 1936, p. 99—109), где дается аналогичный анализ.

3. См. главу 3.

4. Текст Манифеста см.: *В. И. Ленин*. Соч., 2-е изд., т. XX, с. 600—601. См. также: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 31, с. 510, прим. 17.

5. Там же, т. 31, с. 34—35.

6. *А. Г. Шляпников*. Семнадцатый год. М.—Л., кн. 2, 1924, с. 178.

7. Там же, с. 114.

8. «Первый легальный ПК большевиков». М., 1927, с. 18—19. Партийный комитет сохранил название «Петербургский», отказываясь признать перемену названия, осуществленную в 1914 г. царским правительством «в целях шовини-

стических» (там же, с. 5).

9. Как утверждает Попов (*Н. Попов*. Цит. соч., ч. I, с. 277), все трое были членами редакционной коллегии в 1912 г. Сталин участвовал в выпуске первого номера (*И. В. Сталин*. Соч., т. 5, с. 130) и был арестован в день его выпуска 22 апреля 1912 г. Каменев в начале 1914 г. был направлен в Петербург, где он возглавлял редколлегию «Правды» (*Н. К. Крупская*. Цит. соч., вып. II, с. 109).

10. Шляпников не скрывает своего разочарования, рассказывая об этом в своих в остальных отношениях весьма ценных мемуарах. Молотов хранил молчание — эта привычка сослужила ему хорошую службу на протяжении всей его карьеры.

11. *И. В. Сталин*. Соч., т. 3, с. 1—2.

12. «Правда», 15 марта 1917 г.

13. См. главу 3. «Правда», 15 марта 1917 г.

14. *А. Г. Шляпников*. Семнадцатый год, кн. 2, с. 185.

15. Различие между Каменевым и другими членами редколлегии состояло в том, что эти последние заняли нейтральную позицию, не поддерживая Временного правительства и не выступая против него. Каменев считал, что такую позицию принимать «нельзя», и призывал к открытой поддержке Временного правительства (см. его речь в: «Первый легальный...», с. 50).

16. Материалы Всероссийского совещания Советов приведены в: *А. Г. Шляпников*. Семнадцатый год, кн. 3, с. 211—249; его резолюции см. там же, с. 360—374. Материалы партийной конференции не были официально опубликованы. Однако нет причин сомневаться в достоверности неполных отчетов о ней, опубликованных Троцким (*Л. Троцкий*. Сталинская школа фальсификации. Берлин, 1932, с. 225—290), получившим их от Зиновьева и Каменева в 1926 г. Замечания Сталина, сделавшего основной доклад на конференции, см.: *Л. Троцкий*. Сталинская школа..., с. 235, 265—266).

17. *И. В. Сталин*. Соч., т. 6, с. 333—334.

18. «Известия», 5 апреля 1917 г.; *А. Г. Шляпников*. Семнадцатый год, кн. 3, с. 257—259; *Ф. Раскольников*. — В: «Пролетарская революция», 1923, № 13, с. 220—226; *Н. Суханов*. Записки о революции. Берлин — Петербург — Москва, 1922, кн. 3, с. 14—15. В своем отчете Шляпников придает особое значение собственной роли как организатора встречи Ленина и сводит до минимума роль Каменева; Раскольников был деловитым рядовым большевиком; Суханов был одаренным, но слишком многословным литератором меньшевистского толка, который наиболее наглядно и подробно описал внешние проявления революции. В книге Крупской (вып. II, с. 183—184) приводится рассказ о встрече Ленина в Белоострове. Раскольников и Залужский («Пролетарская революция», 1923, № 13, с. 155) отмечают присутствие Коллонтай. Ни в одном из первых отчетов не упоминается о присутствии на встрече других большевистских руководителей, кроме Шляпникова, Каменева и Коллонтай.

19. Выступление Чхеидзе было опубликовано в «Известиях» 5 апреля 1917 г. О выступлении Ленина перед толпой народа не сообщалось, и, судя по отчету, Ленин выступил до Чхеидзе, а не после.

20. «Пролетарская революция», 1927, № 4 (63), с. 157.

21. *А. Г. Шляпников*. Семнадцатый год, кн. 3, с. 264.

22. *Н. Суханов*. Записки о революции, кн. 3, с. 28—42.

23. Там же, с. 49—51. Сохранились замечания Ленина об этом случае (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 31, с. 131).

24. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 31, с. 113—118.

25. «Правда», 8 апреля 1917 г.

26. «Первый легальный...», с. 83—88.

27. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 31, с. 145.

28. Там же, с. 133.

29. «Более 20-ти лет, — писал Ленин несколько месяцев спустя, — ...красной нитью через всю политическую историю России тянется вопрос: рабочему ли классу вести крестьян вперед, к социализму, или либеральному буржуа оттащить их назад к примирению с капитализмом» (там же, т. 34, с. 111).

30. Там же, т. 31, с. 136—137.
31. Там же, с. 155.
32. «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (больше-
виков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков)». М., 1958, с. 15.
33. Там же, с. 37.
34. Там же, с. 101, 103—105; *И. В. Сталин*. Соч., т. 3, с. 48—49.
35. «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большеви-
ков)...», с. 112; *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 31, с. 362.
36. «КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 493—496.
37. Там же, с. 507—509.
38. «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (больше-
виков)...», с. 107. На конференции также был избран новый Центральный Ко-
митет из девяти человек. В него вошли Ленин (104 голоса), Зиновьев (101),
Сталин (97), Камнев (95 голосов), Малютин, Ногин, Свердлов, Смилга, Федо-
ров (там же, с. 228).
39. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 12, с. 317.
40. Там же, т. 13, с. 324.
41. Там же, т. 30, с. 322.
42. Там же, т. 31, с. 18—21.
43. Там же, с. 146. О той же параллели более подробно см. там же, с. 142.
О ней также говорилось в статье неизвестного автора, опубликованной в
«Пролетарии» (№ 8, 17 июля 1905 г.), в которой последний абзац написан
Лениным (*В. И. Ленин*. Соч., 2-е изд., т. VIII, с. 467—470). Луначарский много
времени спустя вспоминал, «как взволнованно и с каким восхищением» Ленин
в последние дни 1905 г. увидел в Петербургском Совете «воскрешение лучших
традиций Парижской Коммуны» и говорил, что «фактически покрыть всю Россию
советами рабочих, а потом рабочих и крестьянских депутатов, это значит осу-
ществить лучшую часть политических планов Коммуны, заслуживших одобрение
Маркса» («Пролетарская революция», 1925, № 11 (46), с. 57). Но этот отрывок,
написанный после смерти Ленина, едва ли можно подтвердить свидетельствами
современников.
44. Вызывает удивление, что Ленин однажды несколько высокомерно ото-
звался о Парижской Коммуне как о правительстве, которое «не умело и не
могло тогда различить элементов демократического и социалистического пере-
ворота, которое смешивало задачи борьбы за республику с задачами борьбы за
социализм» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 11, с. 70).
45. «КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 127—128.
46. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 11, с. 232, 329.
47. Милюков, переживая по поводу своего ухода из правительства,
язвительно замечает: «Выпущенный **буржуазией** из **рух** **принцип бур-**
жуазной революции принял под свою защиту умеренные социалисты»
П. Н. Милюков. История Второй Русской революции. София, 1921, вып. 1,
т. I, с. 57).
48. «Революция 1917 года...», т. II, с. 108, 111—112.
49. «КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 504.
50. «Ленинский сборник», т. IV, с. 301—303.
51. «Первый Всероссийский съезд Советов». М., 1930, т. I, с. 65.
52. Там же, с. 285—289.
53. Там же, т. II, с. 62, 70.
54. Полный список членов ВЦИКа см.: там же, с. 423—426.
55. *Л. Троцкий*. Соч., т. III, ч. 1, с. 61.
56. *Н. К. Крупская*. Цит. соч., вып. II, с. 196.
57. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 32, с. 366—367.
58. Особый характер этого присоединения впоследствии нашел отражение
в постановлении, по которому «межрайонцам» разрешалось считать членство
в своей организации эквивалентным пребыванию в партии при назначении, для
которых требовался определенный срок пребывания в партии (см., например:
«Известия Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (боль-
шевиков)», № 33, октябрь 1921 г., с. 41).

59. До ареста Троцкого планировалось, что он сделает доклад о политической обстановке, с которым затем выступил Бухарин («Шестой съезд РСДРП (большевики)». Август 1917 года. Протоколы». М., 1958, с. 7).

60. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 10—17.

61. «КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 582; И. В. Сталин. Соч., т. 3, с. 174, 186. Впоследствии Сталин, ссылаясь на этот случай, утверждал, что партия была права, не послушавшись Ленина, который слишком поторопился и недооценил роль Советов (И. В. Сталин. Соч., т. 6, с. 340—341).

62. Этот пробный шаг Ленина был сделан в форме статьи, написанной в Финляндии 1 сентября 1917 г. Когда статья появилась в партийной газете «Рабочий путь» 6 сентября 1917 г., в ней был постскрипtum со следующими словами: «...Пожалуй, предложение компромисса уже запоздало. Пожалуй, те несколько дней, в течение которых мирное развитие было еще возможно, тоже прошли. Да, по всему видно, что они уже прошли» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 133—139).

63. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 200—207.

64. Эти письма были впервые опубликованы в 1921 г. под заголовками «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 239—247). Обсуждение в Центральном Комитете, получившем письма 15 сентября 1917 г., кратко отражено в: «Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918». М., 1929, с. 65—66. Каменев высказался за то, чтобы отвергнуть предложения Ленина; ЦК был в явном замешательстве и, отвергнув предложение Каменева, отложил рассмотрение сути вопроса.

65. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП...», с. 70—71; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 262. На первом же заседании Троцкий огласил декларацию, и большевики вышли из предпарламента (Л. Троцкий. Соч., т. III, ч. 1, с. 321—323.).

66. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 275.

67. Там же, с. 282—283.

68. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП...», с. 99—101.

69. Решение Петроградского Совета создать Военно-революционный комитет предшествовало решению Центрального Комитета от 10 октября. Нисколько не связанный с подготовкой вооруженного восстания Комитет был, в сущности, создан меньшевиками. После 10 октября большевики взяли его в свои руки и направили на достижение своих целей. Этот Комитет формально был назначен 16 октября 1917 г. и начал работать четыре дня спустя. К тому времени он был полностью большевистским; исключение составлял один-единственный левый эсер (Л. Троцкий. Соч., т. III, ч. 2, с. 91—92; «История Русской революции», т. II, ч. 2, с. 121—122). Согласно последней работе («История Русской революции», т. II, ч. 2, с. 171), Политбюро, назначенное Центральным Комитетом, ни разу не заседало.

70. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП...», с. 102—108.

71. Имеется в виду попытка Временного правительства направить определенные полки Петроградского гарнизона на фронт. Петроградский гарнизон еще в начале революции объявил о своей верности Петроградскому Совету и отказался выполнять приказы, не утвержденные Советом.

72. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП...», с. 111—125. Протокол этого заседания более полный, чем обычно, но, как и другие, составлен из заметок секретаря и не отличается полнотой или текстуальной точностью.

73. Там же, с. 124.

74. Там же, с. 125.

75. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 419—427. Эти письма были впервые опубликованы в 1927 г.

76. Л. Троцкий. Соч., т. III, ч. 2, с. 31—33. Троцкий объяснил Центральному Комитету мотивы, по которым он сделал это заявление («Протоколы Центрального Комитета РСДРП...», с. 123). Ленин впоследствии одобрил его действия (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 423—424).

77. Письмо Зиновьева см. в: «Протоколы Центрального Комитета РСДРП...», с. 137; статью Ленина см. в: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 398—418.

78. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП...», с. 137. Примечание не вошло в собрание сочинений Сталина, но его авторство неоспоримо.

79. Там же, с. 127—129.

80. Сталин включился в яростный спор, происходивший между Лениным и Троцким осенью 1912 г., назвав Троцкого на страницах «Правды» «чемпионом с фальшивыми мускулами» и «комедиантом» (*И. В. Сталин*. Соч., т. 2, с. 260). Первую фразу он повторил несколько недель спустя (там же, с. 279). Личная их встреча, по-видимому, впервые состоялась в Вене в начале 1913 г. (хотя оба присутствовали на съезде партии в Лондоне в 1907 г.). Троцкий много времени спустя вспоминал «вспышку злобы» в «желтых глазах» Сталина (*Л. Троцкий*. Сталин. Нью-Йорк, 1946, с. 244).

81. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 35, с. 2—3.

82. Там же, с. 11—12.

83. Там же, с. 1.

84. *И. В. Сталин*. Соч., т. 6, с. 347.

85. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 31, с. 163.

Глава 5. Две революции

1. «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917—1918 гг.», 1918 (2-е изд.), № 1, ст. 1, 3.

2. Там же, ст. 5.

3. Там же, № 2, ст. 18.

4. С той же почти религиозной страстностью произносились слова «революция» и «революционный» во время Французской революции.

5. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 35, с. 27.

6. «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 3, ст. 49.

7. Там же, № 4, ст. 50.

8. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 35, с. 2—5. К сожалению, единственная запись этой речи была сделана для короткого газетного отчета.

9. «История Советской Конституции в декретах и постановлениях Советского правительства, 1917—1936». М., 1936, с. 34.

10. «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 15, ст. 215.

11. Поводом послужил ультиматум от 4 (17) декабря 1917 г. Украинской раде (см. главу 11, раздел «Западные окраины»); целью было четко указать на свое отличие от буржуазного правительства Украины. Сталин в речи на съезде Финляндской социал-демократической рабочей партии 14 (27) ноября 1917 г. упомянул «новое, социалистическое правительство» (*И. В. Сталин*. Соч., т. 4, с. 2). Ленин в «Тезисах об Учредительном собрании» говорил о борьбе между Советским правительством и «буржуазным национализмом Украинской рады, Финляндского сейма и т. п.» как одним из факторов, ускоряющих «новую группировку классовых сил» и последующий переход от буржуазной революции к социалистической (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 35, с. 164).

12. Штейнберг, в то время левый эсер, народный комиссар юстиции, в своем отрывочном и не слишком достоверном произведении «Воспоминания народного комиссара» (*Steinberg*. «Souvenirs d'un Commissaire du Peuple, 1917—18», Paris, 1930, p. 65—66) утверждает, что в первоначальном ленинском проекте Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа в первом предложении содержалось слово «социалистическая» перед словом «республика» и что оно было вычеркнуто по настоянию левых эсеров, которые полагали, что такой важный документ не должен «содержать преувеличений».

13. Ленин назвал это «дипломатическим прикрытием военных действий» («Протоколы Центрального Комитета РСДРП...», с. 152).

14. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП...», с. 148—156; *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 35, с. 44—46. Как утверждает Троцкий, в тот же день Ленин, говоря на заседании Петроградского Совета о невозможности коалиции, заметил: «Троцкий это понял, и с того времени лучшего большевика не было». Материал, который представлен как стенографический протокол заседания, содержащий эти слова, опубликован в: *Л. Троцкий*. Сталинская школа фальши-

фикации. Берлин, 1932, с. 116—124. По словам Троцкого (там же, с. 112—116), он был напечатан для включения в сборник «Первый легальный ПК большевиков», но в последний момент исключен по указанию Центрального Комитета. Троцкий воспроизводит в виде факсимиле отрывок из напечатанной корректуры с примечаниями на полях.

15. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 47—49, 70—71, 551; «Протоколы Центрального Комитета РСДРП...», с. 170—177.

16. По словам Троцкого (*Л. Троцкий*. О Ленине, с. 91—92), Ленин хотел отложить их, но Свердлов и другие настояли на их проведении. В 1920 г. Ленин сам оправдывал участие большевиков в этих выборах на том основании, что удалось «доказать» остальным массам, почему такие парламенты заслуживают разгона» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 44).

17. «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», 2-е изд., № 1, ст. 8.

18. «Всероссийское Учредительное собрание». М.—Л., 1930, с. 165—169.

19. Цифры взяты из книги «Всероссийское Учредительное собрание» (с. 115). Протоколы никогда не были окончательно оформлены, и в других работах (например: М. В. Вишняк. Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932) приводятся другие цифры, однако разница несущественная.

20. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 100—101.

21. «Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполн. Комитета Советов Р. С. Кр. и Каз. Депутатов II созыва». М., 1918, с. 65.

22. Текст платформы, перепечатанный из газеты «Дело народа» от 26 октября (8 ноября) 1917 г., см. в: «Всероссийское Учредительное собрание», с. 165—168.

23. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 110—111. Эта мысль получила дальнейшее развитие в речи Ленина на съезде железнодорожников в январе 1918 г. сразу после роспуска Учредительного собрания (там же, с. 292—297). Здесь Ленин несколько тенденциозно объяснял результат «прежде всего» тем, что выборы проводились «по спискам, составленным еще до Октябрьской революции».

24. Там же, т. 40, с. 5.

25. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 126.

26. «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 4, ст. 64.

27. 29 ноября (12 декабря) 1917 г. состоялось обсуждение в Центральном Комитете, не давшее определенных результатов. В это время представлялось вероятным, что Учредительное собрание может разделиться на две группы; одна из них признает Советское правительство, другая будет враждебна к нему. Бухарин поднял вопрос о том, следует ли вообще созывать Собрание, и ответил на него утвердительно, поскольку «в широких массах еще живы конституционные иллюзии». Затем он предложил изгнать кадетов (о правых эсерах не упоминалось) и объявить левую часть Учредительного собрания «революционным конвентом», иначе говоря, осуществить переход от буржуазной революции к социалистической при помощи Учредительного собрания. Ленин, по-видимому, в этом не участвовал («Протоколы Центрального Комитета РСДРП...», с. 180—184).

28. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 135—136.

29. Там же, с. 162—166.

30. «Известия», 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.).

31. «Всероссийское Учредительное собрание», с. 144—145.

32. «Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполн. Комитета Советов Р. С. Кр. и Каз. Депутатов II созыва», с. 176—177.

33. Там же, с. 179.

34. Существованию первого ВЦИКа был официально положен предел резолюцией второго ВЦИКа, принятой на его первом заседании 27 октября (9 ноября) 1917 г. («Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполн. Комитета Советов Р. С. Кр. и Каз. Депутатов II созыва», с. 4). Тем не менее он продолжал заседать, и протоколы его заседаний с 6 (19) ноября 1917 г. по 11 (24) января 1918 г. опубликованы в «Красном архиве» (М., 1925,

№ 3 (10), с. 123—125). Большинство членов этого ВЦИКа составляли меньшевики и правые эсеры.

35. Протокол этого заседания отсутствует среди протоколов ВЦИКа 2-го созыва.

36. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 221—223.

37. «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 14, ст. 202.

38. «Всероссийское Учредительное собрание», с. 4, 29, 35, 50—51.

39. Там же, с. 110. По-видимому, указание было получено непосредственно от Ленина (там же, с. 217).

40. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 238—242.

41. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 200—201.

42. «Правда», 6 (19) января 1918 г. Член Учредительного собрания эсеров Соколов утверждал, что демонстрация была организована эсерами и что демонстранты были безоружными. Он также утверждал, что народ в Петрограде проявлял пассивность [Соколов пишет, что народ в Петрограде был настроен против большевиков, но «мы не сумели возглавить это противобольшевистское движение». Таким образом, слова Соколова, приводимые далее Карром, не точны. — *Ред.*]. «Мы не сумели повести их против большевистского движения» («Архив русской революции». Берлин, 1924, т. XIII, с. 65—66).

43. В. Б. Станкевич. Воспоминания, 1914—1919. Берлин, 1920, с. 302. Это поразительно совпадает с оценкой Соколова в приведенном выше отчете.

44. «Третий Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов». Петербург, 1918, с. 3.

45. Там же, с. 5.

46. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 267, 271.

47. «Третий Всероссийский Съезд Советов...», с. 35.

48. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 282—283.

49. Там же, т. 34, с. 198.

50. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 311—312. В марте 1919 г. Ленин определил срок перехода более точно: «...наша революция до организации комитетов бедноты, т. е. до лета и даже осени 1918 года, была в значительной мере революцией *буржуазной*» (там же, т. 38, с. 143—144).

51. Там же, т. 37, с. 311—312.

52. «История Советской Конституции в декретах...», с. 57—58.

Глава 6. Конституция РСФСР

1. R. R. Palmer. Twelve who Ruled. Princeton, 1941, p. 42.

2. Некоторые из этих проектов приведены в приложении к книге Гурвича (Г. С. Гурвич. История Советской конституции. М., 1923). Гурвич был членом комиссии по составлению проекта Конституции, и его книга — основной источник сведений по этому вопросу.

3. «Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 4-го созыва». М., 1920, с. 4, 72—73. Собственно говоря, комиссариата народного хозяйства не существовало. Бухарин представлял Высший совет народного хозяйства.

4. См. Приложение А «Ленинская теория государства».

5. Ленин однажды высказал мысль о том, что представителей должны выдвигать промышленные отрасли, где берет свое начало советская система (A. Ransome. Six Weeks in Russia in 1919. 1919, p. 80—81). Принцип «рабочего контроля» в промышленности, провозглашенный в первые месяцы Советской власти, также потенциально имел синдикалистскую основу.

6. Г. С. Гурвич. Цит. соч., с. 102—107.

7. «Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 4-го созыва», с. 70—72.

8. Г. С. Гурвич. Цит. соч., с. 142.

9. «Пятый Всероссийский съезд Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов». М., 1918, с. 193.

10. Г. С. Гурвич. Цит. соч., с. 33, 146—147. Эти тезисы не включены в собрание сочинений Сталина.

11. Таким образом, логично было, что Конституция предоставила политические права российских граждан «иностранцам, проживающим на территории Российской Республики для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу или к не пользующемуся чужим трудом крестьянству» (Ст. 20). Это положение взято из декрета ВЦИКа и первоначально относилось к германским и австро-венгерским военнопленным («Протоколы заседаний ВЦИКа 4-го созыва», с. 62—66).

12. «Пятый Всероссийский съезд Советов...», с. 190.

13. Самые мелкие Советы являли собой образец «прямой демократии», то есть это были органы, состоящие из всех граждан (или, в случае фабричных Советов, из всех рабочих фабрики). Самые крупные состояли из представителей граждан или рабочих, которые их избирали, и первое время такие Советы иногда называли «Совдепами» (Советами депутатов), несколько отличая их таким образом от просто Советов. «Белые» называли в то время территорию Советской республики «Совдепией».

14. Поправка, принятая VII Всероссийским съездом Советов в декабре 1919 г., устанавливала, что уездные съезды Советов должны состоять из делегатов и городских и сельских Советов данного уезда («Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях». М., 1939, с. 149).

15. Область была необязательной, не повсеместной ступенью в организации («Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 99, ст. 1019).

16. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 203.

17. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 11.

18. «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 12, ст. 179.

19. В. И. Ленин. Соч., 3-е изд., т. XXIII, с. 19.

20. Г. С. Гурвич. Цит. соч., с. 22—25.

21. Как указывает Гурвич (с. 76), «примерный и второстепенный характер этого перечня вполне сознавался его авторами». Перечисление было так сформулировано, что не требовало точного соответствия закону: центральным властям предоставлялось устанавливать общие принципы аграрной политики и образования, основы законодательной системы и основные положения трудового и гражданского законодательства. У западных комментаторов возникают трудности при попытке согласовать эти положения с системой полностью чуждых им идей. Это хорошо видно на примере английского исследования, посвященного местному управлению в Москве: «Общий принцип, который относится ко всем органам управления Советского Союза, заключается в том, что никаких особых ограничений их власти не существует. Нет ничего, что соответствовало бы английскому принципу *ultra vires*, [за пределами сил, возможностей (*лат.*)]. — *Ред.*], и чтобы предпринять какие-то действия, не требуется ссылки на законодательный акт или санкцию высшего органа. С другой стороны, каждый Совет или иной орган подлежит бесцеремонному контролю вышестоящих властей, ни в одной сфере нет полной автономии... Городской Совет имеет гораздо большую власть, чем любой английский муниципалитет, но в то же время у него по сравнению с любым из них нет полной автономии или возможности беспрепятственно действовать по собственному усмотрению» (*E. D. Simon, etc. Moscow in the Making. London, 1937, p. 36*).

22. «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 31, ст. 408.

23. Об этом официально говорится в работе «Пять лет власти Советов» (М., 1922, с. 262). О текущей работе местных Советов и съездов Советов в первые годы революции информации мало. Лучший источник — это работа Владимирского (М. Владимирский. Советы, исполкомы и съезды Советов. М., 1920—1921, т. I, II), основанная на материалах народного комиссариата внутренних дел. Из нее видно, что губернские и уездные съезды Советов и их исполнительные комитеты заседали регулярно и функционировали в соответствии с Конституцией, хотя имелись некоторые нарушения, касавшиеся их состава и образа действий, но областные и волостные съезды Советов (занимавшие соответственно высшую и низшую ступени) уже переставали практиковаться. Другими словами, практический опыт быстро облегчил громоздкую

конституционную структуру, устранив лишние подпорки. О деятельности местных «сельских» Советов известно мало. По имеющимся сведениям, дополнительную информацию можно найти в более поздней работе — «Советы в эпоху военного коммунизма» (М., 1928), — которую достать не удалось.

24. «Советское право». М., 1924, № 3 (9), с. 29.

25. Резолюция Совета рабочей и крестьянской обороны цит. в: *R. Labry. Une Législation Communiste*, 1920, p. 22.

26. *H. Hintze. Staatseinheit und Föderalismus un alten Frankreich und in der Revolution*, 1928. В работе исследуется постоянное противоречие между понятиями «федерализм» и «единая и неделимая нация» на последовательных этапах Французской революции. Победа централизации произошла не потому, что ей отдавали предпочтение с идеологической точки зрения, а в связи с военной и экономической необходимостью. Напрашиваются интересные параллели с революцией в России.

27. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, с. 265—266.

28. Там же, т. 22, с. 238.

29. Там же, т. 17, с. 343—344.

30. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 7, с. 103—104.

31. Там же, т. 24, с. 143.

32. Там же, т. 48, с. 235.

33. Там же, т. 26, с. 108—109.

34. *И. В. Сталин*. Соч., т. 3, с. 27. Позднее Сталин изменил точку зрения на этот вопрос (там же, с. 28—31).

35. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 33, с. 71—74.

36. См. выше, с. 106.

37. *И. В. Сталин*. Соч., т. 4, с. 66—73.

38. Там же, с. 79—80. Первоначальный проект Сталина см. в: *Г. С. Гурвич*. Цит. соч., с. 147—148.

39. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 79.

40. Там же, т. 1, с. 446.

41. *И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 70.

42. Вот эти «сословия» (русское слово «сословие» неадекватно словам «каста», «класс» или «гильдия», хотя отчасти содержит в себе значения всех трех): 1) «аристократия» или «дворянство»; 2) духовенство; 3) купечество; 4) мещанство (лавочки, чиновники, ремесленники); 5) крестьянство, включая неквалифицированных работников в городах и на фабриках. Существование городского пролетариата как такового законом не предусматривалось.

43. «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 3, ст. 31.

44. *Г. С. Гурвич*. Цит. соч., с. 46.

45. Там же, с. 47. Один из первых проектов предусматривал систему голосования куриями, при которой голоса рабочих и крестьян учитывались бы против голосов ремесленников, правительственных служащих, ученых, художников и специалистов, но это усовершенствование было отвергнуто при составлении окончательного варианта (там же, с. 161—162).

46. «Первый Всероссийский съезд Советов...», с. 23—24.

47. «Пятый Всероссийский съезд Советов...», с. 193.

48. Поскольку 51% населения составляли взрослые старше 20 лет, правильное соотношение «избирателей» и «жителей» должно было на первый взгляд составлять примерно один к двум. Такое соотношение устанавливалось для выборов в Учредительное собрание при определении числа мест для гражданских избирательных округов на основе количества населения и для армии и флота на основе количества избирателей («Проект положения о выборах в Учредительное собрание». Петроград, 1917, ч. 2, с. 33—36). Даже если учесть, что, как утверждал Стеклов, процент взрослых в городах был выше, чем в деревне, арифметически верное соотношение не могло быть ниже, чем два к пяти; в 1920 г. делегации британской лейбористской партии сказали, что оно составляет один к трем («British Labour Delegation to Russia, 1920: Report», 1920, p. 128).

49. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 38, с. 171—173.

50. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 78.

51. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 46.
52. Там же, т. 8, с. 205.
53. Там же, т. 17, с. 342.
54. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 304—305; т. 36, с. 72. Та же мысль высказывается в партийной Программе 1919 г., где отделение законодательной власти от исполнительной рассматривается как одна из «отрицательных сторон парламентаризма» («КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 77).
55. Цит. в: Bunyan and Fisher. The Bolshevik Revolution, 1917—1918. Stanford, 1934, p. 578.
56. Сначала это предложение было внесено Лацисом в апреле 1918 г. (Г. С. Гурвич. Цит. соч., с. 73), а затем повторено Осинским на VIII съезде партии в 1919 г. («Восьмой съезд РКП(б)». М., 1959, с. 194).
57. Рейснер в уже упоминавшемся докладе заметил, что независимость судей в буржуазных государствах лишь делала их «более узкими и более нетерпимыми защитниками господствующего класса» (Bunyan and Fisher. Op. cit., p. 578).
58. На V Всероссийском съезде Советов Свердлов, говоря об отмене смертной казни декретом II Всероссийского съезда Советов, утверждал даже, что ВЦИК, будучи «между Съездами верховным органом или верховной властью», может не только отменять, но и не принимать во внимание декреты съезда («Пятый Всероссийский съезд Советов...», с. 49).
59. Г. С. Гурвич. Цит. соч., с. 67.
60. «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 1 (2-е изд.), ст. 12.
61. «Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполн. Комитета Р. С. Кр. и Каз. Депутатов II созыва...», с. 28—32; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 56—59; Л. Троцкий. Соч., т. III, ч. 2, с. 106—108.
62. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 305.
63. Г. С. Гурвич. Цит. соч., с. 90—91; в книге Троцкого «О Ленине» (с. 113—114) также говорится об этом включении.
64. «Пятый Всероссийский съезд Советов...», с. 183—195.

Глава 7. Укрепление диктатуры

1. Происхождение термина неизвестно. В 1849 г. Маркс охарактеризовал «революционный социализм» Бланки как «классовую диктатуру пролетариата» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 91). В 1852 г. он сам использовал этот термин (см. Приложение А).
2. В Москве довольно серьезное сопротивление в течение недели в основном оказывали военные учебные заведения, готовившие молодых офицеров. В других местах почти повсюду переход власти к большевикам произошел мирно, хотя и задержался на несколько недель в отдаленных центрах.
3. Джон Рид. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1958, с. 99.
4. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 63—64.
5. В. А. Антонов-Овсеенко. Воспоминания гражданской войны. М., 1924, кн. 1, с. 178—179.
6. Это особенно касалось установления экономического контроля, которое будет рассматриваться в части IV. В другой сфере даже о проведении такой не вызывавшей сомнений меры, как отделение церкви от государства, не объявлялось, пока архиепископ Тихон не предал новый строй анафеме («Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 18, ст. 263; А. И. Введенский. Церковь и государство. М., 1923, с. 114—116). Даже тогда, по словам Садуля, многие комиссары против этого возражали, боясь, что «к гражданской и мировой войнам может добавиться религиозная война» (J. Sadoul. Notes sur la Révolution Bolchevique, 1919, p. 222).
7. Из них наиболее известно убийство лежавших в больнице двух бывших министров-кадетов 7 (20) января 1918 г., которое подверглось резкому осуждению в официальной прессе (Bunyan and Fisher. Op. cit., p. 386—387). Печальную известность приобрели матросы из-за совершенных ими во время революции жестокостей. Именно матросы Черноморского флота, захватив в фев-

рале 1918 г. Севастополь, устроили трехдневную резню среди местной буржуазии. Но есть также множество сведений о вышедших из повиновения военных частях. Не лучшей репутацией пользовались всевозможные «белые» силы; особенно наводили страх своей жестокостью казаки, в том числе многие казачьи предводители.

8. «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 1 (2-е изд.), ст. 4.

9. Любопытный очерк можно было бы написать об отношении русской революции к смертной казни. В России глубоко укоренилось предубеждение против вынесения судом смертных приговоров. Оно имело религиозное происхождение и подкреплялось учением западноевропейских писателей XVIII века, которое через Екатерину II и ее наследников оказало влияние на русскую политическую мысль. Правда, на политические институты России это редко влияло. К середине XIX века существовавшее предубеждение обычно обходили тем, что приговаривали к битью кнутом или, особенно в случае неповиновения солдат, прогоняли сквозь строй, что если не формально, так на деле означало смертную казнь. Когда в России в 60-е годы XIX века была создана система присяжных заседателей, то они особенно неохотно принимали решения, влекущие за собой смертный приговор. Русские террористические группы, вплоть до (и включая) эсеров, не видели непоследовательности в том, что, отстаивая убийство как политическое оружие, они в то же время осуждали смертную казнь как судебное установление.

Большевики вначале решительно отвергали эту традицию. Они были противниками политических убийств. Но на II съезде РСДРП в 1903 г. предложение включить в партийную Программу отмену смертной казни было отклонено значительным большинством голосов под возгласы: «А для Николая II?» («Второй съезд РСДРП», с. 193—194). Однако с течением времени на многих русских социал-демократов оказал влияние тот же западный гуманизм XIX века, который воздействовал и на социал-демократические и рабочие партии Западной Европы. Второй Интернационал на своем конгрессе в Копенгагене в 1910 г. единогласно осудил смертную казнь. Февральская революция в России была проникнута западными либеральными и социал-демократическими идеями, и протест против смертной казни стал главным пунктом ее программы. С восстановлением смертной казни на фронте в сентябре 1917 г. связан знаменитый ответ Керенского своим критикам на Демократической конференции. Он сказал, что осуждать его надо будет тогда, когда смертный приговор на деле приведет в исполнение. Советский уголовный кодекс 1922 г. устанавливал смертную казнь за контрреволюционные преступления, не называя ее так, а лишь упоминая о ней как о «высшей мере наказания».

10. C. Vellay(ed.). Discours et Rapports de Robespierre, 1908, p. 197, 332. В 1920 г. Ленин говорил французскому коммунисту Фроссару, что французам нечего отвергать в Русской революции, которая своими методами и образом действий возвращает Французскую революцию («Humanité», 10 Septembre 1920). Сравните это с высказыванием Джефферсона о терроре: «В борьбе, которая была необходима, погибли без соблюдения судебных формальностей многие виновные, а вместе с ними и некоторые невинные. Этих я, так же сильно, как и все, жалею; некоторых буду оплакивать до своего смертного часа. Но я скорблю о них так, как если бы они погибли в бою. Необходимо было использовать винтовки, машину не столь слепую, как пули и бомбы, но в определенной степени слепую» (P. L. Ford(ed.). The writings of Thomas Jefferson. New York, v. VI, 1895, p. 153—154).

11. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, с. 494.

12. Там же, т. 6, с. 175.

13. Там же, т. 8, с. 120.

14. Взгляды Каутского — лучший пример этого направления мыслей во втором поколении германской социал-демократии. В работе Каутского «Терроризм и коммунизм» («Terrorismus und Kommunismus: ein Beitrag zur Naturgeschichte der Revolution», 1919) содержалась резкая критика большевистского террора. Он цитировал отрывки из более поздних произведений Энгельса, но опустил более раннее высказывание, где Энгельс с удовлетворением отмечал: «В тот короткий период французской революции, когда, при господстве партии Горы,

пролетариат стоял у государственного кормила, он проводил централизацию всеми средствами, с помощью картечи и гильотины» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 355).

15. «Bericht über den Gründungsparteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund)», n. d. [1919], S. 52.

16. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, с. 7.

17. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 174, 190—191.

18. Л. Троцкий. О Ленине, с. 101.

19. Рассказывают, что с 1918 г. возник следующий способ: «Будем спрашивать: ты за кого? За революцию или против? Если *против* — к стенке, если *за* — иди к нам и работай» (В. В. Адоратский. Воспоминания о Ленине. М., 1933, с. 66—67). После революции Ленин спрашивал на манер Генриха II: «Неужели у нас не найдется своего Фукье-Тенвиля, который привел бы в порядок расхолодавшуюся контрреволюцию?» (В. Бонч-Бруевич. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1930, с. 197.)

20. «Известия», 30 октября (12 ноября) 1917 г., цит. в: *Bunyan and Fisher*. Op. cit., p. 153.

21. Л. Троцкий. Соч., т. III, ч. 2, с. 202.

22. «Известия», 6 (19) декабря 1917 г.

23. «Протоколы заседаний ВЦИК II созыва», с. 24. Троцкий развил этот довод позднее в своей полемике с Каутским (Л. Троцкий. Терроризм и коммунизм. Петербург, 1920, с. 60—61).

24. Цит. в: *Bunyan and Fisher*. Op. cit., p. 362. Цитата взята из эсеровской газеты, речь не содержится в протоколах ВЦИКа, где она была произнесена, хотя упоминание о ней там имеется.

25. Борьба с этими злоупотреблениями была дополнительно вменена в обязанности Комитета приказом Совнаркома от 12 (25) ноября 1917 г. (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 89).

26. Эту деятельность описывает в своей статье Иоффе («Коммунистический Интернационал» № 6, октябрь 1919 г., столбцы 777—782). Он и Урицкий входили в Комитет от ЦК партии. Отчет, приведенный в книге «История гражданской войны в СССР» («History of the civil war in the URSS», Engl. transl., 1947, ii, p. 599—601), основывается на неопубликованных официальных источниках.

27. По-видимому, декрет был секретным и впервые был опубликован в «Правде» 18 декабря 1927 г. Цит. по: *Bunyan and Fisher*. Op. cit., p. 297—298.

28. М. И. Лацис. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М., 1921, с. 8.

29. «Известия», 15 (28) декабря 1917 г. Циркуляр цит. в: «Революция 1917 года», т. VI, с. 350. Строго говоря, местная комиссия носила название ЧК, а центральный орган — ВЧК (Всероссийская Чрезвычайная Комиссия), но сокращение ЧК обычно употреблялось для обозначения и центрального и местного органа.

30. «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 12, ст. 170.

31. «Пролетарская революция», 1924, № 10 (33), с. 7—8.

32. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 203—205.

33. Там же, с. 311.

34. Там же, т. 36, с. 182, 270.

35. «Правда», 23 февраля 1918 г. Цит. в: *Bunyan and Fisher*. Op. cit., p. 576.

36. «Пролетарская революция», 1924, № 10 (33), с. 11. В 1920 г. заместитель председателя ВЧК сообщил британской лейбористской делегации, что в то время в составе ВЧК «по всей стране было 4500 сотрудников, которым помогали все члены партии, считавшие своим долгом информировать Комиссию о любых действиях, враждебных правительству» («British Labour Delegation to Russia, 1920: Report», 1920, p. 55).

37. «Четвертый Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов». М., 1920, с. 56—57.

38. На менее актуальные заботы ВЧК летом 1918 г. проливает свет украинский анархист Махно, сам в прошлом политический заключенный: «Комиссия

ЧК по расследованию дел бывших политических заключенных московской тюрьмы обратилась ко всем бывшим заключенным с просьбой дать любые сведения о жестоких надзирателях, которых затем арестовали по распоряжению ЧК и в тот момент они находились под следствием» (*Н. Махно. Под ударами контрреволюции. Париж, 1936, с. 113—115*).

39. Отчеты о действиях, предпринятых против анархистов см. в: *Bunyan and Fisher. Op. cit., p. 582—586; R. H. Bruce Lockhart. Memoirs of a British Agent, 1932, p. 258—259*, где переводот описывается как «первый шаг к установлению дисциплины»; и *J. Sadoul. Op. cit., p. 275—276*, где говорится, что «анархистские массы» «вербовались из отбросов населения» и поощрялись «реакционерами». Судя по заявлению Дзержинского, опубликованному в «Известиях» 16 апреля 1918 г., не более одного процента арестованных составляли «идейные анархисты». Официальный отчет об этом деле сделал во ВЦИКе представитель ВЧК, который сам был не большевиком, а левым эсером («Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва», с. 153—156).

40. *С. А. Пионтковский. Гражданская война в России, 1918—1921. М., 1925, с. 154—156*.

41. Резолюцию см. в: «Новая жизнь», 10 июня 1918 г., с. 79—81. Майский, которого исключили из меньшевистского Центрального комитета за участие в так называемом «самарском правительстве», критически анализирует колебания меньшевиков в то время (*И. Майский. Демократическая контрреволюция. М., 1923, с. 8—11*).

42. «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 44, ст. 536. Изданию декрета предшествовало долгое обсуждение во ВЦИКе («Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва», с. 419—439).

43. Этот вопрос будет рассматриваться в части IV.

44. Свердлов в июле 1918 г. утверждал: «Смертные приговоры мы выносили десятками по всем городам: и в Петрограде, и в Москве, и в провинции» («Пятый Всероссийский съезд Советов...», с. 49). Спор с левыми эсерами заставил его подчеркнуть, что это частое явление: вопреки обыкновению, не стоило его преуменьшать. Число 22 за первые шесть месяцев, о котором пишет Ладис (*М. И. Ладис. Цит. соч., с. 9*), по-видимому, относится только к центральной ЧК в Москве, иначе оно, конечно, слишком малó.

45. Дело Шасного см. в: *D. F. White. The Growth of the Red Army. Princeton, 1944, p. 71—72*. Пытался ли Шасный лишь «спасти» Балтийский флот от большевиков или отдать его немцам — вопрос не очень существенный. Достоверность сообщения о выдвинутых против него обвинениях, приведенного в книге Сиссона (*E. Sisson. One Hundred Red Days. Yale, 1931, p. 437*), сомнительна.

46. Свердлов отвергал формальный довод на основании того, что, во-первых, ВЦИК, исходя из своих полномочий, может отменить любую резолюцию съезда, и, во-вторых, съезд отменил смертную казнь на фронте, но не в других местах («Пятый Всероссийский съезд Советов...», с. 49). Второй аргумент вызывал сомнение: II Всероссийский съезд Советов, безусловно, считал, что отменяет единственную еще существующую форму смертной казни.

47. Это долго доказывала Спиридонова на V Всероссийском съезде Советов («Пятый Всероссийский съезд Советов...», с. 59—61).

48. «Известия», 23 июня 1918 г.

49. Меньшевики, хотя и не скомпрометированные поддержкой индивидуального террора, были тоже более глубоко возмущены единственным смертным приговором, вынесенным законно сформированным трибуналом, чем десятками казней, тайно совершаемых ЧК. Именно приговор Шасному был причиной появления злобного памфлета Мартова под названием «Долой смертную казнь»: «Зверь лизнул горячей человеческой крови. Машина человекоубийства пущена в ход... Зачумленные, отверженные... палачи-людоеды». Когда меньшевистские власти в Тифлисе стреляли по толпе рабочих, Ленин гневно заметил: «Когда мы применяем расстрелы, они обращаются в толстовцев и льют крокодиловы слезы, крича о нашей жестокости. Они забыли, как вместе с Керенским гнали рабочих на бойню, спрятав в кармане тайные договоры» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 214*).

50. «Пятый Всероссийский съезд Советов...», с. 163.
51. «Пролетарская революция», 1924, № 10 (33), с. 16. Протоколы заседания Центрального комитета левых эсеров от 24 июня 1918 г., на котором было принято решение «организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма», см. в: «Красная книга ВЧК». М., 1920, т. I, с. 129.
52. «Борис Савинков перед военной коллегией Верховного суда СССР». М., 1924, с. 55—59. Вместе с тем Савинков отрицал, что заранее знал об убийстве Мирбаха, которое было совершено левыми эсерами.
53. «Красная книга ВЧК». М., 1920, т. I, с. 200—201; *I. Steinberg. Spiridonova: Revolutionary terrorist*, 1935, p. 216. Сама Спиридонова была освобождена несколько месяцев спустя, опять вела пропаганду против режима («Правда», 19 декабря 1918 г.) и в конце концов была выслана в Ташкент.
54. «Пятый Всероссийский съезд Советов...», с. 209.
55. «Правда», 23 и 26 июля 1918 г.; цит. в: *J. Bunyan. Intervention, Civil War, and Communism in Russia*. Baltimore, 1936, p. 194, 228.
56. «Еженедельник Чрезвычайных Комиссий». М., 1918, № 2, с. 30. Вышло всего шесть номеров этого уникального журнала.
57. Там же, № 1, с. 21—22.
58. Там же, с. 18—19.
59. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 50, с. 143—144.
60. «Пятый созыв ВЦИК Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов». М., 1919, с. 9.
61. Цит. по: *K. Padek*. Портреты и памфлеты. М., 1933, кн. I, с. 50.
62. Среди телеграмм протеста, адресованных ВЦИКу, была одна с Царицынского фронта за подписью Сталина и Ворошилова: «Военный совет Северо-Кавказского военного округа, узнав о злодейском покушении наймитов буржуазии на жизнь величайшего революционера в мире, испытанного вождя и учителя пролетариата товарища Ленина, отвечает на это низкое покушение из-за угла организацией открытого, массового систематического террора против буржуазии и ее агентов» (*И. В. Сталин*. Соч., т. 4, с. 128).
63. *R. H. Bruce Lockhart*. Op. cit., p. 314—316. В книге содержится, в сущности, признание в соучастии. Если достоверна книга «Крупный британский шпион» (*R. H. Bruce Lockhart. Britain's Master Spy: Sidney Reilly's Narrative written by Himself*, 1933), то соучастие зашло очень далеко.
64. «Пятый созыв ВЦИК», с. 11.
65. «Известия», 3 и 7 сентября 1918 г. «Еженедельник Чрезвычайных Комиссий» (№ 6, с. 19) дает цифру 800 как общее число казненных в Петрограде во время террора.
66. Пролетарская революция», 1924, № 10 (33), с. 32.
67. «Еженедельник Чрезвычайных Комиссий», № 4, с. 25.
68. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 37, с. 59—60.
69. *М. И. Лацис*. Цит. соч., с. 8—24.
70. «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 1 (2-е изд.), ст. 7.
71. Именно эта газета распространила предполагаемый декрет «клуба анархистов» в Саратове, который объявлял всех женщин «государственной собственностью» (цит. по: *Bunyan. Intervention...*, p. 556). Это сообщение в различном, более или менее искаженном виде обошло всю иностранную прессу.
72. *Н. Махно*. Цит. соч., с. 92—107, 119, 135. О Махно см. главу 11. Со времени создания «Государства и революции» Ленин всегда проявлял определенную мягкость к анархистам. В августе 1919 г. он писал: «Очень многие рабочие анархисты становятся теперь искреннейшими сторонниками Советской власти», и объяснял их прежнюю враждебность тем, что Второй Интернационал изменил марксистским принципам (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 39, с. 160—162).
73. Сведения об этих бюрократических расприх см. в: *Bunyan and Fisher*. Op. cit., p. 580—581; *Bunyan. Intervention...*, p. 259—260. Конституционно ЧК была подотчетна только Совнаркому и ВЦИКу.
74. «Съезды Советов РСФСР в постановлениях...», с. 116—117.

75. «Съезды Советов РСФСР в постановлениях...», с. 119. Чтобы это носило более официальный характер, резолюция в качестве декрета вошла в «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», (№ 90, ст. 908).

76. Появившиеся в прессе «Тезисы и резолюция» кратко изложены в: В. И. Ленин. Соч., 2-е изд., т. XXIII, с. 567—569; см. также: И. В. Сталин. Соч., т. 4, с. 134—145. На протест против террора ответил Сталин в длинной статье в «Правде» (там же): «Как можно признавать «историческую необходимость» Октябрьского переворота, не признавая вытекающих из него неизбежных результатов и последствий?!»

77. В. И. Ленин. Соч., 2-е изд., т. XXIII, с. 571. Дата воззвания указана там как 26 сентября 1918 г., на самом же деле — 14 ноября 1918 г., как правильно указано в: там же, т. XXIV, с. 760.

78. Там же, с. 219, 224.

79. Там же, т. XXIV, с. 760.

80. Там же.

81. Там же. Заседание ВЦИКа, на котором была принята эта резолюция, описано в: A. Ransome. Six weeks in Russia in 1919. 1919, p. 108—112.

82. «Восьмой съезд РКП(б). Протоколы». М., 1959, с. 3.

83. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 136—137.

84. Манифест пробольшевистской группы появился в «Известиях» 3 мая 1919 г. (отрывки из него см. в: В. И. Ленин. Соч., 2-е изд., т. XXIV, с. 780). Эта группа вышла из состава партии, когда Совет партии в июне 1919 г. перешел к политике противодействия режиму (там же, с. 788—789).

85. Ф. Дан. Два года скитаний. Берлин, 1922.

86. И. В. Сталин. Соч., т. 4, с. 243—244.

87. «7-й Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов», 1920, с. 20.

88. Там же, с. 60—63.

89. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 415—417.

90. Y. Martov. Geschichte der Russischen Sozial-Demokratie, 1926, S. 318. Декларацию группы меньшевиков в Московском Совете 6 марта 1920 г., среди прочего содержащую обвинения в несправедливости выборов, см. в: Г. К. Гинс. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921, т. II, с. 564—565.

91. B. Russell. The Practice and Theory of Bolshevism, 1920, p. 26.

92. Ф. Дан. Цит. соч., с. 11—13. Речь Чернова см. в: V. Chernov. Mes tribulations en Russia. Paris, 1921, p. 55—60. По мнению Дана, она была «не очень удачна», «черезчур литературная и отвлеченная». Краткий отчет о собрании с текстом речи члена Центрального комитета меньшевиков Кефали см. в: «British Labour Delegation to Russia, 1920: Report». London, 1920, p. 63—65. Согласно сведениям, которые потом были сообщены делегации, члены Совета профсоюза печатников были в следующем месяце арестованы (ibid., p. 71).

93. Ф. Дан. Цит. соч., с. 57—59.

94. Один делегат описывал, как он выступал в защиту «коммунистических раскольников» («Восьмой Всероссийский съезд Советов». М., 1921, с. 226—228), — любопытный продукт политической неразберихи первых лет революции и той поддержки, которая в течение короткого времени оказывалась религиозному инакомыслию как оружию в борьбе с ортодоксальной церковью.

95. Этот эпизод будет рассмотрен в части V.

96. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 244—245.

97. Y. Martov. Op. cit., p. 319. Автор (в этой части книги — Ф. Дан) цитирует слова Ленина немного неточно и ошибочно относит их к выступлению Ленина на съезде партии.

98. Основным источником, где приведен этот маленький эпизод, подтвержденный документально, служит статья Е. Кусковой, которая в числе представителей интеллигенции участвовала в переговорах («Воля России». Прага, 1928, № 3, с. 56).

99. «Известия», 23 июля 1921 г.

100. Сообщение о его роспуске и краткое объяснение причин опубликовала газета «Известия» 30 августа 1921 г.

101. Наиболее длинный связный рассказ об этом эпизоде содержится в статье члена Комитета Е. Кусковой («Воля России». Прага, 1928, №№ 3, 4, 5). Доводы большевиков, направленные против Комитета, приведены в «Известиях Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевики)» (№ 34, 15 ноября 1921 г., с. 2).

102. См. главу 8.

103. «Собрание узаконений... за 1922 г.», № 4, ст. 42; IX Всероссийский съезд Советов». М., 1922, с. 254.

104. «Собрание узаконений... за 1922 г.», № 16, ст. 160.

105. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 101—102.

106. Отчет об этой встрече будет приведен в части V.

107. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 140—144.

108. E. Vandervelde et A. Wanters. Le procès des Socialistes-Revolutionnaires à Moscou. Brussels, 1922, p. 133—134.

109. «Процесс П. С.-Р.: речи государственных обвинителей». М., 1922, с. 243—244.

Глава 8. Власть партии

1. См. главу 2.

2. R. Michels. Zur Soziologie des Parteiwesens, 1925, 2nd ed., S. 504. И далее: «С расширением официального аппарата, то есть по мере роста числа членов организации, наполнения ее сундуков и разрастания прессы, демократия в нем все чаще отвергается и заменяется всемогущими комитетами» (ibid., p. 98). Обвинение в «византизме» — излюбленный язвительный упрек критиков большевиков — предъявлялось Социал-демократической партии Германии еще в 1908 г. (ibid., p. 148).

3. В резолюции X съезда партии указывалось, что причиной роста фракционности является «вступление в ряды партии элементов, не вполне еще усвоивших коммунистическое мирозерцание» (КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 337). В ленинском первоначальном проекте этой резолюции особо упоминались «бывшие меньшевики» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 93—94).

4. Точно так же в дискуссии о профсоюзах 1920—1921 гг. ошибка Троцкого заключалась не в том, что он выдвинул непригодные предложения, а в том, что, когда эти предложения были отвергнуты большинством Центрального Комитета, он отказался участвовать в комиссии по выработке решения (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 235—236).

5. См. главу 5. В ультиматуме, предъявленном Центральным Комитетом 6 (19) ноября 1917 г. Каменеву, Зиновьеву, Рязанову и Ларину, от них потребовали «либо немедленно в письменной форме дать обязательство подчиняться решениям ЦК и во всех Ваших выступлениях проводить его политику, либо отстраниться от всякой публичной партийной деятельности и покинуть все ответственные посты в рабочем движении, впрямь до партийного съезда» («Протоколы Центрального Комитета РСДРП», с. 170). Зиновьев подчинился и сообщил об этом в письме, остальные трое упорствовали и были исключены из состава Центрального Комитета (там же, с. 175—177). Рыков, Милютин и Ногин также ушли из Центрального Комитета и со своих постов в Совнаркоме.

6. «Протоколы Центрального Комитета...», с. 249—250.

7. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 14.

8. Во время острой партийной дискуссии в декабре 1923 г. Зиновьев утверждал, что левые эсеры предлагали в то время арестовать Ленина и других членов Совнаркома, что этот план серьезно рассматривался «левыми коммунистами» и что Пятаков должен был стать преемником Ленина («Правда», 16 декабря 1923 г.). Сталин тоже упоминал об этом заявлении (там же, 15 декабря 1923 г.). Группа бывших «левых коммунистов», включавшая Пятакова и Радека, ответила, что единственным основанием для этих сообщений были несколько шуточных реплик (там же, 3 января 1924 г.). В 1937 г. Буха-

рин в связи с этим случаем был обвинен в организации заговора против Ленина.

9. Среди других участников выпуска журнала, указанных на первой странице, были Бубнов, Коснор, Куйбышев, Покровский, Преображенский, Пятаков, Сафаров, Урицкий, Уншлихт и Ярославский.

10. Как сообщал «Коммунист» (№ 1, 20 апреля 1918 г., с. 13), Ленин по этому случаю прочитал ряд контртезисов и обещал их опубликовать, но не опубликовал. Тезисы группы см. в: *В. И. Ленин. Соч.*, 2-е изд., т. XXII, с. 561—571; «Коммунист», № 1, 20 апреля 1918 г., с. 4—9. Содержание их будет рассмотрено в части IV.

11. Характерно для того периода, что в разгар этого явно острого спора Бухарин появился в качестве главного представителя Центрального Комитета партии на I Всероссийском съезде советов народного хозяйства, а Радек сделал на съезде доклад об «экономических последствиях Брестского договора» («Труды I-го Всероссийского съезда Советов Народного Хозяйства». М., 1918, с. 7, 14—23). Подобная гибкость объяснялась отчасти чрезвычайной нехваткой в партии квалифицированных кадров, а отчасти — устойчивой традицией, согласно которой, как бы ни спорили члены партии между собой, в непартийных организациях они выражали только общее мнение партии. По этому случаю Рязанов язвительно заметил о Радеке, что «ему пришлось полемизировать с самим собой» и «проделявать то, что... называется „парламентским Эйер-Танцем“» (там же, с. 34).

12. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 26, с. 95.

13. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 27—28.

14. Термин (о нем см. главу 2) был введен в Устав партии V съездом в 1907 г. («КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 263). Точное определение было впервые включено в Устав партии в 1934 г. (там же, т. 6, с. 137) в следующей формулировке:

«а) выборность всех руководящих органов партии сверху донизу;

б) периодическая отчетность партийных органов перед своими партийными организациями;

в) строгая партийная дисциплина и подчинение меньшинства большинству;

г) безусловная обязательность решений высших органов для низших и для всех членов партии».

15. В важной резолюции, принятой X съездом, перечислялись функции ячеек («КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 330—332).

16. В 1920 г., рассказав о том, как партия руководит через советский аппарат, Ленин продолжал: «Таков общий механизм пролетарской государственной власти, рассмотренный «сверху», с точки зрения практики осуществления диктатуры. Читатель поймет, можно надеяться, почему русскому большевику, знакомому с этим механизмом и наблюдавшему, как вырастал этот механизм из маленьких, нелегальных, подпольных кружков в течение 25 лет, все разговоры о том, «сверху» или «снизу», диктатура вождей или диктатура массы и т. п., не могут не казаться смешным ребяческим вздором, чем-то вроде спора о том, полезнее ли человеку левая нога или правая рука» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 41, с. 32). Несколько месяцев спустя Центральный Комитет издал циркулярное письмо о «жгучем вопросе» «верхов» и «низов» партии. Острота вопроса объяснялась в нем отчасти тем, что недавно в партию вошло много молодых и неопытных кадров, а отчасти «действительно неправильными и часто совершенно нетерпимыми приемами работы, которые практикуют некоторые ответственные работники» («Известия Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков)», № 21, 4 сентября 1920 г., с. 1—3).

17. «Двенадцатый съезд РКП (большевиков). Стенографический отчет». М., 1968, с. 227.

18. «Восьмой съезд РКП(б). Протоколы». М., 1959, с. 164.

19. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 105.

20. Там же, т. 2, с. 104. До этого времени Секретариат был вполне сложившимся органом, которым заведовал Свердлов. (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 38, с. 146—147).

21. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 267.
22. «Известия Центрального Комитета...», № 29, 7 марта 1921 г., с. 4—6. Перепечатано в: «Рабочая оппозиция: материалы и документы». М., 1926, с. 21—22.
23. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 302—303.
24. «Известия Центрального Комитета...», № 26, 20 декабря 1920 г., с. 2.
25. Там же, № 25, 11 ноября 1920 г., с. 1.
26. Эту брошюру теперь уже нелегко достать, но она широко цитируется в: «Рабочая оппозиция: материалы и документы». М., 1926; «Платформа Шляпникова и Медведева». М., 1927. См. также: В. И. Ленин. Соч., 2-е изд., т. XXVI, с. 632—634; т. XXVII, с. 494—496. Есть она и в английском переводе: «The Workers' Opposition in Russia» (n. d.). Обобщение партийных разногласий, которое Р. Михельс дал еще до 1910 г., вполне подходит и к «рабочей оппозиции»: «Лозунг большинства — централизация, лозунг меньшинства — «автономия». Чтобы достигнуть своей цели, меньшинство вынуждено вести борьбу, которая иногда принимает форму борьбы за свободу, и даже используется терминология героев свободы, идущих на бой с тиранией тиранов» (R. Michels. Zur Soziologie des Parteiwesens. 2nd ed., 1925, S. 228).
27. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 234—244.
28. Там же, т. 43, с. 4—5, 43.
29. В партийной терминологии, вероятно, впервые появилось это знаменитое слово. Ленин следующим образом объяснил его на съезде: «Уклон не есть еще готовое течение. Уклон это есть то, что можно поправить. Люди несколько сбились с дороги или начинают сбиваться, но поправить еще можно. Это, на мой взгляд, и выражается русским словом „уклон“» (там же, с. 101).
30. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 337—340.
31. Там же, с. 340.
32. Слово «фракционность» стало часто употребляться в партийной терминологии в следующие несколько лет. В резолюции оно определялось как «возникновение групп с особыми платформами и со стремлением до известной степени замкнуться и создать свою групповую дисциплину». Таким образом, «группы» сами по себе не были незаконными, «фракции» — были.
33. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 334—337. Резолюцию, в той формулировке, в какой она была представлена съезду Лениным, см. в: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 89—92. Съезд внес лишь небольшие изменения в проект резолюции. «Пункт 7» остался в той формулировке, в какой он был первоначально составлен, по-видимому, самим Лениным.
34. В январе 1924 г., за несколько дней до смерти Ленина, партийная конференция решила по предложению Сталина поручить ЦК опубликовать секретный «пункт 7» резолюции («КПСС в резолюциях...», т. 3, с. 159).
35. В соответствующем параграфе Устава говорилось: «Постановления партийных центров должны исполняться быстро и точно. Вместе с тем внутри партии обсуждение всех спорных вопросов партийной жизни вполне свободно до тех пор, пока решение не принято». В Уставе перечислялись в восходящем порядке наказания за неподчинение решениям высших партийных органов: «партийное порицание, публичное порицание, временное отстранение от ответственной партийной и советской работы, временное отстранение от всякой партийной и советской работы, исключение из партии и исключение из партии с сообщением о проступке административным и судебным властям». В то время не стоял вопрос о том, чтобы призвать инакомыслящего отречься от своих взглядов или признать себя неправым; требовалось лишь согласие в делах.
36. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 324—325, 329.
37. Там же, с. 340—341. Нарушения, против которых была направлена деятельность контрольных комиссий, были названы в резолюции: «бюрократизм, карьеризм, злоупотребления членов партии своим партийным и советским положением, нарушение товарищеских отношений внутри партии, распространение неосновательных и непроверенных, позорящих партию или отдельных членов ее слухов и инсинуаций и других подобных сведений, нарушающих единство и авторитет партии».

38. Это выявляют замечания представителей партийного руководства на съезде («Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., 1963, с. 28, 46).
39. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 104.
40. Там же, с. 332; «Десятый съезд РКП(б)...», с. 618. Центральный Комитет, избранный V съездом партии в августе 1917 г., состоял из 21 члена и 8 кандидатов (12 из которых — 11 членов ЦК и один кандидат — присутствовали на знаменитом заседании 10 октября, принявшем решение о вооруженном восстании). VII съезд в марте 1918 г. сократил число членов ЦК до 15 при 8 кандидатах. Затем это число постоянно возрастало, и в резолюции XII съезда в 1923 г. установилось число членов ЦК в количестве 40 человек, а число кандидатов — 15—20 («КПСС в резолюциях...», т. 3, с. 94). Позднее эта цифра опять возросла.
41. Вот список избранных с числом поданных за них голосов: Ленин — 479, Радек — 475, Томский — 472, Калинин — 470, Рудзутак — 467, Сталин — 458, Рыков — 458, Комаров — 457, Молотов — 453, Троцкий — 452, Михайлов — 449, Бухарин — 447, Ярославский — 444, Дзержинский — 438, Орджоникидзе — 438, Петровский — 436, Раковский — 430, Зиновьев — 423, Фрунзе — 407, Каменев — 406, Ворошилов — 383, Кутузов — 380, Шляпников — 354, Тунтул — 351, Артем — 283. Высокое место в списке, которое заняли Томский и Рудзутак, объяснялось значением вопроса о профсоюзах на съезде («Десятый съезд РКП(б)...», с. 402).
42. «Десятый съезд РКП(б)...», с. 293.
43. «Известия Центрального Комитета...», № 29, 7 марта 1921 г., с. 7. О размещении 602 сотрудников Секретариата см.: там же, № 28, 5 марта 1921 г., с. 23.
44. Традиционный перевод этого слова звучит немного сильнее, чем истинно русское слово «чистка», означающее дезинфекцию или очищение.
45. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, с. 290.
46. Эти цифры взяты из официальных данных статистического отдела Центрального Комитета (А. С. Бубнов. ВКП(б). М. — Л., 1931, с. 612). Цифры, которые объявлялись на партийных съездах, были почти всегда значительно более высокими (например, общее количество — 730 тыс. человек, как было объявлено на X съезде в марте 1921 г.), но они, вероятно, не смогли бы сохраниться при внимательной проверке их партийными статистиками. Ни одна из этих ранних цифр не может считаться достаточно точной.
47. «Восьмой съезд РКП(б). Протоколы», с. 169.
48. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 108.
49. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 361.
50. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 327—328.
51. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 123.
52. «Одиннадцатый съезд РКП(б). Март — апрель 1922 года. Стенографический отчет». М., 1961, с. 739—742; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 522.
53. Отчет о чистке см.: «Одиннадцатый съезд...», с. 371—379. Результаты по Туркестану и двум губерниям РСФСР не прибыли вовремя и не были включены, поэтому цифры, приведенные в отчете, меньше, чем данные партийной статистики того времени.
54. А. С. Бубнов. ВКП(б), с. 557.
55. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 78—83. Историю дела Мясникова см.: Там же, с. 539—540, прим. 45.
56. Там же, т. 45, с. 526—527, прим. 78. Из 27 человек, присутствовавших на заседании ЦК, 17 голосовали за исключение — до необходимых двух третей не хватило одного голоса.
57. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 475.
58. В. И. Ленин. Соч., 2-е изд., т. XXVII, с. 536—537.
59. «Рабочая оппозиция...», с. 59—60.
60. «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 275—276.
61. «Одиннадцатый съезд РКП(б)...», с. 177.
62. Там же, с. 168.
63. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 88—89.
64. «Одиннадцатый съезд РКП(б)...», с. 102.

65. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 120.
66. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 507.
67. Там же, с. 517.
68. «Двенадцатый съезд РКП (большевиков). 17—25 апреля 1925 года. Стенографический отчет». М., 1968, с. 243—244.
69. «Одиннадцатый съезд РКП(б)», с. 85.

Глава 9. Партия и государство

1. Только в 1921 г. IX Всероссийский съезд Советов формально утвердил ежегодный созыв Всероссийского съезда, а также губернских, уездных и районных съездов.

2. «Пятый Всероссийский съезд Советов», с. 81—82.

3. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 107.

4. «Съезды Советов РСФСР...», с. 176.

5. Там же, с. 219.

6. Там же, с. 148.

7. Там же, с. 176.

8. По свидетельству Г. Вернадского (*G. Vernadsky. A History of Russia. New and Revised Ed., New York, 1944, p. 319*), за период с 1917 по 1921 г. Совнарком издал 1615 декретов, а ВЦИК — лишь 375.

9. Он был создан декретом от 30 ноября 1918 г. как Совет Рабочей и Крестьянской Обороны («Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 91—92, ст. 924) и был переименован в Совет Труда и Обороны в апреле 1920 г., когда занялся также мобилизацией рабочей силы на гражданские работы (*В. И. Ленин. Соч., 2-е изд., т. XXVI, с. 619—620, прим. 23*).

10. Первое официальное упоминание об этом органе появилось, по-видимому, в декрете от 6 октября 1921 г. («Собрание узаконений... за 1921 г.», № 68, ст. 532).

11. «Восьмой съезд РКП(б)», с. 203, 314—317; для сравнения см. главу 6.

12. «Собрание узаконений... за 1919 г.», № 53, ст. 508.

13. «Собрание узаконений... за 1920 г.», № 1—2, ст. 5; № 11, ст. 68; № 20, ст. 108; № 26, ст. 131.

14. «Девятый съезд РКП(б)». М., 1960, с. 51.

15. «Съезды Советов РСФСР...», с. 177. По имеющимся сведениям, в следующем году было несколько случаев «рассмотрения Верховным трибуналом дел о привлечении к ответственности местных продовольственных отделов, экономических советов, отделов здравоохранения и т. д. за самовольное невыполнение, тем или иным образом, решений центральной власти (*A. Rothstein. The Soviet Constitution, 1923, p. 86—87*). Это говорит о том, что приостановка исполнения, по-видимому, не поощрялась.

16. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 197—201, 550—551.

17. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 107—108. Зиновьев в дискуссии перед принятием резолюции охарактеризовал положение еще более резко: «Основные вопросы политики, международные и внутренние, должны решаться ЦК нашей партии, т. е. партийей коммунистов, которая потом проводит через советские органы эти свои решения. Проводит, конечно, умело, тактично, не так, чтобы наступать на ноги Совнаркому и другим учреждениям» («Восьмой съезд...», с. 289). Зиновьев не занимал правительственных должностей, кроме поста председателя Петроградского Совета.

18. Первоначально Совнарком был полностью большевистским. В ноябре 1917 г. в него вошли три левых эсера, но они вышли в отставку после ратификации Брест-Литовского договора IV Всероссийским съездом Советов в марте 1918 г.

19. «2-ой конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». Петроград, 1921, с. 87.

20. Специалист, выполнявший работы для Советского правительства в этот период, оставил следующее свидетельство: «Известные мне два высших прави-

тельствственных органа — Совет Народных Комиссаров и Совет Труда и Обороне — обсуждали практические способы осуществления тех мер, которые были уже определены тайным святилищем партии — Политбюро» (S. Liberman, Building Lenin's Russia. Chicago, 1945, p. 13).

21. В качестве примера можно привести следующий пункт резолюции VIII съезда партии: «Функции Президиума ВЦИК не разработаны в Советской конституции. На ближайшем съезде Советов необходимо, на основе всего практического опыта, точно формулировать права и обязанности Президиума ВЦИК и разграничить круг его функций с кругом функций Совнаркома» («КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 107). Теоретически такие резолюции являлись директивами для партийной фракции на съезде, практически они были обязательными для самого съезда.

22. Пример можно найти в резолюции X съезда партии, состоявшегося в 1921 г. («КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 371).

23. На XII съезде партии в 1923 г. Зиновьев объяснял, что председатели исполнительных комитетов губернских Советов назначаются Центральным Комитетом партии и что если изменить этот порядок, то «в этот момент у нас все вверх дном пойдет» («Двенадцатый съезд РКП (большевиков)», с. 228).

24. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 108.

25. Там же, с. 103.

26. Там же, с. 261.

27. «Девятый съезд РКП(б). Март — апрель 1920 года. Протоколы». М., 1960, с. 308.

28. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 208—209. Повсюду левые партии особенно настаивали на том, чтобы их делегаты на представительных съездах голосовали в соответствии не с личными убеждениями, а с партийными решениями. В социал-демократической партии в германском рейхстаге сурово насаждалась фракционность. Известное решение 4 августа 1914 г. о поддержке военных кредитов было принято единогласно, хотя на предшествовавшем этому обсуждении внутри фракции 78 человек голосовали за поддержку, а 14 — против. Гаазе, зачитавший в рейхстаге заявление партии, был одним из тех, кто на заседании фракции голосовал против поддержки военных кредитов.

29. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 108.

30. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 114.

31. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 481.

32. Там же, т. 3, с. 55.

33. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 15.

34. Там же, т. 45, с. 398—399. Три месяца спустя, при обсуждении вопроса о Грузии на XII съезде партии, Енукидзе сделал несколько многозначительных замечаний: «Мне, товарищи, хорошо известны взаимоотношения между центральными советскими органами и центральным партийным органом РСФСР, и прямо скажу, что ни одно советское учреждение на территории РСФСР не пользуется такой свободой действий, как грузинский Совнарком или грузинский ЦИК в Грузии. Там целый ряд важнейших вопросов республиканского значения проводится без всякого ведома и ЦК Грузии, и Закрайкома, чего в центре у нас не делается и не должно делаться, пока у нас партия руководит всей политикой» («Двенадцатый съезд РКП (большевиков)», с. 587).

35. Там же, т. 41, с. 187—188.

36. «Собрание узаконений... за 1921 г.», № 35, ст. 186. Это, возможно, первый случай возложения обязанности на партию в официальном декрете.

37. «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 6, ст. 91—92; № 30, ст. 393.

38. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 107.

39. «Восьмой съезд РКП(б)», с. 291.

40. Там же, с. 208.

41. «Собрание узаконений... за 1919 г.», № 12, ст. 122.

42. «Восьмой съезд РКП(б)», с. 224.

43. См. главу 8.

44. «Собрание узаконений... за 1920 г.», № 16, ст. 95. В основу декрета легло предложение, первоначально выдвинутое московским многозачатком на

VII Всероссийском съезде Советов в декабре 1919 г. («Седьмой Всероссийский съезд Советов». М., 1920, с. 211).

45. «Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов». М., 1921, т. 1, с. 118.

46. *И. В. Сталин*. Соч., т. 4, с. 368.

47. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 42, с. 34.

48. Там же, т. 44, с. 127—132, 548. Письмо Сталина не включено в собрание его сочинений, по-видимому, потому, что 25 лет спустя ему больше не подобало расходиться с Лениным даже по второстепенному вопросу.

49. См. главу 8; *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 122.

50. Первоначальное предложение Ленина см.: *В. И. Ленин*. Соч., 2-е изд., т. XXVII, с. 287, 289; письмо Троцкого см.: *В. И. Ленин*. Соч., 2-е изд., т. XXVII, с. 542—543. Замечание Ленина по поводу критики Троцкого — это один из тех немногих документов в собрании сочинений, из которых опубликованы, без какого-либо объяснения, только отрывки и не в хронологическом порядке (*В. И. Ленин*. Соч., 2-е изд., т. XXVII, с. 157). Ленин упоминает число служащих тогдашнего Рабкрин — 12 тыс. человек.

51. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 393—394.

52. «КПСС в резолюциях...», т. 3, с. 95. Этим решениям предшествовала длинная резолюция «О задачах РКИ и ЦКК» (там же, с. 89—94).

53. «Собрание узаконений... за 1923 г.», № 109—110, ст. 1042.

54. См. главу 8.

55. *И. В. Сталин*. Соч., т. 5, с. 210—213.

56. Первый отчет Учраспреда см. в: «Известия Центрального Комитета...», № 22, 18 сентября 1920 г., с. 12—15. Краткий перечень его функций см.: Там же, № 23, 23 сентября 1920 г., с. 1.

57. Там же, № 28, 5 марта 1921 г., с. 13.

58. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 42, с. 203—204. Неуклюжесть стиля, редко встречающаяся в сочинениях Ленина, выдает запутанность самой ситуации: глагол «осуществлять» трижды встречается в четырех строчках.

59. Там же, т. 39, с. 134.

60. Там же, с. 157—158.

61. Там же, т. 41, с. 24—25.

62. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 47, 227—228.

63. «КПСС в резолюциях...», т. 3, с. 53.

64. Троцкий писал (*Л. Троцкий*. Сталин, с. 367), что сразу после XII съезда Зиновьев начал придумывать, как уменьшить значение Секретариата в партийном аппарате.

65. *И. В. Сталин*. Соч., т. 5, с. 198—205. Почти три года спустя Сталин развил эту идею в несколько иной форме: теперь было пять «приводов», или «рычагов», через которые действует диктатура пролетариата — профсоюзы, Советы, кооперативы, союз молодежи и партия (там же, т. 8, с. 32—35).

66. Там же, т. 6, с. 258.

Приложение А. Ленинская теория государства

1. *W. Godwin*. Enquiry Concerning Political Justice, 1793, p. 380.

2. «Einundzwanzig Bogen aus der Schweiz». Zürich, 1843, p. 88.

3. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, с. 142.

4. Там же, т. 3, с. 62—63.

5. Там же, с. 75.

6. Там же, т. 4, с. 184.

7. Там же, т. 28, с. 427. Эти слова встречаются в личном письме Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. Маркс не повторял их до тех пор, пока свыше 20 лет спустя он не написал в «Критике Готской программы» в 1875 г., что в период перехода от капитализма к коммунизму государство будет «ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата» (там же, т. 19, с. 27). «Критика Готской программы» была известна в партийных кругах, но при жизни Маркса не публиковалась.

8. Там же, т. 17, с. 344.
9. Там же, т. 22, с. 201.
10. Там же, т. 20, с. 292. Различие между «управлением лицами» и «управлением вещами» давно было присуще социалистическому учению. Оно приобрело известность благодаря Сен-Симону, который писал, что человеческому обществу «суждено перейти от государственного или военного режима к *административному* или *промышленному* режиму, после того как оно достигнет достаточных успехов в позитивных науках и промышленности» («Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin», 1875, XXXVII, p. 87). В этих словах уже подразумевался анархизм. В другом месте Сен-Симон писал: «Человек может оказывать полезное воздействие только на вещи. Воздействие человека на человека всегда вредно для человеческого рода» (ibid., 1869, XX, p. 192).
11. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 173. Один современный автор сравнивает мнение Маркса о государстве с мнением Св. Августина: «Государство становится выражением безнравственного принципа, эгоистических классовых интересов... Государство — это *civitas diaboli* [государство дьявола (лат.). — *Ред.*] — поэтому следует побороть, оно должно «отмереть» и уступить место «обществу» без классов и без государства — *civitas dei* [государство бога (лат.). — *Ред.*]. Между взглядами Св. Августина и взглядами Маркса действительно разница лишь в том, что первый осторожно отодвигает свой идеал в мир иной, а второй сталкивает его в этот мир в соответствии с **законом развития**, выражающим причинную обусловленность (Н. Kelsen. Sozialismus und Staat, 2nd ed., 1923, S. 32—33). В этой «разнице» — **суть марксистской философии**, то есть создание идеала из реальности, sollen из sein [того, что должно быть, из того, что существует. — *Ред.*], с помощью причинных связей.
12. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 341.
13. Там же, т. 21, с. 170.
14. Там же, т. 22, с. 200.
15. Bakunin. Oeuvres, 1907, v. 2, p. 39.
16. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 305; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 62.
17. G. Sorel. Matériaux d'une Théorie du Prolétariat, 1919, p. 132.
18. G. Sorel. Reflections on Violence, Engl. transl., 1916, p. 190.
19. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 43. Русские коммунисты более позднего времени не вполне обладали иммунитетом против соблазна, которому поддались христиане и германские социал-демократы.
20. Там же, т. 31, с. 39.
21. Там же, с. 163.
22. Ленин объяснял то, что анархизм пользовался «ничтожным влиянием» в тогдашней России, отчасти борьбой большевиков против него, а отчасти тем, что анархизм в России имел достаточную возможность в 70-е годы XIX века продемонстрировать свою неверность и непригодность (там же, т. 41, с. 15).
23. Там же, т. 33, с. 56.
24. Там же, с. 20, 102.
25. Там же, с. 59.
26. Там же, с. 35.
27. Там же, т. 36, с. 205; т. 38, с. 325.
28. Там же, т. 41, с. 40.
29. Там же, т. 33, с. 24, 29.
30. Там же, с. 35.
31. Там же, с. 42—43.
32. Там же, с. 65, 89.
33. Там же, с. 95. В знаменитой фразе, которую Ленин повторял не раз, государство названо «машинной или дубиной», «особой *дубинкой*, rien de plus», которую правящий класс использует для подавления других классов (там же, т. 39, с. 84, 262).
34. Таким образом, диктатура пролетариата отличалась от всех форм диктатуры, основанных на идее высшей и привилегированной элиты; даже

«диктатура партии» — хотя это словосочетание и было однажды употреблено Лениным — впоследствии осуждалась как еретическая (см. главу 9).

35. Там же, т. 33, с. 90—91.

36. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 170.

37. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 12.

38. Там же, т. 2, с. 455.

39. Там же, т. 33, с. 29.

40. Там же, с. 115.

41. Там же, т. 31, с. 115.

42. Там же, т. 33, с. 116. Едва ли нужно напоминать, что Руссо в «Общественном договоре» рассматривал прямую демократию как единственно подлинную демократию («В тот момент, когда народ отдает себя в руки своих представителей, он перестает быть свободным»). Эта мысль была знакома многим социалистам XIX века, например Виктору Консидерану: «Если народ передает свою верховную власть своим уполномоченным, то он ее лишается. Сам народ больше собой не управляет — им управляют» (*V. Considérant. La Solution, ou le Gouvernement Direct du Peuple*, p. 13). Принцип отзыва депутатов избирателями в любой момент как способ смягчения зла от представительного правительства восходит по крайней мере к Бабёфу и нашел отражение в Статье 78 Конституции РСФСР.

43. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 202.

44. Там же, т. 35, с. 66.

45. Там же, т. 34, с. 307—308.

46. Там же, т. 33, с. 102. Представление о простоте управления экономикой имеет долгую историю, восходя к натурализму XVIII столетия. Морелли (*Morelly. La Code de la Nature. Ed. E. Dolleans, 1910, p. 39*) говорит о ней как о «простой операции подсчета и сочетания и, следовательно, прекрасно подчиняющейся порядку»; Буонаротти (*Buonarotti. Conspiracy pour l'Egalité, dite de Babeuf, 1828, I, p. 214*) — как о «деле подсчета, подчиняющемся самому точному порядку и самому закономерному развитию». Значение роли банков было излюбленной идеей Сен-Симона. Вопрос о ее влиянии на советскую политику будет рассматриваться в части IV.

47. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 197.

48. Там же, т. 36, с. 264.

49. Там же, с. 65—66.

50. Там же, т. 39, с. 271, 279.

51. В. И. Ленин. Соч., 2-е изд., т. XXIV, с. 507, 513.

52. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 48—49.

53. Там же, т. 34, с. 11.

54. Там же, т. 42, с. 253.

55. Там же, т. 45, с. 290.

56. Там же, т. 36, с. 203—204.

57. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 79.

Глава 10. Политика. Теория. Аппарат

1. Полный список вместе с численностью каждой группы, согласно переписи 1926 г., см. в: *F. Lorimer. The population of the Soviet Union. League of Nations. Geneva, 1946, Table 23, p. 55—61.*

2. Эти цифры приводил Сталин в 1921 г. (*И. В. Сталин. Соч., т. 5, с. 114*). Они вполне подтвердились данными переписи 1926 г., когда общее количество населения достигло 147 млн.

3. В. Б. Станкевич. Судьбы народов России. Берлин, 1921, с. 16. «Анархистские» тенденции славянских народов и необходимость сильной власти, чтобы принудить эти народы к государственности, были излюбленной темой русских историков. На память приходит известный отрывок из воспоминаний Горького о Толстом: «То, что называют «анархизмом Толстого», в существе и корне своем выражает нашу славянскую антигосударственность, черту опять-таки истинно национальную, издревле данное нам в плоть стремление «разбестись розно». Мы и по сей день отдаемся стремлению этому страстно, как

вы знаете и все знают. Знают — но расплзаются, и всегда по линиям наименьшего сопротивления, видят, что это пагубно, и ползут еще дальше друг от друга: эти печальные тараканы путешествия и называются: «История России», государства, построенного едва ли не случайно, чисто механически, к удивлению большинства его честно мыслящих граждан, силами варягов, татар, остзейских немцев и околоточных надзирателей» (*М. Горький. Собрание сочинений* в 16-ти томах. М., 1979, т. 16, с. 112—113).

4. *Г. К. Гинс*. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921, т. 2, с. 332.

5. *И. В. Сталин*. Соч., т. 5, с. 246.

6. «КПСС в резолюциях...», т. 3, с. 81—82.

7. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 34, с. 379.

8. См.: Приложение Б. «Большевистский принцип самоопределения».

9. *И. В. Сталин*. Соч., т. 3, с. 49—55. В статье, опубликованной в «Правде» 25 марта 1917 г., Сталин определенно отнес проблему национального освобождения к проблемам буржуазной революции: «Снять с политической сцены феодальную аристократию, вырвать у нее власть — это именно и значит ликвидировать национальный гнет, создать фактические условия, необходимые для национальной свободы» (там же, с. 17).

10. «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков)». М., 1958, с. 212, 282—283. Относительно «польской ереси» см.: Приложение Б. Роза Люксембург твердо придерживалась таких взглядов до конца своей жизни. Осенью 1918 г. она охарактеризовала украинский национализм как «нелепую шутку нескольких университетских профессоров и студентов», которую «Ленин и К^о своей доктринеской агитацией за «самоопределение до...» и т. п. искусственно превратили в политический фактор» («Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Leipzig, V. 13, 1928, S. 285—286).

11. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 31, с. 432—437.

12. «КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 503.

13. В июне 1917 г. I Всероссийский съезд Советов, на котором большинство составляли эсеры, потребовал, чтобы Временное правительство объявило о признании «права самоопределения вплоть до отделения», но с оговоркой: «осуществляемого путем соглашения во всенародном Учредительном Собрании» («Первый Всероссийский съезд Советов». М., 1930, т. II, с. 168). Аналогичная оговорка была внесена в резолюцию съезда по вопросу о независимости Финляндии («Первый Всероссийский съезд Советов», т. II, с. 184—185). Коллонтай от имени большевиков критиковала обе резолюции.

14. «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», 2-е изд., № 1, ст. 2.

15. Там же, № 2, ст. 18.

16. Там же, № 6, Приложение 2-е.

17. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 35, с. 115.

18. «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 15, ст. 215.

19. «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях». М., 1939, с. 44.

20. *И. В. Сталин*. Соч., т. 3, с. 52—53.

21. Там же, т. 2, с. 312—313. «Закавказские татары» — это азербайджанские турки, в России их обыкновенно называли «татарами», что не имело расовых или исторических оснований.

22. «Революция 1917 года: хроника событий». М., 1930, т. 6, с. 306.

23. «Третий Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов». Петербург, 1918, с. 77, 80; *И. В. Сталин*. Соч., т. 4, с. 36. Точка зрения Мартова была уже изложена Трояновским на заседании Учредительного собрания («Всероссийское Учредительное собрание». М., 1930, с. 98).

24. Неясно, что именно Сталин подразумевал под этим различием. Если довести его мысль до логического завершения, то она подводит к австрийскому тезису о разделении национальных стремлений и политической власти. Через несколько месяцев сам Сталин обличал: «Тупость социал-демократов Австрии типа Бауэра и Реннера в том, собственно, и состоит, что они не поняли неразрывной связи национального вопроса с вопросом о власти» (*И. В. Сталин*. Соч., т. 4, с. 165).

25. *И. В. Сталин*. Соч., т. 4, с. 31—32. Протоколы этого съезда неполные, и сохранилось лишь краткое изложение, а не полный текст протоколов.

26. Эти взгляды были изложены в двух известных в то время книгах: *Н. Бухарин*. Программа Коммунистов (большевиков). М., 1918, гл. XIX; *Н. Бухарин и Е. Преображенский*. Азбука коммунизма. М., 1920, гл. VII, § 59. Разница между тезисом Бухарина «о самоопределении трудящихся» и польским тезисом «никакого самоопределения наций» была незначительной, дело шло к ее исчезновению.

27. *И. В. Сталин*. Соч., т. 4, с. 177.

28. «Политика Советской власти по национальному вопросу за три года». М., 1920, с. 50, № 72. Анархисты тоже стояли за самоопределение, «не в смысле „самоопределения наций“, а в смысле „самоопределения трудящихся“» (*П. Аршинов*. История махновского движения. Берлин, 1923, с. 204). В ранних произведениях Ленина (например, *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 7, с. 105: «...мы сами со своей стороны заботимся о самоопределении не народов и наций, а пролетариата в каждой национальности»; ср.: там же, с. 233) можно найти подобные высказывания, но после 1905 г. он, кажется, никогда к этой формулировке не возвращался.

29. См. главу 11, раздел «Восточные окраины».

30. «Восьмой съезд РКП(б). Протоколы». М., 1959, с. 47.

31. Там же, с. 78—81.

32. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 38, с. 157—162.

33. Как указывал Сталин два года спустя, из Программы был исключен «лозунг совершенно расплывчатый» о самоопределении и заменен конкретной формулировкой о «государственном отделении» (*И. В. Сталин*. Соч., т. 5, с. 42—43). Термин «самоопределение» между тем продолжали официально употреблять. Он встречался, например, в договоре между РСФСР и Бухарой от 4 марта 1921 г. («Собрание узаконений... за 1921 г.», № 73, ст. 595), в договоре о мире, заключенном между РСФСР, Украиной и Польшей 18 марта 1921 г. («РСФСР. Сборник действующих договоров». М., 1921, т. 2, № 51, с. 43), и в договоре от 12 марта 1922 г. между тремя закавказскими республиками, образовавшими федерацию («История Советской Конституции в декретах». М., 1936, с. 208).

34. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 79. В заключительном абзаце отражен довод, который Маркс использовал 50 годами ранее, утверждая, что долг английских рабочих выступить за освобождение Ирландии. Ленин использовал тот же довод в связи с Украиной: «Мы за теснейший союз рабочих всех стран против капиталистов и «своих» и всех вообще стран. Но именно для того, чтобы этот союз был добровольным, русский рабочий, не доверяя ни в чем и ни на минуту ни буржуазии русской, ни буржуазии украинской, стоит сейчас за право отделения украинцев, не навязывая им своей дружбы, а завоевывая ее отношением как к равному, как к союзнику и брату в борьбе за социализм» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 32, с. 342).

35. Один буржуазный автор выявляет, по-видимому, ту же разницу в отношении к различным национальным устремлениям: «В то время как на Востоке мы все еще, с точки зрения морали и интересов экономики, можем считать его [т. е. национализм] силой положительной и прогрессивной, в Европе он уже, с точки зрения морали и интересов экономики, относится к пройденному этапу развития. Прогресс в Европе возможен лишь в результате преодоления политического национализма. Национализм и государственный патриотизм здесь выполнили свою историческую задачу и утратили свой этический смысл» (*Hans Kohn*. Nationalism and Imperialism in the Hither East. Engl. transl., 1932, p. 51). Описываемую здесь разницу между двумя континентами, находящимися на разных ступенях исторического развития, большевики более четко выражают, говоря о различии между двумя стадиями, которые естественно следуют одна за другой в одной и той же стране.

36. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 363.

37. Один британский колониальный чиновник, по-видимому, не знакомый с большевистской теорией и практикой, высказал несколько замечаний, достойных того, чтобы их в этом контексте привести: «Либералы видели в свободе

ключ к экономическому прогрессу и считали экономический прогресс *причиной* благосостояния туземцев, которое *автоматически* ведет к политической независимости. Современная колониальная теория считает экономический прогресс *условием* благосостояния местного населения, а туземное благосостояние — *условием* политического развития, но признает необходимость государственного воздействия на дальнейший экономический прогресс. Либералы думали повышать благосостояние через свободу. Современная тенденция состоит в том, чтобы повышать благосостояние даже за счет свободы» (J. S. Furnivall. Colonial Policy and Practice, 1948, p. 288).

38. И. В. Сталин. Соч., т. 5, с. 52—59.

39. «...Национальные и государственные различия между народами и странами... будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 77).

40. По этому вопросу можно еще раз сослаться на того британского автора, чье авторитетное высказывание уже приводилось выше (см. прим. 37 к этой же главе): «Изменилась обстановка, а не люди; если предоставить их самим себе, они бы пытались опять воспроизвести свою прежнюю обстановку. Но они брошены в современный мир и не могут из него выбраться. И вся королевская конница, и вся королевская рать не могут повернуть время вспять. Люди могут осуществить свои желания, если желают лишь то, что они *должны* желать в условиях современного мира. Основная проблема автономии — изменить людей так, чтобы они стали желать или хотя бы добровольно согласились принять те условия, которые нужны для процветания современного мира» (J. S. Furnivall. Colonial Policy and Practice, 1948, p. 442).

41. «Революция и национальный вопрос. Документы и материалы». М., 1930, т. 3, с. 56.

42. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 299.

43. И. В. Сталин. Соч., т. 5, с. 113.

44. Оба декрета см. в: «Политика Советской власти по национальному вопросу...», с. 86, № 114, 116; второй декрет см. также в: «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 4, ст. 67.

45. Политика Советской власти по национальному вопросу..., с. 87, № 118 (а также: «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 19, с. 291); с. 52, № 75; с. 16, № 15 (а также: «Собрание узаконений... за 1919 г.», № 10—11, ст. 109).

46. В самом названии — «Комиссариат по делам мусульман внутренней России» — заметно желание снять с себя ответственность за мусульманский мир в целом. Оба декрета см. в: «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 17, с. 243, 252.

47. Мусульманский комиссариат был упразднен в 1920 г. после создания отдельных комиссариатов для большинства мусульманских народов. Еврейский комиссариат, переименованный в 1920 г. в Еврейский отдел, продолжал существовать и обычно выпускал заявления о еврейских делах, иногда совместно с еврейским отделом Российской коммунистической партии. Некоторые из них включены в книгу «Политика Советской власти по национальному вопросу...» (с. 31—35).

48. «Национальный вопрос в Советской России». М., 1921, с. 28—29. Летом 1920 г. Наркомнац организовывал публикацию газетных статей, листовок и воззваний на языках местного населения, которые были направлены против польских захватчиков и в которых объяснялось, «почему в первую очередь малым народностям белогвардейцы несут цепи духовного и материального рабства» («Политика Советской власти по национальному вопросу...», с. 146—147, № 180; с. 148, № 184).

49. Упоминания о декретах, учреждающих другие комиссариаты и подразделения, можно найти в соответствующих разделах книги «Политика Советской власти по национальному вопросу...». Соответствующая организация «Национальных Отделов» была создана в Российской коммунистической партии, каждый со своим «Центральным Бюро», прикрепленным к Секретариату. В 1920 г. существовали отделы: чехословацкий, немецкий, югославский, венгерский, поль-

ский, латвийский, литовский, эстонский, еврейский и марийский, а также отдел народов, говорящих на тюркских языках («Известия Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков)», № 28, 5 марта 1921 г., с. 17—23).

50. В газете «Жизнь национальностей», № 1, от 9 ноября 1918 г. перечислены 18 комиссариатов или отделов с именами их руководителей. Несколько меньших комиссариатов или отделов, представляющих более отсталые народности, по-видимому, возглавлялись русскими руководителями, возможно, из-за отсутствия подходящей национальной кандидатуры.

51. «Политика Советской власти по национальному вопросу...», с. 42. № 63.

52. «Помню, как пришлось организовывать мусульманский комиссариат, — писал один из руководящих сотрудников Наркомнаца два года спустя. — Как трудно было найти подходящих большевиков, чтобы поставить их во главе его. Только в связи с учредительным собранием, когда туда попали делегаты-большевики, только благодаря им удалось тогда организовать общий комиссариат для всех мусульман. Такие же трудности были с организацией белорусского комиссариата, также и еврейского, так как существовавшие там старые социалистические партии все были против нас» («Жизнь национальностей», № 42 (50), 2 ноября 1919 г.).

53. Цит. по: Л. Троцкий. Сталин. Нью-Йорк, 1946, с. 257.

54. Ibid., p. 257. Примечательно, что уже в июне 1919 г. в официальном издании Наркомнаца появилась передовая статья, подписанная Пестковским, в которой восхвалялись взгляды Розы Люксембург на национальный вопрос и не содержалось ни единого намека на то, что время от времени в последние 10 лет Ленин вновь и вновь резко критиковал эти взгляды («Жизнь национальностей», № 22 (30), 15 июня 1929 г.).

55. См. прим. 102 к главе 11.

56. Комиссариат продолжал выпускать газету «Жизнь национальностей» все менее регулярно до февраля 1922 г., когда она изменила формат и стала самостоятельным периодическим изданием. С перебоями газета продолжала выходить до января 1924 г.

57. «Политика Советской власти по национальному вопросу...», с. 145, № 175.

58. Там же, с. 82, № 108.

59. «Собрание узаконений... за 1920 г.», № 45, ст. 202. Постановление вместе с двумя «инструкциями» Наркомнаца по поводу его осуществления можно также найти в: «Политика Советской власти по национальному вопросу...», с. 147—148, № 181—183.

60. «Жизнь национальностей», № 15 (72), 23 мая 1920 г. В Положении о Наркомнаце, составленном в 1921 г., Совет Национальностей был охарактеризован — пожалуй, более точно — как «совещательный представительный орган при Наркомнаце» («Конституционные акты РСФСР, 1918—1937». М., 1940, с. 106—108).

61. Об этом было ясно сказано в следующем декрете от 4 ноября 1920 г., где было также обусловлено, что «персональный состав представительств утверждается Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом» («Собрание узаконений... за 1920 г.», № 87, ст. 438). До этого времени у некоторых национальностей были специальные представители, прикрепленные к ВЦИКУ; теперь их отзывали или переводили в Наркомнац.

62. «Собрание узаконений... за 1920 г.», № 99, ст. 529.

63. «Конституции и конституционные акты РСФСР...», с. 106—108.

64. «Политика Советской власти по национальному вопросу...», с. 130, № 162—163.

65. Там же, с. 26, № 32.

66. Там же, с. 149, № 186.

67. После упразднения Наркомнаца руководство Коммунистическим университетом трудящихся Востока было возложено на Коминтерн.

68. «Жизнь национальностей», № 11 (68), 18 апреля 1920 г.

69. «Конституции и конституционные акты РСФСР...», с. 134—138.

70. Список заимствован из авторитетного учебника «Советское государственное право» (М., 1938, с. 364).
71. «Жизнь национальностей», № 35 (92), 7 ноября 1920 г.
72. Там же, № 42 (98), 31 декабря 1920 г.; № 1 (99), 13 января 1921 г.
73. «Политика Советской власти по национальному вопросу...», с. 153—161, № 194—204.
74. «Собрание узаконений... за 1922 г.», № 40, ст. 474.
75. «Политика Советской власти по национальному вопросу...», с. 150, № 189.
76. «Конституции и конституционные акты РСФСР...», с. 136.
77. «Собрание узаконений... за 1923 г.», № 66, № 639. Декрет был издан Центральным Исполнительным Комитетом РСФСР, а не новым ВЦИКом СССР.
78. «Политика Советской власти по национальному вопросу...», с. 148, № 185.

Глава 11. Самоопределение на практике

1. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 315—316. На Пражской конференции в 1912 г. была принята резолюция, провозгласившая «полную солидарность с братской финляндской социал-демократической партией» в общей борьбе за «свержение царизма и свободу русского и финляндского народов». Вопрос о самоопределении или независимости не поднимался («КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 403—404).
2. П. Милуков. История Второй Русской революции. София, 1921, т. I, с. 64. Воззвание см. в: «Революция и национальный вопрос. Документы и материалы». М., 1930, т. 3, с. 57—58; в переводе см. в: S. Filasiewicz. La Question Polonaise pendant la Guerre Mondiale, 1920, No. 75; P. Roth. Die Entstehung des polnischen Staats, 1926, S. 127—128.
3. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 4—7, 285—286.
4. «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 64, ст. 698. Декрет датирован 29 августа 1918 г. Он, по-видимому, появился в связи с подписанием в Берлине 27 августа 1918 г. трех советско-германских договоров дополнительно к Брест-Литовскому.
5. И. В. Сталин. Соч., т. 4, с. 1—5.
6. «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 11, ст. 163.
7. И. В. Сталин. Соч., т. 4, с. 22—24.
8. Ю. В. Ключников и Андрей Сабанин. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1926, ч. II, с. 120—121.
9. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 350—352.
10. Такое положение сохранялось и отмечалось даже в 1923 г. «на Украине, например, где состав партии русско-еврейский» («Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., 1968, с. 612).
11. Цит. в кн.: Kolarz. Myths and Realities in Eastern Europe, 1946, p. 68.
12. Первый «союз за освобождение Украины» был создан в Вене после начала войны 1914 г.
13. Л. Троцкий. История Русской революции. Берлин, 1933, т. II, ч. II, с. 48.
14. Перевод этих документов см. в: F. A. Golder. Documents of Russian History, 1927, p. 435—444. Наиболее полное описание украинских партий см. в: В. Крипняк. Geschichte der Ukraine. Leipzig, 1939, S. 283—284. «Первый Универсал» см. в: «Революция и национальный вопрос...», т. 3, с. 161—164.
15. Ю. В. Ключников и Андрей Сабанин. Международная политика новейшего времени. . ч. II, с. 432—435. В книге «Революция и национальный вопрос. Документы и материалы» («Революция и национальный вопрос...», т. 3, с. 196—197) в качестве «третьего Универсала» ошибочно приведено объявление о национальной обороне. Один член Бунда утверждает, что именно по настоянию бундовцев и меньшевиков — членов Рады в объявление была включена оговорка о сохранении единства России (М. Г. Рафес. Два года революции на Украине. М., 1920, с. 57).

16. «Революция 1917 года: хроника событий. М., 1930, т. 6, с. 236—237.

17. *Vinnichenko. Vidrodzheniya Natsii. Vienna, 1920, ii, p. 230.*

18. *E. Bou. Год борьбы. М. — Л., 1925, с. 54—57.*

19. В интервью, опубликованном в «Правде» 24 ноября (7 декабря) 1917 г., Сталин настаивал на необходимости «немедленно создать Краевой съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на Украине». Интервью не включено в собрание сочинений Сталина.

20. Казаки были потомками жителей пограничных районов, которые в XV—XVIII веках приобретали земли на опасных тогда рубежах Московии, захватывая их или получая в дар от царя. Взамен им вменялось в обязанность постоянно нести военную службу. В XIX столетии они стали главным оплотом режима. Казаки были организованы в 12 военных общин, известных как войска, и населяли территории от Дона через Среднюю Азию до Восточной Сибири. Во главе каждой общины стоял выборный атаман, который был почти диктатором, хотя номинально нес ответственность перед избранным советом.

На следующий день после Октябрьской революции Каледин, атаман донских казаков, провозгласил создание на Дону самостоятельного казачьего правительства; аналогичные шаги были предприняты атаманами кубанских и терских казаков. Дутов, атаман оренбургских казаков, и Семенов, атаман уссурийских казаков, также организовали контрреволюционные силы в первую зиму после начала революции. Казаки юга России составили ядро будущей «белой» Добровольческой армии под командованием Корнилова, а позднее — Деникина.

Неравенство земельных владений породило, однако, расхождение между интересами зажиточных и бедных казаков. После Февральской революции среди рядовых казаков под влиянием усталости, вызванной войной, стало проявляться недовольство. В книге Филиппа Прайса (*M. Philips Price. War and Revolution in Asiatic Russia, 1918, с. 294—295*) рассказывается о восстании казаков против своих руководителей на Северном Кавказе в марте 1917 г. Большевики сумели использовать это недовольство.

Декрет о земле, принятый 26 октября (8 ноября) 1917 г., освобождал от экспроприации «земли рядовых казаков». Вскоре после этого Ленин и Троцкий оказали поддержку делегации казаков, призвав их делить земли крупных казачьих землевладельцев и создавать казачьи Советы (*Джон Рид. Десять дней, которые потрясли мир, с. 231*). В ноябре 1917 г. пять представителей от казачества были введены во ВЦИК, и съезд Советов, начиная с третьего, стал «Всероссийским съездом Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих депутатов» («Третий Всероссийский Съезд Советов». Петербург, 1918, с. 81). В декабре 1917 г. декрет, обращенный «Ко всему трудовому казачеству», отменил воинскую повинность и ограничение свободы передвижения, предложил выдачу формы и снаряжения тем, кто готов служить добровольно, и обещал урегулирование земельного вопроса («Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 4, ст. 68). В феврале 1918 г. молодые донские казаки «поддались большевистской пропаганде и восстали против своих отцов и правительства Каледина» («Foreign Relations of the United States, 1918: Russia», 1932, ii, p. 621). В сентябре 1918 г. был создан Казачий отдел ВЦИКа, выпускавший журнал под названием «Клич трудовых казаков». Помещенный там отчет о работе отдела в первый год его существования представляет собой ценный источник сведений («Казачий отдел. Краткий исторический очерк и отчет Казачьего отдела ВЦИКа по октябрю 1919 г.», М., 1919). Во время гражданской войны в многочисленных обращениях казаков призывали поддержать революцию. Кульминацией был призыв VII Всероссийского съезда Советов в ноябре 1919 г. («Седьмой Всероссийский съезд Советов». М., 1920, с. 55—56).

О результатах этих попыток судить трудно. Основная масса казачьих сил, конечно, была на стороне «белых». После войны казаки-коммунисты постепенно ассимилировались с остальным населением. Но казаки сохранили свое название в качестве одной из четырех составляющих групп Советской власти до основания СССР, когда названия отдельных групп перестали употребляться. Роль, которую казаки сыграли в революции, могла бы стать темой поучительной монографии. Дальнейшие материалы см. в: *Bunyan and Fisher. The Bolshevik*

Revolution, 1917—1918. Stanford, 1934, p. 401—406, а также в содержательной статье, опубликованной в газете «Жизнь национальностей» (№ 6 (63), 15 февраля 1920 г.).

21. В очередном докладе во ВЦИКе Сталин настаивал, что именно эти три пункта явились причиной расхождения, а не вопрос о самоопределении, в котором «Совет Народных Комиссаров идет дальше Рады, вплоть до права на отделение» (*И. В. Сталин. Соч.*, т. 4, с. 15—17).

22. Текст опубликован в: «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 6, ст. 90; см. также в: *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 35, с. 143—145. Согласно примечаниям, содержащимся в этом томе сочинений Ленина, текст заявления был составлен Лениным, а заключительный ультиматум — Троцким (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 35, с. 468, прим. 65). О причинах расхождения подробно писал Сталин в статье, опубликованной в «Правде» (*И. В. Сталин. Соч.*, т. 4, с. 6—14). Как утверждает М. Филипп Прайс, Пятаков, сам по рождению украинец, был главным сторонником военных действий против Рады; он был против принципа национального самоопределения (см. главу 10).

23. «Правда», 2 (15) января 1918 г.

24. *Vinnichenko. Vidrodzheniya Natsii*, ii, p. 232—233.

25. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 4, с. 19—21. О впечатлении, которое эти события произвели в Петрограде в то время, увлекательно рассказывается в книге Филиппа Прайса (*M. Philips Price. My Reminiscences of the Russian Revolution*, p. 194—195).

26. Эта корреспонденция опубликована в: *Vinnichenko. Vidrodzheniya Natsii*, ii, p. 235—243. Винниченко отмечает, что фактически это предвосхитило провозглашение независимости Украины в «Четвертом Универсале» 9 (22) января 1918 г. 7 января 1918 г. французское правительство информировало Вашингтон, что оно приняло решение признать Центральную раду «как независимое правительство» («Foreign Relations of the United States, 1918: Russia», 1932, ii, p. 655).

27. «Революция 1917 года...», т. 6, с. 269—271.

28. Текст ответа и последующего обмена посланиями см. там же, с. 289—292.

29. «Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Р. С. Кр. и Каз. Депутатов II созыва». М., 1918, с. 158—159; *Е. Бош. Год борьбы*, с. 81. Здесь телеграмма датирована правильно.

30. Список см.: *Е. Бош. Год борьбы*, с. 91.

31. «Известия», 17 (30) декабря 1917 г.

32. «Революция 1917 года...», т. 6, с. 375—376, 414.

33. Ненормальность положения подтверждается тем, что 28 декабря 1917 г. (10 января 1918 г.), много дней спустя после признания Петроградом Советской власти на Украине, Троцкий заявил в Брест-Литовске в ответе Кюльману, что, признав право на самоопределение, русская делегация не возражает против участия украинской делегации в мирной конференции («Мирные переговоры в Брест-Литовске». М., 1920, т. I, с. 52). На более позднем этапе русская делегация пыталась пригласить для участия в конференции делегатов от Харьковского правительства, этому воспротивились и делегация Центральной рады, и немецкая делегация.

34. *Vinnichenko. Vidrodzheniya Natsii*, ii, p. 216: Грушевский (*Hrushevsky. History of the Ukraine. Yale (Eng. tr.)*, 1941, p. 534—535) пишет об успешной большевистской пропаганде среди украинских вооруженных сил.

35. *Vinnichenko. Vidrodzheniya Natsii*, ii, p. 244—252.

36. Самый авторитетный источник информации об этих событиях представляют собой газеты и журналы того времени. Некоторые сведения см. в: *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 35, с. 467—468. Интересные подробности можно найти в: *Vinnichenko. Vidrodzheniya Natsii*, ii, p. 252—256; *Н. М. Филипп Прайс. My Reminiscences of the Russian Revolution*, p. 198—203, 233—235. Отчет консула Соединенных Штатов в Киеве о взятии города большевиками см. в: «Foreign Relations of the United States, 1918: Russia», 1932, ii, p. 675—676.

37. *М. Г. Рафес. Два года революции на Украине. М., 1920, с. 77. По словам Филиппа Прайса (Н. М. Philips Price. My Reminiscences of the Russian Revolution, p. 202—203), немногие дисциплинированные советские части были отправлены*

восвать на Дон, а советские армии на Украине представляли собой сборище всевозможных авантюристов, которые, «не интересуясь Украиной, не зная ее... делали вид, что действуют в качестве „освободителей украинского народа“».

38. *Vinnichenko. Vidrodzheniya Natsii*, ii, p. 301. Текст см. в: «Известия», 19 февраля 1918 г. Как утверждает М. Г. Рафес (*М. Г. Рафес. Два года революции на Украине*, с. 70), значительная часть Рады уже в период соглашения с генералом Табуи в декабре 1917 г. полагала, что не допустить большевиков можно только с помощью немцев.

39. *Vinnichenko. Vidrodzheniya Natsii*, ii, p. 296, 299—302.

40. Сталин, который первоначально руководил этими переговорами, защищал их в своем заявлении газете «Известия» (*И. В. Сталин. Соч.*, т. 4, с. 82—84).

41. Исклчительно осторожное заявление генерала д'Ансельма с обещанием французской помощи всем «благоприятно настроенным элементам» для восстановления России цит. в: *Vinnichenko. Vidrodzheniya Natsii*, iii, p. 267—268. Вместе с тем большевики в ноте, направленной Парижской мирной конференции в феврале 1919 г., обстоятельно сообщали о мнимом соглашении между Петлюрой и французским военным командованием («L'Ukraine Soviétiste». Berlin, 1922, p. 15—16).

42. «Политика Советской власти по национальному вопросу за три года». М., 1920, с. 109—111, № 147. Статья Сталина от 1 декабря 1918 г. под названием «Украина освобождается» включена в собрание его сочинений (*И. В. Сталин. Соч.*, т. 4, с. 174—176).

43. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 4, с. 180.

44. *Vinnichenko. Vidrodzheniya Natsii*, iii, p. 205—208. Ответ Винниченко от 9 января 1919 г., где Московское правительство обвиняется в проведении старой царской империалистической политики, см.: *ibid.*, p. 213—218.

45. *Ibid.*, p. 230.

46. *Ibid.*, p. 328.

47. В этом, вероятно, и состоит суть высказывания компетентного автора о том, что «взгляды правительства Пятакова были более левыми, чем тех, кто его поддерживал» (*Arthur Ransome. Six weeks in Russia in 1919*, 1919, p. 22).

48. «Политика Советской власти по национальному вопросу...», с. 113—116, № 151; «История Советской Конституции в декретах и постановлениях Советского правительства». М., 1936, с. 115—121.

49. Среди других известных большевиков, которые входили в правительство Раковского, были Артем, Ворошилов, Межлаук и Подвойский (полный список см. в: «L'Ukraine Soviétiste», p. 9—10). Некоторые из них, так же, как Троцкий и Зиновьев, родились на Украине, но вряд ли считали себя украинцами. Раковский был по происхождению румыном и активным деятелем Румынской социал-демократической партии во время 1914—1918 гг. Он появился на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 г. с приветствиями от «румынской социал-демократии» («Третий Всероссийский Съезд Советов...», с. 10—11). В этом не было ничего исключительного: партийных работников легко перебрасывали из одной сферы в другую в то время, когда мало было надежных работников, а национальные различия казались несущественными. На I Всероссийском съезде Советов в июне 1917 г. Зиновьев выступал от имени украинских большевиков.

50. По утверждению еврейского автора, один член Рады говорил, что в то время антисемитизм был «нашим главным козырем» и что «против антисемитизма никакой большевизм не устоит» (*М. Г. Рафес. Два года революции на Украине*, с. 132).

51. Нестор Махно был одним из руководителей группы «анархистов-коммунистов», размещившейся в украинской деревне Гуляй-Поле в Екатеринославской губернии в 1905 г. Через два года — после крестьянских волнений, вызванных столыпинскими реформами, — Махно сослали в Сибирь. Вернувшись в 1918 г., он реорганизовал группу по принципу крестьянской коммуны и осенью 1918 г. создал партизанскую организацию для борьбы против режима Скоропадского и его немецких и австрийских покровителей. Численность его сил быстро росла, и с 1918 до 1921 г. они успешно боролись, иногда одновременно, против украинской Директории, Деникина, Врангеля и большевиков.

Его воспоминания на русском языке были изданы в Париже в трех томах (последние два посмертно) под отдельными названиями: «Русская революция на Украине» (1929), «Под ударами контрреволюции» (1936), «Украинская революция» (1937). Воспоминания заканчиваются декабрем 1918 г. Обещанный четвертый том, содержащий заметки Махно и его статьи более позднего периода, по-видимому, публиковаться не будет. Издатель второго и третьего томов пишет в своем предисловии ко второму тому, что Махно «имел только начальное образование и не владел литературным языком», так что воспоминания, вероятно, представляют собой весьма законченное и связанное описание, сделанное кем-то неизвестным.

Автор изображает себя убежденным анархистом, который отвергал всякую государственную власть как деспотическую и контрреволюционную, но это не мешало ему установить среди участников движения строгую военную дисциплину. Он идеализировал крестьянина, но был аполитичен, выступая в равной мере против помещиков, казаков, буржуазии, украинских националистов (есть сведения, что сам он по-украински не говорил) и Учредительного собрания, которое называл «карточной игрой всех политических партий» («Русская революция на Украине», с. 18). На короткие периоды он объединялся с большевиками, но противился всем их попыткам установить на Украине свою власть. Его деятельность в основном ограничивалась украинской территорией к востоку от Днепра: несмотря на свой анархизм, Махно, по-видимому, что-то унаследовал от казачьей традиции независимых военных общин, которая в том районе была особенно сильна. Один из последователей движения дал содержательное описание деятельности махновцев, которое он испортил чрезмерными похвалами (*П. Аршинов. История махновского движения. Берлин, 1923*). В качестве противоядия может служить советское издание: *М. Кабанда. Махновщина. М., 1925*.

52. Упоминания о жестокой эпидемии тифа зимой 1920 г. встречаются в книге Аршинова «История махновского движения» (*П. Аршинов. История махновского движения. Берлин, 1923, с. 156, 158*).

53. «Жизнь национальностей», № 48 (50), 21 декабря 1919 г.; «Октябрьская революция: первое пятилетие». Харьков, 1922, с. 117.

54. *Vinnichenko. Vidrodzheniya Natsii*, iii, p. 474—476.

55. Ультиматум, направленный Махно советским командиром Фрунзе в ноябре 1920 г., после разгрома Врангеля с требованием включить вооруженные силы Махно в Красную Армию. см. в: *М. П. Фрунзе. Собрание сочинений. М., 1920, т. I, с. 176—180*. Ультиматум был отвергнут.

56. *П. Аршинов. История махновского движения, с. 200*.

57. Вот характерные высказывания из книги Винниченко (*Vinnichenko. Vidrodzheniya Natsii. Vienna, 1920*): «Пока мы боролись с русскими большевиками, с москвитями, мы всюду побеждали, но как только мы столкнулись с нашими собственными большевиками, мы потеряли всю нашу силу» (*Vinnichenko. Op. cit.*, ii, p. 155); Рада не проявляла намерения «освободить трудящиеся массы от социального угнетения, которое вызывало недовольство у народа и трудящихся масс» (*Vinnichenko. Op. cit.*, ii, p. 158); Рада совершала ошибку, «развивая в сознании масс противоречие между национальной и социальной идеями» (*Vinnichenko. Op. cit.*, ii, p. 219); Винниченко признает «исключительно острую неприязнь народных масс к Центральной раде» во время изгнания Рады большевиками в феврале 1918 г. и с пафосом добавляет: «Ужасно и странно во всем этом было то, что они тогда получили все украинское — украинский язык, музыку, школы, газеты и книги» (*Vinnichenko. Op. cit.*, ii, p. 259—260). Неумение придать украинскому национализму социальное содержание привело к дискредитации остальных его устремлений. Рафес (*М. Г. Рафес. Два года революции на Украине, с. 78*) также говорит о враждебности, которую вызывала политика «украинизации», проводимая Радой.

58. Резолюция имеется в следующих изданиях: «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 199—201; *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 39, с. 334—337. Протоколы конференции не были опубликованы, и основная речь Ленина по украинскому вопросу утеряна; короткое резюме см. в: *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 39,

с. 370—371. Остальную информацию о материалах из неопубликованных архивов см.: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 39, с. 469.

59. *И. В. Сталин*. Соч., т. 4, с. 304.

60. «Революция и национальный вопрос...», т. 3, с. 267, 271—272.

61. Там же, с. 275—276.

62. «Третий Всероссийский Съезд Советов...», с. 64, 87.

63. «Революция 1917 года...», т. 6, с. 457—458. В Брест-Литовске Гоффман парировал призывы Троцкого к осуществлению принципа самоопределения наций, утверждая, что «в ночь с 30-го на 31-е декабря, первый Белорусский Конгресс в Минске, который хотел настоять на праве самоопределения Белорусского народа, был разогнан большевиками посредством штыков и пулеметов» («Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. I, с. 95).

64. «Пролетарская революция», 1928, № 3 (74), с. 61—130.

65. Упоминания об этих съездах в прессе того времени см. в: «Вопросы истории», 1947, № 1, с. 11.

66. Наиболее полный из имеющихся отчетов о создании Белорусской ССР содержится в статье, посвященной празднованию 60-летия со дня рождения Сталина («Историк-марксист», 1940, № 1, с. 63—78). Вот краткое изложение основных приведенных в ней фактов:

25 декабря 1918 г. после отступления германских армий с белорусской территории Сталин говорил по телефону с Мясниковым, председателем областного комитета партии Северо-Западной области.

«Товарищ Сталин сообщил Мясникову решение ЦК РКП(б) о создании БССР и вызвал в Москву представителя областного комитета...»

Он дал указание, чтобы Ковенская и Виленская губернии отошли к литовскому советскому правительству. Товарищ Сталин выдвинул также основные принципы образования БССР и работы коммунистической партии (большевиков) Белоруссии.

Указания товарища Сталина были обсуждены на партийном совещании [Северо-Западной области] с участием А. Ф. Мясникова. На основе их проводилось строительство БССР и КП(б)Б, ими руководствовались большевики Белоруссии в борьбе против буржуазных белорусских националистов.

Правительство БССР должно было состоять из 15 человек (впоследствии состав правительства был расширен до 17 человек). Товарищ Сталин занимался и персональным подбором людей.

Создавалось Центральное бюро коммунистической партии (большевиков) Белорусской республики. Председатель Центрального бюро являлся представителем ЦК партии и советского правительства. Товарищ Сталин редактировал манифест Временного рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии и внес в него ряд важных поправок.

Когда члены Временного советского белорусского правительства выехали в Смоленск, товарищ Сталин писал Мясникову: «Сегодня выезжают в Смоленск белорусы. Везут с собой манифест. Просьба ЦК партии и Ленина принять их как младших братьев, может быть еще неопытных, но готовых отдать свою жизнь партийной советской работе».

После этих приготовлений внеочередная партийная конференция Северо-Западного района, собранная 30 декабря, сразу же объявила себя I съездом Коммунистической партии Белоруссии и приняла решение провозгласить создание независимой Белорусской Социалистической республики. Несколько несогласных с этим коммунистов («Жилунович и его группа»), которые открыто возражали против такой попытки национального самоопределения, ушли из партии.

Обстоятельства, при которых этот отчет был опубликован, быть может, объясняют некоторое преувеличение личной роли Сталина, однако нет причин сомневаться в достоверности этого отчета по существу.

А. Ф. Мясников был партийным работником, который лично не имел отношения к Белоруссии, будучи по рождению армянином. Позднее он стал председателем Совнаркома Армянской ССР, и в этом качестве зачитал на IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г. заявление от имени трех республик Закавказья («Девятый Всероссийский Съезд Советов». М., 1922,

с. 186). Не следует его смешивать с Г. И. Мясниковым, который был исключен из партии за нарушение партийной дисциплины в феврале 1922 г. (см. главу 8).

67. «История Советской Конституции в декретах...», с. 99—102. Рада удалась в Гродно, где некоторое время продолжала пользоваться поддержкой польского правительства.

68. Конституцию см. в: «История Советской Конституции в декретах...», с. 111—114. Список членов правительства см. в: «Жизнь национальностей», № 5 (13), 16 февраля 1919 г.

69. *И. В. Сталин*. Соч., т. 4, с. 228—229; «Жизнь национальностей», № 6 (14), 23 февраля 1919 г.

70. «История Советской Конституции в декретах...», с. 140—142.

71. Там же, с. 155—166.

72. *Д. С. Мирский*. Россия, социальная история. М., 1932, с. 278.

73. «Жизнь национальностей», № 10 (67), 6 апреля 1920 г.

74. *И. В. Сталин*. Соч., т. 5, с. 49. Впоследствии, много времени спустя, Сталин вновь говорил, что «элементы нации» уже существовали в докапиталистический период, хотя представляли собой лишь «потенцию» (*И. В. Сталин*. Соч., т. 11, с. 336). Ленин в 1913 г. утверждал, что, в частности, «и в Польше, и в Литве, и на Украине, и в Великороссии и т. д.» «...отрывать города от экономически тяготеющих к ним сел и округов из-за «национального» момента нелепо и невозможно» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 24, с. 149). Однако единственный практический вывод, который он в то время сделал, заключался в том, что «целиком и исключительно становиться на почву «национально-территориалистического» принципа марксисты не должны».

75. *И. В. Сталин*. Соч., т. 4, с. 178. Статья, содержащая это заявление, была опубликована и в «Правде» и в газете «Жизнь национальностей».

76. Официальные объявления приведены в книге «Политика Советской власти по национальному вопросу...», с. 52—54, № 76; с. 133—134, № 168. Декреты о признании имеются в книге Ключникова и Сабанина (*Ю. В. Ключников и Андрей Сабанин*. Международная политика новейшего времени..., ч. II, с. 206—208). Эти декреты были приняты Совнаркомом. Для усиления их значительности они были подкреплены резолюцией ВЦИКа (там же, с. 208—209).

77. В октябре 1919 г. «белый» генерал Юденич при поддержке Англии предпринял с эстонских баз наступление на Петроград, которое чуть-чуть не достигло цели. Так как Юденич ставил своей задачей восстановление Российской империи в пределах ее прежних границ, его действия не встретили одобрения со стороны правительств Эстонии и Латвии.

78. «Собрание узаконений... за 1920 г.», № 7, ст. 44. Первое обращение Советского правительства к правительству Эстонии в сентябре 1919 г. было отклонено эстонской стороной из-за ее нежелания действовать независимо от соседних стран (*Ю. В. Ключников и Андрей Сабанин*. Международная политика новейшего времени..., ч. II, с. 344—346, 387—388). Одновременно были, очевидно, отклонены аналогичные обращения к Финляндии, Латвии и Литве (там же, с. 383—384).

79. «Собрание узаконений... за 1920 г.», № 95, ст. 514.

80. Официальные литовские документы этого периода собраны в книге Климаса «Развитие Литовского государства» (*P. Klimas. Le Développement de l'État Lithuanien*. Paris, 1919).

81. «Историк-марксист», 1935, № 2—3, с. 50—52.

82. «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 98, ст. 1006.

83. «Собрание узаконений... за 1920 г.», № 96, ст. 515.

84. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, с. 241.

85. С. М. Диманштейн, сотрудник Наркомнаца, рассказал о влиянии революции 1905 г. на эти народы в сборнике «Революция и национальности» («Революция и национальности», М., 1930, № 8 и 9; 1931, № 1). По его словам, они называли себя мусульманами потому, что их племенные или национальные названия «не нравятся русскому начальству» («Революция и национальности», 1931, № 1, с. 73). Однако это верно лишь отчасти: у многих из них религиозность была такой же сильной, как и национальное самосознание.

86. «Казахами» первоначально называли жителей обширных и редко населенных степей Средней Азии, простиравшихся к востоку и северо-востоку от Каспийского моря. Казахи вели преимущественно кочевой образ жизни и говорили на языке тюркской группы. Однако в XVIII и XIX веках стало употребляться название «казаки», когда речь шла о колониях военных поселенцев — главным образом русских, — расположенных в отдаленных или недавно завоеванных областях империи, и русские и западные писатели стали называть подлинных казахов киргизами. Это название относится к еще менее оседлому народу, который также говорит на языке тюркской группы и проживает в горной местности, граничащей с горной системой Хинган. Советское правительство и советские авторы восстановили для жителей Средней Азии принадлежавшее им по праву название «казахи» и называли их территорию Казахстаном, хотя до конца 20-х годов официально их все еще продолжали называть киргизами.

87. «Революция и национальный вопрос...», т. 3, с. 294—305.

88. Там же, с. 315—317, 328, 363—365.

89. Там же, с. 414—428.

90. Там же, с. 372—377.

91. С. Атнагулов. Башкирия. М., 1925, с. 57.

92. «Революция и национальный вопрос...», т. 3, с. 377.

93. Ю. В. Ключников и Андрей Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. II, с. 94—96. Перевод на французский язык приведен в: «Revue du Monde Musulman», 1922, с. 7—9. Факт упоминания в последней части обращения несправедливостей в отношении «индийцев» и «армян» и причиняемых им обид свидетельствует о том, что термин «мусульманский» обычно употреблялся большевиками применительно ко всем народам Востока.

94. «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 17, ст. 243.

95. Там же, № 6, ст. 103. Это событие в конечном счете привело к исчезновению знаменитого Корана. В настоящее время его местонахождение неизвестно.

96. «Политика Советской власти по национальному вопросу...», с. 80, № 99.

97. «Восьмой съезд РКП(б). Протоколы». М., 1959, с. 498—499. В марте 1919 г. Бюро изменило свое название и стало называться «Центральное Бюро коммунистических организаций народов Востока» («Жизнь национальностей», № 8 (16), 9 марта 1919 г.). К этому времени оно находилось в подчинении Наркомнаца.

98. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 318—331; И. В. Сталин. Соч., т. 4, с. 279—280.

99. С. Атнагулов. Башкирия, с. 56—59. В статье, помещенной в журнале «Вопросы истории», говорится, что соглашение между Валидовым и Дутовым, атаканом оренбургских казаков, было достигнуто 11 (24) ноября 1917 г. («Вопросы истории», 1948, № 4, с. 26).

100. Провозглашение создания этой республики было сделано в форме декрета Совнаркома («Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 30, ст. 394). «Комиссариат по делам мусульман Средней России» должен был назначить комиссию для организации и созыва «Учредительного Съезда Советов», который должен был создать новую республику. Строго говоря, «Российской Советской Федерации» в тот период еще не существовало; в это время проект Конституции РСФСР еще только разрабатывался.

101. «Revue du Monde Musulman», 1922, II, p. 131.

102. Об этом свидетельствует Пестковский. Его слова приведены в книге Л. Троцкого «Сталин» (Л. Троцкий. Сталин. Нью-Йорк, 1946, с. 262—263). Это же, по-видимому, подтверждается статьей, помещенной в журнале «Вопросы истории», в которой говорится о, «с одной стороны, сопротивлении башкирских буржуазных националистов, с другой — бухаринцев, отрицавших национальное самоопределение» («Вопросы истории», 1948, № 4, с. 34).

103. «Политика Советской власти по национальному вопросу...», с. 8—9, № 4.

104. Ситуация, сложившаяся в этот период в Казахстане, описывается одним

из авторов в официальной газете Наркомнаца следующим образом: «То, что вторая революция показалась киргизам [имеются в виду казахи. — *Ред.*] понятной, объясняется просто: у киргизов [казахов. — *Ред.*] нет ни капитализма, ни классовой дифференции; даже собственность у них не так резко разграничена, как у других народов: многие предметы потребления считаются у них общественным достоянием». В то же время внешние проявления, связанные с Октябрьской революцией, приводили казахов в ужас. Формы, которые движение большевиков приняло в центральных частях России, были им неизвестны, в то время как на окраинах «оно сопровождалось повсюду насилиями, грабежом, злоупотреблениями и своеобразной диктаторской властью. Говоря короче, движение на окраинах часто представляло собою не революцию (как обычно она понимается), а полнейшую анархию». Тот же автор дает характеристику советским организациям, взявшим власть в Семипалатинске и других городах Казахстана, «куда под видом большевиков проникли разные авантюристы из киргизов, которые именем советской власти творили безобразия» («Жизнь национальностей», № 29 (37), 3 августа 1919 г.).

105. Д. П. Петров. Чувашия. М., 1926, с. 70.

106. И. В. Сталин. Соч., т. 4, с. 85—92.

107. «Собрание узаконений... за 1917—1918 гг.», № 79, ст. 831. Вскоре Трудовая коммуна была преобразована в Автономную область РСФСР, а впоследствии, в конце 1923 г., она стала Автономной Советской Социалистической Республикой («Собрание узаконений... за 1924 г.», № 7, ст. 33).

108. Отчет о недолгом периоде пребывания у власти Крымского правительства был впоследствии опубликован его министром иностранных дел (М. Ви-навер. Наше правительство. Париж, 1928).

109. Наиболее исчерпывающий источник, раскрывающий сложную историю Дагестана в период с 1917 по апрель 1920 г., представляет собой книга Е. Самурского (Е. Самурский. Дагестан. М., 1925, с. 61—76). См. также: «*Revue du Monde Musulman*», 1922, II, р. 79—84; И. В. Сталин. Соч., т. 4, с. 97—99, 106—114. Колоритный, но запутанный отчет о событиях на Северном Кавказе был дан делегатом Съезда народов Востока, состоявшегося в Баку («I Съезд народов Востока», 1921, с. 93—95).

110. В примечаниях к английскому изданию работы Сталина «Марксизм и национальный вопрос» (I. Stalin. Marxism and the National and Colonial Question. Engl. transl., 2nd ed., 1936, p. 297) говорится о том, что «сильное правительство Колчака, случайно издавшее указ об отмене автономии Башкирии, вынудило правительство Валидова в 1919 году под давлением масс объявить о своей верности Советскому правительству». Это в сущности подтверждает В. Чернов (V. Chernov. Mes tribulations en Russie. Paris, 1921, p. 10).

111. «Собрание узаконений... за 1919 г.», № 46, ст. 451. Летом 1919 г. на Башкирию снова напали «банды Колчака», и Советская власть была окончательно установлена здесь лишь в августе 1919 г. («Политика Советской власти по национальному вопросу...», с. 19—20, № 18—19). Валидов выступил на VII Всероссийском съезде Советов в Москве в декабре 1919 г. от имени «башкирского пролетариата, башкирской и киргизской [то есть казахской. — *Ред.*] бедноты» и прославлял подвиги башкирских красноармейцев, принимавших участие в защите «пролетарской столицы — Петрограда — от Юденича» («Седьмой Всероссийский съезд Советов...», с. 17). В это время он выступал как коммунист и стремился создать независимую башкирскую коммунистическую партию (С. Атнагулов. Башкирия, с. 71—72). О Валидове см. прим. 121 к главе II.

112. «Собрание узаконений... за 1919 г.», № 36, ст. 354.

113. Характерно, что Кастанье — свидетель этих событий, враждебно настроенный по отношению к Советской власти, — говорит о роспуске «Алаш-Орды», но не упоминает об июньском декрете. Он также пишет, что «борьба, которая повсюду в России была классовой борьбой, среди казахов приняла форму борьбы между кланами и племенами» («*Revue du Monde Musulman*», II, p. 175—177).

114. «Политика Советской власти по национальному вопросу...», с. 38—39, № 56.

115. «Собрание узаконений... за 1919 г.», № 37, ст. 368. Рассказ о развитии Советской Калмыкии, где отдельные детали, пожалуй, представлены в слишком радужном свете, но ясно показана общая картина, приведен в книге Борисова (Т. К. Борисов. Калмыкия. 1926).

116. Известный в этот период мусульманин-большевик утверждает, что мусульманская мечеть (или приход) в среднем охватывала от 700 до 1000 жителей и на это количество приходится один мулла и два помощника, в то время как христианский священник имел в среднем от 10 тыс. до 12 тыс. прихожан (М. Султан-Галиев. Методы антирелигиозной пропаганды среди мусульман. М., 1922, с. 4).

117. В своей книге «Дагестан» Самурский живо рисует картину господства мусульман в Дагестане, где они успешно противостояли активному утверждению советского строя в период с 1917 по 1921 г. (Е. Самурский. Дагестан. М., 1925, с. 126—137).

118. Примеры этой политики приводятся в книге Самурского (Е. Самурский. Дагестан, с. 133—136).

119. «Собрание узаконений... за 1920 г.», № 45, ст. 203; № 51, ст. 222; № 59, ст. 267.

120. «Политика Советской власти по национальному вопросу...», с. 44, № 65; с. 41, № 60.

121. С. Атнагулов. Башкирия, с. 72—74. Дальнейшие подробности приведены в примечаниях к английскому изданию работы Сталина «Марксизм и национальный вопрос» (J. Stalin. Marxism and the National and Colonial Question, p. 297—298), а также у Кастанье («Revue du Monde Musulman», li, p. 162—163). Осенью 1921 г. Центральному Комитету партии пришлось рассматривать трения между двумя группами партийных деятелей Башкирии, которые «приняли национальную окраску и привели к ожесточенной взаимной борьбе». В Башкирию был послан член Центрального Комитета Голощекин, но «трения эти» ему не удалось устранить полностью» («Известия Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков)», № 34, ноябрь 1921 г., с. 5). Башкирия стала своего рода пробным камнем, и споры по поводу нее продолжали бушевать. См., например: «Пролетарская революция», 1926, № 11 (50) и № 12 (59); 1928, № 3 (74) и № 5 (76). В книге «Гражданская война в Башкирии» собраны воспоминания участников гражданской войны («Гражданская война в Башкирии». Уфа, 1932). Подробное изучение этих источников могло бы по-новому осветить политику Советской власти на восточных окраинах в тот период.

Валидов был типичным представителем немногочисленной буржуазной интеллигенции в этих областях. Будучи буржуазным националистом, настроенным против любой социальной революции с далеко идущими целями, он примкнул к большевикам во время гражданской войны из-за презрительного отношения «белых» к требованиям малых народностей. После окончания гражданской войны он снова занял антибольшевистскую позицию. Впоследствии он присоединился к басмачам Средней Азии (см. главу 11, раздел «Средняя Азия»), а позднее стал известным пропагандистом джадидизма и обосновался в университете в Германии, затем вернулся в Турцию, где в 1944 г. был осужден за изменническую деятельность, связанную с пропагандой джадидизма, и наконец, наладив отношения с турецкими властями, в 1948 г. опубликовал книгу об истории Туркестана, проникнутую крайне антирусскими настроениями, под названием «Туркестан Тарихи». Планируется ее перевод на английский язык.

122. Некоторые довольно отрывочные замечания Кастанье о событиях в Казахстане в 1920 и 1921 гг. см. в: «Revue du Monde Musulman», li, p. 182—191. В это время он уже не был в Средней Азии.

123. И. В. Сталин. Соч., т. 4, с. 397.

124. Там же, с. 400.

125. См. главу 13.

126. И. В. Сталин. Соч., т. 4, с. 394—397.

127. Там же, с. 399—403. Этот интересный случай перемещения народов, вероятно, отчасти должен был служить наказанием, а отчасти — предостережением против беспорядков в будущем. Официальные документы, выявляющие

масштабы, которые принял процесс перемещения, отсутствуют. Неясно также, перемещались ли горы с северного на южный берег Терека, а казаки — с южного на северный.

128. Постановления, принятые 20 января 1921 г., в соответствии с которыми были учреждены Дагестанская Автономная ССР и Горская Автономная ССР, см. в: «Собрание узаконений... за 1921 г.», № 5, ст. 39, и № 6, ст. 41. О последующем разделе Горской Автономной ССР см. в: «Revue du Monde Musulman», li, p. 95—100.

129. «Собрание узаконений... за 1921 г.», № 69, ст. 556.

130. Бройдо был одним из пяти членов коллегии Наркомнаца и впоследствии стал директором Коммунистического университета трудящихся Востока в Москве.

131. «Пролетарская революция», 1924, № 10 (33), с. 138—161.

132. Наиболее авторитетным источником информации об этом периоде является книга Сафарова (Г. Сафаров. Колониальная революция (Опыт Туркестана). М., 1921). Краткий рассказ об этих событиях находим также у Кастанье, который находился в Туркестане до лета 1920 г. («Revue du Monde Musulman», li, p. 28—73). Ценным источником мог бы послужить сборник документов, изданный в Ташкенте в 1947 г., но его не было возможности достать. Рецензент этого сборника (рецензию на него см. в журнале «Партийная жизнь», 1948, № 4) с неудовлетворением отмечает, что у читателя создается впечатление, «будто борьба трудящихся Туркестана была оторвана от общероссийской революционной борьбы, что в первый период существования советской власти Туркестан, окруженный со всех сторон врагами, был брошен на произвол судьбы», но он не приводит серьезных доказательств того, что это впечатление не соответствует действительности. Сафаров назвал Туркестан в период с 1917 по 1919 г. «идеальным «изолированным торговым государством» Иоганна Готлиба Фихте» (Г. Сафаров. Колониальная революция..., с. 75). Сам Бройдо писал в выпущенном в то время сборнике статей: «В течение почти 2-х лет не только нет помощи от московского центра Красной армии, но даже почти нет никаких сношений» («Новый Восток», 1922, кн. 2, с. 79).

133. Г. Сафаров. Колониальная революция..., с. 70.

134. Там же, с. 71.

135. Подробный отчет о правительстве Коканда и его судьбе представлен П. Алексенковым в сборнике «Революция в Средней Азии» («Революция в Средней Азии». Ташкент, 1928, т. I, с. 21—40; 1929, т. II, с. 43—81). В этом сборнике также приводится акт о капитуляции, подписанный 22 февраля 1918 г. В программу правительства Коканда были включены пункты о сохранении частной собственности, о шариате и о дискриминации женщин. Она получила поддержку некоторых представителей русской буржуазии, враждебно относившихся к большевикам. Однако в этой борьбе между революционно настроенными русскими и консервативными мусульманами решающую роль, по-видимому, играли национальные чувства.

136. Короткие отчеты о басмачах, полученные из первых рвк, см. в: «Revue du Monde Musulman», li, p. 236—243; а также в сборнике: «Новый Восток», 1923, кн. 3, с. 274—278.

137. «Revue du Monde Musulman», li, p. 217—218.

138. События в Хиве в период с 1917 по 1920 г. см. в: «Новый Восток», 1923, кн. 3, с. 241—257.

139. Об этом «правительстве», которое продержалось у власти с августа 1918 г. до марта или апреля 1919 г., рассказывает Кастанье («Revue du Monde Musulman», li, p. 192—201). Из британских источников см.: «Journal of the Central Asian Society», 1922, IX, ii, p. 96—110.

140. «Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., 1963, с. 192. Семиречье называлась область на северо-востоке Казахстана. Кулаками называли крестьян, поселившихся на земле, отнятой у казахов.

141. На V съезде Советов, состоявшемся в мае 1918 г., было формально отменено запрещение допускать мусульман на правительственные должности, но «только случайные представители киргизов и узбеков или, вернее,

главным образом, татары могли прийти к власти» (Г. Сафаров. Колониальная революция..., с. 85). В профсоюзы принимались только русские рабочие (там же, с. 115). Статья Конституции РСФСР, согласно которой наниматели рабочей силы лишались права принимать участие в голосовании при выборах в советские органы, в Туркестане не соблюдалась.

142. «Жизнь национальностей», № 23 (80), 18 июля 1920 г. Отчет о росте численности Коммунистической партии Туркестана и ее первых двух съездов, состоявшихся в июне и декабре 1918 г., дается П. Антроповым в сборнике «Революция в Средней Азии» («Революция в Средней Азии», Ташкент, ч. I, 1928, с. 7—20; ч. II, 1929, с. 10—42). Самый лучший отчет о разногласиях среди членов партии и о недостатках в области соблюдения и применения ими основных положений партийной доктрины представлен в заметках Фрунзе, написанных во время его пребывания в Туркестане с 1919 по 1920 г., которые вошли в собрание его сочинений (М. П. Фрунзе. Собрание сочинений. М., 1929, т. I, с. 119—121).

143. «Жизнь национальностей», № 20 (28), 1 июня 1919 г.; № 22 (30), 15 июня 1919 г.

144. В. И. Ленин. Соч., 2-е изд., т. XXIV, с. 811, прим. 165.

145. F. M. Bailey. Mission to Tashkent, 1946, p. 190—191.

146. Взятие Ашхабада большевиками в октябре 1919 г. открыло путь через Каспийское море. Железная дорога, проходившая через Оренбург, не была очищена до следующей весны.

147. В состав комиссии вошли Элиава (бывший меньшевик, незадолго до этого вступивший в партию большевиков), Фрунзе (назначенный главнокомандующим туркестанским фронтом), Куйбышев, Рудзутак, Бокий и Голощекин (Г. Сафаров. Колониальная революция..., с. 105).

148. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 511, прим. 114.

149. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 304.

150. «Жизнь национальностей», № 4 (61), 1 февраля 1920 г.

151. Кастанье («Revue du Monde Musulman», li, p. 207) описывает эти события как происходившие в первой половине 1919 г., но он добавляет, что немедленно вслед за ними состоялись переговоры по вопросу о подписании договора с Москвой (который был заключен в сентябре 1920 г.); вероятно, он неверно датировал события, ошибся на один год.

152. М. П. Фрунзе. Собрание сочинений, т. I, с. 142—143; «Revue du Monde Musulman», li, p. 219.

153. «Новый Восток», 1922, кн. 2, с. 272.

154. A. Barmin. One Who Survived, 1945, p. 103.

155. «Восьмой Всероссийский съезд Советов». М., 1921, с. 225—226.

156. См. главу 13.

157. Г. Сафаров. Колониальная революция..., с. 133.

158. Два примера более примиренческой национальной политики, приведенные Кастанье («Revue du Monde Musulman», l, p. 68—69), свидетельствуют о сложностях жизни в Туркестане: зимой 1920/21 г. выходным днем сделали пятницу вместо воскресенья; почтовые работники впервые стали принимать телеграммы на местных языках.

159. «Правда», 20 июня 1920 г. Выступая на X партийном съезде в Москве в марте 1921 г., Сафаров рассказал, что летом 1920 г. он прочитал следующее объявление в одном из небольших городков Туркестана: «По случаю того, что сегодня богослужение исполняется коммунистическим батюшкой, все члены коммунистической партии приглашаются на это богослужение» («Десятый съезд РКП(б)», с. 192). Бройдо отмечал, что существует «коммунист-мусульманин, в «установленное» время занимающийся молитвой», и русский «архимандрит — председатель уездкома или редактор партийного и советского органа» («Жизнь национальностей», № 23 (80), 18 июля 1920 г.).

160. «1-ый Съезд народов Востока», 1921, с. 85—91.

161. «Десятый съезд РКП(б)», с. 211—214. На съезде Сталин не дал прямого ответа Сафарову, хотя большая часть его поправок к резолюции по национальному вопросу была принята. Ранее Сталин преуменьшал серьезность обвинений в «великодержавном шовинизме» и критически отзывался о «нацио-

налистических пережитках» среди коммунистов, говорящих на тюркских языках (И. В. Сталин. Соч., т. 5, с. 1—3).

162. «Жизнь национальностей», № 3 (132), 26 января 1922 г.

163. «Собрание узаконений... за 1921 г.», № 32, ст. 172.

164. Там же, № 32, ст. 172. Членами комиссии были Томский и Рудзутак, которые незадолго до этого сыграли главную роль в дискуссии о профсоюзах, развернувшейся на X партийном съезде в марте 1921 г. В своей книге «Тот, кто выжил» Бармин (A. Barmin. One Who Survived, 1945, p. 99) рассказывает о своем визите к ним в Ташкенте.

165. Наиболее полный отчет о восстании басмачей с некоторыми колоритными подробностями, связанными с претензиями Энвера на то, чтобы выражать интересы всех мусульманских народов, приведен в сборнике «Новый Восток» («Новый Восток», 1922, кн. 2, с. 274—284). Согласно сообщению Кастанье («Revue du Monde Musulman», li, p. 228—229), большевики предложили Энверу служить посредником между ними и восставшими, но он вместо этого перешел на сторону восставших. Однако к тому времени Кастанье уже покинул Среднюю Азию, и поэтому его сведения не всегда достоверны.

166. «Политика Советской власти по национальному вопросу...», с. 44, № 65.

167. И. В. Сталин. Соч., т. 2, с. 307.

168. «Революция и национальный вопрос...», т. 3, с. 411—412.

169. И. В. Сталин. Соч., т. 4, с. 53.

170. Наиболее полный источник сведений об этих событиях представляет собой сборник «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», изданный грузинским правительством в Тифлисе в 1919 г. Воззвание от 18 ноября (1 декабря) 1917 г. см. в: «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», с. 8—10.

171. Там же, с. 164, 168, 171.

172. Z. Avalishvili. The Independence of Georgia in International Politics (n. d. [? 1940]), p. 27. Это английский перевод книги грузинского буржуазного дипломата, опубликованной в Париже на русском языке в 1924 г.

173. Протоколы заседаний Закавказского сейма включены в сборник «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии» (с. 200—222). Председателем Закавказского сейма был известный грузинский меньшевик Чхендзе, а премьер-министром нового правительства тоже грузин по фамилии Чхенкелли.

174. И. В. Сталин. Соч., т. 4, с. 96.

175. Речи грузинского представителя Церетели на последнем заседании Закавказского сейма см. в: «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», с. 317—330. «Акт о независимости Грузии» см. там же, с. 336—338, а также в: Ю. В. Ключников и Андрей Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. II, с. 435—436. В речи Церетели содержится упрек по адресу Российского Советского правительства, которое позволило, чтобы «пределы Закавказья оказались открытыми для вторжения неприятеля», и цитируется советский декрет, в котором признается свобода каждого народа, составляющего часть России, выбирать подходящий политический строй, включая полное отделение от России. Несколько апологетический тон обоих документов выдает большую неуверенность относительно окончательных перспектив независимости.

176. В короткий период существования Закавказской республики руководитель местного германского командования генерал фон Лоссов предложил свое посредничество в отношениях между Россией и Закавказьем. Это предложение было принято Чичеринным («Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», с. 302—303), но ничего не дало, вероятно, в связи с роспуском Федеративной Закавказской Республики.

177. Германско-грузинские договоры опубликованы в сборнике «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии» (с. 339—342).

178. Эти операции живо описаны в книге Данстервила (L. C. Dunsterville. The adventures of Dunster force, 1920). Приведенные в ней политические комментарии наивны, однако порой проливают свет на события. Русский перевод этой книги под названием «Британский империализм в Баку и Персии, 1917—

1918» был опубликован в Тифлисе в 1920 г. 26 советских комиссаров, которые составляли правительство Баку с апреля до июля 1918 г., бежали перед притеснением в Баку британских сил. Но в сентябре они попали в руки враждебных большевикам властей в Закатии и были убиты — при участии, как утверждали, или при молчаливом одобрении местного британского военного командования. Этот акт приобрел известность, и вопрос об ответственности за него обсуждался в переписке между британским и Советским правительствами еще четыре года спустя («Смд. 1846», 1923).

179. Любопытно отметить, что грузинское правительство в тот же день, когда оно послало официальный протест против вступления британских войск в Грузию (22 декабря 1918 г.), обратилось также в британскую военную миссию за помощью, чтобы пресечь вторжение армян на «грузинскую территорию» («Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», с. 425—426, 478—479).

180. Наиболее полный отчет об этом событии приводится в книге Багирова (М. Д. Багиров. Из истории большевистской организации в Баку и Азербайджане. М., 1946, с. 193—198). Обращения азербайджанского Военно-революционного комитета и Центрального Комитета Коммунистической партии Азербайджана см. в: Ю. В. Ключников и Андрей Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. 1, с. 21—22.

181. «Собрание узаконений... за 1920 г.», № 64, ст. 282. 30 апреля 1920 г. Жордания, выступая в грузинском Учредительном собрании по поводу переворота в Азербайджане, заметил, что «если сам народ одобряет вторжение иностранной армии в его страну, то действия против этой армии были бы с нашей стороны нарушением прав данного народа» (Z. Avalishvili. The Independence of Georgia in International Politics (n. d. [? 1940]), p. 260). Умиротворяющее заявление, несомненно, открыло путь для советско-грузинского соглашения.

182. Отчет об этом событии см. в: Б. А. Борьян. Армения, международная дипломатия и СССР. М. — Л., 1929, ч. II, с. 88—114. Автор книги, армянский большевик, многословен и больше интересуется теорией, чем фактами, но он использует источники, достать которые затруднительно, в том числе армянские документы. Кроме того, он не совсем лишен критического восприятия. В журнале «Коммунистический Интернационал» говорилось, что большевистский «революционный комитет» захватил власть в Александрополе 3 мая 1920 г. и через неделю провозгласил образование Советской Армении, но не смог развить свой первоначальный успех («Коммунистический Интернационал», № 13, сентябрь 1920 г., столбец 2549). Согласно тому же источнику, число членов армянской секции Российской коммунистической партии составляло в то время три тысячи человек, большинство из которых проживало за пределами Армении («Коммунистический Интернационал», № 13, сентябрь 1920 г., столбец 2547). (Самостоятельная армянской коммунистической партии не было.)

183. В книге Борьяна дважды засвидетельствована распространенность этого убеждения (Б. А. Борьян. Армения, международная дипломатия и СССР, ч. II, с. 121, 136). Автор относит это за счет пропаганды дашнаков, сам он его не разделяет. Антибольшевистская литература этого периода содержит несколько подробных историй о тайном договоре между Россией и Турцией с целью уничтожения Закавказских республик, но ни одна из них не основывается на достоверных данных.

184. «Ревком Армении образовался на границе Азербайджана и Армении и не имел никакой реальной силы, проявив себя только выпуском декларации о провозглашении Социалистической советской республики Армении» (Б. А. Борьян. Армения, международная дипломатия и СССР, ч. II, с. 122—123).

185. Ю. В. Ключников и Андрей Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. 1, с. 75.

186. Б. А. Борьян. Армения, международная дипломатия и СССР, ч. II, с. 133—140, 158—159.

187. В результате визита делегации появилась пространная антибольшевистская литература, в том числе книги Каутского и Вандервельде.

188. «1-ый Съезд народов Востока», с. 149.

189. *И. В. Сталин*. Соч., т. 4, с. 379—380.

190. «Жизнь национальностей», № 34 (91), 3 ноября 1920 г.

191. *Ю. В. Ключников и Андрей Сабанин*. Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. 1, с. 86—87, 91.

192. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 42, с. 367. Можно предположить, что Ленин накануне введения НЭПа и подписания торгового соглашения с Великобританией не уделял большого внимания Грузии и что эта удивительная готовность не торопиться с решением вопроса о меньшевиках была вызвана желанием уменьшить опасность международных осложнений. Ленин продолжал до конца жизни считать Грузию узким местом советской политики.

193. См. прим. 217 к главе II.

194. В отчете об этом восстании, которое продолжалось с февраля 1921 до ноября 1923 г., опубликованном в журнале «Пролетарская революция», больше сообщается об инцидентах, чем о стоящих за ними причинах («Пролетарская революция», 1928, № 5 (76), с. 66—102). Однако заявление о том, что восстание начали «белые» офицеры, по всей вероятности, верно: в газете «Жизнь национальностей» сообщалось, что восстание «носило ярко националистический характер, хотя в числе заговорщиков были не только русские, но даже несколько мадыарских офицеров» («Жизнь национальностей», № 18 (116), 16 сентября 1921 г.).

195. «Foreign Relations of the United States, 1918: Russia», 1932, ii, p. 100.

196. Наиболее полный отчет о деятельности этого правительства, написанный одним из его членов, см. в: *Г. К. Гинс*. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921, т. I, с. 102—131.

197. Наиболее полные отчеты об Уфимском совещании см. в: *Г. К. Гинс*. Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 207—255; а также *В. Г. Болдырев*. Директория, Колчак, интервенты. Новоиколаевск, 1925, с. 35—53. Текст акта приводится в книге Болдырева (*В. Г. Болдырев*. Цит. соч., с. 493—497). Перевод текста см. в: «Foreign Relations of the United States, 1918: Russia», 1932, ii, p. 406—409. Болдырев командовал военными силами Директории. После колчаковского «переворота» он уехал в Японию и вновь появился во Владивостоке в 1920 г. в качестве представителя русских белогвардейцев, который являлся *persona grata* для японского генерального штаба. В 1922 г. он сдался большевикам и был амнистирован. Его воспоминания, которые цитировались выше, были опубликованы в советской редакции.

198. «Foreign Relations of the United States, 1918: Russia», ii, p. 381, 409—410.

199. *Г. К. Гинс*. Сибирь, союзники и Колчак, т. II, с. 38.

200. Там же, с. 397.

201. Там же, с. 413 (вместо «ноябрь» там ошибочно напечатано «октябрь»); «Foreign Relations of the United States, 1919: Russia», 1937, p. 225.

202. Текст этой ноты см. в: *Г. К. Гинс*. Сибирь, союзники и Колчак, т. II, с. 441—442. Согласно этому же источнику, когда члены правительства Колчака бросили упрек делегату от Чехословацкого корпуса в том, что чехословацкие войска тоже принимали участие в этих эксцессах, то он ответил: «Это верно, но именно потому, что наше войско деморализуется при соприкосновении с вашими, мы и стремимся поскорее его увезти» (там же, т. II, ч. III, с. 529).

203. Там же, т. II, с. 501.

204. Там же, с. 565—566. Факсимильное воспроизведение акта о передаче власти Семенову приводится в книге Борисова «Дальний Восток» (*Б. Борисов*. Дальний Восток. Вена, 1921, с. 15—16). Небольшая часть колчаковских войск под командованием генерала Каппеля избежала разгрома, и в результате поразительного перехода через Якутию и через скованный льдом Байкал (впоследствии этот переход называли «ледяным походом») ей удалось присоединиться к Семенову (*Г. К. Гинс*. Сибирь, союзники и Колчак, т. II, с. 550—554). «Каппелевцы» держались вместе и в политической жизни Восточной Сибири в течение еще двух лет оставались беспокойным элементом. Они отличались особенно беспощадным обращением с любыми большевиками, с которыми им приходилось сталкиваться. Согласно одному из отчетов («Революция на Даль-

нем Востоке». М., 1923, с. 100), среди них было много татар и башкир, мобилизованных первоначально из Уфы.

205. П. С. Парфенов-Алтайский. Борьба за Дальний Восток, 1920—1922 гг. М., 1928, с. 60—61.

206. Текст приговора см. в: П. С. Парфенов-Алтайский. Борьба за Дальний Восток..., с. 64—65.

207. Лучший отчет об этом событии, включая документ, опубликованный иркутской прессой, см. в: П. С. Парфенов-Алтайский. Борьба за Дальний Восток..., с. 55—57. См. также: Г. К. Гинс. Сибирь, союзники и Колчак, т. II, с. 545—546. Нортон в своей книге приводит дополнительные подробности, очевидно, на основе собственных встреч с участниками событий, но ему не хватает политического осмысления, он постоянно преувеличивает роль Краснощекова (Н. К. Norton. The Far Eastern Republic of Siberia, 1923).

208. Английский вариант декларации, в котором провозглашалась Дальневосточная республика, см. в: «A Short Outline History of the Far Eastern Republic». Washington, 1922, p. 40—42. По словам Нортон, декларация была вначале составлена Краснощековым на английском языке, поскольку английским он владел лучше, чем своим родным языком (Н. К. Norton. The Far Eastern Republic of Siberia, p. 136).

209. Ю. В. Ключников и Андрей Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. 1, с. 24.

210. «Революция на Дальнем Востоке», с. 102.

211. Трудно установить, что именно произошло в Николаевске в марте 1920 г. В конце февраля 1920 г. армия Тряпицына заняла город и добилась неких условий, обеспечивающих возможность мирного сосуществования с японским гарнизоном. Согласно большинству советских источников, осложнение в марте началось в связи с предательским нападением японцев, нарушивших это соглашение. Тряпицын тогда окружил гарнизон, и в ходе этих действий было убито несколько японцев — гражданских лиц. Остальная часть этой истории бесспорна. Тряпицын удерживал Николаевск до мая, когда японцы отправили морем экспедиционные силы, чтобы выбить его оттуда. Узнав о приближении превосходящих сил, Тряпицын перебил все японское население, включая японских военнопленных, разграбил город и перед уходом сжег его дотла. В начале июля он был захвачен Красной Армией и расстрелян вместе со своими главными помощниками.

Ненадежность сведений отчасти связана с тем, что перепутаны события мартовские с майскими, а отчасти с тем фактом, что у советских апологетов нет единого мнения: они стремятся осудить карательные действия японцев, имевшие место в апреле, но расходятся в вопросе о том, оправдывать ли действия Тряпицына в марте как вызванные японской провокацией или осудить его как «анархиста» и «авантюриста», за чьи действия большевики не могли, естественно, нести ответственность. Таким образом, две противоположные версии разных авторов были включены (очевидно, по недосмотру, поскольку отсутствует примечание от редакции) в книгу «Революция на Дальнем Востоке» («Революция на Дальнем Востоке», с. 26—62, 119). Первая версия — согласно которой Тряпицын признается большевистским руководителем, преуменьшается число гражданских лиц, убитых в марте, и делается упор на японскую провокацию — более правдоподобна и в общем подтверждается Парфеновым (П. С. Парфенов-Алтайский. Борьба за Дальний Восток, с. 95—97, 164—167). По-видимому, большевикам не приходило в голову отречься от Тряпицына до его майских зверств. В книге Парфенова (цит. соч., с. 197—200) перепечатан из местной прессы того времени июльский приговор военного суда по делу Тряпицына и его помощников. Оказывается, ему было 23 года и главной его соучастницей была женщина 21 года. Согласно статье, опубликованной в журнале «Пролетарская революция», Тряпицын официально учредил «коммуну» в период своего пребывания у власти в Николаевске («Пролетарская революция», 1924, № 5 (28)). Материалы, относящиеся к николаевскому делу, в переводе на английский язык см. в: Н. Н. Fisher. The Testimony of Kolchak and other Siberian Material. Stanford, 1935, p. 331—364).

212. Текст соглашения см. в: В. Г. Болдырев. Директория, Колчак, интер-

венты. Новониколаевск, 1925, с. 498—500. Соглашение было подписано Болдыревым в качестве командующего местными русскими силами и главнокомандующим японскими вооруженными силами.

213. *П. С. Парфенов-Алтайский*. Борьба за Дальний Восток..., с. 200.

214. *В. Г. Болдырев*. Директория, Колчак, интервенты, с. 363—364.

215. Там же, с. 379—381. Английский вариант см. в: «A Short Outline History of the Far Eastern Republic». Washington, 1922, p. 45—46.

216. «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных РСФСР с иностранными государствами». Петербург, 1921, вып. II. «A Short Outline History of the Far Eastern Republic», p. 47—48.

217. *П. С. Парфенов-Алтайский*. Борьба за Дальний Восток..., с. 289; *H. K. Norton*. The Far Eastern Republic of Siberia, p. 157. В январе 1922 г. для бурят-монголов на территории РСФСР была образована «автономная область» («Собрание узаконений... за 1922 г.», № 6, ст. 59). Можно предположить, что аналогичный шаг был предпринят и в Дальневосточной республике, поскольку, когда она была снова включена в РСФСР, бурят-монголы автономных областей обеих республик были летом 1923 г. объединены и образовали единую Бурят-Монгольскую Автономную Социалистическую Советскую Республику («Собрание узаконений... за 1924 г.», № 1, ст. 10—11).

218. Английский перевод см. в: *H. K. Norton*. The Far Eastern Republic of Siberia, p. 282—307.

219. *П. С. Парфенов-Алтайский*. Борьба за Дальний Восток..., с. 305—308.

220. *В. Г. Болдырев*. Директория, Колчак, интервенты, с. 446.

221. *М. Павлович*. РСФСР в империалистическом окружении. Японский империализм на Дальнем Востоке. М., 1922, с. 107.

222. Документ, датированный 9 июля 1921 г., был представлен на конференции в Вашингтоне делегатами Дальневосточной республики и перепечатан в книге: *М. Павлович*. РСФСР в империалистическом окружении..., с. 67—69. Главным доводом в пользу недостоверности документа служит то, что соглашение никогда не выполнялось.

223. Первоначально американцы предлагали конференцию по сокращению вооружений. Тихоокеанский вопрос добавился по предложению Великобритании в июле 1921 г.

224. См. статьи в газетах «Известия» от 2 августа 1921 г. и «Экономическая жизнь» от 10 августа 1921 г. (обобщенные в книге Пасвольского: *L. Pasvolsky*. Russia in the Far East. N. Y., 1922, p. 124—127) и тезисы Исполкома Кокинтерна, опубликованные в «Правде» 1 сентября 1921 г. (обобщены в книге Пасвольского: *ibid.*, p. 127—129).

225. *П. С. Парфенов-Алтайский*. Борьба за Дальний Восток..., с. 327. Судя по доступным сведениям, для такого шага не было никаких оснований.

226. Меморандум государственного департамента японскому посольству в Вашингтоне от 31 мая 1921 г. и уклончивый ответ японцев от 8 июля 1921 г. см. в: «Foreign Relations of the United States», 1921, 2, 1936, p. 702—705, 707—710.

227. Текст этого документа имеется в книге Парфенова (*П. С. Парфенов-Алтайский*. Борьба за Дальний Восток..., с. 331—333).

228. Публичные заявления обеих делегаций в официальных протоколах («Conference on the Limitation of Armaments». Washington, 1922, p. 853—859) выглядели несколько менее ясными, несомненно, по причинам престижности.

229. Нота японского консула в Чите министру иностранных дел Дальневосточной республики Янсону, датированная 19 июля 1922 г., и ответ на нее от 23 июля 1922 г., подписанный совместно Караханом от имени РСФСР и Янсоном от имени Дальневосточной республики, опубликованы в сборнике «Новый Восток» («Новый Восток», ч. II, 1922, с. 40—41).

230. *П. С. Парфенов-Алтайский*. Борьба за Дальний Восток..., с. 350—351. Собственный рассказ Иоффе о конференции см. в: «Новый Восток», 1923, № 4, с. 1—11. Отчет, опубликованный в книге Тойнби (*A. I. Toynbee*. Survey of International Affairs, 1920—1923. 1925, p. 442—444), содержит некоторые дополнительные подробности, взятые из периодики того времени.

231. Официальное заявление, датированное 14 ноября 1922 г., было опу-

ликовано в «Известиях» 21 ноября 1922 г. Ленин с удовлетворением его приветствовал в своем последнем публичном выступлении (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 45, с. 302—303). Декрет ВЦИКа о включении Дальневосточной республики в РСФСР см. в: *Ю. В. Ключников и Андрей Сабанин. Международная политика новейшего времени...*, ч. III, вып. I, с. 206.

Глава 12. Итоги самоопределения

1. «Жизнь национальностей», № 8, 29 декабря 1918 г.
2. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 366.
3. «Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., 1968, с. 580.
4. Боротьбисты (см. главу 11, раздел «Западные окраины») выступали за отдельную украинскую армию (*Н. Попов. Очерк истории Коммунистической партии (большевиков) Украины. М., 1933, 5-е изд., с. 214—215*).
5. В статье, опубликованной в газете «Жизнь национальностей», рассматриваются трудности, связанные с призывом в Красную Армию мусульман Туркестана. Однако там говорится также, что «многие десятки тысяч» этих людей в то время проходили подготовку в лагере под Ташкентом («Жизнь национальностей», № 32 (89), 17 октября 1929 г.).
6. «Девятый Всероссийский съезд Советов». М., 1922, с. 208—209.
7. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 571; «КПСС в резолюциях...», т. 3, с. 87.
8. «Первый Всероссийский съезд Профессиональных Союзов». М., 1918, с. 27.
9. «Третий Всероссийский съезд Профессиональных Союзов». М., 1921, ч. 1, с. 29—30.
10. См. Приложение Б.
11. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 105. В то же время, когда Латвия и Литва были признаны в 1920 г. в качестве независимых буржуазных республик, коммунистические партии этих стран также стали самостоятельными.
12. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 571.
13. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 38, с. 183.
14. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 5, с. 244—245.
15. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 45, с. 95—96.
16. «Смена вех» — название сборника статей русских эмигрантов, опубликованного в Праге в 1921 г., авторы которых выступали за определенное примирение с советским строем. Осенью 1921 г. под тем же названием в Париже начал выходить еженедельный журнал, объявивший себя «открытым для всех представителей русской интеллигенции, которые принимают Октябрьскую революцию, независимо от идеологических оснований этого признания». К этому шагу их в основном побудили патриотические чувства, вызванные советско-польской войной и провозглашением Лениным НЭПа, который считали признаком отказа от догматического коммунизма. Устрялов, наиболее видный представитель сменовеховцев, выразил дух великорусского шовинизма в его самой чистой форме: «Лишь «физически» мощное государство может обладать великой культурой. Души «малых держав» не лишены возможности быть изящными, благородными, даже «героическими» — но они органически неспособны быть великими. Для этого нужен большой стиль, большой размах, большой масштаб мысли и действия, — рисунок Микель Анжело». Возможен германский, русский, английский «мессианизм». Но, скажем, мессианизм сербский, румынский или португальский — это уже режет ухо, как фальшивую взятая нота» («Смена вех. Сборник статей». Прага, 1922, 2-е изд., с. 57—58).
17. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 5, с. 244.
18. См. главу 10.
19. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 578.
20. «КПСС в резолюциях...», т. 3, с. 83.
21. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 5, с. 265.
22. «Жизнь национальностей», № 33 (41), 31 августа 1919 г.
23. *С. Атнадулов. Башкирия. М. — Л., 1925, с. 71*.
24. «КПСС в резолюциях...», т. 3, с. 85.

25. «Двенадцатый съезд РКП(б)...», с. 573.
26. *И. В. Сталин*. Соч., т. 4, с. 360—361.
27. Так, например, Кастанье стремится с помощью списка фамилий показать, что из 13 членов первого совнаркома Горской республики по крайней мере 9 были русскими («*Revue du Monde Musulman*», 1922, li, p. 93). В книге Бэтселла (*W. R. Batsell. Soviet Rule in Russia*. N. Y., 1929, p. 129) приводится аналогичное свидетельство в отношении Татарской Автономной ССР.
28. «Новый Восток», 1924, кн. 5, с. 225.
29. *Ф. Дан*. Два года скитаний. Берлин, 1922, с. 69. При этом назначении могло сыграть свою роль желание убрать подальше от Москвы руководителя бывшей меньшевистской организации, чье лояльное отношение к большевизму не могло не вызвать подозрений.
30. См. главу 11, прим. 49.
31. «Двенадцатый съезд РКП(б)...», с. 616.
32. «Жизнь национальностей», № 12 (147), 15 июня 1922 г. Это заявление Сталина не включено в собрание его сочинений.
33. *И. В. Сталин*. Соч., т. 2, с. 362.

Глава 13. Через союз к федерации

1. Датой образования Армянской ССР считается декабрь 1920 г., а Грузинской ССР — февраль 1921 г.
2. «История Советской Конституции в декретах и постановлениях Советского правительства, 1917—1936», М., 1936, с. 103—104, 100—110.
3. *И. В. Сталин*. Соч., т. 4, с. 229.
4. «История Советской Конституции в декретах...», с. 122.
5. Это, очевидно, первое применение в таком контексте слова «союз», которое в русском языке может означать и «объединение» и «связь». Неясность терминологии, связанная с отсутствием точности в российском конституционном мышлении, в данном случае помогла переходу от одного состояния к другому.
6. «Собрание узаконений... за 1919 г.», № 21, ст. 264. В перечислении территорий, на которые распространялся этот декрет, Крым в трех местах упоминался, а в двух не упоминался. Это позволяет предположить, что его включили позднее. Включение его было необычным, поскольку он никогда, в отличие от других перечисленных стран, не имел статуса независимой Советской республики. Позднее он стал автономной республикой, входящей в РСФСР.
7. В резолюции, составленной Лениным и одобренной партийной конференцией в декабре 1919 г., смело говорилось, что украинская резолюция от 18 мая 1919 г. и декрет ВЦИКа от 1 июня того же года создали отношения, которые определяются «федеративной связью» между РСФСР и Украиной (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 39, с. 334; «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 199).
8. В резолюции X съезда партии, состоявшегося в 1921 г., указывалось, что необходимость единства вытекает из угрозы нападения капиталистов («КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 364).
9. «Жизнь национальностей», № 6 (61, законодательный — 63), 15 февраля 1920 г.
10. *И. В. Сталин*. Соч., т. 4, с. 351—363. Статья также появилась в текущем номере газеты «Жизнь национальностей». Значение этой статьи в истории создания СССР отмечалось в посвященной ей лекции по случаю 20-летия опубликования статьи, состоявшейся 10 октября 1940 г. в Институте советского права Академии наук СССР. Лекция была опубликована в журнале «Советское государство и право» («Советское государство и право», 1940, № 11, с. 1—10).
11. См. главу 11, раздел «Восточные окраины».
12. Эти шесть договоров см. в: «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных РСФСР с иностранными государствами». Петербург, 1921, вып. I, №№ 1—6, с. 8.
13. «Восьмой Всероссийский съезд Советов». М., 1921, с. 232.

14. «Сборник действующих договоров...», вып. I, № 8, с. 15—16; «Восьмой Всероссийский съезд Советов», с. 234.
15. «Сборник действующих договоров...», вып. I, № 7, с. 13. У Бэтселла (*W. R. Batsell. Soviet Rule in Russia*. N. Y., 1929, p. 204) неверно указана дата заключения договора — 16 января 1920 г. Автор книги был введен в заблуждение опечаткой в заглавии договора, включенного в «Сборник действующих договоров...», хотя в самом тексте договора дата указана правильно.
16. «Сборник действующих договоров...», вып. II, № 41, с. 7—8.
17. *Ю. В. Ключников и Андрей Сабанин. Международная политика новейшего времени...*, ч. III, вып. 1, с. 22—23.
18. «Сборник действующих договоров...», вып. II, № 40, с. 5—6.
19. Там же, вып. I, № 3—10, с. 17—26.
20. Там же, вып. II, № 42—43, с. 7—14.
21. Эта фраза взята из договора с Хорезмом. В договоре с Бухарой лишь содержится ссылка на неопубликованное военное соглашение, заключенное в ноябре 1920 г. Предложенные новые соглашения, если они были заключены, опубликованы не были.
22. В этой неясности любознательный наблюдатель мог бы разглядеть тот случай, когда история повторяется. Поколения историков спорили о том, утверждал ли договор, заключенный в 1654 г. в Переяславле, союз между Москвой и Украиной или включение Украины в империю Московии.
23. Раковский по этому случаю от имени всех пяти республик сделал заявление о Красной Армии, цитируемое выше (см. главу 12).
24. «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях». М., 1939, с. 219.
25. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 5, с. 146.
26. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 4, с. 295.
27. «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях», с. 152.
28. «КПСС в резолюциях...», т. 3, с. 88. Газета «Жизнь национальностей» опубликовала протест председателя чувашского областного исполнительного комитета, который заявил: «Если автономные области и республики должны будут пользоваться только политическими правами, то незначит считать их автономными национальными областями и республиками» («Жизнь национальностей», № 12 (147), 15 июня 1922 г.).
29. См., например, договор с Эстонией от 25 ноября 1921 г. («League of Nations. Treaty Series», 1922, XI, № 294.) Осенью 1921 г. Фрунзе в качестве украинского делегата выехал в Анкару со специальной миссией — заключить договор с Турцией (*М. П. Фрунзе. Собрание сочинений. М., 1929, т. I, с. 274*).
30. «Сборник действующих договоров...», вып. II, № 51, с. 53.
31. Там же, № 52, с. 72—77.
32. *Ю. В. Ключников и Андрей Сабанин. Международная политика новейшего времени...*, ч. III, вып. I, с. 139.
33. «Сборник действующих договоров...», т. III, № 1, с. 1—3. Знаменательно, что те же силы совместной экономической заинтересованности целых регионов действовали и за пределами системы советских республик. 29—30 марта 1922 г. делегаты РСФСР, Польши, Эстонии и Латвии встретились в Риге, чтобы «согласовать действия своих представителей» на Генуэзской конференции («Conférence de Moscou sur la Limitation des Armements». Moscou, 1923, p. 139—141).
34. «Известия», 13 августа 1922 г.
35. *Ю. В. Ключников и Андрей Сабанин. Международная политика новейшего времени...*, т. III, ч. I, с. 206.
36. «Conférence de Moscou pour la Limitation des Armements», p. 64.
37. Второе предложение действительно было сделано на заседании секции национальностей в ходе работы XII съезда партии в апреле 1923 г., очевидно, в качестве дополнения к предложению грузинских «уклонистов» о том, чтобы республики Закавказской федерации входили в СССР как отдельные единицы (*И. В. Сталин. Соч.*, т. 5, с. 269—270).
38. Автономные республики: Башкирская, Татарская, Казахская, Туркестанская, Горская, Дагестанская, Крымская и Якутская; автономные области:

Чувашская, Марийская, Калмыцкая, Вотская, Коми, Кабардино-Балкарская, Бурят-Монгольская, Карачаево-Черкесская, Ойротская, Адыгейская, Чеченская, Карельская и немцев Поволжья (последняя все еще официально называлась «Трудовой коммуной»). Список см. в: «Пять лет власти Советов», М., 1922, с. 227 (к нему добавлена Чеченская область, образованная в ноябре 1922 г.). Позднее значительно увеличилось число республик и областей. Две автономные республики (Абхазская и Аджарская) и одна автономная область (Юго-Осетинская), первоначально составлявшие часть Грузии, были включены в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику.

39. См. главу 11, раздел «Республики Закавказья».

40. Борьян в своей книге приводит заявления такого содержания, взятые из протоколов I и II съездов Советов Армении, состоявшихся соответственно в 1921 и в 1922 гг. (Б. А. Борьян. Армения, международная дипломатия и СССР. М., 1929, т. II, с. 319).

41. Цит. по: Б. А. Борьян. Армения, международная дипломатия и СССР, т. II, с. 333.

42. Эти подробности упоминались в одном предвзятом заявлении, сделанном на XII съезде партии; однако всерьез они не оспаривались («Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., 1968, с. 583—584).

43. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, с. 136.

44. Там же, т. 43, с. 198—199.

45. «Двенадцатый съезд РКП(б)...», с. 178.

46. Было бы невозможно на основе доступных в настоящее время материалов подробно раскрыть запутанную историю о том, что произошло в Грузии и что произошло в партии в связи с Грузией за 12 месяцев — с декабря 1921 до декабря 1922 г. Но в общих чертах это становится ясно из длительных споров, которые происходили на XII съезде партии в апреле 1923 г., когда все стороны высказывались с большой откровенностью, — это был последний случай, когда на партийном съезде было так много откровенных высказываний.

47. Сам договор см. в: «История Советской Конституции в декретах...», с. 208—210. Перевод положения о «Высшем Экономическом Совете» сделан на основе другого источника: W. R. Batsell. Soviet Rule in Russia. N. Y., 1929, p. 403—408. Здесь, однако, «совет» превратился в «конференцию».

48. «История Советской Конституции в декретах...», с. 223—232.

49. На XII съезде партии в апреле 1923 г. против этих мероприятий выступили Мдивани, Махарадзе и Бухарин; их отстаивали Сталин, Орджоникидзе и Енукидзе. Деликатный момент этой ситуации заключался в том, что Ленин, до того как у него случился второй приступ, обещал, как предполагали, поддержать Мдивани: его письмо с критикой политики Сталина и Дзержинского было распространено среди делегатов съезда, хотя и не опубликовано. Троцкий, не выступавший по этому вопросу на съезде, впоследствии утверждал, что Ленин поверял ему свои взгляды и что он, Троцкий, разделял эти взгляды. Этот эпизод будет рассмотрен в продолжении настоящей работы: «Междущарствие, 1923—1924».

50. Соответствующие документы см. в: «История Советской Конституции в декретах...», с. 233—240. Сталин в своем заявлении, опубликованном в «Правде» 18 ноября 1922 г., утверждал, что инициатива была проявлена самими республиками за три месяца до этого (И. В. Сталин. Соч., т. 5, с. 138).

51. «Собрание узаконений... за 1923 г.», № 28, ст. 325; «История Советской Конституции в декретах...», с. 241—242; И. В. Сталин. Соч., т. 5, с. 145—155. В этой резолюции впервые установлено название «Союз Советских Социалистических Республик». Составившие СССР союзные республики, так же как и автономные республики, назывались «социалистическими Советскими республиками». Изменение порядка слов никогда, кажется, объяснено не было.

52. И. В. Сталин. Соч., т. 5, с. 158.

53. «История Советской Конституции в декретах...», с. 244—250; И. В. Сталин. Соч., т. 5, с. 393—401.

54. «Съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик». М., 1923, с. 11.

55. Там же, с. 13. Эта надежда осуществилась путем создания Узбекской и Туркменской Советских Социалистических Республик в 1925 г.

56. Там же, с. 15.

Глава 14. Конституция СССР

1. «Вторая сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик». М., 1923, с. 11—12.

2. Отвергнутые проекты см. в: *В. И. Игнатьев*. Советский строй. М., 1928, с. 123—137.

3. Сталин впоследствии, вспоминая об этом случае, отметил, что «раздавались речи, не соответствующие коммунизму, — речи, не имеющие ничего общего с интернационализмом» (*И. В. Сталин*. Соч., т. 5, с. 244—245).

4. «КПСС в резолюциях...», т. 3, с. 85.

5. Там же, с. 86.

6. «Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., 1968, с. 652—653.

7. *И. В. Сталин*. Соч., т. 5, с. 277—278.

8. II Всесоюзный съезд Советов увеличил эту цифру до 414.

9. Даже на «объединенных» заседаниях палаты ВЦИКа голосовали отдельно, и для каждого согласованного решения требовалось большинство голосов каждой из палат. Было также принято постановление о «пленарных» заседаниях для проведения выборов на посты, связанные с выполнением различных обязанностей, и для решения процедурных вопросов; при этом обе палаты голосовали вместе, и требовалось только большинство голосов этого общего органа. Это, однако, было отменено на основании поправки, принятой II Всесоюзным съездом Советов.

10. Текст Конституции, окончательно утвержденный ВЦИКом 6 июля 1923 г., см. в: «История Советской Конституции в декретах...», с. 244—250, 255—267; английский перевод см. в: «British and Foreign State Papers», 1924, CXX, p. 889—902.

11. Различные органы, ранее прикрепленные к Совнаркому РСФСР, из которых наиболее важными были Совет Труда и Оборона и Государственная плановая комиссия, теперь были прикреплены к Совнаркому СССР. В Конституции о них не упоминалось, и, по-видимому, никакого официального постановления об их переводе, который сам собой разумеется, не было принято. Это было одной из нескольких аномалий, наблюдавшихся при переходе.

12. См. главу 13.

13. «Автономные области» таких органов не имели, и они не представляли интереса в конституционном отношении. У них были те же статус и структура, что и у других областей, согласно Конституции.

14. См. главу 13.

15. Конституция СССР возложила на высшие союзные органы ответственность за «установление основ и общего плана всего народного хозяйства». Растущее сосредоточение экономической политики являлось одной из действующих централизующих сил в Конституции СССР.

16. Осторожно сформулированный отрывок из резолюции XII съезда партии, принятой в апреле 1923 г., заставляет предположить, что это распределение власти вызывало в республиках опасения: «Слияние комиссариатов есть экзамен советскому аппарату: если бы этот опыт получил на практике великодержавническое направление, то партия была бы вынуждена принять против такого извращения самые решительные меры, вплоть до постановки вопроса о пересмотре слияния некоторых комиссариатов» («КПСС в резолюциях...», т. 3, с. 85).

17. Конституция допускала одно исключение из этого общего правила: право на отделение, предоставленное входящим в Союз ССР республикам, не могло быть отменено; границы республик также не могли быть изменены без согласия этих республик (Ст. 6).

18. *K. C. Wheare*. Federal Government, 1946, с. 255.

19. «Второй съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик». М., 1924, с. 129—136. При этом были приняты две небольшие поправки, о которых упоминалось выше (глава 14, прим. 8 и 9).

Приложение Б. Большевиcтский принцип самоопределения

1. «Discours et Rapports de Robespierre», ed. C. Vellay, 1908, p. 328.

2. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 61, 70.

3. К началу XX века это высказанное в XIX веке предположение было забыто. Жорес и Бернштейн, верно истолковав слова Маркса «рабочие не имеют отечества» как выражение сожаления, заявляли, что они сказаны в поддержку национального социализма против интернационального. Плеханов отвергал верную интерпретацию фразы Маркса именно потому, что она, казалось, вела к этому неприятному выводу (Г. В. Плеханов. Соч., т. XIII, с. 263—264).

4. В 1848 г. наблюдался также впервые переход от концепции индивидуального самоопределения как естественного следствия демократии (утверждение, что «население Рура имеет право выбирать, к какому государству ему принадлежать») к концепции национальности как объективного права наций на независимую государственность (утверждение, что «народ Рура имеет право создать независимое государство»). Права человека, предусмотренные Французской революцией, были перенесены на нации. Славянский конгресс в июне 1848 г. обратился с манифестом «во имя свободы, равенства и братства европейских народов». Так преодолелась теория «общественного договора» Руссо.

5. Прогрессивные мыслители XIX века из практических соображений, как правило, не сочувствовали требованиям малых национальностей. Джон Стюарт Милль в своей работе «Размышления о представительном правлении» (*J. S. Mill. Considerations on Representative Government*) писал: «Когда бретонец или баск из Французской Наварры находится в гуще мыслей и чувств цивилизованного и развитого народа — французской нации, когда он пользуется всеми преимуществами французского гражданства, находится под защитой Франции и ему выгодны престиж и достоинства французского государства, — кто станет утверждать, что все это менее для него благотворно, чем угрожающе глядеть на свои скалы, полуварварский остаток ушедших времен, и крутиться в своем умственно тесном мире без участия или заинтересованности в общем движении мира. То же относится и к валлийцу или к горцу Северной Шотландии, входящим в британскую нацию». Через несколько страниц Милль выражал надежду, что более просвещенное правительство Ирландии вскоре научит ирландцев понимать «пользу, которую малочисленные и менее богатые народы непременно должны извлекать из того факта, что они не иностранцы, а соотечественники тех, кто принадлежит не только к наиболее близко соседствующей с ними, но и наиболее богатой, прекраснейшей, наиболее цивилизованной и могущественной нации в мире». Ленин придерживался точно такого же мнения: «Чем ближе демократический строй государства к полной свободе отделения, тем реже и слабее будут на практике стремления к отделению, ибо выгоды крупных государств и с точки зрения экономического прогресса и с точки зрения интересов массы несомненны» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 255).

6. Здесь Энгельс пользуется общепризнанным списком. Последний запоздалый отзвук того первостепенного значения, которое либеральные мыслители XIX века придавали национальным устремлениям этих четырех народов, можно найти в «Четырнадцати пунктах» Вудро Вильсона. Немцы и венгры были теперь врагами, а итальянцы и поляки были единственными народами, чьи национальные требования были особо признаны в «Четырнадцати пунктах». Для более мелких народов, которые не были названы, достаточно было бы автотомии.

7. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, с. 159—162.

8. Краковское восстание 1846 г., которое послужило прелюдией к революции 1848 г., придало польскому движению «демократический» характер, на чем

Маркс неизменно настаивал в этот период. Тем не менее Маркс и Энгельс были не слишком довольны тем местом, которое занимала Польша в революционной схеме. Их не всегда последовательные высказывания по этому вопросу, собранные Рязановым, см. в: «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Leipzig, 1916, VI, S. 175—221.

9. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, с. 422.

10. Заявление от 13 февраля 1848 г. подписали трое, и одним из этих троих был Маркс. В заявлении выражалось удовлетворение по поводу «тесного союза между народами Ирландии и Великобритании», а также по поводу возможности «побороть тот предрассудок, в силу которого ирландский народ испытывает общую ненависть как к угнетенным классам Англии, так и к угнетателям обеих стран, не делая различия между ними» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 531).

11. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, с. 289—306.

12. Особенно в статье от 17 июня 1848 г., где тем не менее сказано также, что угнетение со стороны немцев толкнуло чехов «на сторону русских, на сторону деспотизма против революции» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, с. 85).

13. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 260.

14. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, с. 315—316.

15. Там же, т. 31, с. 318; т. 32, с. 337. Ленин впоследствии писал: «Политика Маркса и Энгельса в ирландском вопросе дала величайший, донные сохранивший громадное практическое значение, образец того, как должен относиться пролетариат угнетающих наций к национальным движениям» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 307).

16. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, с. 187.

17. Там же, с. 193.

18. «International Socialist Workers and Trade Union Congress, London, 1896» (n. d.), p. 31.

19. Примечательно, что претензии Финляндии к России, о которых мир узнал после 1905 г., обсуждались не на основе абстрактного права на самоопределение, а на основе конституционного закона Российской империи.

20. Плеханов в своих замечаниях, говоря об этом пункте ленинского проекта Программы, предложил заменить слово «государство» словом «империя», чтобы он относился только к царскому режиму, а также с целью избежать утверждений такой политики будущей буржуазной или социалистической республики, которая могла бы означать расчленение России. Ленин не согласился с этим ограничением («Ленинский сборник». М., 1924, т. II, с. 144).

21. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 115.

22. Благодаря широкому распространению немцев в Европе, германские концепции по национальному вопросу имели скорее личную, чем территориальную основу. Депутаты Франкфуртского национального собрания в 1848 г. представляли не какие-либо территории, а немецкие общины, которые иногда являлись меньшинствами на тех территориях, где они проживали. Было даже высказано предложение, хотя и не принятое, пригласить делегатов от немецкой общины в Париже.

23. «КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 13.

24. «Второй съезд РСДРП (Протоколы)». М., 1959, с. 320; см. главу 2.

25. «КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 204—205.

26. В дальнейшем Сталин подробно остановился на этом вопросе: «Тип организации... накладывает неизгладимую печать на всю духовную жизнь рабочего... Организуясь на основе национальности, рабочие замыкаются в национальные скорлупы, отгораживаясь друг от друга организационными перегородками. Подчеркивается не общее между рабочими, а то, чем они друг от друга отличаются. ...национальный федерализм в организации воспитывает в рабочих дух национальной обособленности» (И. В. Сталин. Соч., т. 2, с. 365).

27. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, с. 104. Сталин на том же основании критиковал армянских социал-демократов (И. В. Сталин. Соч., т. 1, с. 37).

28. Принцип, провозглашенный Лениным, был принят на Версальской конференции по мирному урегулированию в 1919 г. Национальное самоопределение подразумевало право национальной группы на отделение от существующего

государства и прикрепление ее к другому или образование ею собственного государства. Однако там, где по тем или иным причинам национальная группа не могла осуществить свое право на отделение, она в дальнейшем не могла быть признана группой, хотя каждому ее члену в отдельности, согласно «договорам с меньшинствами», гарантировались политические и гражданские свободы и равенство прав.

29. В собрании сочинений Сталина (*И. В. Сталин. Соч.*, т. 2, с. 290—367) эта работа помещена под заглавием «Марксизм и национальный вопрос».

30. Ленин в то время полностью одобрял эти взгляды. Он нашел, что «экономическая основа» национальных движений состоит в том, что «для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией», и полагал, что национальное государство является поэтому «для всего цивилизованного мира — типичным, нормальным для капиталистического периода» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 25, с. 258—259).

31. В качестве примера реакционного подтекста культурной автономии Ленин говорил о том, что «в Америке в южных, бывших рабовладельческих, штатах до сих пор выделяют детей негров в особые школы, тогда как на севере белые и негры учатся вместе» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 24, с. 175).

32. Следует добавить, что тех же взглядов придерживались первые русские радикалы и революционеры от Пестеля до Чернышевского. Почти все они резко отрицательно или равнодушно воспринимали националистические требования.

33. Те, кто не имеет доступа к польским документам, могут найти лучший отчет об этом споре, сделанный польским автором в статье, опубликованной в журнале «Пролетарская революция» («Пролетарская революция», 1927, № 2—3 (61—62), с. 148—208).

34. «*Neue Zeit*», Vienna, XIV (1895—1896), ii, 176—181, 206—216.

35. *Ibid.*, XIV, ii, 484—491, 513—525.

36. Статья Ленина, явившаяся ответом Розе Люксембург — «О праве наций на самоопределение» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 25, с. 255—320), — не была опубликована до весны 1914 г. Некоторые использованные в этой статье доводы появились в предыдущих статьях, опубликованных в конце 1913 г.: «О национальной программе РСДРП» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 24, с. 223—229) и «Критические заметки по национальному вопросу» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 24, с. 113—150). В этот период Ленин усиленно занимался национальным вопросом.

37. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 25, с. 316.

38. Там же, с. 69—70, 289—294.

39. Аналогичное высказывание встречается дважды в статьях Ленина, написанных в этот период (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 24, с. 248—249; т. 25, с. 282—283). Троцкий впоследствии говорил: «Стремление господствующей нации удержать status quo нередко окрашивается в цвета сверхнационализма, как стремление победоносной страны удержать награбленное добро принимает форму пацифизма» (*Л. Троцкий. История Русской революции. Берлин, 1933, т. II, ч. 2, с. 50*).

40. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 24, с. 227—228.

41. «КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 446—447.

42. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 27, с. 61.

43. Там же, с. 252—266; т. 30, с. 30.

44. Там же, т. 30, с. 53.

45. Там же, с. 17—58.

46. Там же, т. 7, с. 235.

47. Там же, т. 24, с. 124.

48. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 2, с. 308.

49. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 23, с. 316.

50. Там же, т. 24, с. 131.

51. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 2, с. 362.

52. Там же, с. 309.

53. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 27, с. 252—266.

54. Там же, с. 299—426.

55. Там же, т. 30, с. 54.

56. Сталин писал много времени спустя, что Ленин в октябре 1916 г. в статье «Итоги дискуссии о самоопределении» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 17—58*) «говорил, что основной пункт национального вопроса о праве на самоопределение перестал составлять часть обще-демократического движения, что он уже превратился в составную часть обще-пролетарской, социалистической революции» (*И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. М., 1933, 9-е изд., с. 183*). Статья Сталина (*И. В. Сталин. Еще раз к национальному вопросу*), в которую входил этот отрывок, впервые была опубликована в журнале «Большевик» («Большевик», № 11—12, 30 июня 1925 г.), но была исключена из более поздних изданий «Вопросов ленинизма» и из собрания сочинений. Отрывок цитируется не текстуально. Он неплохо передает смысл статьи Ленина в ретроспективе, но на деле в словах Ленина не было такой определенности.

57. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 45.*

Э. КАРР
ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

1

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1917—1923

Том 1

Художник *Ю. Н. Егоров*
Технический редактор *Л. Н. Шупейко*
Корректор *Н. И. Шарганова*

Сдано в набор 26.10.88.
Подписано в печать 06.12.1988 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 24,5. Уч.-изд. л. 29,16.
Изд. № 24/44503

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
119847, Зубовский бульвар, 17

